

Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики

Сборник статей научной конференции Выпуск 1

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Кафедра китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков

Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики

Сборник статей научной конференции

Выпуск 1

Москва Издательство «МГИМО-Университет» 2019

MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS (UNIVERSITY)

The Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Laotian languages

Chinese Language: Topical Issues of Linguistics, Theory of Translation and Language Education

Collection of scientific papers

Volume 1

Moscow MGIMO University Press 2019 Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводокзведения и лингводидактики: сборник статей научной конференции. Выпуск 1 / А.Н. Алексахин, Г. Терол, Г.Б. Дудченко [и др.]; под редакцией Е.В. Сениной; вступительное слово О.А. Масловец; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков — Москва: МГИМО-Университет, 2019. — 283, [2] с.

В первом выпуске сборника научных статей публикуются работы российских, европейских, китайских ученых, исследующих актуальные проблемы китаистики в рамках языкознания, переводоведения и лингводидактики.

Сборник адресован широкой аудитории читателей: научным сотрудникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, студентам, а также тем, кто интересуется проблемами китайского языкознания, переводоведения, китайской литературы и лингводидактики.

The 1st issue of the collection of scientific articles publishes the works of Russian, European, and Chinese scholars exploring the current problems of Chinese in the framework of linguistics, translation studies and language education.

The collection is addressed to a wide audience of readers: researchers, teachers of higher and secondary educational institutions, schoolteachers, students, and those interested in the problems of Chinese language learning, translation studies, Chinese literature and language education.

ISBN 978-5-9228-2189-6

УДК 811.581 ББК 81.2Кит

Приветственное слово

18 апреля 2019 г. в МГИМО состоялась Первая международная научнопрактическая конференция «Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики».

Конференция была организована кафедрой китайского, вьетнамского, тайского, лаосского языков при поддержке Фонда развития МГИМО, Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития.

Целью конференции был обмен результатами научной работы, педагогическим и исследовательским опытом; укрепление международного сотрудничества в области науки и образования, расширение научных и общественных связей между ведущими вузами и научными институтами, занимающимися проблемами китайской лингвистики и лингводидактики.

В конференции приняли участие более 70 ведущих российских и иностранных ученых-китаистов, преподавателей китайского языка из таких учебных заведений, как Высшие курсы иностранных языков МИД России, Военный университет Министерства обороны РФ, Санкт-Петербургский государственный университет, Невский институт языка и культуры, Российский новый университет, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета, Иркутский государственный университет, Московский государственный лингвистический университет, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российский университет дружбы народов, Институт лингвистики Российского государственного гуманитраного университета, Институт иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Московский государственный областной университет, школа № 1948 с углубленным изучением китайского языка, а также представители вузов Украины, Китая, Испании, Армении, Южной Кореи.

Конференцию открыл кандидат филологических наук, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО МИД России, профессор кафедры немецкого языка Евтеев Сергей Валентинович. В своем выступлении он сказал, что последние несколько десятилетий в России наблюдается активный рост интереса к изучению китайского языка. За последние годы отношения стратегического партнерства между Россией и Китаем получили огромное развитие как в сфере высшего образования, так и в сфере научноконструкторской деятельности. В данный момент 150 российских вузов поддерживают партнерские отношения с 600 китайскими вузами в сферах, обладающих стратегическим значением для обеих стран. МГИМО также осуществляет активное взаимодействие с КНР и поддерживает партнерские отношения с рядом китайских вузов.

История китаеведения в МГИМО связана с такими именами известных китаистов, как Б.С. Исаенко (в соавторстве с И.И. Советовым-Чэн им был написан первый в СССР учебник китайского языка); В.И. Горелов (труды по грамматике, лексикологии и стилистике китайского языка); Ю.В. Рождественский; В.М. Солнцев (впоследствии директор Института языкознания РАН);

М.Г. Прядохин – блестящий переводчик и исследователь китайского языка («Краткий словарь трудностей китайского языка» и «Краткий словарь недоговорок-иносказаний китайского языка»); А.В. Котов (первый разработчик методики преподавания иероглифической письменности, «Русско-китайский словарь», «Китайско-русский словарь-минимум); А.Ф. Кондрашевский (автор **учебников** «Практический курс китайского «Общественноязыка», политический перевод» и «Китайский язык для делового общения», а также автор «Практического учебного китайско-русского словаря»); И.В. Войцехович («Общественно-политический перевод»), А.Н. Алексахин (автор первого в России курса «Теоретическая фонетика китайского языка» (Базовый курс теоретической фонетики современного китайского языка путунхуа); «Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово» и др.

Нынешний год стал юбилейным в истории российско-китайских отношений. В 2019 г. отмечается 70 лет со дня установления дипломатических отношений двух стран – России и Китая. Кульминационным моментом сотрудничества в области образования стало введение ЕГЭ по китайскому языку. Кафедра китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО в этом году отмечает своё 65-летие.

На открытии конференции также выступил первый секретарь Посольства Китайской Народной Республики Цай Хуэй, которая отметила важность и необходимость проведения научных мероприятий подобного формата.

На пленарном заседании выступили с докладами: доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, председатель организационного комитета конференции Алексахин Алексей Николаевич. Тема доклада «Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа», профессор, заведующий кафедрой Восточно-Азиатских исследований Dr. Gabriel Terol Rojo с докладом «Present & Future relations between Spain and Sinology in the framework of East Asian Studies: Demystification Vs. Traditionalism in teaching Chinese language», доктор педагогических наук, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Гурулёва Татьяна Леонидовна с докладом «Объекты исследований синологической лингводидактики», кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета Колпачкова Елена Николаевна с докладом «О современных подходах к описанию частей речи в китайском языке».

Работа конференции была организована в рамках четырех секций. Секция № 1 «Актуальные вопросы китайского языкознания», Секция № 2 «Межкультурная коммуникация», Секция № 3 «Актуальные направления исследований китайской литературы», Секция № 4 «Вопросы восточной лингводидактики: научный традиционализм и инновационность в обучении китайскому языку».

Конференция прошла в конструктивном ключе, участники выступили с актуальными докладами, которые вызвали большой интерес и оживленные дискуссии.

По окончании работы секций также прошел Круглый стол по вопросам актуальных направлений преподавания китайского языка в свете современных образовательных парадигм, на котором обсудили широкий круг вопросов.

Организаторы выражают огромную признательность всем участникам конференции за проявленный интерес и активное участие.

О.А. Масловец

Актуальные вопросы китайского языкознания

ЗВУКОБУКВЕННЫЙ СТАНДАРТ СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА

Алексахин А.Н., д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Москва. Россия

SOUND LETTER STANDARD WORD OF CHINESE MANDARIN

Aleksakhin A., Doctor in Philology Sciences, Professor, Head of the Department of Chinese, and Vietnamese, Laotian and Thai Languages of MGIMO University, Moscow, Russia

Аннотация. Понятие «звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа» обусловливается существованием иероглифического стандарта слова этого языка. Со времени опубликования в 1958 г. проекта записи слов китайского языка буквами китайского алфавита слова китайского языка обрели две письменные формы: традиционную идеографическую и инновационную фонографическую. В КНР сложилась уникальная ситуация функционирования двух видов письменностей: 一语双文 yī yǔ shuāng wén «один язык — две письменности».

Ключевые слова: слово, иероглиф, буква, письменность, алфавит.

Abstract. The concept of the sound-letter standard of the Chinese word is determined by the existence of the hieroglyphic standard of the word of this language. Since the project of writing Chinese words with the letters of the Chinese alphabet was published in 1958 year, the words of the Chinese language have acquired two written forms: the traditional ideographic and innovative phonographic. China has developed a unique situation of the functioning of two types of writing: $\neg i \exists X \not X y i y i y i shuang wén "one language-two writing".$

Keywords: word, character, letter, writing alphabet.

Слово, являясь центральной единицей языка человека, имеет план содержания (значение) и план выражения (звучание). Это двусторонняя единица языка. Иероглифическая письменность китайского языка, использование которой насчитывает много веков, основывается на обозначении значения слова. Это идеографическая письменность (от греч. idea — идея, значение и grapho — писать). Простейшими идеограммами являются иероглифы для обозначения числительных от одного до трёх: —, —, —, Значение приведённых числительных обозначается количеством черт. Второй вид письменности китайского языка фонографический (от греч. phone — звук и grapho — писать) был разработан китайскими лингвистами и введён в социальное использование в 1958 г. в

рамках Проекта записи слов китайского языка путунхуа буквами китайского алфавита. В основу звукобуквенной письменности китайского языка положен принцип фонематичности [Чжоу Югуан, 2011, 12–14; Чжоу Югуан, 2013, 7]. Это означает, что каждый звук речи, из которых состоит слово, должен быть обозначен отдельной буквой или комбинацией букв. Принципиальное различие идеографической и фонографической письменностей китайского языка путунхуа демонстрируется в следующей таблице.

Иероглифическая и буквенная запись слов китайского языка в Нормативном словаре современного китайского языка

План содержания (значение) ↓ Иероглиф (идеографическая письменность)

«Нормативный словарь современного китайского Пекин, языка». 2005. C. 19). (现代汉语规范辞 典。北京, 2005年), предназначенный для читателей среднего культурного уровня, включает весь список употребительных иероглифов современного китайского языка в коли-7000 честве знаков И часть не входящих в этот список иероглифов, всего около 13000 иероглифов.

СЛОВО (единство значения и звучания) ↓ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Количество слов в принципе бесконечно, но относительно ограничено активно используемым словарным запасом. «Нормативный словарь современного китайского языка» (Пекин, 2005) включает около 68 000 общеупотребительных слов и выражений.

План выражения (звучание) ↓ ↓ Буква (фонографическая письменность)

57 китаизированных букв на основе латинского алфавита. Указанное количество букв по определённым орфографическим правилам обозначая около 68 000 слов и выражений современного китайского языка, создаёт звукобуксамым венный стандарт плавыражения слов этого языка.

Количество букв китайского алфавита определяется количеством фонем или значимых звуков речи в словах китайского языка путунхуа. Многовековые теоретические исследования фонологической системы китайского языка как в рамках традиционной китайской фонологии «иньюньсюэ», так и в рамках фонологии индоевропейского языкознания получили материальное воплощение в создании алфавита и звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа [Алексахин, 2018, 6–13]. Огромное значение Проекта записи слов китайского языка буквами китайского алфавита для лингвистической интеграции китайского социума постоянно подчёркивается в КНР. Так, в юбилейном издании по случаю пятидесятилетия данного Проекта отмечается, что создание и внедрение звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа и информаци-

онная обработка китайских иероглифов по своему научно-техническому значению в XX в. для Китая уступает только разработке атомной и водородной бомбам и запуску искусственного спутника Земли [Чжоу Югуан, 2013, 116]. На правительственном сайте Министерства просвещения КНР размещена информация о том, что 10 мая 2018 г. в Пекине был организован семинар, посвящённый шестидесятилетию опубликования этого Проекта. В семинаре приняли участие заместитель министра просвещения, руководитель государственного рабочего комитета по языку и письменности Ду Чжаньюань 杜 占 元 Dù Zhànyuán, ответственные сотрудники министерства просвещения и государственного комитета по языку и письменности, а также учёные и специалисты, представляющие высшее, среднее и начальное образование. В докладе Ду Чжаньюаня указывается, что разработка, опубликование и продвижение Проекта стали возможными после становления Нового Китая благодаря личному руководству представителями старшего поколения революционеров в лице Мао Цзэдуна 毛泽东 Máo Zédōng (1893–1976), Чжоу Эньлая 周恩来 Zhōu Ēnlái (1898–1976), а также Чэнь И 陈毅 Chényì (1901–1972) и У Юйчжана 吴玉章 Wú Yŭzhāng (1878–1966).

Проект относится к одному из репрезентативных достижений в истории развития китайской культуры, это классический представитель и важный компонент передовой социалистической культуры, это инновационное и основополагающее свершение в деле языка и письменности с китайской спецификой. Проект является благом для общества и служит всему миру, связывает прошлое и настоящее, соединяет Китай с внешним миром. Три масштабные задачи, решаемые в течение этих шестидесяти лет, а именно: продвижение Проекта с упрощением иероглифов и распространение путунхуа внесли существенный вклад в развитие народного образования и повышение общеобразовательного уровня населения, а также эффективно обеспечивали единство нашей страны, национальную консолидацию и общественную стабильность. В докладе подчёркивается, что в настоящее время социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, и это придаёт развитию дела языка и письменности новое содержание и ставит новые задачи и требования, ради того, чтобы пройти «последний километр» на пути осуществления мечты тысячелетий, когда бы люди в поднебесной заговорили на одном языке. Проекта, реализация которого сопрягается с содействием превращения Китая в культурную державу и созданием сообщества человечества с единой судьбой, а также внесением большего китайского вклада великое возрождение народа. [Режим доступа http://www.moe.gov.cn/s78/A18/moe 807/201805/t20180511 335673.html].

Создание звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа (под этим понимается запись слов китайского языка китаизированными буквами или создание буквенных орфограмм слов китайского языка по определённым орфографическим правилам) стало возможным благодаря научному познанию фонологической системы этого языка [Алексахин, 2015, 5–25]. Фонологическая система любого языка человека является уникальной и образует своего рода генетическую систему, состоящую из фонем данного языка. Фонемами

являются звуки речи данного языка, которые образуют и различают звуковые стороны слов данного языка. В китайском языке путунхуа артикуляция гласных отличается от русского тем, что гласные дифференцированы по укладам голосовых связок, поэтому для обозначения связочно-дифференцированных гласных китайского языка путунхуа требуются китаизированные буквы. На примере широкорастворной гласной артикуляции пять а-образных букв: ā, á, ă, à, а. Именно такие китаизированные буквы используются в офограммах слов китайского языка путунха. Например, в словах предложения Ма́ mā mà ma ? «Мама Ма бранит лошадь? В предложении пять слов: mā «мама», Ма́ «имя», mà «бранить, ругать», mã «лошадь», ma «вопросительная частица». Это предложение в иероглифической записи состоит из пяти иероглифов: 麻妈骂马吗? Пятью иероглифами обозначаются пять простых слов.

Информационная обработка китайских иероглифов в компьтерных технологиях неотделима от буквенного стандарта слова китайского языка путунхуа. Ввод и вывод иероглифического стандарта слова осуществляется на основе буквенного стандарта слова с помощью стандартной клавиатуры латинских букв. Фактически в КНР сложилась уникальная ситуация «один язык две письменности» 一语双文 yīyǔ shuāngwén. Идеогрфическая письменность основная, фонографическая вспомогательная. Как образно пишут китайские специалисты: «Древние китайские иероглифы, окрылённые буквами, летят в мир, летят в будущее!». Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа с 1982 г. признаётся международным стандартом в обозначении имён собственных. С 1982 г. технология информационной обработки и обоюдной конвертации иероглифического и звукобуквенного стандарта слова постоянно совершенствовалась, получая всё большее международное признание всё большим числом стран, в том числе и Россией. Последний вариант, принятый Международной организацией стандартов в 2015 г., имеет код ISO 7098 : 2015. Иероглиф и буква неразрывно связаны в технологиях современной интернет-коммуникации, где обе письменные формы слова - традиционная идеографическая и инновационная фонографическая автоматически взаимно конвертируются в зависимости от информационной потребности коммуникантов и озвучиваются по фонетическим нормам современного китайского языка путунхуа. немой» – китайский иероглиф (так образно называли иероглиф иностранные китаеведы в XIX и начале XX в.) благодаря звукобуквенному стандарту слова китайского языка для всего мира заговорил звуками пекинской речи, являющимися объективной основой фонологической системы путунхуа – государственного языка КНР. Китаизированные буквы звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа за 60 лет своего легитимизированного существования проникли во все поры социальной жизни современного Китая. И лозунг «Вера в свою культуру» 文化自信 wénhuà zìxìn, провозглашённый в КНР в XXI в. в новую эпоху строительства социализма с китайской спецификой, подкрепляется верой и в свои иероглифы и свои буквы в орфограммах слов китайского языка путунхуа.

Список использованных источников:

- 1. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква. Фонема. Звук речи. Слог. Слово. 60 лет китайскому алфавиту / А.Н. Алексахин. М.: ВКН, 2018. 212 с.
- 2. Алексахин А.Н. Китайские фонологические системы в межцивилизационном контакте Востока и Запада / А.Н. Алексахин. М.: ВКН, 2015.
- 3. Чжоу Югуан. 孔子教拼音. 北京. 2011. 195 页. (Конфуций преподаёт пиньинь. Пекин. 195 с.
- 4. Чжоу Югуан. Собрание сочинений / Югуан Чжоу. Пекин, 2013. Т. $1.-420~\mathrm{c}$.
- 5. 汉语拼音 50 年。北京语文出版社。2009。121 页。(Пятидесятилетие фонетического алфавита китайского языка. Пекин: Юйвэнь, 2009 121 с.)
 - 6. http://www.moe.gov.cn/s78/A18/moe 807/201805/t20180511 335673.html

PRESENT & FUTURE RELATIONS BETWEEN SPAIN AND SINOLOGY IN THE FRAMEWORK OF EAST ASIAN STUDIES: DEMYSTIFICATION VS. TRADITIONALISM IN TEACHING CHINESE LANGUAGE

Terol G., Assistant Professor, East Asian Studies Unit – University of Valencia, Valencia, Spain

НАСТОЯЩИЕ И БУДУЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И СИНОЛОГИЕЙ В РАМКАХ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: РАЗВЕИВАНИЕ МИФОВ ОБ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СРАВНЕНИИ С ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ

Терол Г., д. филос. н., профессор Отделение Восточно-Азиатских исследований факультета филологии, перевода и коммуникационных наук, Валенсийский Университет, Валенсия, Испания

Аннотация. В условиях международного интереса к установлению конструктивных отношений с Китаем, статья раскрывает общий обзор целей испано-китайских отношений. Из культурных связей, взятых за стратегические цели, выделяется полезность демистификации изучения китайского языка, свободная от мифов и экзотизма. В конечном итоге, это научная презентация против ориентализмов до сих пор живущих в народном понимании, которые подлежат демистификации и деориентализации в стиле представлений Эдварда Саида, связанных с китайской культурой, представляющих её как герметичную и непроницаемую, или если говорить о китайском языке, его адамического происхождения или его лингвистической сложности.

Ключевые слова: синология, синусизм, китайский язык, испано-китайские культурные связи.

Abstract. In the context of international interest in establishing constructive relations with China, a general brief of the objectives of Spanish-Chinese relations is developed. From its cultural implications, the usefulness of a demystification of teaching Chinese language, far from mystification and exoticism, stands out. Ultimately, an academic explanation against still latent orientalisms in popular understanding to demystify and to de-Orientalize, saidian style, conceptions associated with Chinese culture, as hermetic and inaccessible, or related to Chinese language, its adamical origin or its linguistic difficulty.

Keywords: Sinology, Sinicity, Chinese Language, Hispanic-Chinese cultural relations.

In the context of the international interest to establish productive relations with China, a brief summary of the parallelisms of these relationships and their interesting strategic implications between the international power represented by Russia and the interests of Spain can serve as an introduction in this work.

On the one hand, it seems quite evident that the link between Russia and China in the international order is being strengthened, even with the growing competitiveness of the countries of Central Asia and the Near East. The end of the twentieth century and the beginning of the XXI raises the deterioration of American unipolarity in the international order and the configuration of a new international order appears as the political and economic challenge of the present. Two opposing views appear among Western analyzes of relations between Russia and China [Milosevich-Juaristi, 2019]: one of them would be that distrust between both powers could slow down their significant strategic links; while the other would be that the considerable ties between Moscow and Beijing would favour an alliance capable of confronting that of the US and the EU. However, it is latent that the link between Russia and China, far from being a mere marriage of convenience, is a strategic, complex, resistant and profound link [Fu, 2015].

On the other hand, since 1980 relations between Spain and China have experienced a spectacular development in all areas. In a context of pronounced changes that democracy has established in Spain and which reach its foreign and economic policy with solid social changes [Chislett, 2018], it is evident that from this first one, relations with China are noticeably important and strategic. Based on the trade, investment and service figures maintained by the Asian giant with the EU, Spain understands that it can do more to take advantage of Chinese opportunities. In this sense, the humble initial exchanges should not be understood as a delayed attention of the Spanish interest in China, but rather as a consequence of the smaller size and technological profile of Spanish companies, their traditional limited experience in internationalization in those years and their preferred choice for geographically and culturally closer markets. Therefore, the mature system of Spanish science and technology, dominant in some technological sectors and research centres despite their government investment, 1.19%, less than 2% European GDP, is interesting for the Asian giant. However, "it is a more accurate image of what the other party can offer and of the benefits that bilateral collaboration can bring", the key to go into detail about this scientific and strategic collaboration [Esteban, 2018b].

For these strategic interests it is very important not to forget the Spanish legacy in Asia [Lledó, 2018]. The discovery of the Pacific Ocean, Mar del Sur, by Núñez de Balboa in 1513; Magallanes-ElCano's first great expedition, 1519-1522, with which the great ocean will be baptized as the Pacific in 1920; García Jofre de Loaisa's expedition in 1526 and Urdaneta-Legazpi's one in 1564–1565 to consolidate the "Vuelta del Poniente" (Return from the West), from the Philippine Islands to the New World. It is also very important to mention the "Manila Galleon", a maritime service which was created to satisfy the communication needs of Manila inhabitants and would become the longest maritime commercial route in the history of maritime navigation. Undoubtedly, a worldwide inheritance which was the responsibility of the Iberian pioneers of the period between the fifteenth and sixteenth centuries.

In this context, cultural relations between Spain and China should follow the heritage of success and global relevance of their pioneers and, in fact, the signing in 2005 of the strategic cultural association agreement between both countries predicts many successes, mainly around the public and cultural diplomacy of both and, remarkably, the importance of Spanish and Chinese as global languages [Badillo, 2017]. The increase of Chinese tourism in Spain stimulates interest in Spanish culture and its language, but in exchange, Spanish education policies and international strategic investment reports already warn of the need to promote an academic, correct and effective knowledge of Chinese culture and language that promotes solid and competent relationships.

Recalling the point of view of a cosmopolitan history, the one that, according to Kant, "it should adopt as the only criterion the one of a better world and make worthy of the memory of posterity only those actions which concern the prosperity of the entire human race", it is possible to start our approach from the Chinese perspective recognizing that their "current educational conditions" stand out comparatively due to the high governmental commitment to them and, in short, for emphasising that education has been a priority for the Chinese government in its process of social and economic development. The transfer of knowledge in contemporary societies from centres of specialization, research and, in short, universities – perhaps these last ones with a rethinking of their structures – seem to be very important objectives for Education in scientific terms. The Chinese educational model currently offers a unique common place for reflection and comparison of educational policies, taking into account its results regarding efficiency, and it is unavoidable to understand the sinic model which is in its background, authentic incentive of socialization and identity. It is needless to mention "the Double Superior University Plan" created to develop, again and entirely, a selection of Chinese elite universities and strategic departments, programme launched in 2015, heir to the governmental projects called "Project 211" and "Project 985" launched in 1995 and 1998 respectively, without forgetting the socalled "C9 League", hosting the nine Chinese universities with the greatest national importance and influence in its ranks [Terol, 2018].

Along these lines, and in the Spanish field, it is necessary to mention several issues. On the one hand, the creation of the Spanish Association of East Asian Studies in 2016 as a non-profit organization with the main objective of promoting, stimulating and encouraging the study and research on East Asia in Spain and to whose Board of Directors the author of this paper belongs. As well as the creation, by this same author, of the Valencian Academic Association of Studies of Asia and Africa, created in the current year and which, as a non-profit academic group of teaching and research, has been created to be committed to the study, teaching and academic research of all public universities of the Valencian community in all areas of specialization, both in cultural and economic relations as well as in languages, literatures and traditions of religious and philosophical thought in Asia and Africa, and which is committed to establishing relationships and academic alliances with institutions of similar international nature.

On the other hand, we must also point out the Spanish government's commitment to encourage and improve relations with China and that is why it consciously

promotes a greater and better cultural and linguistic knowledge of the Asian country. In that sense, and among the recommendations which the annual report of the ElCano Royal Institute highlights we find No. 22: "The need to escape from stereotypes, especially when these are false, to advance in Spanish-Chinese relations, also applies to the media treatment that is sometimes done in Spain of the Chinese community in our country and of their country of origin" [Esteban, 2018^a].

In that sense, one issue is highlighted and relevant and it is the need to demystify and de-stereotype Chinese society, people and culture from academic institutions. In particular, the contribution for that purpose is related to the study and teaching of the Chinese language which de-orientalises it following the Saidian style and which demystifies it following the DeFrancis style seems a good strategy. The important issues to sustain a Demystification vs. Traditionalism should go through: understanding what standard Chinese language means, Chinese orthographies, Simplification, Bilingualism/Diglossia/Digraphia. And the traditional myths associated with the Chinese language: Pictography, Logography, Writing, Agramaticality or its uniqueness [DeFrancis, 1984].

In short, a modernization of the understanding of the language and by extension of the Chinese culture and society that, surely, will make possible an improvement in the mutual relations and the prosperity of the human race.

List of the sources used:

- 1. Badillo A. La lengua y la cultura en la relación de España y China. Work Documents-Royal Institute ElCano 5, 2017. (2/3/2017).
- 2. Casas-Tost H. and Rovira-Esteva, S. Orientalism and Occidentalism: Two Forces behind the Image of the Chinese Language and Construction of the Modern Standard. Journal of Multicultural Discourses 4 (2), 2009. pp. 107–21.
- 3. Chislett W. Forty years of democratic Spain Political, economic, foreign policy and social change, 1978-2018. Working Paper-Royal Institute ElCano 1, 2018.
- 4. DeFrancis J. The Chinese Language: Fact and Fantasy. Hawaii: University of Hawaii Press, 1984.
- 5. Dong Hongyuan. A History of the Chinese Language. Milton Park/Abingdon/Oxon: Routledge, 2014.
- 6. Esteban M. Relaciones España China. Reports-Royal Institute ElCano 24, 2018a.
- 7. Esteban M. and Ortega, A. Perspectivas de cooperación científica y tecnológica entre España y China. Comments-Royal Institute ElCano 36, 2018b. (25/06/2018).
- 8. Fu Y. How China sees Russia. Beijing and Moscow are close, but not allies. Foreign Affairs, 14/XII/2015.
- 9. Gao Mobo C. F. Mandarin Chinese. An Introduction. Melbourne/Oxford: Oxford University Press, 2000.
- 10. Gu Y. Chinese. Encyclopedia of Language & Linguistics, 2. Edited by E K Brown. Amsterdam: Elsevier, 2006. pp. 343–350.

- 11. Kane D. The Chinese Language: Its History and Current Usage. North Clarendon: Tuttle Publishing, 2006.
- 12. Liu J, and Hongyin T. Chinese under Globalization: Emerging Trends in Language Use in China. Edited by Hongyin Liu, Jin; Tao. World Scientific. Singapore: World Scientific, 2012.
- 13. Lledó E. El legado español en Asia. Comments-Royal Institute ElCano 12, 2018. (9/2/2018).
- 14. Milosevich-Juaristi M. Oso y dragón: el vínculo estratégico entre Rusia y China en el orden internacional post unipolar. ARI-Royal Institute ElCano 1, 2019. (4/1/2019).
- 15. Rovira-Esteva S. La Lingüística no tiene quien le escriba o 10 años de soledad. Condiciones para la investigación en Lingüística china en España: Historia reciente y perspectivas. La Investigación sobre Asia Pacífico en España. Granada 2006, edited by Pedro San Ginés. Granada: Editorial de Granada, 2007. pp. 55–75.
- 16. Terol Rojo G. Sinidad/Sinización & Educación: una aproximación a la Filosofía de la Educación en China. Revista Fermentario 12(2), 2018. pp. 144–160.

СИСТЕМА «И-ШИ-КОУ-ЧЖУН» И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ В КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Дудченко Г.Б., доцент, ЧОУ ВО «Невский институт языка и культуры», Санкт-Петербург, Россия

SYSTEM "YI-SHI-KOU-ZHONG" AND ITS APPLICATION IN CHINESE LEXICOGRAPHY

Dudchenko G., Associate professor, Nevsky Institute of Language and Culture, Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена системе поиска китайских иероглифов в словарях. Данная система основана на четырех разрядах иероглифов, которые выделяются по наличию или отсутствию определенных признаков.

Ключевые слова: словарь, лексикография, китайский язык, китайские иероглифы.

Abstract. The paper is devoted to the search system of Chinese characters in dictionaries. This system is based on four categories of characters, which are distinguished by the presence or absence of certain features.

Keywords: dictionary, lexicography, Chinese language, Chinese characters.

Применительно к словарям китайского языка постоянно возникает один и тот же вопрос — как найти иероглиф по его внешнему виду? К настоящему времени сложилось несколько систем, в которых иероглифы распределены по тем или иным графическим признакам в основной части словаря либо в указателях.

Ключевая система основана на том, что в иероглифах выделяются определённые конфигурации линий, имеющие своё значение. Таких ключей насчитывается чуть более двухсот, обычно 214. Многие китайско-русские словари, составленные с использованием ключевой системы, изданы в XXI в. Их авторами либо редакторами становились А.Ф. Кондрашевский, С.М. Иванов, К.Е. Барабошкин и другие. Однако ключевая система является не единственной.

Графическая система О.О. Розенберга также задействована в относительно недавних изданиях. Поиск иероглифов в них ведётся по типу черты, располагающейся в правом нижнем углу. По данной системе составлен китайскорусско-английский словарь Джона Барлоу, в нём сказано, что в основу взят «Карманный китайско-русский словарь» Н.С. Араушкина и Б.Я. Надточенко.

В китайско-русском словаре-минимуме А.В. Котова поиск иероглифов в указателе ведётся по типу черты, которая записывается первой, и далее по общему количеству линий в иероглифе. Применяется в китайской лексикографии и система поиска по четырём углам, которую в 20-х гг. XX в. разработал Ван Юньу.

Принципиально новой по отношению к ним является система, в которой все иероглифы делятся на четыре разряда по наличию или отсутствию в них двух признаков — пересекающихся линий и замкнутых прямоугольных элементов.

Первые публикации на эту тему появились в 2000 г. в сборниках материалов молодёжных научных конференций, прошедших в Новосибирске и Владивостоке. В 2003 г. статья о системе четырёх разрядов была опубликована в Благовещенске в серийном издании «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». В 2018 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Реноме» вышел в свет первый словарь, составленный по данной системе – «Китайско-русский словарь по системе четырёх разрядов».

Суть представляемой классификации знаков состоит в следующем.

В иероглифах первого разряда нет ни того, ни другого признака – ни пересечений черт, ни замкнутых прямоугольных элементов. Примеры таких иероглифов: 万, 记, 贡, 逃, 家, 流.

В иероглифах второго разряда есть, по меньшей мере, одно пересечение, но нет прямоугольных замкнутостей. Несколько таких примеров: 风, 先, 传, 季, 制, 获.

В иероглифах третьего разряда нет ни одного пересечения линий, но имеется хотя бы один замкнутый прямоугольный элемент. Несколько примеров таких иероглифов: 可, 听, 肖, 绝, 昭, 崩.

В иероглифах четвертого разряда есть оба признака – и пересечения, и прямоугольные замкнутости. Примеры: 吉, 和, 兔, 胸, 罢, 遛.

В данной системе распределения иероглифов обращают на себя внимание несколько интересных закономерностей. Одна из них связана с минимальным количеством черт в иероглифах.

Для того, чтобы изобразить иероглиф первого разряда потребуется всего одна черта. Это, к примеру, иероглиф —. Чтобы изобразить иероглиф второго разряда, потребуется, по меньшей мере, две черты. Таков иероглиф +. Для третьего разряда потребуется три черты. Это иероглиф \square . Наконец, для изображения иероглифа четвёртого разряда потребуется четыре черты. Наглядным примером служит иероглиф +.

Если расположить эти симметричные по центральной вертикальной оси иероглифы в ряд, то получится "-, +, \square , +". Отсюда другое название системы четырёх разрядов – «и-ши-коу-чжун».

Для поиска иероглифа по его виду в «Китайско-русском словаре по системе четырёх разрядов» требуется определить разряд, далее подсчитать сумму перекрестий и замкнутых прямоугольных элементов. Для иероглифов первого разряда это действие, соответственно, не производится. Далее в словаре иероглифы группируются по количеству черт и по признаку наличия или отсутствия элементов, симметричных по центральной вертикальной оси. Как показывает практика, поиск удобно вести по колонтитулам, в которые внесены данные простые показатели в виде индексов групп иероглифов.

Индексы групп выглядят следующим образом: римской цифрой обозначен разряд, затем в скобках первым числом — сумма перекрестий и прямоугольных замкнутостей, после знака дроби — число линий в иероглифе, за скобками — знак «плюс», означающий, что в иероглифе есть, по меньшей мере, один графический элемент, который симметричен по центральной вертикальной оси, или «минус», означающий, что ни одного такого графического элемента в иероглифе не имеется.

Для иероглифов первого разряда в скобках указывается только количество черт: $\stackrel{.}{=}$ - I(5)+; $\stackrel{.}{\otimes}$ - I(10)-. Примеры записей индексов групп для иероглифов второго разряда: $\stackrel{.}{\neq}$ - II(1/6)+; $\stackrel{.}{\otimes}$ - II(4/12)-. Для иероглифов третьего разряда: $\stackrel{.}{\equiv}$ - III(1/7)+; $\stackrel{.}{\leqslant}$ - IV(6/15)-.

При пользовании словарём заметны преимущества системы «и-ши-коучжун». Если иероглиф относится к первому разряду, то для быстрого поиска по колонтитулам книгу следует сразу открыть в начале, если ко второму или третьему — в середине, если к четвёртому — в конце. Кроме того, перед основной частью словаря помещён графический указатель заглавных иероглифов, а после основной части — их фонетический указатель, предусмотренный на тот случай, когда пользователь знает, как иероглиф озвучивается, и удобней отыскать его по алфавиту.

Перспективы применения системы «и-ши-коу-чжун» включают различные лексикографические и другие проекты, связанные с китайским языком. В частности, для электронных устройств как метод ввода иероглифов, слов и фраз, которые они образуют, а также для распознания устройствами иероглифов с последующим машинным переводом или иной обработкой полученной информации.

Список использованных источников:

- 1. Барабошкин К.Е. Китайский язык: Учебный словарь иероглифов. Свыше 2500 иероглифов. 2-е изд. / К.Е. Барабошкин; М.: Живой язык, 2016. 328 с.
- 2. Барлоу Джон С. Китайско-русско-английский словарь. 2-е изд., стер. / Джон С. Барлоу. СПб.: Издательство «Лань», 2003. 416 с.
- 3. Дудченко Г.Б. Китайско-русский словарь по системе четырёх разрядов = 格尔曼 杜德琴科。饿汉俄字典 四类查字法 / Г.Б. Дудченко. СПб.: Реноме, 2018. 648 с.
- 4. Иванов С.М., Ткаченко Е.Ю., Дэн Цзе. Современный китайско-русский словарь / С.М. Иванов, Е.Ю. Ткаченко, Дэн Цзе. М.: Восточная книга, 2011. 496 с.
- 5. Как не заблудиться в китайских словарях. Начальный уровень / сост. М.А. Шеньшина. М.: АСТ Восток-Запад, 2007. –128 с.
- 6. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка / И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.

- 7. Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический учебный китайско-русский словарь / Под. ред. А.Ф. Кондрашевского. М.: Восточная книга, 2011.-720 с.
- 8. Котов А.В. Китайско-русский словарь-минимум / А.В. Котов. М.: Русский язык, 1974.-431 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Лемешко Ю.Г., к. филол. н., доцент, Российский новый университет, Москва, Россия

THE PROSPECTS FOR TEACHING THE INTERPRETATION OF TECHNICAL TEXTS FROM CHINESE INTO RUSSIAN

Lemeshko Y., PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,
Russian New University (ANO VO "RosNOU"), Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлен опыт преподавания перевода технических текстов. Актуальность работы обусловлена их возрастающей важностью.

Ключевые слова: технический текст, перевод, китайский язык.

Abstract. This article provides a generalized experience of teaching the interpretation of technical texts. Relevance of the work is due to the increasing importance of the translation of technical texts.

Keywords: technical text, interpretation, Chinese language.

Интерес российских вузов к дисциплине «Перевод технических текстов на китайском языке» и ее включение в программу преподавания на старших курсах или в магистратуре продиктован контекстом двусторонних отношений РФ и КНР на современном этапе.

Преподавание основ перевода технических текстов ставит целый ряд вопросов, требуемых разрешения как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Возможно, сама постановка вопросов станет точкой отсчета для выработки первоначальных методических рекомендаций. Для нас центральной идеей методики преподавания перевода технических текстов с китайского языка на русский является формирование навыков полного письменного перевода.

Единицей анализа выступает технический текст, обладающий характеристиками заданного жанра письменного макростиля. Основоположник изучения стилистики, Чжан Гун (张弓, 1899-1983), в книге «Стилистика современного китайского языка» среди книжно-письменных стилей выделил научно-технический (кэцзи юйти, 科技语体) [Чжан Гун, 1963]. Актуальным в этом плане является учебник И.В. Кочергина «Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский» [Кочергин, 2017], который на сегодняшний день является единственным учебно-методическим пособием, знакомящим с

лексико-грамматическими особенностями научно-технических и научно-популярных текстов.

Свою задачу мы, прежде всего, видим в определении чёткого критерия отбора текстов, об этом речь пойдёт ниже. Практическим направлением должно также стать создание объемных глоссариев с последующей публикацией их на онлайн площадках для возможности обмена компетентными мнениями. Координация усилий преподавателей, профессиональных переводчиков и отраслевых специалистов поможет в решении основной проблемы - унификации терминологии. Вслед за большинством специалистов, мы считаем, что терминологическая синонимия – крайне нежелательное явление с точки зрения общего языкознания. Работа над глоссариями осуществляется традиционно путем группировки терминов, демонстрацией их контекстуального функционирования, презентацией терминологических эквивалентов. И, наконец, к основным задачам мы относим разработку апробированной системы упражнений, включающей предпереводческие и переводческие задания. Предпереводческие задания, ориентированные на концентрацию фоновых знаний по изучаемой теме, которые необходимы, поскольку без понимания принципов работы оборудования или протекания описываемых процессов технический перевод не состоится.

В данной работе мы остановимся на проблеме отбора текстов для преподавания обозначенной дисциплины. Технический текст, возможно, стоит рассматривать как один из жанров научно-технического стиля. В настоящее время среди китайских лингвистов существуют расхождения в обозначении термине «жанр» (тицай, 题材), авторы монографий и учебников по стилистике выделяют до 50 (!) жанров и «поджанров» в каждом письменном стиле. Размытость определения понятия «жанр» не даёт возможности для однозначных, теоретически выверенных утверждений, поэтому представленные ниже тезисы базируются на эмпирических знаниях о предмете разговора. Технические тексты преимущественно представлены двумя позициями: технической документацией и инструкциями.

Относительно технической документации следует сказать, что содержание, структура и объём тестов зависят от предназначения документов. Перечислим самые распространённые виды.

Техническое задание (*цзишу жэньушу*, 技术任务书) – документ, предназначенный для проведения разработки изделия, техники, оборудования производителем, либо для проведения работ для заказчика.

Техническое требование (*цзишу яоцю*, 技术要求) – документ, отражающий основные требования генерального заказчика к разрабатываемому изделию или оборудованию.

Технический паспорт (*цзишу люйлишу*, 技术履历书) – документ, отображающий технические параметры техники и оборудования и условия эксплуатации.

Технико-экономическое обоснование (кэсинсин яньцзю баогао, 可行性研究报告) – документ, предоставляющий информацию о целесообразности созда-

ния изделия или оборудования. В ТЭО подробно описывается технологический процесс, производственная инфраструктура, характеризуется оборудование.

Проекты (шэцзи фан'ань, 设计方案) и проектно-сметную документацию (чубу шэцзи вэньцзянь, 初步设计文件) мы сочли возможным отнести к техническим текстам, поскольку они отвечают основным характеристикам научнотехнического стиля: специфичная организация текста, чёткость и краткость изложения материала, отсутствие эмоционально окрашенной лексики, функционирование терминов, использование стандартных клишированных грамматических конструкций и т.д. Об этом в свое время писал А.В. Федоров «Чем специальнее текст по своему содержанию, тем выше частотность терминов — по крайне мере, как основная тенденция. В научно-популярных текстах эта частотность, разумеется, гораздо ниже по самому характеру задачи, разрешаемой в них. Для всей этой категории материала характерно отсутствие слов, стилистически окрашенных принадлежностью к тому или иному пласту словарного состава языка (к архаизмам, к просторечию, к поэтизмам и т.д.)» [Федоров, 2002].

По нашему мнению, основной проблемой преподавания основ перевода технической документации на китайском языке, является отсутствие тематических сборников текстов, хрестоматий и любого другого дидактического материала. В открытом доступе подобного рода тексты найти сложно, это связано с вопросами конфиденциальности информации.

Вторая проблема видится в том, что при стандартном распределении учебной нагрузки (4 часа в неделю) возникает трудность в преподавании письменного перевода технико-экономических обоснований, проектно-сметной документации и т.п., объемы которых могут превышать сотни страниц. Контроль письменного перевода ТЭО и других объемных технических документов, требует слишком больших временных затрат. В данном случае можно порекомендовать осуществлять письменный перевод отдельных фрагментов, но при этом встанет вопрос о целостности перевода. В случае, если единицей анализа выступает текст, принцип целостности перевода является одним из основных. Одним из перспективных направлений следует считать создание системы упражнений, которые позволят наглядно «высветить» основные лингвистические и экстралингвистические особенности технической документации на китайском языке.

Как было отмечено, кроме технической документации существует большое разнообразие текстов, передающих информацию о применении и эксплуатации приборов и оборудования. По нашему мнению, это жанр может быть определён как «инструкция по установке, монтажу оборудования» и «потребительская инструкция к товарам». Тексты, написанные в жанре «инструкция» (шоминшу, 说明书) мы рассматриваем как письменное указание императивного типа, предназначенное как для специалистов, так и для широкой аудитории. Безусловно, их содержательная сторона, ориентированная на рекламу для потребителей, а не специалистов, в какой-то степени контрастирует с технической документацией. Отличительной особенностью инструкций является также

включение большого количества иконографических элементов (фотографий, рисунков, схем и т.п.) для решения одной из коммуникативных задач — формирование осведомленности о продукции или оборудовании. Анализ текстов инструкций показал, что половину коммуникативной нагрузки в них могут выполнять иконографические вставки.

Резюмируя вышесказанное, мы настаиваем на том, что для формирования навыков перевода различных по сложности и объему технических тестов необходимо определиться с местом, которое технический текст занимает среди других жанров научно-технического стиля.

Список использованных источников:

- 1 Кочергин И.В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский. Учебник, 2-е изд., испр. / И.В. Кочергин. М., Восточная книга, 2017. 624 с.
- 2 Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 2002. URL: samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteoriiperewoda2002.shtml (Дата обращения: 19.03.2019 22.25).
- 3 Чжан Гун. Сяньдай ханьюй сюцысюэ. Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1963 (Чжан Гун. Стилистика современного китайского языка. Тяньцзинь, 1963). 现代汉语修辞学. 张弓主编. 天津人民出版社, 1963.

КИТАЙСКАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ)

Ленинцева В.А., к. культ. н., доцент, МГПУ, г. Москва, Россия Тохта-Ходжаева М.В., ст. преподаватель, РосНОУ, г. Москва, Россия

CHINESE SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMINOLOGY AND METHODS OF ITS TRANSLATION (BASED ON THE EXAMPLE OF THE PSYCHOLOGICAL TERM SYSTEM)

Lenintseva V., Associate Professor, MCPU, Moscow, Russia Tokhta-Khodzhaeva M., Senior teacher, RosNOU, Moscow, Russia

Аннотация. Несмотря на определенную изученность научно-технической лексики, многие лингвистические аспекты термина пока недостаточно исследованы, чем и диктуется необходимость исследования терминообразования и способов его перевода на материале конкретной терминологической системы. Психологическая терминология является одним из специфических пластов и лексики, который в силу особенностей структурно-семантического, словообразовательного и стилистического характера отличается от общеупотребительных слов и, тем самым, занимает особое место в лексической системе языка. Целью данной работы является анализ способов перевода в современном китайском языке в рамках терминологической системы психологии.

Ключевые слова: психологическая терминология, специфический пласт лексики, исследование терминов, сложности перевода, заимствования.

Abstract. Despite a certain level of knowledge of scientific and technical vocabulary, many linguistic aspects of the term are not yet sufficiently studied. That's why there is the need of researching of terminology and methods of its translation based on the material of a specific terminological system. Psychological terminology is one of the specific layers of vocabulary, which, due to its structural, semantic, word-formative and stylistic characteristics, differs from common words and thus occupies a special place in the lexical system of the language. The purpose of this work is to analyze the methods of translation in modern Chinese within the framework of the terminological system of psychology.

Keywords: Psychological terminology, specific layer of vocabulary, term research, translation difficulties, borrowing.

Развитие науки неизбежно сопровождается появлением специальных слов для обозначения изучаемых объектов. Терминология как совокупность терминов составляет часть специальной лексики. Закономерности формирования и развития специальной лексики в определенной мере характерны и для терми-

нов. Терминология каждой области знания ограничена определённым объемом терминов, так как словесно отражает систему основных ее понятий. В связи с этим большой интерес представляют исследования терминологии у типологически различных языков и способы ее перевода.

Так как основная масса терминов, входящих в психологическую терминосистему, была заимствована из европейских языков, целесообразно остановиться на особенностях перевода иноязычной терминологии на китайский язык [Иванов, 1973, 32–36].

Сложности перевода терминологии с иностранного языка на китайский можно разделить на две группы: сложности, связанные с самим термином, и сложности, возникающие в процессе перевода. Проблемы, связанные с самим термином, имеют две причины: 1) несовпадение понятийных категорий терминов иностранного и китайского языка; 2) смешение сходных переводов иностранных терминов с китайскими терминами. У проблем, возникающих в процессе перевода, также есть две причины: 1) сложность отличить значения терминов с близкой семантикой; 2) возникновение синонимичных терминов.

Практические способы перевода иноязычных терминов на китайский язык можно разделить на четыре подвида:

- смысловой перевод или семантический способ 意译 yìyì;
- фонетический перевод или транслитерация 音译 yīnyì;
- комбинированный перевод 音意兼译 yīnyì jiānyì;
- способ перевода сложносокращенных терминов или аббревиатур 形译 xíngyì [Щичко, 2004, 10].

При переводе терминов-неологизмов, не имеющих ни эквивалентов, ни лексико-семантических вариантов в русском языке, используется либо описательный перевод, либо самим переводчиком создается эквивалент с помощью транскрипции, транслитерации или калькирования.

Рассмотрим перевод терминов психологической направленности с китайского языка на конкретных примерах.

1. 心理学是研究心理现象发生,发展和活动规律的科学。

Психология — наука, изучающая закономерности возникновения психических явлений, их развития и проявления.

В случае с термином 心理学 xīnlǐxué («психология»), при переводе на русский язык был использован уже существующий русский эквивалент, форма которого связана с формой термина-оригинала весьма опосредованно, так как и китайский, и русский термины сами по себе являются заимствованиями из европейских языков.

Термин 心理现象 xīnlǐ xiànxiàng, образованный в китайском языке по модели с атрибутивным типом связи между компонентами, методом семантического калькирования был переведён как «психическое явление».

2. 人的心理,即意识,是心理发展的最高层次,只有人才有意识。

Психика человека, иначе говоря, его сознание — это наивысшая ступень психического развития, присущая исключительно человеку.

Термин 心理 xīnlǐ («психика») также был переведён уже существующим в русском языке эквивалентом после вычленения подходящего по контексту значения из целого ряда значений, указанных в словарной статье, таких как: психика; умонастроение; склад ума; склонность; взгляды; душевная (нервная) деятельность.

Аналогично уже существующим эквивалентам, не связанным по форме с термином на китайском языке, был переведён термин 意识 yìshí – «сознание».

При переводе термина-словосочетания 心理发展 также была использована семантическая калька, при этом из двух синонимичных вариантов в русском языке («психическое развитие» и «развитие психики») был выбран тот, частотность употребления которого более высока.

3. 从人类个体心理的发生和发展上进行研究,构成了发展心理学和儿童发展心理学。

На основе исследований онтогенеза и филогенеза психики человеческих индивидов возникла психология развития и психология развития ребенка.

Термину 个体 gètǐ («индивид») был подобран уже существующий в русской психологической терминосистеме эквивалент (в биологической терминосистеме этот термин был бы переведен как «особь»).

Термины 发展心理学 fāzhǎn xīnlǐxué и 儿童发展心理学 értóng fāzhǎn xīnlǐxué, представляющие собой атрибутивные группы, были переведены на русский язык соответствующими им устоявшимися словосочетаниями «психология развития» и «психология развития ребенка».

Перевод слов 发生 fāshēng и 发展 fāzhǎn, в общеупотребительной лексике обозначающих «зарождение» и «развитие», терминами «онтогенез» и «филогенез» обоснован контекстуально. Здесь имеет место переводческий приём конкретизации.

4. 孟子说,人之初性本善,性相近习相远。

«Природа людей изначально добра. По натуре люди близки друг другу, а отличаются они из-за разности в привычках».

5. 2500 年前古希腊的希波克拉特把人分为四种类型:即胆汁质、多血质、黏液质和抑郁质,并解释说:这四种类型是由人体内四种液体所占的比例不同造成的。

2500 лет назад древнегреческий врач Гиппократ разделил людей на четыре типа: холериков, сангвиников, флегматиков и меланхоликов, и пояснил, что эти четыре типа обусловлены разными пропорциями четырёх видов жидкостей в организме человека.

В этом примере основной интерес представляют четыре терминаназвания темпераментов: 胆汁质 dǎnzhīzhì, 多血质 duōxuèzhì, 黏液质 niányèzhì

и 抑郁质 yìyùzhì. С первого взгляда на них бросается в глаза, что у этих терминов есть общая морфема 质 zhì, имеющая значение «натура, природа». В данном ряду терминов морфема 质 zhì является своего рода классификатором. Эти четыре термина были заимствованы в китайский язык из английского, в который, в свою очередь, пришли из греческого. Как известно, на греческом «холе» значит желчь, «сангвис» – кровь, «флегма» – мокрота, «мелэна холе» – чёрная желчь. Таким образом, в китайский язык термины были заимствованы с помощью семантического калькирования: 胆汁 dǎnzhī в китайском точно также означает «желчь», 血 хиè – «кровь», 黏液 niányè – «слизь». Термин же «меланхолик» был переведён описательно, по основному качеству, присущему людям такого темперамента: 抑郁 уìуù – «уныние». При переводе с китайского языка не составило труда найти в русском уже существующие эквиваленты этих терминов, которые кода-то тоже были заимствованы в русский язык из европейских (разница только в том, что при заимствовании в русский язык был использован метод транслитерации), а потому имеют с китайскими терминами схожую структуру.

6. 他们用所谓内省的方法研究心理现象:想找出构成人的心理的基本元素,人们称其为构造心理学派。

Они, используя так называемый интроспективный метод исследования психических явлений, хотели выявить основные элементы строения психики человека. Их школу назвали структурной психологией.

В данном предложении нас интересует прежде всего перевод терминовсловосочетаний 内省的方法 nèixǐngde fāngfǎ и 构造心理学派 gòuzào xīnlǐxuépài. Оба термина представляют собой атрибутивные группы и переведены на русский язык устойчивыми словосочетаниями русской психологической терминосистемы. Наличие таких устойчивых словосочетаний облегчает задачу переводчика при выборе из нескольких вариантов перевода — например, 内省的 nèixǐngde кроме понятия «интроспекция» может означать также «самоконтроль», «самопроверка», «самонаблюдение». И хотя все эти слова являются синонимами, в русской системе психологических терминов чаще всего употребляется именно словосочетание «интроспективный метод».

Второй рассматриваемый термин также является словосочетанием, к которому в русском языке был подобран соответствующий устоявшийся эквивалент: 构造心理学 gòuzào xīnlǐxué — «структурная психология». Морфему 派 pài «школа» при переводе было сочтено уместным опустить, так как она не вносит в значение этого понятия ничего принципиально нового.

7. 德国心理学家魏特海墨等人认为整体大于部分的相加,因而反对把心理现象分解为元素,主张从整体上来研究心理现象,建立了完形心理学,或叫格式塔心理学派。

Немецкий психолог Вертгаймер полагал, что целое — больше, чем сумма его частей, и потому выступал против деления психических явлений на отдельные элементы. Он ратовал за то, чтобы изучать психические явления как

нечто целостное, и основал гештальтпсихологию, иначе называемую гештальтизмом.

В термине 心理学家 xīnlǐxuéjiā наблюдаем в действии суффиксальную морфему 家 jiā, образующую существительные со значением «лицо, занятое какой-либо деятельностью». В русском языке не составило сложности найти эквивалент понятию «лицо, занимающееся психологией».

Из огромного множества терминов, легко переводимых устоявшимися в русской психологической терминологии эквивалентами или семантическими кальками, выделяются термины-синонимы 完 形 心 理 学 wánxíng xīnlǐxué («гештальтпсихология») и 格式塔心理学派 géshìtă xīnlǐxuépài («гештальтизм»). Они обозначают одно и то же явление, но представляют собой два варианта за-имствования одного и того же иностранного термина. Первый вариант является семантической калькой, а второй – одним из немногих фонетических заимствований в сочетании с семантическим «классификатором». Нахождение таких синонимов в рамках одного предложения создаёт определенную сложность для перевода, так как в русский язык это понятие заимствовалось только по одному пути. Здесь переводчик встаёт перед выбором: опустить один из синонимов или всё же найти другой вариант употребления термина в русском языке, пусть и не так разительно отличающийся от первого варианта, как в китайском.

8. 科学心理学诞生以前,心理学靠思辨和总结自己经验的方法进行研究,所以心理学只能孕育在哲学的襁褓中。

До зарождения психологии как науки психологические исследования проводились с опорой на умозрительный метод и метод обобщения собственного опыта, поэтому психология могла зародиться только в лоне философии.

В этом примере слово 方法 fāngfǎ, в словарной статье которого перечислены значения «способ, метод; средство; путь, приём», в соответствии с общенаучной системой терминов переведено как «метод», что обусловлено, в том числе, и контекстом. Слово 方法 fāngfǎ здесь принимает два однородных определения, с которыми образует термин-словосочетание. В силу грамматических различий между русским и китайским языками при переводе этот термин был разбит на два устойчивых словосочетания, соединённых сочинительным союзом.

Что касается прочих способов перевода иностранной терминологии — таких как транскрипция или транслитерация, описательный перевод — в рамках перевода с китайского языка текста по психологии их применять не пришлось. Это объясняется, прежде всего, тем, что китайской психологии на современном этапе не свойственны инновации, в этой научной области не происходит таких открытий, которые требовали бы создания новой научной парадигмы и, соответственно, терминологии. Поэтому в подобных текстах отсутствуют терминынеологизмы, которым необходимо было бы придумывать новый перевод. Основная задача переводчика в данном случае — ориентироваться в терминологии, заимствованной с Запада как в китайский, так и в русский языки, и уметь найти китайскому термину адекватный эквивалент в русском.

Итак, существуют следующие приёмы перевода терминов с иностранного языка: поиск уже существующего адекватного эквивалента в переводящем языке; создание эквивалента путём транслитерации иноязычного термина; создание эквивалента путём калькирования иноязычного термина; гибридный способ — сочетание транслитерации и калькирования; описательный перевод. Как показало исследование, при переводе терминов с китайского в тексте психологической направленности основной приём перевода — это поиск уже существующего эквивалента в русском языке. Так как в китайской психологической терминосистеме не наблюдается терминов-неологизмов, не приходится применять ни описательный перевод, ни семантическое калькирование, ни транслитерацию. Вследствие того, что и русская, и китайская психологические терминосистемы в основной массе были заимствованы из европейских языков, найти в переводящем языке эквивалентный термин чаще всего не составляет труда. Основная сложность состоит в том, чтобы разграничить близкие по значению термины.

Список использованных источников:

- 1. Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке / В.В. Иванов // → М.: Наука, 1973. 172 с.
- 2. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода / В.Ф. Щичко. М.: Восток-Запад, 2004. 223 с.
- 3.符准青。现代汉语词汇。北京大学出版社 / Фу Хуайцин. Лексика современного китайского языка. Пекин, 1985. 258 с.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ НАД ПРОЕКТОМ ЭТИМОЛОГИИ БАЗОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Шишмарева Т.Е., к. филол. н., доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР, ИГУ, Иркутск, Россия Хамаева Е.А., к. филол. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, МГИМО МИД России, Москва, Россия Терехова Н.В., ст. преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР, ИГУ, Иркутск, Россия Домашевская Д.М., ст. преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР, ИГУ, Иркутск, Россия

SOME RESULTS OF THE WORK ON THE PROJECT "ETYMOLOGIES OF THE BASIC CHARACTERS OF CHINESE WRITING"

Shishmareva T., Khamaeva E., Terekhova N., Domashevskaya D.

Аннотация. В статье рассматриваются основные результаты работы над проектом «Этимологии базовых знаков китайской письменности». На основе анализа трудов отечественных и зарубежных учёных системно описаны и сопоставлены методы, подходы, терминология, касающаяся различных аспектов этимологического анализа. Выполнен диахронический перевод на русский язык части базовых знаков словаря «Шовэнь». В связи с характером китайской идеографической письменности рассмотрена проблема установления не только логографической этимологии базовых знаков, но и идеографической. Предложено обоснование термина «этимография». На основе анализа и верификации графики и толкований иероглифов в древнекитайском словаре Сюй Шэня «Шо вэнь изе изы» системно рассмотрена терминология, подходы и принципы этимологического анализа китайских письменных знаков с позиции китайского языкознания, предложен алгоритм определения и описания этимологического значения китайского иероглифического знака. Предложен критический анализ приведённых в данном словаре графики и толкований, выделены аспекты, по которым требуется верификация словарных материалов.

Ключевые слова: этимология, китайская письменность, базовые знаки, древнекитайское языкознание, китайская грамматология, классификации китайских письменных знаков, китайская письменность как система.

Abstract. The following article presents the main results of the work on the project "Etymologies of the basic characters of Chinese writing". Some methods, approaches and terminology relating to various aspects of etymological analysis are

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Этимологии базовых знаков китайской письменности» №18-012-00412

systematically described and compared on the basis of the analysis of works by the Russian and foreign scientists. A part of the basic characters of the Shuowen dictionary has been successfully translated into Russian in the form of diachronic translation. Due to the nature of the Chinese ideographic writing, the problem of establishing not only the logographic etymology of the basic characters, but also its ideographic etymology is considered. The substantiation of the term "Etymography" is suggested. Basing on analysis and verification of the graphs and interpretations of characters in the Chinese dictionary "Shuo wen Jie zi" compiled by Xu Shen, the terminology, approaches and principles of etymological analysis of Chinese characters from the perspective of Chinese linguistics are systematically considered, and an algorithm for definition description of the etymological meaning of the Chinese characters is proposed. The researchers also provide a critical analysis of the graphs and interpretations given in this dictionary. Some aspects that require verification of vocabulary materials are highlighted.

Key words: etymology, Chinese characters, basic characters, ancient Chinese Linguistics, Chinese grammatology, classification of Chinese written characters, the Chinese written language as a system.

Цель данной статьи ознакомить научное сообщество с некоторыми основными результатами работы над проектом «Этимологии базовых знаков китайской письменности».

В отечественной синологии на сегодняшний день нет словарей этимологий базовых знаков китайской письменности, поэтому конечная цель проекта: составить и издать такого рода словарь, снабжённый подробными комментариями. Исследование рассчитано на два года, на сегодняшний день первый год завершился и РФФИ, приняв отчет, продлил срок гранта.

На период с 2017—2018 г. были поставлены пять задач: 1) определение корпуса базовых знаков китайской письменности; 2) системное описание подходов, методов и терминологии, существующих в китайской и отечественной традициях; 3) сопоставление содержания термина «этимологический анализ» в языках с фонетическим и идеографическим типах письменности; 4) диахронический перевод части базовых знаков (200 из 540); 5) построение вероятностной модели описания этимологии базового знака.

Первая задача предполагала обоснование выбора 540 ключей словаря «Шовэнь» в качестве источника базовых знаков. Вторая задача — изучение и анализ трудов отечественных и зарубежных учёных, которые занимались исследованиями в области этимологии. Третья задача помогла выделить особенности этимологического анализа в языках с разным типом письменности. Четвёртая позволила проанализировать этимологии базовых знаков в разные исторические периоды эволюции китайского языка. В соответствии с пятой задачей была построена примерная модель словарной статьи этимологии базового знака китайской письменности.

На основе анализа трудов следующих отечественных и зарубежных ученых: В.М. Топорова, В.А. Масловой, О.И. Блиновой, Е.М. Харитонова, С.В. Хоружая, В.В. Колесова, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.И. Абаева,

А.Е. Сосниной, О.Н. Трубачева, С.Р. Кучеры, П.М. Кожина, М.В. Крюкова, М.В. Софронова, Н.Н. Чебоксарова, А.А. Штукина, В.П. Васильева, С.М. Георгиевского, Ю.В. Бунакова, И.М. Ошанина, Я.А. Шера, А.М. Карапетьянца, А.Ф. Кондрашевского, О.М. Готлиба, Тан Ланя, Ван Юаньлу, Цзоу Сяоли, Ян Жуньлу, Цинь Юнлуня, Ся Чжунху, Чжан Иньсиня, Чжан Юйцзиня, Цю Сигуя, Ван Нин, Лу Цзунда, Фэн Хаофэя и других системно описаны и сопоставлены методы, подходы, терминология, касающаяся различных аспектов этимологического анализа.

Проведённый анализ позволил нам предположить, что в китайском языке этимологический анализ возможен на двух уровнях языковой системы - на уровне языковом (этимология слова) и на уровне письменности (этимология иероглифического знака). Соответственно, возможна не только логографическая (как в языках с фонетическим типом письменности), но и идеографическая этимология, которая будет носить скорее семиотический характер, поскольку китайский иероглиф, прежде всего, является знаком. Для характеристики такого рода анализа мы предложили термин этимография, который, на наш взгляд, наиболее точно отражает поиск этимологии, по крайней мере, в языках с идеографической системой письма. Если быть более точными – уровень языка и уровень письма в китайском языке с точки зрения поиска этимологий будут совпадать, и их разграничение не привнесёт что-то качественно новое в анализ, и, в этом заключается принципиальное несовпадение систем и теоретическая проблема этимологического анализа в китайском языке – единица языка хоть и совпадает с единицей письма, однако, устройство этих систем различно. На наш взгляд, данная гипотеза позволяет не только выйти за рамки этимологического анализа «слова» и поиска его этимологических значений (как это происходит в фонетических культурах), но и предполагает получение иной «дополнительной» (графическо-образной) составляющей, которая создает дополнительную картину мира отличную от принятой организации лексического состава языка. Таким образом, даже в современном китайском языке этимологический анализ слова будет представлять собой поиск этимологического значения графической оболочки иероглифов, образующих это слово. При этом количество морфем в слове - не столь принципиально: анализ онтологически осуществляется в ином ракурсе [Хамаева, Шишмарева, 2018].

В ходе анализа выяснилось, что в отечественной синологической традиции проблема этимологического анализа также представлена фрагментарно. Отечественные учёные занимались отдельными аспектами этимологии базовых знаков китайской письменности. В изученных работах либо предпринимались попытки структурного анализа китайских иероглифов в сравнении с европейской морфологией, в строгом соответствии с концепцией выделения шести категорий китайских иероглифических знаков Сюй Шэня, либо в соотнесении с западной теорией знака Ч.С. Пирса. В диахронической перспективе проводились лингвокультурологические, структурно-функциональные исследования особенностей китайских иероглифических знаков. В целом указанные авторы в рамках этимологического подхода в большей степени занимались грамматоло-

гическим (т.е. структурно-функциональным и структурно-семантическим) исследованием китайских письменных знаков.

Изучение современных китайских этимологических словарей, комментариев к древнекитайским толковым словарям, монографий, посвящённых исследованиям древнекитайской филологической науки сюньгусюэ (训诂学) и китайской письменности показало, что представленные в них концепции этимологического анализа в недостаточной степени отвечают принципам системности, непротиворечивости, целостности и полноты. Все указанные китайские источники при описании знаков отталкиваются от толкований, представленных в словаре «Шо вэнь изе изы» кроме того, в каждой работе рассматривается парадигма развития графики знаков, варианты толкования иероглифов и их графических элементов, указываются толкования семантики знаков согласно древнекитайским источникам. Однако в данных работах не прослеживается интегрального, целостного подхода к анализу китайского знака с точки зрения единых критериев, компонентов данного анализа: разнородны последовательность и количество рассмотренных в словарных статьях этапов эволюции иероглифа, характер и качество использованных в словаре письменных источников; отсутствует единая модель описания этимологического значения, преимущественно не представлены пункты словарной статьи, в которых даётся конкретное описание этимологического значения; не маркируется наиболее ранняя или базовая графическая форма знака; фрагментарно представлены активные значения знака (иногда в количестве 3-4 примеров); не указываются имеющиеся разнописи иероглифа. Исследование данных источников позволило существенно дополнить и уточнить этимологию части базовых знаков словаря «Шовэнь», осуществить критический анализ приведенных в данном словаре графики и толкований.

Кроме того, была введена в научный оборот терминология этимологического анализа, принятая в китайской филологической традиции: (первичный знак бэньцзы (本字); базовая графическая форма бии (笔意), измененная графическая форма биии (笔势); графический смыслообраз знака цзаои (造意), активное значение шии (实义).

Выявление первичного знака бэньцзы производится с учётом наличия в китайской письменности заимствованных иероглифов цзецзы и является актуальной для описания этимологических графики и значения знака. Базовая форма знака бии [Wang Ning, 1996, 41] указывает на наиболее ранние графические формы иероглифа. Иероглифы с течением времени изменялись, их структура становилась либо более детальной, либо более простой, их графика стремилась к схематизации, стандартизации, символизации, утрачивая первоначальное изображение, поэтому невозможно на основе данной трансформированной формы выявить исходную этимологию. Измененная (более поздняя) графическая форма иероглифа называется биши [Wang Ning, 1996, 41]. Входящий в состав термина иероглиф ши ч означает «условия, позиции», отсюда биши может переводиться «варианты изображения, написания». Подчеркнем, что термины «первичный иероглиф» бэньцзы и «базовая графическая форма знака» бии яв-

ляются совершенно разными: первый означает знак, значение которого в силу каких-либо обстоятельств, в какую-либо эпоху закрепилось за иным фонетически схожим знаком; второй указывает на наиболее ранние варианты некоего знака. Таким образом, для некоего иероглифа могут быть установлены «первичный иероглиф» (к которому восходит данный заимствованный знак), и в свою очередь для «первичного иероглифа» бэньцзы — его наиболее ранние графические варианты изображения бии.

После осуществления поиска первичного иероглифа бэньцзы и реконструкции базовых форм иероглифа бии встаёт вопрос об определении этимологического значения знака бэньи (本义), которое обязательно включает толкование базовой графической формы знака. Данный термин бэньи возник в рамках древней филологической науки сюньгусюэ и определялся как базовое значение знака, которое может влиять на всю парадигму значений данного иероглифа [Yin Liyun, 1998, 79].

Цзаои (графический смыслообраз знака) — замысел, идея иероглифического знака, реализованная в его графике. В европейской лингвистике данный термин можно соотнести с «внутренней формой слова» В. Гумбольдта. Активные значения *шии* отражают семантические характеристики данного иероглифа в фактическом языке, включая всю парадигму его значений, закреплённых за ним на определённом этапе, либо на протяжении всей истории развития китайского языка. Иногда графический смыслообраз знака *цзаои* является частичной конкретизацией, визуализацией активного значения *шии*, в других случаях может полностью совпадать с ним, либо совсем не совпадать. Однако графический смыслообраз знака *цзаои* и активное значение *шии* не являются синонимичными терминами. Графический смыслообраз *цзаои* показывает, каким образом семантика знака визуализируется в его внешней форме [Wang Ning, 1996, 43–44].

Семиотико-грамматологический анализ данных словаря «Шовэнь» позволил выделить аспекты, по которым требуется верификация словарных материалов.

Итак, на первом этапе анализа определяются и изучаются виды иероглифов: заимствованные знаки изяцзе (借字) и первичные знаки бэньцзы (本字); разнописи итицзы (异体字); на втором этапе для установленного первичного знака бэньцзы осуществляется реконструкция базовой графической формы знака бии (笔意); на третьем этапе на основе установленной парадигмы базовых графических форм знака бии выделяются графические элементы, составляющие графический смыслообраз знака изаои (造意), верифицируются их толкования; на четвёртом этапе осуществляется сопоставление установленного этимологического значения с графикой и толкованием данного знака в словаре «Шовэнь», а также с парадигмой активных значений шии (实义), представленных в классической литературе, современном китайском языке. Данный сопоставительный анализ позволит установить пути развития и степень влияния этимологического значения на всю парадигму ключевых толкований и значений данного иероглифического знака.

Проведённое исследование позволили на данном этапе предложить следующую примерную модель представления этимологического анализа словарной статьи будущего словаря этимологий базовых знаков:

"说文解字": (眉): 目上毛也。从目,象眉之形,上象頟理也。凡眉之屬皆从眉。

«Шо вэнь цзе цзы» (盾 méi): Волоски над глазом (брови). В структуре знака представлена графема «глаз» 目 — семантический элемент, детерминатив. Знак по форме похож на брови, две верхние изгибающиеся линии (складки, прожилки) похожи на морщинки на лбу. Иероглифы, которые по семантике соотносятся с «бровями», включают в свою структуру знак в качестве ключевой части.

Вариант знака в цзягувэнь : над глазом располагается одна изогнутая линия , которая означает, что над глазом волоски могут растягиваться или сжиматься. В некоторых вариантах знака цзягувэнь данную сплошную линию преобразовали в несколько отдельных волосков 11, к тому же был добавлен знак человек , что подчёркивает отнесенность бровей к внешним особенностям человеческого облика.

В некоторых вариантах знака цзягувэнь элемент знака человек преобразован в женщину , что выделяет брови в качестве элемента женского облика, покоряющего своей красотой. Базовое значение: над глазницей волоски, способные растягиваться и сжиматься. Знак на бронзовых сосудах цзиньвэнь:

утратил графический элемент «человек» 1. В некоторых вариантах знака на бронзе волоски над глазом 111 стали прорисовываться менее детально 1.

Вариант знака чжуаньвэнь имеет следующую графику: . Графика изображения бровей над глазом начиная с цзягувэнь до чжуаньвэнь существенно изменялась: . Можно отметить существенную детализацию и символизацию изображения знака в периоды цзиньвэнь и чжуаньвэнь. В стиле лишу графика изображения брови кардинально изменилась до символического ее изображения. , знак целиком стал выглядеть как современный его вариант:

<u>Категория знака:</u> пиктограмма 象形 Разнопись знака итицзы 异体字: 着, 麋

Базовая графическая форма знака бии 笔意:

— данные знаки представляют наиболее ранние формы написания иероглифа «брови» 眉, в которых устойчивой частью является изображение глаза и волосков над ним , , , , , остальные варианты знака в данном ряду можно отнести к категории биши 笔势 — изменённые, вариативные формы знака цзягувэнь.

<u>Графический смыслообраз (идеосемантика) знака цзаои 造意:</u> растягивающиеся либо сжимающиеся волоски м, 111 над глазом человека 1., женщины 4.

Этимологическое значение бэньи 本意: подвижные волоски над глазами, в том числе над глазами человека, женщины.

Активные значения знака шии 实意:

《穀梁傳·文公十一年》:"叔孫得臣, 最善射者也。射其目, 身横 **1.**眉毛。 九畝, 斷其首而載之, 眉見於軾。"漢傅毅《舞賦》: "眉連娟以增繞兮, 流睇而橫波。" 唐 秦韜玉 《貧女》詩: "敢將十指誇纖巧, 不把雙眉鬥畫長。" "她須把最摩登的女郎變成最摩登的女戰士;眉可以不描, 老舍 《蛻》五: 但槍必須扛起。"2.題額。 可以不搽, 《穆天子傳》卷三: 山 , 乃紀名跡于 弇山 之石 , 而樹之槐 , 眉曰'西王母之山。'" 3.指上端。 《漢書·游俠傳·陳遵》: "觀瓶之居, 居井之眉。" 見"眉批"。4.**旁邊;邊側**。 若人目上之有眉。"宋王應麟《困學紀聞·評文 "眉, 井邊地, 顏師古 注: "彼刀頭之舐蜜, 得未錙銖, 況井眉之居瓶, 怳如夢寐。"清 劉大櫆 狀如大釜, 嵁絕不可即。 《游黄山記》: "有油潭者, 跣足蛇行, 窺之如見其底。"康有為 《大同書》緒言:"或病嫗無被, 夕臥於灶眉。"5.形 容隆起。宋 趙令時 《侯鯖錄》卷三: "瓦瓏礦殼渾沌錢, 文如建瓴, 外眉而 内渠, 其名瓦瓏。"參見"眉瑑"。6.老。《方言》第一: "眉梨耋鮐,

東齊 曰眉。 燕代之北鄙曰梨。 宋衛 兗豫之內曰耋秦 晉之郊、陳 兗之會曰 耇鮐。"明 張萱 《疑耀·孔子無鬚眉辨》:"按《方言》 東齊 謂老曰眉。 此言 無鬚眉者, 猶云未鬚而老也。 若作眉毛之眉, 則誤矣。" 7.借指美女。 宋 蘇軾 《蘇州閭丘江君二家雨中飲酒》詩之二:"五紀歸來鬢未霜, 十眉環列坐生 光。"王十朋 注引《天寶遺事》:"唐明皇 幸 蜀, 令畫工作《十眉圖》。"宋 黄昇 《酹江月·戲題玉林》詞:"多少甲第連雲, 十眉環座, 人醉黃金塢。" 8.量詞。 多用於稱新月。 宋 謝逸 《南歌子》詞:"畫樓朱戶玉人家, 簾外一眉 新月浸梨花。"清 納蘭性德 《鵲橋仙》詞:"夢來雙倚, 醒時獨擁, 窗外一眉 新月。" 9.古代 眉州 的簡稱。 州治在今 四川省 眉山縣。 宋 陸游 《老學庵筆 記》卷五:"蘇黄門 詩云:'蜀 中荔枝出 嘉州 , 其餘及 眉 半有不。'蓋 眉 之 彭山縣 已無荔枝矣, 況 成都 乎!"

І сущ 1) брови 濃眉 густые брови 眉黑 тушь для бровей 2) притолока [двери]; рамка; верх; край; поля (наверху страницы); возле; около 井之眉 возле колодца 書眉 верхние поля книги 3) заголовок, название; надпись с названием (напр. над входом куда-л.) 4) старик; глубокий, почтенный (о возрасте) 眉壽 почтенный возраст 5)* вм. 湄 (пойменный берег реки) ІІ гл. вм. 媚 (льстить; за-игрывать) ІІІ собств. Мэй (фамилия).

Список использованных источников:

- 1. Хамаева Е.А., Шишмарева Т.Е. Этимологический vs. этимографический анализ знаков китайской идеографической письменности / Е.А. Хамаева, Т.Е. Шишмарева // Вестник Пятигорского государственного университета. − 2018. № 3. C. 136–140.
- 2. Kang Yin. Wenzi yuanliu qianshuo. [Кан Инь. Основы этимологии китайских иероглифов]. Dalian: Rongbaozhai chubanshe. 1979. 614 р. (На кит. яз.).
- 3. Lu Zongda. Shuowenjiezi tonglun. [Лу Цзунда. Введение в изучение древнекитайского толкового словаря «Шовэнь цзецзы» «Толкование простых и объяснение сложных знаков»]. Beijing: Beijing chubanshe. 1981. 232 р. (На кит. яз.).
- 4. Lu Zongda, Wang Ning. Xungu fangfa lun. [Лу Цзунда, Ван Нин. Подходы и методы в китайской традиционной филологии]. Nantong: Zhongguo shehui kexue chubanshe. 1983. 191 р. (На кит. яз.).
- 5. Wang Ning. Xunguxue yuanli. [Ван Нин. Основы китайской традиционной филологической науки]. Zhongguo guoji guangbo chubanshe. 1996. 361 р. (На кит. яз.).
- 6. Wang Ning. Xunguxue gainian. [Ван Нин. Основы китайской традиционной филологической науки]. Shanhai: Shanhai jiaoyu chubanshe. 2002. 200 р. (На кит. яз.).
- 7. Yin Liyun. Hanzi ziyuan xitong yanjiu. [Инь Лиюнь. Системные исследования этимологии китайских иероглифических знаков]. Beijing: Zhongguo renmin daxue chuabanshe. 1998. 424 р. (На кит. яз.).

- 8. Zou Xiaoli. Jichu hanzi xingyi shiyuan: shuowen bushou jindu benyi. [Этимологический анализ базовых знаков китайской письменности]. Zhonghua shuju. 2007. 265 р. (На кит. яз.).
- 9. Li Xueqin. Ziyuan. [Этимология китайских иероглифов]. Tianjin: Tianjin guji chubanshe. 2012. 1420 р. (На кит. яз.).
- 10. Lao Baorong. Shuowen jiezi jinzhu. [Современные комментарии к древнекитайскому толковому словарю «Шовэнь цзецзы» «Толкование простых и объяснение сложных знаков]. Shanxi: Shanxi renmin chubanshe. 2000. 643 р. (На кит. яз.).
- 11. Xiangxing zidian. [Словарь пиктографических китайских иероглифов]. URL: http://vividict.com/ (Дата обращения: 25.09.2018) (На кит. яз.).
- 12. Qiu Xigui. Hanzixue gaiyao. [Цю Сигуй. Основы грамматологии китайской письменности]. Beijing: Shangwu yinshuguan. 2002. 287 р. (На кит. яз.).
- 13. Xu Shen. Shuo wen jie zi. [Древнекитайский толковый словарь «Толкование простых и объяснение сложных знаков]. URL: https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi_(Дата обращения: 12.09.2018).
- 14. Gudai hanyu cidian. [Словарь древнекитайского языка]. Beijing: Shangwuyinshuguan. 1998. 2087 р. (На кит. яз.).

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Хамаева Е.А., к. филол. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия

THE HISTORY OF THE PROPER NAME WORD CLASS IN THE CHINESE LINGUISTIC TRADITION

Khamaeva E., PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages of MGIMO University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается проблема выделения такой универсальной языковой категории, как имя собственное. В китайском языке в силу определённых лингвистических и экстралингвистических причин данная категория была выделена лишь в XIX в. Между тем, проблема соотношения «имён» и «реалий» являлась одной из центральных в философии древнего Китая и рассматривалась всеми философскими школами.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, китайский язык, грамматическая категория.

Abstract. The article deals with the problem of identifying such a universal language category as a proper name. In Chinese, due to certain linguistic and extralinguistic reasons, this category was defined only in the 19th century. Meanwhile, the problem of the relationship between "names" and "things" was one of the central ones in the philosophy of ancient China and was considered by all schools of thought.

Key words: proper name, anthroponym, Chinese language, grammatical category.

Языковедческая, или лингвистическая традиция представляет собой совокупность методов описания и изучения языка, которая сложилась в определённом ареале.

Исторически выделяется несколько языковедческих традиций. К числу наиболее древних относят греческую, индийскую и китайскую.

Известно, что категория имён собственных впервые была выделена древнегреческими философами — представителями античной школы стоицизма на основании обозначения общего и единичного качества. Нарицание обозначает общее качество (человек), а имена — единичное (Сократ) [Античные теории..., 1936, 31]. При этом они называют имена отдельной от нарицания частью речи. Другие философские школы Древней Греции также занимались философией

имени, проблемой соотношения имён и реалий, о чём достаточно подробно рассказывается в учебниках по языкознанию.

Несмотря на долгую историю китайской языковедческой традиции, информации о ней в литературе по лингвистике не так много, она неизвестна широкому кругу языковедов. Например, в языкознании редко упоминается о том, что в Древнем Китае была также широко представлена философия имени, что проблемой соотношения «имён и реалий» занимались и конфуцианцы, и даосы, и представители многих других школ, а первая категоризация имён произошла еще до нашей эры.

Говоря о категории имени собственного и грамматических категориях в целом, следует пояснить, что в изучении грамматики китайского языка принято выделять два этапа — «период развития традиционной китайской филологии», во время которого на китайское языкознание не оказывало влияние европейское языкознание. Его иногда называют этапом «дограмматических» исследований. И этап грамматических исследований современного китайского языкознания, который начался после появления грамматики Ма Цзяньчжуна в 1898 г. Современный этап характеризуется целостным системным представлением о языке [Кирюхина, 2018, 8].

Проблема имён была объектом споров и в первый и во второй период. В ходе первого этапа о сущности имён и проблеме соотношения имён и реалий дискутировали представители многочисленных философских школ Древнего Китая.

Иногда отмечается, что проблема соотношения «имён и реалий» в Китае могла быть сформулирована Конфуцием (6–5 вв. до н.э.), и является производной от проблемы «выправления имён» (正名). Это социально-гносеологическая концепция, суть которой — необходимое для политико-административного управления требование соответствия реального номинальному [Духовная культура Китая, 2006, 598].

Воззрения даосов на проблему имён диалектичны. С одной стороны, даосы считают, что связь между реалией и именем условна. С другой же стороны, даосы верят, что имя, как определенная энергия, способно оказывать на своего носителя влияние.

Философские школы Мо Цзя, Мин Цзя, Сюнь Цзы продолжили исследование данного вопроса и вывели его на следующую ступень абстракции. Школа Мо впервые производит подразделение «имён» на классы. Наиболее важным стало выявление класса «общих (гун мин 公名)» и «частных (сы мин 私名)» имён, позднее последовательно соотносимых некоторыми учёными с именами нарицательными и именами собственными. Это революционное разделение могло сыграть большую роль в последующем развитии философии и науки о языке, стать поводом для дальнейшей разработки вопроса. Но этого не произошло.

А.И. Кобзев отмечает, что в специально посвящённой именам общеметодологической главе 22 «Сюнь-цзы» единичные (собственные) имена вообще терминологически не обозначены, а в главах 40 и 42 «Мо-цзы» соотношение между «частным именем (имя собственное)» — «цзан (досл. скакун)» и «родовым именем» — «лошадь \ лошади» представлено как однопорядковое соотношение между «родовым» и «всеохватывающим именем (大名)» — «вещь \ вещи» [Духовная культура Китая, 2006, 120]. Соответственно, автор приходит к выводу, что основополагающая для европейской философии проблема абстрагирующего скачка от конкретных объектов к идеальным сущностям (общим понятиям) тут не ставится и все сводится к количественным (а значит, и нумерологическим) характеристикам (квантификации) обозначаемых классов: «частное имя» выражает единичность, «родовое» множественность, «всеохватывающее» — всеобщность. При подобном подходе разница между общим и единичным выглядит чисто количественной, а не качественной, как между абстрактным и конкретным или идеальным и материальным. Следовательно, то, что в теории моистов называется «частным именем» не совсем есть категория имён собственных.

Осуществление в одно и то же время китайскими и античными философами классификации имён в соответствии с признаком «общее (составное)» и «единичное», с одной стороны, говорит о «внутренней связанности культур, рожденной универсальным сознанием человека, которую в концепции «осевого времени» разрабатывал Карл Ясперс» [Гуревич, 1999, 102]. С другой стороны, всё же свидетельствует о некоторых различиях между Западом и Востоком. К такому выводу можно прийти, если учесть то, что в европейской традиции, выделенная стоиками категория имён собственных, стала выделяться и впредь, учитываться в грамматиках и т.д. В китайской же традиции, факт выделения моистами такого класса слов как «общие имена», «частные имена» и пр., в дальнейшем не оказало какого-либо существенного влияния на развитие языковедческих исследований в Китае (если не считать некоторую преемственность в терминологии).

Проблема выделения имён собственных, безусловно, тесно связана с общей проблемой категоризации лексики и, в частности, с вопросом выделения частей речи. Как известно, в Китае не существовало разделения слов по частям речи вплоть до XIX в., до знакомства с европейскими грамматиками. Этим объясняется долгий путь становления описательной грамматики китайского языка, который, по всей видимости, ещё не окончен. Первые грамматические работы характеризуются «ориентированностью на европейские языки», когда и части речи, и другие грамматические категории выделялись по образу и подобию европейских языков, можно сказать «по традиции».

«В "Ма ши вэнь тун", первой китайской грамматике, присутствовали те же восемь классов слов, что и в английской грамматике» [Ван Ли, 1989, 41]. В работе Ма Цзянчжуна представлена подробная классификация имени существительного: все существительные делятся на 本名 собственные (尧 Яо, 舜 Шунь) и 公名 нарицательные (禽 дичь, 兽 зверь), последние, в свою очередь, делятся на 群名 собирательные и 通名 абстрактные. Ма Цзяньчжун рассуждает об особенностях употребления разных видов 名字 существительных. Так, он

пишет, что китайские 本名 имена собственные могут использоваться как 公名 нарицательные [Кирюхина, 2018, 82].

Китайский лингвист Чжао Юаньжэнь разделил слова современного китайского языка на пятнадцать классов, среди которых отдельные категории составили существительные, имена собственные, слова со значением места (например, *Гуанчжоу*, г. Гуанчжоу), слова со значением времени (*цзир* «сегодня» сяньцзай «сейчас») и т.д. [Chao Yuen Ren, 1968, 54].

Автор многократно переиздававшейся грамматики Ли Цзиньси (1924) считает, что части речи китайского языка не могут быть выделены, если исходить из самого слова; необходимо учитывать его позицию в предложении, его функции, и только тогда можно будет установить, к какой части речи принадлежит данное слово. В этом состоит одно из главных отличий грамматики китайского языка от грамматик западных языков [цит. по Ван Ли, 1989, 44]. Автор выделяет, так называемые, вещественные слова или субстантивы (имена, местоимения) [Курдюмов, 2005, 32]. Имена собственные отдельно в грамматике не поясняются.

Ван Ли полагает, что деление на части речи должно производиться по передаваемому словами значению и по функциям слов в предложении. Лексическое значение и грамматические функции следует рассматривать в единстве, нельзя полагаться только на один из этих критериев. Например, «мы говорим, что все слова, которые обозначают лицо или предмет и регулярно используются в качестве подлежащего и дополнения, называются существительными. С одной стороны, необходимо посмотреть, является ли данное слово названием лица или предмета, а с другой – выступает ли оно регулярно в качестве подлежащего и дополнения (подчеркнем, что «регулярно» означает в «абсолютном большинстве случаев»)» [Ван Ли, 1989, 45].

Следует пояснить, что практически все современные китайские лингвисты выделяют категорию имени собственного. Так называемые «ранние» грамматические работы второго периода, например, таких авторов, как Ли Цзинси, Ван Ли, Люй Шусян, в которых практически происходило становление китайской грамматической традиции, говорят о том, что имена собственные в них специально не выделялись и не оговаривались.

Как известно, теория выделения имён собственных строится на двух основных параметрах: семантическом и морфологическом. Однако если принять во внимание слова М.Б. Бергельсона о том, что для китайского языка свойственно «отсутствие словоизменительных характеристик, скупость формальных средств выражения грамматических значений, что приводит к тому, что о частях речи в изолирующих языках приходится говорить как о скрытой категории» [Бергельсон, 1991, 195; цит. по Кубрякова, 1997, 112], то можно прийти к выводу, что и об именах собственных в китайском языке также придётся говорить как о скрытой категории.

Имена собственные в китайском языке не обладают какими-то формальными признаками, не теряют семантического значения в онимической функции, и, кроме того, ничем особенным не проявляют себя в синтаксическом

плане, т.к. китайское личное имя может выполнять в предложении все те же функции, что и обычное имя существительное.

Следует заметить, что один из китайских исследователей, выделяющих категорию имён собственных Чжао Юаньжэнь, отнес существительные, имена собственные, слова со значением места к различным категориям. Как известно, современная лингвистика трактует эти категории следующим образом: отдельную категорию представляет имя существительное, в рамках которой выделяют классы имён собственных и нарицательных; слова со значением места, так называемые локативы, обычно относят к классу существительных.

Отечественные исследователи китайского языка обычно выделяют имена собственные как отдельный класс существительных. Впрочем, современное состояние изученности китайских онимов можно описать следующими словами Л.Р. Концевича: «теория собственных имён, за исключением географических названий и терминов родства, недостаточно разработана на китайском материале» [Концевич, 2002, 47].

В грамматике китайского языка И. Бичурина, на написание которой также повлияли европейские грамматики, выделены различные части речи и имена существительные в том числе. Об именах собственных в работе отдельно не упоминается.

В одной из самых первых отечественных грамматик китайского языка под авторством А.И. Иванова и Е.Д. Поливанова имена собственные выделяются. Впрочем, описываются они довольно кратко: «В период родового быта именами служили названия родства: $\cancel{\chi}$ – $\cancel{\phi}$ у4 – отец, $\cancel{+}$ – $\cancel{+}$ — $\cancel{+}$ — сунь1 – внук, занимаемого социального положения и т. п., позднее же стали выбирать для имён слова, имеющие смысл: долг, справедливость, прекрасный и т.п.» [Иванов, Поливанов, 2003, 297].

С.Е. Яхонтов в своем труде «Древнекитайский язык», где описывается грамматика языка ранних произведений классического периода, примерно 450—250 гг. до н.э., все знаменательные слова древнекитайского языка разделяет на два класса: имя (существительное) и предикатив. Под именами он понимает названия предметов в широком смысле этого слова — людей, животных, растений, вещей, веществ, явлений природы, а также отвлечённых понятий [Яхонтов, 1965, 40]. Имена собственные в грамматике не поясняются.

Подробно рассматривает имена собственные в китайском языке М.В. Крюков. Автор пишет, что в качестве индивидуального имени может выступать практически любое сочетание иероглифов, имеющих знаменательное значение.

В.И. Горелов выделяет класс имен собственных и поясняет, что они обозначают отдельных лиц, а также единичные предметы и явления, а существительные нарицательные обозначают однородные лица, а также однородные предметы и явления [Горелов, 1989, 32].

О.М. Готлиб в учебнике по грамматике современного китайского языка также выделяет разряд имён собственных. В частности, имя существительное на основе семантических и грамматических особенностей делится на стандарт-

ные, абстрактные, вещественные, собственные, существительные-лица, а также существительные-директивы, темпоративы и локативы [Готлиб, 2002, 11].

Л.Р. Концевич не только признает существование имён собственных в китайском языке, но и выделяет их многочисленные разновидности: антропонимы, топонимы и т.д.

Исходя из анализа работ в области китайской грамматики, представляется возможным сделать вывод о том, что, несмотря на то, что в Китае традиционно не выделялось такой категории как имена собственные, большинство современных лингвистов ее существование в китайском языке всё же признаёт. Данная ситуация напоминает историю выделения частей речи в китайском языке: если их не выделяли, это еще не значит, что их нет.

Следует обратить внимание на то, что объектом исследования вышеуказанных философских учений было понятие «имя», как нечто единое и противопоставленное понятию «реалия», «предмет». При этом не делается характерного разграничения на два класса имен: имена нарицательные и имена собственные. Они фактически не различались, слово рассматривалось как «имя» определённого «предмета». А так как в мировосприятии китайцев под понятие «вещь» попадал также и человек, как такая же часть, элемент мирового универсума, соотносимая с остальными предметами, то и необходимости в ее специальном выделении не было. Не различались имена собственные и в вэньяне.

О том, что категория собственности исторически не выделялась в китайской языковедческой традиции, отчасти может говорить и отсутствие единой унифицированной терминологии в их обозначении. Например, в литературе до сих пор встречаются такие термины, как 专名,专有名,私名,本名,单程名词,人名.

Кроме того, отсутствует единая общепризнанная классификация китайских имён собственных. В частности, не всеми авторами вообще предлагается классификация онимов. Часто такая классификация ограничивается лишь антропонимами и топонимами, а также названиями компаний. Практически невозможно встретить работы, посвящённые таким разрядам, как зоонимы, фитонимы и т.д.

Они отсутствуют, вероятно, по той же причине — категория имён собственных не выделялась в китайской языковедческой традиции. Соответственно, не выделялись и разряды имени собственного. Действительно, если рассмотреть механизмы образования имён людей, названий мест, улиц, организаций, растений, животных — то можно заметить, что все они образуются по одним моделям. И если не брать в расчёт, так называемое, «родовое слово» — улица, проспект, цветок, у людей — знак фамилии, то принципиальную границу между этими группами имён провести невозможно. Эти слова являются именами определённых предметов.

Китайская языковедческая традиция, развиваясь обособленно, имела опыт выделения иных, нежели, например, части речи, категорий. В частности, выделялись различные категории письменных знаков (по нескольким признакам). Период, когда в китайском языке стали выделять имена собственные, ве-

роятно, совпадает с тем периодом, когда китайские ученые стали выделять части речи, т.е. примерно в XIX в.

Предположительно, категория собственности в китайском языке могла начать выделяться лишь «по традиции», без каких-либо предшествующих данному решению, исследований.

Список использованных источников:

- 1. Античные теории языка и стиля / под ред. О. Фрейденберг. М. Л., 1936.-334 с.
- 2. Бичурин И. Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом / И. Бичурин. Пекин: Пекинская духовная миссия, 1908. XVI, 118 с.
- 3. Ван Ли. Части речи / Ли Ван // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 22. С. 37—53.
- 4. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие / В.И. Горелов. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
- 5. Готлиб О.М. Практическая грамматика китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. / О.М. Готлиб. М.: Муравей, 2002. 304 с.
- 6. Гуревич П.С. Философия человека / П.С. Гуревич. М.: ИФРАН, 1999. 221 с.
- 7. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко [и др.]. Т. 1. Философия / Под ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Восточная литература, 2006. 727 с.
- 8. Иванов А.И. Грамматика современного китайского языка / А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
- 9. Кирюхина Л.В. Становление грамматической традиции в китайском языкознании: опыт системного анализа грамматики Ма Цзяньчжуна : дис ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Л.В. Кирюхина. ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», 2018. 209 с.
- 10. Кирюхина Л.В. Становление грамматической традиции в китайском языкознании: опыт системного анализа грамматики Ма Цзяньчжуна: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Кирюхина. ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», 2018. 24 с.
- 11. Смольников С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 / С.Н. Смольников. С-Пб., 2005. 392 с.
- 12. Концевич Л.Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте: пособие по транскрипции / Л.Р. Концевич. М.: Муравей, 2002. 263 с.
- 13. Крюков М.В. Китайцы. Системы личных имен у народов мира / М.В. Крюков, Р.Ш. Джарылгасинова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 382 с.
- 14. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. М.: Институт языкознания РАН. 330 с.

- 15. Курдюмов В.А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. М.: Цитадель-трейд, 2005. 576 с.
- 16. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996-б. 416 с.
- 17. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык / С.Е. Яхонтов. М.: Наука, 1965. 115 с.
- 18. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese / Ren Yuen Chao. Berkeley Los-Angeles: University of California Press, 1968. 847 p.

О СЛОВАРЯХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Кирюхина Л.В., к. филол. н., старший преподаватель, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ON AUXILIARY WORDS' DICTIONARIES OF TRADITIONAL CHINESE LINGUISTICS

Kiryukhina L., PhD of Philological Sciences, Senior Lecturer, ISU, Irkutsk, Russia

Аннотация. Рассматривается значимость лексикографических работ так называемого «традиционного» периода развития китайского языкознания, в которых представлено описание служебных слов классического письменного языка — вэньяня. Подчёркивается особая важность подобного рода трудов для становления лингвистических исследований в Китае.

Ключевые слова: китайское языкознание; история китайского языкознания; служебные слова; словари служебных слов; вэньянь.

Abstract. The significance of lexicographic works of so-called "traditional" period of Chinese linguistics, which presents the description of auxiliary words of the classical written language — wenyan, is considered. The article emphasizes the importance of this kind of works for the formation of linguistic studies in China.

Keywords: Chinese linguistics; history of Chinese linguistics; auxiliary words; vocabularies of auxiliary words; wenyan.

Изучение языка в Китае имеет довольно длительную историю. В наиболее общем виде в развитии китайского языкознания можно выделить два периода: традиционное языкознание и современное. Такое деление основано на различиях в принципах и методах лингвистических исследований: если в первый период изучение языка основывается на тех принципах и методах, которые сложились вне влияния европейской науки, то во второй — на основе принципов и методов изучения языковых явлений европейскими учёными [Конрад, 1959, 18]. Указанные периоды разграничиваются 1898 г., когда вышла в свет работа Ма Цзяньчжуна 马建忠 под названием 《马氏文通》 «Ма ши вэнь тун» («Грамматика письменного языка, [написанная] Ма»).

В традиционный период китайского языкознания учёные были главным образом сосредоточены на толковании канонических произведений, поэтому активно создавали комментаторские труды. Важным моментом для исследований данного периода является появление словарей служебных слов — единственных специальных работ, так или иначе имеющих отношение к грамматической стороне китайского языка. Изучение словарей служебных слов, написанных в период традиционного китайского языкознания, выступает в качестве

необходимого компонента лингвоисториографического описания развития языкознания в Китае, являющегося частью общей науки о языке.

Появление первого известного языковедческой науке словаря служебных слов относится ко времени правления династии Юань (1271–1368): в 1324 г. вышла в свет работа 《语助》 «Юйчжу» («Речи помогающие») Лу Ивэя 卢以纬 [卢以纬, 1998]. В эпоху Мин (1368–1644) 《语助》 «Юйчжу» с некоторыми изменениями переиздаётся под названием 《助语辞》 «Чжуюйцы» («Слова, помогающие речи»). Объём словаря Лу Ивэя в первой редакции насчитывает всего 66 словарных статей, однако не объём является принципиально важным для оценки значимости данной работы в истории китайского языкознания, поскольку само появление подобного рода монографии показало, что служебные слова могут быть объектом специального изучения. Как результат: в Китае формируется новое направление лингвистических исследований – составление словарей служебных слов.

Время активного составления таких словарей приходится на династию Цин (1644–1911). В них помимо описаний значений и особенностей употребления служебных слов, авторы приводят свои варианты классификаций.

Среди работ этого времени отметим 《辩字诀》 *«Бянь изы изюэ»* («Метод различения слов») Ван Минчана 王鸣昌. Если соотнести предложенную Ван Минчаном классификацию служебных слов с классификацией автора первой китайской грамматики Ма Цзяньчжуна, можно найти много схожего. Так, 起语辞 циюйцы Ван Минчана соотносятся с 提起连字 тици ляньцзы (начальными союзами) Ма Цзяньчжуна, 接语辞 изеюйцы – с одной из разновидностей 状字 чжуанцзы (наречий), 转语辞 чжуаньюйцы – с 推拓连字 туйто ляньцзы (условными союзами), 衬语辞 чэньюйцы – с некоторыми 介字 изецзы (предлогами) и 接读代字 цзеду дайцзы (относительными местословиями), 東语辞 шуюйцы – с 约指代字 юэ чжи дайцзы (указательными местословиями со значением приблизительности), 叹语辞 таньюйцы – с 叹字 таньцзы (междометиями), 歇语辞 сеюйцы – с 助字 чжүцзы (вспомогательными словами) [《辩字诀》研 究]. Кроме того, с трудом Ван Минчана был, по всей видимости, знаком и отечественный востоковед Н.Я. Бичурин (1777–1853), который в главе «О китайском разделении частей речи» своей «Китайской грамматики» приводит вышеуказанную классификацию из 《辩字诀》 «Бянь цзы цзюэ» [Бичурин, 1908].

В других словарях также содержатся ценные замечания относительно особенностей употребления отдельных служебных слов и варианты их классификации. Некоторые из них нашли отражение в работах по грамматике современного периода китайского языкознания, например, в грамматике Ма Цзяньчжуна: словари 《虚字说》 «Сюйцзы шо» («О пустых словах») Юань Жэньлиня 袁仁林, 《助字辨略》 «Чжуцзы бянь люэ» («Краткое руководство для различения вспомогательных слов») Лю Ци 刘淇 и др. [邵敬敏, 1998, 25–27].

Помимо вышеуказанных словарей служебных слов, в эпоху Цин также появляются работы: 《虚字浅解》 *«Сюйцзы цянь цзе»* («Краткое разъяснение пустых слов») У Чжаоао 伍兆鳌, 《虚字注释》 «Сюйцзы чжуши» («Толкование пустых слов») Чжан Вэньбина 张文炳, 《经传虚字义说》 «Цзинчжуань сюйцзы ишо» («Примечания к пустым словам канонов и комментариев») Чжу Кунчжана 朱孔彰, 《四书虚字讲义》 «Сышу сюйцзы цзяньи» («Толкования пустых слов Четверокнижия») Дин Шоуцуня 丁守存, 《虚字注释》 «Сюйцзы чжуцзе» («Толкование пустых слов») Кэ Сюйчжай 课虚斋, 《虚字浅 «Сюйцзы цянь шо» («Элементарные сведения о пустых словах») Люй Цзяня 吕坚, 《虚字阐义》 *«Сюйцзы чань и»* («Разъяснение значений пустых слов») Се Динцина 谢鼎卿, 《虚字赋》 «Сюйцзы фу» («Распространение [знаний о] пустых словах») Цзоу Личжуна 邹丽中, 《虚字注解备考》 «Сюйцзы чжуцзе бэйкао» («Справочник по толкованию пустых слов») Юй Юэ 俞樾,《经 传释词》 «Цзинчжуань шицы» («Толкование лексики канонов и комментариев») Ван Иньчжи 王引之, «经词衍释» «Цзин цы янь ши» («Расширенное толкование лексики канонов») У Чанъин 吴昌莹 и др. [Кирюхина, 2018, 27].

Уже из самих названий некоторых работ можно понять, что авторы не преследовали цели изучить грамматический строй китайского языка, скорее, они всё так же, как и прежде, создавали комментаторские работы, освещающие особенности употребления слов в канонических текстах. В целом деятельность античных языковедов была направлена на: 1) совершенствование научной речи; 2) сохранение классических письменных памятников [Ромашко, 1985, 34]. Работа учёных традиционной китайской филологии в сфере грамматики подтверждает данное утверждение: словари служебных слов были направлены либо на то, чтобы научить писать на вэньяне, либо на то, чтобы обучить чтению на вэньяне, и тем самым помочь в постижении смысла канонических произведений [何九盈, 1995, 280].

Труды традиционного этапа развития филологической науки в Китае отличает отсутствие терминологического однообразия. Даже если не рассматривать многочисленные варианты наименования «служебных слов» до 1324 г., можно увидеть, что собственно у самого первого словаря служебных слов Лу Ивэя было два варианта названия — 语助 юйчжу и 助语辞 чжуюйцы; в то время обе разновидности использовались для обозначения «служебных слов». Постепенно в китайском языкознании установились варианты 虚字 сюйцзы («пустые слова») и 助字 чжуцзы («вспомогательные слова»). Однако даже в рамках одной работы автор мог по-разному называть «служебные слова», как например, Ван Иньчжи, в чьей работе мы встречаем такие варианты, как 词 цы, 辞 цы, 词助 цычжу, 语词 юйцы, 助语词 чжуюйцы и др. [王引之, 2000] — и это всё «служебные слова». Естественно, такое терминологическое разнообразие только вызывало путаницу и не способствовало верной интерпретации текста читателями, на что указывал Ма Цзяньчжун в своей грамматике [马建忠, 2010, 14].

Многие учёные (например, [何九盈, 1995, 421; Солнцев, 1995, 4]) отмечают важность изучения национальных традиций для развития общего языкознания. Историографические исследования помогают проследить преемственность развития идей в науке, определить этапность становления знания. Хотя авторы словарей служебных слов не рассматривали грамматическую систему китайского языка в целом, однако они заложили основу для дальнейших лингвистических исследований. Положения, изложенные в работах традиционного, «дограмматического» периода китайского языкознания, дорабатывались и совершенствовались учёными на современном этапе развития лингвистической науки. Достижения филологов традиционного китайского языкознания были систематизированы в грамматике Ма Цзяньчжуна: понятиям были даны чёткие дефиниции, также было определено место каждого понятия в общей грамматической системе китайского языка. Таким образом словари служебных слов способствовали развитию языкознания в Китае.

Грамматические отношения между словами в китайском тексте выражаются порядком слов и/или при помощи служебных слов, что определяется типологическими особенностями китайского языка как изолирующего. В связи с этим правильное употребление и толкование служебных слов чрезвычайно важно для работы с китайским текстом. Данный факт иллюстрирует высокую необходимость разработки теории описания служебных слов в китайском языкознании, что проявилось в формировании такого направления, как составление словарей служебных слов (представление языковедческих исследований в лексикографической форме является одной из особенностей традиционной китайской филологии). Словари служебных слов демонстрируют влияние типологической характеристики языка на становление языкознания как науки в отдельной стране.

Список использованных источников:

- 1. Бичурин Н.Я. Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочинённая монахом Иакинфом / Н.Я. Бичурин. Пекин: Пекин. духов. миссия, 1908. 135 с.
- 2. Кирюхина Л.В. Становление грамматической традиции в китайском языкознании: опыт системного анализа грамматики Ма Цзяньчжуна: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Кирюхина. Иркутск, 2018. 209 с.
- 3. Конрад Н.И. О национальной традиции в китайском языкознании / Н.И. Конрад // Вопросы языкознания. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. № 6. С. 18–27.
- 4. Ромашко С.А. Методология изучения истории языкознания / С.А. Ромашко. М.: ИНИОН АН СССР, 1985. 46 с.
- 5. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков / В.М. Солнцев. М.: Издательская форма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.

6. 《辩字诀》研究 URL: http://www.zazhijie.com/paper/wxlw/714.html (Дата обращения: 29.01.2019).

«Бянь цзы цзюэ» яньцзю [Исследование «Бянь цзы цзюэ»].

- 7. 何九盈. 中国古代语言学史 / 何九盈. 广东教育出版社,1995. 449 页.
- Хэ Цзюин. Чжунго гудай юйяньсюэ ши [История древнекитайского языкознания] / Хэ Цзюин. Гуандун цзяоюй чубаньшэ, 1995. 449 с.
- 8. 卢以纬. 助语辞集注 / (元) 卢以纬著; 王克仲集注. 北京: 中华书局, 1998. 186页.

Лу Ивэй. Чжуюйцы цзичжу [«Чжуюйцы» с комментариями] / Лу Ивэй; комментарии Ван Кэчжуна. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998. – 186 с.

9. 马建忠. 马氏文通 / 马建忠. - 北京: 商务印书馆, 2010. - 473 页.

Ма Цзяньчжун. Ма ши вэнь тун [Грамматика письменного языка, написанная Ма] / Ма Цзяньчжун. – Пекин: Шанъу иньшугуань, 2010. – 473 с.

10. 邵敬敏. 汉语语法学史稿 / 邵敬敏. - 上海教育出版社, 1993. - 360页.

Шао Цзинминь. Ханьюй юйфасюэ шигао [Исторические наброски по грамматике китайского языка] / Шао Цзинминь. – Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 1998. – 360 с.

11. 王引之. 经传释词 / 王引之. - 江苏古籍出版社, 2000. - 197页.

Ван Иньчжи. Цзинчжуань шицы [Толкование лексики канонов и комментариев] / Ван Иньчжи. – Цзянсу гуцзи чубаньшэ, 2000. – 197 с.

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУНАРНЫХ ЕДИНИЦ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Григорян Н.Л., Директор Центра китайского языка и культуры Российскоармянского университета, преподаватель кафедры всемирной истории Российско-армянского университета, Ереван, Армения

CULTURAL AND NATIONAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGICAL LACUNARY UNITS AND THE PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION

Grigoryan N., Lecturer at the Department of World History, Director of the Center for Chinese Language and Culture, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

Аннотация. В данной статье рассматривается значимость влияния знаний культуры страны (народа) на язык перевода, проводится сопоставление безэквивалентной лексики китайского и армянского языков. Рассматриваются фразеологизмы и безэквивалентные лексические единицы и языковые лакуны на конкретных примерах китайского, армянского и русского языков.

Ключевые слова: лакуны, фразеологизмы, армянский язык, специфика перевода с китайского на армянский.

Abstract. In the present article the knowledge of a country's (nation's) culture on the language are investigated. A comparison is made between the culture specific vocabulary of the Chinese and Armenian languages. Phraseological and culture specific vocabulary units and language gaps (lacunas) are reviewed based on specific examples from the Chinese, Armenian and Russian languages.

Key words: lacuna, phraseological unit, Armenian language, translation specificity from Chinese to Armenian.

Язык приносит весть от самого бытия, язык говорит «на языке» бытия. М. Хайдеггер

Язык любого этноса содержит устойчивые образные обороты, которые воспроизводятся в речи подобно слову: их смысл целостен, он не складывается из значений составляющих его слов-компонентов. Фразеологический состав, или фраземика каждого языка является его самобытной частью. Пройдя долгое испытание временем, фразеологический оборот становится типовой единицей. В настоящее время во фразеологии все большее значение приобретает сопоставительное изучение фразеологизмов и лингвистических лакун. Это способству-

ет системному изучению общих и отличительных признаков исследуемых языков.

Цель данного исследования — показать значимость влияния знаний культуры страны (народа) на язык перевода, впервые провести сопоставление безэквивалентной лексики китайского и армянского языков. Нами рассматриваются фразеологизмы и безэквивалентные лексические единицы и языковые лакуны на конкретных примерах китайского, армянского и русского языков. Выявление таких единиц представляет собой один из этапов описания языковой картины мира, важной для глубинного понимания специфики национальной концептосферы.

В каждом языке имеются своеобразные выражения, которые понятны лишь носителям языка, так как имеют прямую связь с культурой данного народа. Поскольку не существует двух идентичных языков ни по значениям, которые выражают те или иные символы, ни по правилам организации этих символов в предложениях, естественно, что между языками не может быть точных соответствий. Из этого следует, что совершенно точный перевод невозможен. По словам X. Беллока, «строго говоря, такой вещи, как идентичные эквиваленты, просто не существует» [Belloc, 1931, 32–39], с чем мы не совсем согласны, в случае перевода с русского на армянский и иногда и с китайского на армянский язык, что будет показано нами ниже на конкретных примерах.

Языковая и речевая компетенции очень важны для переводчика. Он должен обладать навыками письменного и устного перевода, а также мастерством оратора (особенно при переводе на китайский) и, конечно, обладать литературным талантом.

Перевод будет красивым и полноценным, только если переводчику удалось прочувствовать культуру того народа, на язык которого он переводит.

Если сопоставить языки и культуры разных народов, то можно выделить элементы совпадающие и несовпадающие. Язык, безусловно, является компонентом культуры. Лингвисты считают, что понятие «безэквивалентная лексика» является очень близким к понятию «лакуна», лежащей в основе так называемой проблемы «лакунарности» в межкультурной коммуникации. Лакуна (от.лат. Lacuna — углубление, впадина) — отсутствие в одном из языков наименования того или иного понятия.

В научной литературе, особенно в аспекте лингвистики межкультурной коммуникации, термины «безэквивалентный фразеологизм» и «лакунарная фразеологическая единица, оборот», «лакунарный фразеологизм» используются как синонимы. Мы, говоря о безэквивалентных фразеологизмах, будем использовать термин «фразеологические лакунарные единицы». Характеристика понятия фразеологической лакунарности имеет большое значение для выявления национальной системы мировидения. Причины ее формирования в языке, как отмечают ученые (А. Гелсскул, Л. Витгенштейн и др.), кроются, прежде всего, в особенностях образа жизни, географических и климатических условиях проживания народа, его менталитета.

Нельзя не согласиться, что причины лакунарности, как явления универсального, не в недостаточности одного языка или в избыточности другого в способах описания окружающего мира, а в конкретной специфике передачи опыта познания. С.Г. Тер-Минасова справедливо отмечает, что «язык фиксирует далеко не всё, что есть в национальном видении мира, но способен описать всё». Экстралингвистические причины или особенности национального мировосприятия являются главной причиной возникновения лакунарных языковых единиц, и, в том числе, фразеологических лакунарных единиц.

Для выражения определенного круга понятий, которые постоянно присутствуют в их языке, люди, говорящие на своих языках используют привычные им ассоциации. В каждом языке существуют определенные лексические средства, которые могут быть выражены словом или устойчивым словосочетанием. Лакунами для китайского и армянского языков являются, например, такие русские слова, как «кипяток», «сутки» и многие другие. Такие слова могут быть переданы на армянский и на китайский языки не одним словом, а только при помощи словосочетаний: ๒กป๋шป๋ ๑กър [ерман джур] – кипяченая вода, kāi shuǐ — 开水. Uվрппо ор, 24 ժшվ [амбохдж ор, 24 жам] — целый день или 24 часа, quán tiān – 全天. Разбор безэквивалентной фразеологии позволяет нам показать несколько типов безэквивалентных оборотов и выделить, что смысловая лакунарность не всегда соответствует формальной лакунарности. К примеру, при присутствии в языках сравнения эквивалентных лексических единиц в одном из языков может быть образована фразеологическая единица, а в другом не может. Иначе говоря, представителям разных национальностей может быть известна информация о предмете, понятны конкретные бытовые ситуации, связанные с ним, практика его применения на деле, но образное объяснение его свойств становится мотивирующим основанием для фразеологизма только в одном из языков. В рамках нашего исследования безэквивалентной фразеологии (лакун) как выражения национального мировидения попытаемся раскрыть понятия уникалий, которые определяют национальную специфику фразеологии любого языка.

Понятие уникалий, как определяет «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой «структурные характеристики, присущие только одному языку или небольшой группе языков и придающие идиоматичность их системам на фоне того или иного языкового типа» [СТСРЯ, 2000], тесно связано с понятием лингвистических лакун. То есть, именно уникалии указывают на культурно-национальную специфику языка.

Уникалии передают особенности образного картирования мира тем или иным народом. Можно смело утверждать, что фразеологизмы, являясь единицей языка, выступают в некотором роде хранилищем национальной культуры, которые составляют основу самобытности и жизнедеятельности народа.

Среди различных типов лакун нас интересуют, к примеру, языковые реалии: խшор – [хноци] – приспособление, похожее на подвешенный на веревке глиняный сосуд, куда заливается молоко и путем взбалтывания сосуда (взбивания) отделяется масло от молока; [шվш2 [лаваш] – национальная хлебная лепешка, ишопь – [мацун]-кисломолочный продукт, doufu (доуфу) 荳腐 — китайский соевый творог – получают путём свёртывания (створаживания) белка сое-

вого молока при нагревании или фильтровании. Данные реалии можно передать путем описательного перевода. Влияние этнографических факторов на лексику любого языка велико. Здесь речь идет о словах, имеющих яркую национальную окраску для армян и китайцев. К этой же группе можно отнести некоторые слова, обозначающие в двух языках, казалось бы, схожие профессии, которые на самом деле выражают не совсем эквивалентные понятия: «аптекарь» в китайском — 药剂师 Yào jì shī [где 药 — лекарство или медицина, 剂师 — аптекарь (剂 подготовка и 师 разделение)], то есть «фармацевт» и «аптекарь» — слитые понятия. Точно также в китайском употребляется 面包 师傅 Miànbāo shīfù для обозначения слов «булочник» и «пекарь» — в китайском языке передается дословно как 面包 — хлеб и 师傅 — мастер.

Данные примеры не являются абсолютными лакунами. Это потенциальные лакуны, которые на практике пока что считаются эквивалентами. Обозначим несколько профессий и социальных положений, не имеющих даже приблизительного эквивалента в армянском, русском и других языках и, с другой стороны, абсолютных этнографических лакун для китайцев. Можно составить целые списки таких профессий в любом языке. Например, рикша 人力 车 Rénlìchē (первый иероглиф означает «человек», второй «сила», третий «повозка») — переводится и в русском, и в армянском языках описательно: мужчина запряженный в повозку, которую тянет за собой, взявшись за оглобли. «Кондитер» — не принятая в Китае специальность и нет прямого перевода, а в Европе кондитер подразделяется еще и на шоколатье, изготовитель безе, оформитель тортов, пряничный мастер и т.д.

Оборот, мотивированный знаниями и представлениями актуальными лишь для одного народа может являться другим типом безэквивалентного фразеологизма. В данном случае «правильнее говорить не только об отсутствии эквивалента слова одного языка слову другого языка, но и об отсутствии эквивалента в форме устойчивого словосочетания этому слову (или фразеологизму) другого языка» [http://mirznanii.com/info/a47957_lingvisticheskie-lakuny].

Исходя из этого, получается, что, лакуны — это иноязычные слова и словосочетания, передача которых в другом языке осуществляется с помощью свободных словосочетаний, к примеру в армянском, дшվп umutu [цавт танем] — заберу твою боль, ушип utu [джанит мернем] — умру за твое здоровье.

Таким образом, при переводе с китайского или на китайский язык, переводчику полезно знать о культуре Китая как можно больше, о его истории, традициях, литературе, искусстве, нравах и обычаях народа, особенностях восприятия китайцами окружающего мира и т.д.

Например, некоторые фразеологизмы в китайском сохранили имена известных исторических личностей, таких как Чжуге Лян или Цзян Тайгун: 事后 诸葛亮 shìhòu zhūgéliàng «крепок задним умом», что соответствует фразеологизму в армянском языке «hшjh եшhu hutpp» [хаи етин хелк], Чжуге Лян — известный полководец эпохи Троецарствия, который был мудр и умел выходить

из трудных положений, поэтому «быть Чжуге Ляном после события» все равно, что «махать кулаками после драки» [http://moluch.ru/archive/90/18278/].

姜太公钓鱼 愿者上钩 Jiāng tàigōng diàoyú Yuàn zhě shànggōu «Старец Цзян ловит рыбу — сидит и ждет, когда она сядет на крючок» и «сидеть и ждать у моря погоды». В данном фразеологизме старец Цзян — мудрец и праведник (ХІІ век до н.э.), предания о нем легли в основу многих поговорок. По китайской легенде он был большим любителем рыбной ловли и, якобы отдавая дань его праведности, рыба сама шла к нему даже на пустой крючок.

В армянском языке также имеется огромное количество не понятных неносителям языка фразеологизмов с упоминанием нарицательных имен, восходящих к персонажам народных эпосов, легенд, сказок. Например, Дзенов Оган – персонаж народного эпоса «Давид Сасунский», который имел необычно звонкий голос, способный поразить врага; «ты прямо как Дзенов Оган» означает «у тебя очень громкий голос». Или Васак Сюни, который вступил в союз с персами и на стороне персов воевал против армян в Аварайрской битве (около 442–451 гг.). Выражение «не будь Васаком Сюни» и означает «не будь предателем» или «он повёл себя как Васак», то есть как предатель. Героев могут называть Айком в честь Айка Нагапета – легендарного прародителя армянского народа; Дзахорд Панос – сказочный персонаж, который символизирует неудачников; сильных людей сравнивают с Торком Ангехом, являющимся мифическим армянским богом, силу которого можно сравнить с древнекитайским мифическим богом Паньгу.

Особую сложность для всех переводчиков составляет перевод чэнъюев¹. По своей структуре Чэнъюи подразделяются на параллельные и непараллельные. Парность строится на тождестве и аналогии, на антитезе. Аналогия достигается с помощью – аналогов, то есть слов, входящих в одну понятийную систему. Антитеза достигается с помощью антонимов, тождество – синонимов.

Легко определить как буквальное, так и переносное значение чэнъюев помогает наличие параллельной конструкции, оно помогает переводчику выделять их в тексте применительно к данному контексту и переводить их с учётом контекста. Чэньюи непараллельной структуры тоже очень многочисленны.

Распознавание внутренней структуры чэнъюев необходимо, чтобы выделить их в тексте и также суметь определить их значение. Для перевода абсолютно необходимо знать, какие виды чэнъюев существуют с точки зрения соотношения их прямого и переносного значения.

В китайском, армянском и русском языках существуют фразеологизмы с совпадающей образной основой и переносным значением: 趁热打铁 Chènrèdătiě чэнь жэ да те — «ковать железо, пока горячо», երկшթр ишр- ишр են ծեծում [еркат так-так ен тсецум]

如鱼得水 Rúyúdéshuǐ жу юй дэ шуй – «как рыба в воде», ինչպես ձուկը ջրում [инчпес дзук джрум] 火上加油 Huŏshàngjiāyóu хо шан цзя ю – «подли-

¹ Чэньюй (кит. трад. 成語, упр. 成语, пиньинь: chéngyǔ, буквально: «готовое выражение») – в китайском языке устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырех иероглифов.

вать масло в огонь», կրшկին յпւп լցնել [кракин юх лцнел] 童甘共古 Tóng yán gòng gǔ тун гань гунн ку – «делить горе и радость», կիսել ուրախություն և տխրություն [кисел урахутют у тхрутюн]. В данных примерах образное и переносное значение и в китайском, и в армянском, и в русском языках совпадают, поэтому перевод этих чэнъюев не представляет особой сложности. Однако следует иметь в виду, что иногда при одинаковой образной основе переносные значения в двух языках могут быть различными. Например: 炉火纯青 Lúhuŏchúnqīng (лу хо чунь цин) буквально переводится как: «огонь в печи приобрёл чисто синий цвет». В основе этого фразеологизма лежит история о том, что в старину, когда даосские алхимики выплавляли в печи свои пилюли бессмертия из кристаллов киновари², цвет огня достигал чисто синего оттенка. Переносное значение у этого выражения такое: «достичь предела совершенства», «высшая точка», «апогей». В русском языке выражение «гори оно синим пламенем» имеет совершенно другое значение: «пусть всё пропадёт прахом», «пропади всё пропадом». Так одинаковый образ – «синее пламя» выступает в разных переносных значениях.

С другой стороны, фразеологизмы могут сохранять переносное значение при изменении образной основы. 对牛弹琴 Duì niú tánqín дуй ню тань цинь — «метать бисер перед свиньями», что дословно — «играть на лютне перед буйволами». В армянском языке — խподър шпшо ишрошром гшо уъб ишро — [хозери арадж маргарит шах чен талис] — значение то же, бисер заменен в армянском жемчугом. 装聋作哑 Zhuānglóngzuòyǎ — «набрать в рот воды», дословно «прикидываться глухим и немым», рършюр опър hшфшор [беранум джур хавагел] — аналогично с русским вариантом.

害群之马 Hài qún zhī mǎ – «паршивая овца всё стадо портит», а дословно «лошадь, портящая весь табун».

大海捞针 Dà hǎi lāo zhēn — «искать иголку в стоге сена», дословно — «вылавливать иголку, упавшую в море»). Դեզի մեջ шиեղ փնտրել — [дези медж асех пнтрел] идентично с русским переводом. «Яблоку негде упасть» — в русском и шиեղ գցելու տեղ չկш [асег гцелу тех чка] «иголке негде упасть» — в армянском языке.

Фразеологизмы также могут переводиться без образной основы в армянском или русском языках. 一无所获 Yīwúsuŏhuò – «не солоно хлебавши», дословно – «ничего не получить», «остаться ни с чем»), циц hhu пш2пшկh цпп [мнал хин таштаки мот] – остаться у старого корыта на армянском, употребляют в значении «остаться ни с чем»;

ся.

² Камень киноварь известен человечеству с глубокой древности. Название, трактуемое как «кровь дракона», определяет присущие киновари свойства. Во-первых, красный с алмазным блеском цвет — броский и манящий. Во-вторых, крайняя вредоносность для здоровья — из-за испаряющейся ртути. В-третьих, способность к трансформации. Кусок нагреваемой киновари покрывается ртутной «испариной», а при интенсификации нагрева — бесследно испаряет-

一无所知 Yī wú suǒ zhī — «ни сном, ни духом», дословно — «ничего не знать». На армянском — nչ լuել եմ nչ տեսել — [воч лсел ем воч тесел] — не слышал и не видел.

一扫而光 Yī sǎo érguāng— «как ветром сдуло», «вымести под метлу» (досл. «смести дочиста»), honu guntg [од цндец] — испарилось в воздухе.

小题大作 Xiǎotí dàzuò — «делать из мухи слона», «буря в стакане» (досл. «раздувать из мелочи целую историю»). Լпւն пւпи пшрабы [лун ухт дарцнел] — «делать из клопа верблюда» — в армянском.

Фразеологизмы переводятся описательно при отсутствии аналога в другом языке: 打草惊蛇 Dăcăojīngshé — «раньше времени вспугнуть противника» (досл. «ворошить палкой траву и вспугнуть при этом змею»); 东施效颦 Dōngshīxiàopín — «уродовать себя неумелым подражанием» дословно- «Дунши (по легенде уродливая девушка) хмурит брови», по легенде, подражая гримасам боли красавицы Сиши).

Образная основа первого фразеологизма понятна для армянского читателя, тогда как для второго необходимо знать историю его происхождения. Без знаний исторически важных моментов, культурных сведений о стране переводчик не в состоянии передать суть сказанного. Чэнъюев такого типа, для правильного понимания и перевода которых необходимо знать историю их происхождения, очень много. Основная задача переводчика — тонко прочувствовать контекст и дать наиболее адекватный перевод.

Китайские, армянские и русские фразеологические обороты имеют схожие особенности: сложная структура — они состоят более чем из двух частей; неизменяемая форма — нельзя добавить что-либо в состав фразы; суть высказывания — иносказательная. Значение целого не состоит из значений отдельных частей. Китайские фразеологизмы обычно состоят из четырёх иероглифов и не включают в себя пословицы и афоризмы.

Далее рассмотрим сопоставление фразеологизмов, содержащих зоонимы в китайском, армянском, русском языках и выявление их коннотаций. Выделение зоонимов с национально-культурными коннотациями проведено на основе лингвострановедческого подхода. Формирование слов-символов происходит метафорически. Так, например, одним животным приписывалась трусость, другим – жадность. В зоонимах часто отражается разница культурного кода народов, сложившаяся благодаря различным природным условиям, традициям. Например, выражение «мокрая курица» в китайском языке означает, что человек промок под дождем, а в армянском языке означает, что человек ведет себя несамостоятельно, растерян, беспомощен. Слово курица 鸡 Јī созвучно со словом удача 吉 Jí и несет положительный смысл, а в армянском «человек-курица» значит глупец, часто употребляется выражение «куриные мозги» - «hшվի ուղեղ» [хави ухех] имеется ввиду человек с маленьким мозгом, глупец. Данный пример наглядно показывает, что один и тот же фразеологизм имеет совсем разное значение в китайском и армянском языках. Чтобы решить эту проблему, начнем с классификации концептуальных и культурных значений.

Концептуальное значение, соответствующее аналогичному культурному значению. Армянский и китайский языки относятся к совершенно различным языковым системам, однако, в восприятии природы имеется некоторая общность, поэтому в армянском и китайском языках существуют аналогичные формулировки, например: «хитёр как лис» – 像狐狸一样狡猾 Xiàng húlí yīyàng jiǎohuá – խпршиши шпվեи [хораманк ахвес], «грязен как свинья» – 像猪一样 脏 Xiàng zhū yīyàng zàng – կեղտոտ խոզ [кехтот хоз], «как рыба в воде» – 如鱼 得水 ru yu de shui, ինչպես ձուկը ջրում [инчпес дзук джрум] – чувствовать себя где-либо свободно, непринуждённо, хорошо; или в русском – «старый конь борозды не испортит» (старый опытный человек не испортит дело), а в китайском языке существует фразеологизм 老马识途 Lǎo mǎ shí tú – старый конь хорошо знает дорогу. Здесь старому коню соответствует образ «человек с богатым опытом». Фразеологизмы, которые имеют одни и те же формы и значения, можно перевести буквально. Однако такие совпадения встречаются редко. Концептуальное значение соответствует, а культурное значение пропущено. Так как Армения и Китай имеют различную культуру, традиции и мифологию, некоторые животные наделены теми качествами и символами, которые отсутствуют в другой культуре, и не имеют одинакового переносного значения. Отметим также, что образы животных, имеющих смысловые значения, переносимые на людей, характерны и для китайской культуры - тигр - царь зверей, может символизировать человека смелого и дерзкого, символ власти. Например, 将门虎子龙虎英 雄 – Jiàngmén hǔ zi lóng hǔ yīngxióng. Эстетические представления у народов разные, одно и то же явление или предмет в разных языках может иметь неодинаковое образное значение.

Образы некоторых животных в своём культурном значении совершенно различны в армянской, русской и китайской культурах. Сорока (喜 xique) в Китае – символ счастья. Эта птица означает удачу и считается «птицей удовольствия». Согласно известному китайскому мифологическому сюжету сороки помогают двум любящим друг друга людям встретиться. Сорока же в армянском символизирует сплетни, в русском языке символизирует зловредную болтливость и вороватость (отсюда – «болтлива как сорока», «стрекочет как сорока», «вороватая сорока» и т.п.). Заяц в Китае – символ доброты, а в армянском – трусости, равно как и в русском, – «жаден, как волк, а труслив, как заяц». В то же время трусость в китайском символизирует крыса: «труслив как крыса». Примечательно, что согласно верованиям древних славян, зайцу приписывались дьявольские качества. Встреча с ним считалась дурным предзнаменованием, но в русской фраземике он вовсе не связан с нечистой силой, а лишь представляет трусость: «заячья душа», «труслив как заяц». Для таких фразеологизмов необходимо разъяснять их значения при переводе на другой язык. Так у китайцев черная ворона – символ несчастья, в то время как у армян ворона ассоциируется в первую очередь с некрасивой внешностью и только потом с вестником плохих событий. Переносное значение в некоторых случаях не совпадает с переносными значениями аналогичных слов или словосочетаний в другом языке. В русской, как и в армянской культуре, чёрная кошка символизирует несчастье, а в Китае символ несчастья и смерти — ворона. Такие фразеологизмы мы можем заменить друг другом, чтобы культурное значение соответствовало. В работе Ян И Линя приведены примеры зоонимов, коннотативные значения которые не совпадают в русском и китайском языках: заяц, кот, мышь, рыба, черепаха, конь, медведь, ворона, лебедь, дракон, феникс, корова. Иероглиф ‡ пій имеет широкий семантический диапазон: «бык, буйвол, вол, корова, теленок».

Таким образом, армянские, русские и китайские фразеологизмы с зоонимами имеют свою специфику, которая определена культурой и национальным менталитетом. При переводе фразеологизмов на другой язык следует учитывать сопоставимость культурных смыслов, зашифрованных в них.

Можно сделать вывод о том, что фразеологические лакунарные единицы, – это единицы, с помощью которых в языках закрепился национальный опыт познания. В них актуализируются важные для народа понятия, реалии, ситуации, оценки, качества и категории, которые, по большому счету, понятны и для другого народа, но они не получили вербального выражения в его языке в силу особенностей миропонимания народа, а в ряде случаев — избыточности этих понятий и явлений в рамках практической жизнедеятельности в иных геоклиматических и социокультурных условиях.

С позиций формальной ориентации необходимо стремиться к тому, чтобы сообщение на языке перевода как можно ближе соответствовало различным элементам языка-источника. А это, в частности, означает, что сообщение на культурном фоне языка перевода постоянно сравнивается с сообщением на культурном фоне языка оригинала с целью определить критерий точности и правильности. Когда две культуры взаимосвязаны, но языки совершенно различны, переводчику приходится осуществлять при переводе множество формальных преобразований.

Изучение иностранного языка усложнено тем, что его изучают обычно в своей стране, и у человека нет насущной необходимости изъясняться на иностранном языке. Попытки искусственно создать такую языковую среду особого успеха не имеют. Поэтому преподаватели чаще всего растолковывают ученикам правила превращения иностранного языка в речь, которые те и заучивают, а в результате отдельные, особенно прилежные учащиеся приобретают не речевую, а языковую компетенцию.

В заключение отметим: несмотря на то, что армянский и китайский языки очень разные, и многие фразеологизмы и речевые обороты не имеют эквивалентов в другом языке, тем не менее, мы смогли найти схожие аспекты в восприятии мира через язык. Удивительно осознавать, что два древних языка, такие разные на первый взгляд, могут иметь похожие выражения и фразеологизмы. Особый интерес, на наш взгляд, представляли языковые лакуны, которые свидетельствуют о своеобразности и об уникальности мышления каждого из рассматриваемых этносов, так как языковые концепты имеют прямую связь с национальностью и с формированием мышления и речи.

Отметим, что данная работа поможет переводчикам, специализирующимся по переводам с китайского на армянский и с армянского на китайский языки.

Перевод может на многих этапах не соответствовать оригиналу, для достижения необходимого уровня адекватности должны быть знания о культуре страны.

Таким образом, нами была сделана первая попытка исследования особенностей перевода речевых конструкций армянского и китайского языков, тем не менее, данная тема требует дальнейшего, более глубокого исследования.

Список использованных источников:

- 1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. Казань: Издательство Казанского университета, 1989.
- 2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- 3. Дубровин М.И. Словарь фразеологизмов и идиом / М.И. Дубровин. М., 1999.
- 4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка, в 3-х томах / Т.Ф. Ефремова. Том 3. М., 2000.
- 5. Маркарян Э.С. Текст как психолингвистическая реальность / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Инт. языкознания АН СССР, 1982.
- 6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логикопредметный анализ) / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983.
- 7. Сорокин Ю.А. Взаимодействие реципиента и текста: теория и практика / Ю.А. Сорокин // Функционирование текста в лингвокультурной общности. – М., 1978.
- 8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. Москва: Слово, 2000.
- 9. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода / В.Ф. Щичко. М.: Восток-Запад, 2004.-223 с.
- 10. Belloc H. 1931. On Translation. OUP. 1931. On translation. Bookman 74., (Bookman 74. pp. 32–39.)
 - 11. Galperin I. R. (1997) Stylistics, Moscow "High School".
- 12. Վարդանյան Նվարդ, 2004 (Варданян Нвард ,2004) «*Թարգմանության տեսություն և մեթոդաբանություն*», Ասողիկիրատ.,Երևան.

УДК 811.581 81.367.6 81.367.7

О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ К ОПИСАНИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Колпачкова Е.Н., к. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

MODERN APPROACHES TO DESCRIPTION OF PARTS OF SPEECH IN MANDARIN CHINESE

Kolpachkova E., associate professor, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В докладе да тся обзор современных подходов к классификации слов китайского языка, рассматриваются основания для разграничения частей речи, описывается последовательность выделения грамматических классов, которую предложил китайский лингвист Го Жуй, иллюстрируется номенклатура классов, получаемых в результате применения описанной процедуры.

Ключевые слова: китайский язык, классы слов, части речи, классификация.

Abstract. The paper provides an overview of modern approaches to the classification of words in Mandarin Chinese, discusses the basis for identifying parts of speech, describes the procedure for distinguishing different classes according to word's distribution and function in a sentence proposed by the Chinese linguist Guo Rui, illustrates the classification that is formed as a result of applying the procedure described.

Keywords: Chinese, language, Mandarin Chinese, word classes, parts of speech.

Характеристика лексико-грамматических классов является важнейшей частью описания любого языка, однако в отличие от европейской традиции, где классификация словарного состава, интересовавшая философов ещё в античности, заняла одно из ключевых мест в науке довольно рано, традиционная китайская лингвистика этими вопросами не озадачивалась, ограничившись делением слов на полные (полнозначные, знаменательные) и пустые (служебные). Проблема частей речи и границ между классами слов, полифункциональность лексических единиц и их переход из одной части речи в другую, промежуточные случаи, по-разному трактуемые в зависимости от выбранных критериев классификации, несоответствие между семантической и формальной организацией лексики, занимают важное место в исследовании грамматического строя любого языка, но в отношении изолирующих языков стоят особо остро, поскольку

методологический аппарат, разработанный на материале флективных и агглютинативных языков, оказывается слабо применим к китайском материалу. Именно этим, по-видимому, объясняется практически полное отсутствие в отечественной синологии комплексных работ или описаний частей речи/классов слов в китайском языке за последние пару десятков лет. Не восполняют эту лакуну и единичные описания подходов отдельных исследователей к проблеме или каких-то её аспектов. Не претендуя на всеохватность изложения проблематики, что представляется невозможным в рамках краткого доклада, остановимся лишь на обзоре тех тенденций, которые прослеживались в течение столетия существования грамматической теории в Китае, и схематичном описании частеречных классификаций, представленных в синологической науке на сегодняшний день.

Первая попытка описания частей речи в китайском языке принадлежит Г. Габеленцу [Gabelentz, 1881], однако серьёзного влияния на китайскую науку эта работа не имела. В Китае вопрос о существовании классов слов как категориях словоупотребления был поставлен Ма Цзяньчжуном (馬建忠) в первом грамматическом трактате «Ма ши вэнь тун» (馬氏文通) (1898), предлагавшим считать части речи не категориями деления лексики языка на определенные классы, а шире как категории, выявляемые через широко понимаемый контекст [Ма, 1998]. Идея существования функциональных классов слов была затем развита в «Новой грамматике китайского национального языка» (新著国语文法) Ли Цзиньси (黎锦熙) [Li, 2007], утверждавшего необходимость опоры на синтаксические признаки в классификации слов (依句辨品,离句无品 «Классы определяются на базе предложения, вне предложения классов нет»), тем самым поставив на первое место синтаксический критерий выделения, опирающийся на заложенную европейской традицией корреляцию между центральными грамматическими понятиями – частями речи и членами предложения.

Пройдя в ХХ в. путь от попытки втиснуть китайский язык в прокрустово ложе индоевропейских образцов грамматик через отрицание классов (实词无词类) у Гао Минкая (高明凱) [Гао, 1955] лингвистическая наука в Китае во второй половине ХХ в. пришла к постулированию необходимости учёта всех дистрибутивных возможностей и связей слов, реализующихся при сочетании их между собой в синтагмах и предложениях. Опустив изложение многочисленных проблем и вопросов, ставших предметом длительной лингвистической дискуссии в советском и китайском языкознании, описание которых представлено в «Проблема частей речи в китаеведении» [Шутова, 2003] (см. также [Панфилов, 2003; Яхонтов, 2016]), охарактеризуем существующие в настоящее время подходы к распределению слов китайского языка по частям речи.

В зависимости от выбранного критерия, существующие классификации расходятся как по набору выделяемых частей речи, так и по их группировке. Это имеет место и в описаниях индоевропейских языков, и тем более актуально для менее изученных экзотических языков, не вписывающихся в понятийный аппарат традиционной лингвистики. Так, например, на ранних этапах развития частеречной теории в китайском языкознании к служебным словам было при-

нято относить наречия, местоимения, числительные, в результате такого деления знаменательными частями речи признавались только существительные, прилагательные и глаголы как слова, обозначающие предметы, признаки и действия, а все остальные слова по остаточному принципу включались в число служебных (или пустых). С начала XX в. шёл процесс постепенного расширения номенклатуры классов китайских слов, предлагавшаяся исследователями типология частей речи с каждым этапом дополнялась новыми классами, пересматривались подходы к разграничению разрядов, подклассов или метаклассов, слова перераспределялись между частями речи. Хронология расширения номенклатуры частей речи в работах по грамматике китайского языка представлена в Табл. 1.

Табл. 1. Классы слов в грамматиках китайского языка

Год	Автор	Грамматика	Общее число	Выделяемые классы	Особенности
1898	马建 忠	马氏文通	9	名字、代字、动字、 静字、状字、介字、 连字、助字、叹字	
1924	黎锦熙	新著国语文 法	9	实体词(名词、代名词),述说词(动词),区别词(形容词、副词),关系词(介词、连词),情态词(助词、叹词)	9 основных классов объединены в 5 функциональных метаклассов.
1952 - 1953		现代汉语讲 话	10	名词、代词、数词、 量词、动词、形容 词、副词、连词、语 助词、象声词	Добавлены классы 量词, 象声词. В классе 名 词 выделя- ются под- классы 时间 词, 处所词, 方位词.
1956		暂拟汉语教 学语法系统	11	实词:名词、动词、形容词、数词、量词、 代词; 虚词:前者下副词、介词、连词、助词、叹词	Основные классы объединены в 2 метакласса.
1968	Chao Yuen	A Grammar of Spoken	15	Nouns, Proper names, Place words, Time	Как отдель- ный класс

Год	Автор	Грамматика	Общее число	Выделяемые классы	Особенности
	Ren 赵元 任	Chinese		words, D-M compounds, Determinatives, Measures, Localizers, Pronouns, Verbs (incl. A adjectives), Prepositions, Adverbs, Conjunctions, Particles, Interjections	«D-M compounds» выделяются счетный комплекс (сочетание числительного слова) и сочетание указательного местоимения со счетным словом.
1978	陈望	文法简论	13	实词:体词(名词、代词)、用词(动词、形容词、断词、衡词)、 点词(数词、指词)、 点词; 点词:介词、连词、 助词; 感词	Выделяются 9 классов полнозначных слов, распределённых по 4 метаклассам. Междометия выделяются в отдельный класс, на уровне полнозначных и служебных слов.
1982	朱德熙	语法讲义	17	实词:体词(名词、 经词、名词、 好问词、区别词、知识 词,还别词、谓词、 是词、谓词(代词,谓词); 以为,是词,谓词,谓词, 以为,是词,则词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是词, 以为,是, 。 之, 之,。 之, 之, 之, 之, 之, 之, 。 之, 。 之,	Местоимения оказываются распределенными между двумя метаклассами в зависимости от своей природы. Звукоподражания и междометия выделены в

Год	Автор	Грамматика	Общее число	Выделяемые классы	Особенности
					отдельные классы, на уровне пол- нозначных и служебных слов.
2002	郭锐	现代汉语词 类研究	20	动词、形容词、状态词、光态词、是词、量词、处所词,处所词,数词、数词,数词,数词,数词,数词,数词,指示词;以为词,说词,说词,说词,说词,说词,以词;	См. анализ ниже.
2010	张编	现代汉语描写语法	14	体词(名词、数词、卷词); 词词(为词、形容)词(区别词); 可谓(区别词),可谓(区别词),谓(对词),谓(对词),谓(对词),谓(对词),谓(对词),谓(对词),谓(对词)。	Местоимения выделены в отдельную (частично дублирую) подсистему.

Разработанное на материале флективных языков распределение слов по классам, разрядам или категориям, традиционно опиралось на ряд семантических и грамматических признаков, предполагавшихся как общие для всех входящих в данный класс слов. На современном этапе из трёх критериев, используемых для выделения частей речи, с типологической точки зрения, универсальным следует считать только синтаксический, а семантический и морфологический критерии могут выступать лишь как дополнительные признаки, зна-

чимые преимущественно для языков с богатой морфологией, сравнивая с подходом, представленным в «Части речи» [Живов, 1990].

В тех случаях, когда слова того или иного класса обладают маркированными формами, эти формы выступают морфологическим критерием выявления грамматической природы слова и, таким образом, способствуют установлению его частеречной принадлежности, но наиболее релевантными для китайского языка являются именно дистрибутивные признаки слова, тогда как семантические и морфологические очевидно уступают в эффективности применения: скудная морфология китайского языка, как и обобщенно-категориальное значение лексической единицы могут способствовать выделению частей речи лишь в ограниченном числе случаев. Синтаксические признаки слова включают его «внешнюю дистрибуцию», как набор доступных для него синтаксических позиций в предложений, включая способность функционировать в роли одного или нескольких членов предложения, его сочетаемость с теми или иными служебными словами, а также его «внутренние» дистрибутивные характеристики, т.е. способность подчинять себе слова других классов или быть зависимым от них. При этом синтаксические функции основных частей речи достаточно разнообразны и не подчиняются жёстким ограничениям, проявляя лишь базовые тенденции.

В синологии впервые высказанная в «Lectures on Grammar» [Zhu, 1982] идея о наличии корреляции между классами слов и выступающими в определенной синтаксической функции (членов предложения) аргументами (指称) и предикатами (陈述), затем в «The types of expressional function» [Guo, 1997] дополненная третьей функцией — атрибута, послужила толчком для пересмотра теории частей речи в китайском языкознании и привела к появлению новых подходов к распределению слов по классам. Так, в ряде концепций опора на функции слов в предложении имела следствием полный отказ от таких традиционных понятий, как части речи, существительное, глагол и др., и дроблению лексических единиц китайского языка на чисто функциональные синтаксические классы, см. «Оп the Chinese wordclass from the perspective of automatic syntactic analysis» [Chen, 1999]. Такой подход допустим для решения задач автоматической обработки естественного языка, однако противоречит традиции и неудобен для практического описания языка, к примеру, в целях преподавания.

Гетерогенность единиц внутри классов в китайском языке и зачастую невозможность дать однозначную частеречную характеристику в терминах принадлежности/непринадлежности к тому или иному классу подтолкнула исследователей к идее скалярного подхода к классификации частей речи. Обзор подобных «гибких» подходов к выделению классов слов в китайском языке представлен в «Zhu Dexi's Study on Parts of Speech in Chinese» [Guo, 2011]. Общим для них является постулирование в рамках соответствующего класса центрального члена — прототипа, обладающего набором типичных признаков и составляющего ядро выделяемой категории. На фоне большого числа промежуточных случаев, не укладывающихся в жёсткую и однозначную частеречную классификацию, идея полевой структуры грамматических классов, разрешает соответ-

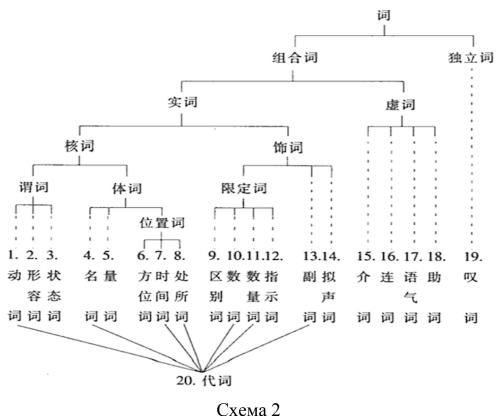
ствующую проблему за счет наличия периферийной зоны, в которой набор признаков слова будет значительно отличаться от ядерного члена, в зависимости от большего или меньшего сходства с прототипом, сравнивая со скалярным подходом, используемым для описания корпусной грамматики русского языка в «Материалы к Корпусной грамматике русского языка» [Материалы, 2018]. Диагностический набор грамматических признаков и шкала оценки, позволяющие на основании количественных данных определить степень принадлежности слова к тому или иному классу, представлены в «Handbook of Chinese Word Classes» [Yuan et al., 2009], обзор на русском языке см. «Новый подход Юань Юйлиня к выделению частей речи в китайском языке и его практическое применение» [Симатова, Дондоков, 2016].

На современном этапе в синологии проблема частей речи разрабатывается в работах Го Жуя (郭锐), который опираясь на идеи Чжу Дэси (朱德熙), с учетом типологически ориентированной концепции, изложенной в «Туроlogy and universals» [Croft, 1990], предлагает комплексную теорию синтаксических классов слов китайского языка «Exploring Modern Chinese Parts of Speech», «Modern Chinese Parts of Speech: Classification Theory» [Guo, 2002; Guo, 2019]. Го Жуй применительно к китайскому материалу описывает корреляцию между концептуальным классом и синтаксической функцией в предложении через двухуровневое противопоставление, см. Схему 1.

Схема 1

Классификация, предложенная в «Exploring Modern Chinese Parts of Speech» [Guo, 2002], представляет собой упорядоченное многоуровневое распределение слов китайского языка по классам, опирающееся на их формальнограмматические свойства путем последовательного применения дистрибутивных критериев — сначала сочетаемости со служебными словами, затем, с учётом обычных синтаксических связей между словами, его «внутренних» дистрибутивных характеристик, сравнивая с принципом «концентрического убывания грамматичности», изложенным в «Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира» [Плунгян, 2011]. Система частей речи в китайском языке представлена на Схеме 2.

На первом уровне в зависимости от способности/неспособности выступать в синтаксически обособленной позиции (独立词 dúlì ci) выделяется класс междометий $(19)^1$ (以词 tanci), способных формировать самостоятельное высказывание и противопоставленных по этому признаку «словам сочетающимся» (组合词 zǔhécí). На втором уровне для «слов сочетающихся» представлено традиционное для китайского языкознания деление на полнозначные слова (实 词 *shíci*) и служебные (虚词 *xūci*).

Служебные слова разбиваются на четыре класса: предлоги (15) (介词 jièci), союзы (16) (连词 liánci), модальные частицы (17) (语气词 vǔgìci), служебные слова (18) (助词 zhù ci). На следующем этапе в зависимости от способности/неспособности выступать вершиной синтаксической группы разграничиваются ядерные слова (核词 héci) и атрибутивные слова (饰词 shìci). Среди атрибутивных слов далее в зависимости от дистрибуции с предметными словами выделяются специфицирующие слова (限定词 xiàndìngci), которые реализуют синтаксическую функцию предметного атрибута. К ним относятся: дифференцирующие слова (9) (区别词 $q\bar{u}bi\acute{e}c\acute{i}$), числительные (10) (数词 $shùc\acute{i}$), количественные слова (11) (数量词 shùliàngcí), указательные слова (12) (指示词 zhǐshìcí). Специфицирующим словам противопоставлены сочетающиеся с предикатными словами **наречия** (13) (副词 *fùci*) и **звукоподражания** (14) (拟声词 nishēngci). Среди ядерных слов размежевание классов представлено как деле-

¹ В скобках указан номер соответствующего класса на Схеме 2.

ние на предикатные слова (谓词 wèici) и предметные слова (体词 tici). На заключительном этапе в результате деления метакласса предикатных слов вычленяются классы: глаголы (1) (动词 dòngci), прилагательные (2) (形容词 xingróngci) и состояния (3) (状态词 zhuàngtàici). Среди предметных слов выделяются три класса: существительные (4) (名词 mingci), счётные слова (5) (量词 liàngci) и класс позиционных слов (位置词 wèizhici), в рамках которого обнаруживается еще один подуровень с тремя классами слов с темпоральнопространственными значениями: директивы (6) (方位词 fāngwèici), темпоративы (7) (时间词 shíjiānci) и локативы (8) (处所词 chùsuŏci). Словазаместители (20) (代词 dàici) образуют отдельную частеречную подсистему, включая слова, замещающие целый ряд классов, в том числе глаголы, существительные, темпоративы, локативы, числительные, количественные слова, наречия.

Данная классификация иллюстрируется следующими примерами:

- (1) Глаголы: 吃、洗、跑、休息、想、病、坐、有、是、来、能、可以、完成、思考
- (2) Прилагательные: 高、短、大、晚、干净、认真、伟大、不幸、有趣、可笑、结实
- (3) Состояния: 雪白、甜丝丝、黑咕隆咚、轰轰烈烈、优良、酷热、瘦高、 皑皑、旖旎
- (4) Существительные: 石头、文化、国家、人民、船只、时间、钟头、长江、泰山、孔子
- (5) Счётные слова: 个、张、斤、次、天、年、分钟、点、些、种、团、 滴、杯、批、套
- (6) Директивы: 前、上、里、左、南、下面、后头、以前、周围、旁边、 附近、对面
- (7) Темпоративы: 今天、去年、上午、刚才、过去、春节、正月、最近、 拂晓、星期天
- (8) Локативы: 当地、街头、门口、野外、一旁、乡下、民间、原处、远处、基层、头里
- (9) Дифференцирующие слова: 高等、公共、亲爱、民用、日常、随机、袖珍、现行、野生、业余、男
- (10) Числительные: 一、二、两、三、五、十、百、千、万、亿、半、几、数、多、诸
- (11) Количественные слова: 一切、大量、不少、所有、大批、部分、个把、少许、俩、片刻、许久
- (12) Указательные слова: 这、那、每、其他、任何、另、惟一、上、下、前、后、头
- (13) Наречия: 很、都、只、也、又、就、赶紧、常常、正在、亲自、难 道、究竟

- (14) Звукоподражания: 啪、叮当、哗啦
- (15) Предлоги: 把、被、从、对、在、按照、比、跟、向、由、凭
- (16) Союзы: 和、或者、并、而、不但、而且、虽然、但是、即使、况且
- (17) Модальные частицы: 吗、呢、啊、吧、来 着、罢了
- (18) Служебные слова: 了、着、过、的、地、得、所、等、似的
- (19) Междометия: 啊、唉、喂、哎哟、哼、哎呀
- (20) Слова-заместители: 我、他们、谁、什么、哪里、几、多少、怎样、怎么样、这儿 [Guo, 2002, 29].

Процедура применения синтаксических критериев, базирующихся на дистрибутивных характеристиках лексических единиц китайского языка, и полученная в результате этого классификация, безусловно, нуждаются в детальных пояснениях, как требует анализа и весь спектр проблем, возникающих при распределении китайских слов по частям речи и попытке приписать ту или иную частеречную принадлежность конкретной языковой единице. Эти и иные вопросы, связанные с классификацией слов представляют насущную лингвистическую проблему в синологии и ждут своего решения в ходе дальнейшего изучения языкового материала и подведения нового научного базиса под теорию частей речи.

Список использованных источников:

- 1. Гао Минкай. Проблемы частей речи в китайском языке / Минкай Гао // Вопросы языкознания, $1955. \mathbb{N} 2. \mathbb{C}. 42-53.$
- 2. Живов В.М. Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 578.
- 3. Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор- История, 2018.-472 с.
- 4. Панфилов В.С. Формализованный подход к выделению грамматических классов слов в китайском языке / В.С. Панфилов // Вопросы языкознания, 2003. № 6. C. 65-75.
- 5. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
- 6. Симатова С.А., Дондоков Д.Д. Новый подход Юань Юйлиня к выделению частей речи в китайском языке и его практическое применение [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016. − № 4. − С. 227–238. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_4_unicode/35.pdf (Дата обращения: 08.03.2019).
- 7. Шутова Е.И. Проблема частей речи в китаеведении / Е.И. Шутова // Вопросы языкознания, $2003. N_2 6. C. 47-64.$
- 8. Яхонтов С.Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании / С.Е. Яхонтов // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова. Санкт-Петербург: НП-Принт, 2016. С.160—170.

- 9. Croft William. Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 311 p.
- 10. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. University of California Press, 1968. 847 p.
- 11. Gabelentz Georg. Chinesische Grammatik. Leipzig: T.O. Weigel, 1881. 552 p.
- 12. Guo Rui. Modern Chinese Parts of Speech: Classification Theory. Routledge, 2019. 218 p.
- 13. 陈望道著 文法简论. 上海:上海教育出版社。- 528 页. Chen Wangdao. A brief introduction to grammar. Shanghai: Shanghai Education Press. 528 p.
- 14. 陈小荷著 从自动句法分析角度看汉语词类问题 //《语言教学与研究》1999 年第 3 期 北京,北京语言文化大学出版社,63-72 页 Chen Xiaohe. On the Chinese wordclass from the perspective of automatic syntactic analysis. Language Teaching and Research, 1999. No. 3. Beijing, Beijing Language and Culture University Press, pp. 63-72.
- 15. 丁声树等著 现代汉语语法讲话. 北京:商务印书馆, 1961. 228 页 Ding Shengshu et al. Lectures on modern Chinese grammar. Beijing: The Commercial Press, 1961. 228 p.
- 16. 郭锐著 论表述功能的类型及相关问题 //《语言学论丛》1997 年, 第 19 辑, 253–271 页. Guo Rui. The types of expressional function // "Linguistics". 1997. No. 19. pp. 253–271.
- 17. 郭锐著 现代汉语词类研究。北京: 商务印书馆, 2002. Guo Rui. Exploring Modern Chinese Parts of Speech. Beijing: The Commercial Press, 2002.
- 18. 郭锐著 朱德熙先生的汉语词类研究 // 《汉语学习》2011 年 10 月。 第 5 期,13–26 页. Guo Rui. Zhu Dexi's Study on Parts of Speech in Chinese // Chinese Language Learning, 2011. No. 5. 13–26.
- 19. 黎锦熙著 新著国语文法 长沙, 湖南教育出版社, 2007. 347 页. Li Jinxi. A new grammar of the Chinese national language. Changsha, Hunan Education Press, 2007. 347 p.
- 20. 馬建忠著 馬氏文通 北京,商务印书馆, 1998. Ma Jianzhong. Ma Shi wen tong. Beijing: The Commercial press, 1998. 448 p.
- 21. 袁毓林, 马辉周, 韧曹宏著 汉语词类划分手册. 北京, 北京语言大学出版社, 2009. 794 页. Yuan Yulin, Ma Huizhou, Ting Caohong. Handbook of Chinese Word Classes. Beijing, Beijing Language and Culture University Press, 2009. 794 p.
- 22. 张斌主编 现代汉语描写语法 商务印书馆, 2010. 1306 页 Zhang Bin (ed.). Descriptive Grammar of Modern Chinese. Commercial Press, 2010. 1306 p.
- 23. 朱德熙著 语法讲义。北京,商务印书馆,1982. 231 页 Zhu Dexi. Lectures on Grammar. – Beijing, The Commercial Press, 1982. – 231 p.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОСТАВНЫХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Геращенко А.М., доцент кафедры иностранных языков №2, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

SEMANTIC STRUCTURE OF COMPOSITE NAMES OF BIRDS IN CHINESE

Gerashchenko A., Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 2, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В работе рассматриваются особенности семантической структуры составных названий птиц в китайском языке. Автор анализирует лексические единицы, служащие их основами, и характеристики, добавляемые к этим основам для образования составных наименований.

Ключевые слова: составные названия, названия птиц, словообразование в китайском языке.

Abstract. The paper concerns the semantic structure peculiarities of the composite names of birds in Chinese. The author analyzes the lexical units serving as their bases and the characteristics added to those bases to form the composite names. Keywords: composite names, names of birds, word-formation in Chinese.

Одним из актуальных вопросов языкознания, в том числе применительно к китайскому языку, является рассмотрение особенностей образования лексических единиц. Известно, что основным способом словообразования в китайском языке является сложение лексем [Семенас, 2005, 38]. Рассмотрим особенности словосложения в данном языке на примере составных названий видов животных класса птиц (Aves), уделив особое внимание семантической структуре таких названий.

Материалом для анализа послужили 20 составных наименований (7 двусложных, 3 трёхсложных, 8 четырёхсложных, 1 пятисложное и 1 шестисложное) птиц, представленных в Пекинском зоопарке (на момент его посещения автором в августе 2010 г.) и в большинстве своём обитающих в природе на территории Китая.

В результате проведённого анализа удалось установить, что выбранные автором для исследования «сложные» названия являются производными от 10 «простых» наименований, представляющих собой односложные слова (хотя отмечен и пример семантически неразложимой двусложной лексической единицы).

Как правило, иероглифы для записи данных наименований содержат раскрывающий их семантику ключ 널 («птица»). К числу таких номинаций относятся:

- 1) 鸡 «курица», «петух» основа для образования 5 производных номинаций птиц отряда курообразных (наиболее частотная в рамках корпуса примеров данной работы), в частности, номинаций 4 видов семейства фазановых: 原鸡 банкивская джунглевая курица (Gallus gallus), 石鸡 азиатский кеклик или азиатская каменная куропатка (Alectoris chukar), 白腹锦鸡 алмазный фазан (Chrysolophus amherstiae),藏雪鸡 тибетский улар (Tetraogallus tibetanus), а также 1 вида семейства цесарковых: 鹫珠鸡 грифовая цесарка (Acryllium vulturinum);
- 2) 鹦鹉 «попугай» в корпусе примеров отмечается в названиях 2 видов представителей разных семейств отряда попугаеобразных: 费氏牡丹鹦鹉 неразлучник Фишера (Agapornis fischeri) из семейства попугаевых, 鸡尾鹦鹉 корелла (Nymphicus hollandicus) из семейства какаду (заметим, что 鹦鹉 единственное в рамках корпуса примеров данного исследования двусложное название птицы, условно трактуемое как «простое», т.е. семантически неразложимое, так как 鹦, как и 鹦鹉, имеет значение «попугай», а 鹉 представляет собой иероглиф, употребляющийся только в сочетаниях);
- 3) 鹫 «гриф» используется в названиях 2 видов семейства грифовых отряда ястребиных: 秃鹫 черный гриф или бурый гриф (Aegypius monachus), 高山兀鹫 снежный гриф или гималайский гриф, известный также как кумай (Gyps himalayensis);
 - 4) 鹮 «ибис»: 朱鹮 красноногий ибис (Nipponia nippon);
 - 5) 鸨 «дрофа»: 大鸨 дрофа (Otis tarda);
- 6) 鸠 «горлица»: 紫胸凤冠鸠 каштановогрудый венценосный голубь (Goura scheepmakeri);
 - 7) 鸮 «совы»: 雕鸮 филин (Bubo bubo).

Оставшиеся 3 иероглифа «простых» наименований птиц включают в себя ключ 隹 («короткохвостая птица»):

- 1) 雉 «фазан» это 3 вида семейства фазановых: 黄腹角雉 буробрюхий трагопан (Tragopan caboti), 红腹角雉 глазчатый трагопан (Tragopan temminckii), 大眼斑雉 аргус или фазан аргус (Argusianus argus), а также один вид семейства краксов: 大凤冠雉 большой кракс (Crax rubra),
- 2) 雕 «орёл» 2 вида дневных хищных птиц семейства ястребиных: 白 尾海雕 орлан-белохвост (Haliaectus albicilla), 金雕 беркут (Aquila chrysaetos);
 - 3) 雀 «воробей»: 蓝孔雀 павлин (Pavo cristatus).

Утверждение о преобладании в иероглифах с «птичьей семантикой» ключа 与 над 住 нашло подтверждение и при анализе «простых» названий птиц, приведенных в «Большом китайско-русском словаре» под редакцией Б.Г. Мудрова [Большой китайско-русский словарь, 2005]. Ключ 与 отмечен как состав-

ная часть в иероглифах 35 «базовых» (односложных или, в единичных случаях, семантически неразложимых двусложных) приведённых в указанном словаре наименований птиц (как реальных: 鸦 — «ворона, ворон», 鹅 — «гусь», так и мифических: 鹏 — «пэн», 鸩 — «чжэнь»), а 隹 — лишь в 4 (помимо вышеприведенных 雉 и 雀, это 錐 — «птенец» и 雁 — «дикий гусь», а также даётся 雞 как традиционный вариант написания для 鸡). Более того, согласно цитируемому словарю, 乌 вместо 隹 пишется и в иероглифе со значением «орёл».

Заметим, что основы для китайских наименований биологических видов, как правило, перекликаются с научной классификацией. Так, в основу 6 из 7 рассмотренных автором данной работы названий видов птиц семейства фазановых отряда курообразных положены, с одинаковой частотностью, лексемы 均 («курица») или 雉 («фазан»). Исключением является обозначение павлина, образованное от лексемы 雀 – 孔雀 (что можно перевести как «дырчатый воробей»).

К указанным основам (всегда в препозиции) добавляются разнообразные характеристики. Таким образом, применительно к рассмотренным лексемам отмечен характерный для большей части существительных китайского языка атрибутивный тип «грамматических связей между компонентами лексических комплексов» [Семенас, 2005, 39].

Как правило, характеризуется внешний вид птиц (то же отмечено и применительно к млекопитающим [Геращенко, 2010, 45]):

- 1) окрас: 白腹锦鸡 «белобрюхая узорчатая курица», 朱鹮 «ярко-красный (киноварный) ибис», 紫胸凤冠鸠 «фиолето-/коричневогрудая фениксовая хохлатая горлица», 黄腹角雉 «желтобрюхий рогатый фазан», 红腹角雉 «краснобрюхий рогатый фазан», 白尾海雕 «белохвостый морской орел», 金雕 «золотой орёл», 蓝孔雀 «синий павлин» (или «синий дырчатый воробей»);
- 2) особенности очертаний (в частности, специфика покрова, размера): 秃鹫 «лысый гриф», 大鸨 «большая дрофа», 大凤冠雉 «большой фениксовый хохлатый фазан», 大眼斑雉 «большеглазый пестрый/пятнистый фазан»;
- 3) сходство с другими птицами: *鳖*珠鸡 *«грифовая* жемчужная курица», 鸡尾鹦鹉 *«куро*хвостый попугай», *雕*鸮 *«орлиная* сова».

В эту семантическую группу укладываются 16 из 20 рассмотренных наименований (причём в целом ряде из них содержатся характеристики более одной особенности внешнего вида). Таким образом, и применительно к названиям птиц можно утверждать, что при осуществлении номинации объектов живой природы носители языка основываются на их наиболее очевидных (в самом буквальном смысле) отличительных признаках.

Иногда в названиях птиц характеризуется место обитания: 藏雪鸡 — «гималайская снежная курица», 石鸡 — «каменная курица», 高山兀鹫 — «высокогорный гриф». Выявлены также единичные случаи характеристики положения

птицы в ряду подобных (原鸡 – «первичная курица») и указания имени первооткрывателя (费氏牡丹鹦鹉 – «Фишеров неразлучник»).

При этом стоит отметить и распространенность присутствия в одном наименовании двух или более разнородных характеристик, что можно объяснить образованием составного видового названия от также составного наименования более крупного таксономического подразделения: 海雕 — орлан (*«морской* орел» — наименование, образованное путём добавления характеристики места обитания) \rightarrow 戶尾海雕 — орлан-белохвост (*«белохвостый* орлан» — название, созданное посредством добавления к номинации-основе характеристики внешнего вида).

В заключение отметим, что в ряде случаев китайские названия биологических видов по своей семантической структуре идентичны своим английским аналогам (например, 金雕 = golden eagle — «золотой орел», т.е. беркут, 藏雪鸡 = Tibetan snowcock — «тибетская снежная курица», т.е. тибетский улар). В связи с этим заслуживает внимания вопрос о степени самостоятельности носителей китайского языка в образовании этих наименований (которые, возможно, являются продуктом калькирования). При этом фонетических заимствований в китайских наименованиях птиц (в отличие, например, от русских, английских и латинских) не отмечено. Очевидно, это обусловлено фонетической структурой китайского языка, которая является препятствием для такого рода заимствований, что влечет за собой необходимость создания еще большего числа составных наименований.

Список использованных источников:

- 1. Большой китайско-русский словарь / З.И. Баранова, В.Е. Гладцков, В.А. Жаворонков, Б.Г. Мудров; под ред. Б.Г. Мудрова. 5-е изд., стереотип. М.: Живой язык, 2002. 528 с.
- 2. Геращенко А. Составные названия млекопитающих в китайском языке / А. Геращенко // Актуальные вопросы китаеведения: филология, философия, история, экономика и политика: материалы научно-практической конференции (Ташкент, ТашГИВ, 30 сентября 2010) / Под. общ. ред. А. Каримова. Ташкент: ТашГИВ, 2010. С. 42—46.
- 3. Семенас А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас. 2-е изд., стер. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 310, [2] с.

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мачулко М.А., преподаватель МГЛУ им. Мориса Тореза, Москва, Россия

VERBAL MEANS OF CREATING A POSITIVE EVALUATION IN ADVERTISING DISCOURSE IN CHINESE

Machulko M., Lecturer, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены типы языковой репрезентации положительной оценки в текстах Интернет-рекламы на китайском языке. Исследуется взаимосвязь вербальных средств оценки с тематикой рекламного текста и объектами оценки. В работе выявляются оценочные смыслы языковых единиц, описывается связь лексического и прагматического значения слова, анализируются национально-специфические особенности китайской рекламы.

Ключевые слова: рекламный дискурс, положительная оценка, оценочные значения, объект оценки, китайский язык, национальная специфика.

Abstract. The article presents the types of linguistic representation of a positive evaluation in the texts of Internet advertising in Chinese. The interrelation of verbal means of evaluation with the subject of advertising text and objects of evaluation is investigated. The work reveals the evaluation means of linguistic units, describes the interrelation of lexical and pragmatic meanings of the word, analyzes the national-specific features of Chinese advertising.

Keywords: advertising discourse, positive evaluation, evaluation means, object of evaluation, Chinese, national specificity.

Современный мир в большой степени формируется под влиянием средств массовой коммуникации, к которым относят рекламу. Закономерно, что внимание исследователей привлекает рекламный дискурс, определяемый как социальный процесс, в который включён текст, а текст является конкретным материальным объектом, получаемым в дискурсе [Карасик, 2002, 102].

Рекламный дискурс, транслируя определённые ценности и жизненные установки, формируют общественное мнение не только по поводу рекламируемых товаров и услуг; одновременно формируется общественное мнение по поводу связанных с этими товарами и услугами потребностей, моделей поведения, стремлений, ментальных и жизненных ценностей [Гаран, 2009, 9]. При анализе рекламного дискурса подразумевается анализ рекламного текста, используемых лексических единиц с оттенками смыслов, а также различных стилистических приемов.

Одной из основных особенностей рекламного дискурса является его сугубо положительный пафос. Доминирование положительной оценки свидетель-

ствует о неполной объективности при подаче информации о рекламируемом объекте.

Проблема оценки рассматривается в современном языкознании как один из важнейших аспектов описания содержательной стороны языковых единиц. При рассмотрении проблем оценки внимание языковедов привлекают, главным образом, языковые средства отрицательной оценки. Они являются более многочисленными, и им посвящено наибольшее число исследований [Кувинова, 2005, 89]. Напротив, о лексике положительной оценки в литературе встречаются лишь замечания общего характера, и она до сих пор не была объектом специального исследования, что определяет новизну и актуальность исследования.

Методологическую базу составили труды, посвящённые разным аспектам изучения рекламного дискурса таких авторов, как В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Н.Н. Трошина, Л.Г. Фещенко, А.В. Олянич; исследования способов выражения оценки в языке учёных: Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольфа, В.Н. Телия, А.И. Лызлова, и работы китайских ученых, направленных на изучение и сравнение феномена оценки в русском и китайском языках, таких как Тань Аошуан, Хуа Ли, Юй Вэньцзин, Цао Вэй, Юй Гэньюань.

Актуальность темы определяет цель исследования — выявить способы выражения положительной оценки в рекламном дискурсе на китайском языке. Материалом исследования послужили рекламные тексты баннерной рекламы в Интернете в количестве ста случайным образом выбранных единиц, найденных через ресурсы интернета. Эти сто единиц представляют собой микротексты, где использовались несколько языковых единиц, несущих анализируемую в данной работе положительную оценку. Таким образом, было найдено 244 языковые единицы (слова или словосочетания), выражающие положительную оценку.

Изучив и проанализировав разные подходы к определению оценки текстов (классификации С.С. Хидекеля, В.Н. Телия, Е.М. Вольфа, Н.Д. Артюновой, Л.М. Васильева), мы взяли за рабочую классификацию оценочных значений Н.Д. Арутюновой, которая выделяет сенсорные, рациональные и сублимированные оценочные значения. А также проанализировали найденный языковой материал по классификации С.С. Хидекеля, каким образом выражается открытая и скрытая оценка.

Таким образом, в данной статье оценка рассматривается не только как компонент лексического значения слова, но и как часть прагматического значения слова, выражающая отношение субъекта оценки к объекту внеязыковой действительности посредством соотнесения отдельных его признаков с системой ценностей, принятых в данном языковом коллективе. Оценка выделяет определённый признак предмета, события, факта, явления, она помогает ориентации человека в историческом времени и пространстве. Оценка в языке связана с понятием нормы, которая распространяется только на позитивные оценки. Положительная оценка означает, что процесс протекает нормально; негативная оценка подразумевает отклонение от нормы, или же то, что характер протекания процесса не удовлетворяет всем нормативным требованиям. Механизм оценки включает в себя субъект, объект, основание, а также характер оценки [Лызлов, 2009, 9].

Китайские исследователи [Цао Вэй, 2007, 118] отмечают влияние традиционной китайской культуры и философии на символизм и эстетику рекламных текстов, которые, являясь одним из важнейших средств массовой коммуникации, наиболее однозначно, хотя часто и примитивно передают стереотипные представления, шкалу ценностей нации.

При проведении данного исследования было проанализировано 100 рекламных текстов и найдено 244 языковые единицы, выражающие положительную оценку. Данные единицы были классифицированы по различным признакам. Сначала они были распределены на тематические рубрики, в зависимости от рекламируемого товара, следующим образом (см. рис.1.): косметические товары – 81 шт; медицинские препараты – 34 шт; компьютерная техника, оргтехника – 25 шт; туристические услуги – 21 шт; одежда – 21 шт; бытовая техника, сотовые телефоны –18 шт; инвестиции – 11 шт; ювелирные украшения – 7 шт; свадебные принадлежности – 5 шт; СМИ – 3 шт; товары для детей – 3 шт; автомобили – 3 шт; товары для дома – 3 шт; алкогольная продукция – 2 шт; билеты и концерты – 1 шт.

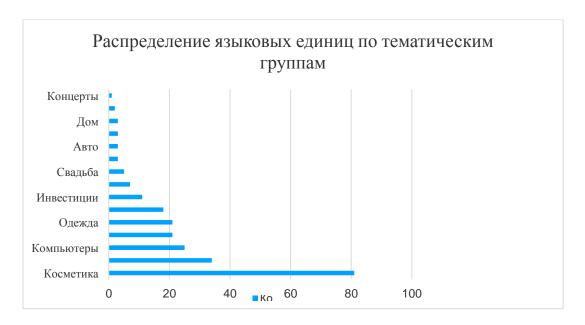

Рис.1. Распределение языковых единиц по тематических группам

Далее были выделены оттенки частнооценочного значения по классификации Н.Д. Арутюновой, образовалось 3 большие группы сенсорных, сублимированных и рациональных оценочных значений. В зависимости от способа выражения положительной оценки, единицы были разделены на выражающие открытую и скрытую оценку.

Анализируя особенности языка китайской рекламы, нельзя не остановиться на рассмотрении принадлежности лексических единиц к той или иной части речи.

Распределяя анализируемые единицы по частям речи, выделились следующие две большие группы: 1) слова (прилагательные, существительные, глаго-

лы, наречия); 2) словосочетания (определительные, глагольно-объектные, числительно-предметные, сравнительные).

Кратко это изображено на диаграмме рис. 2. Распределив все единицы с положительной оценкой по частям речи, выяснилось, что большинство являются прилагательными (90 шт, 37%), далее следуют определительные словосочетания (偏正词组) (33 шт 14%), существительные (29 шт 12%), глаголы (28 шт 11%), наречия (24 шт 10%), глагольно-объектные словосочетания (动兵词组) (19 шт 8%), сравнительные обороты (18 шт 7%) и числительно-предметные словосочетания (数量词组) (3 шт 1%).

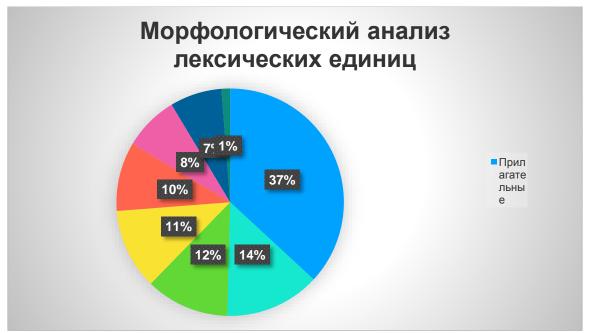

Рис. 2. Распределение лексических единиц, несущих положительную оценку, по частям речи

Проведённый всесторонний анализ лексических единиц с положительной оценкой показал:

- 1. Преобладание прилагательных с оценочным значением обусловлено природой оценки, которая призвана охарактеризовать какой-либо предмет или явление, описать его, эта же функция присуща именам прилагательным как части речи. Частотными прилагательными были: 新 (новый) 15 раз; современный 16 раз, в различных вариантах 当代,时尚,文明,世代,超越时间 (современный);美 (красивый) 8 раз; 白 (белый) 7 раз; 天然,纯天然,自然 (природный, естественный) 12 раз; 高档,高级 (первоклассный, высшего сорта) 6 раз.
- 2. Во всех тематических группах преобладают имена прилагательные, кроме группы рекламы медицинских препаратов. Здесь наиболее многочисленна группа глаголов со значениями 清除 (очищать), 降低 (снижать), 增强,改善善 (улучшать), 加强,强健 (оздоравливать), 减肥 (худеть), 保健,对抗 (защищать) и т.п. В рекламе медицинских препаратов не было выявлено ни одного примера использования сенсорной оценки, здесь преобладает рациональная

оценка, дающая характеристику товару как 天然, 纯天然 (натуральный), 有效 (эффективный), 营养 (питательный), 降低血压 (снижающий давление), 保健 (вылечить) и т.п. Также надо отметить, что для китайцев актуальной характеристикой является место производства препарата, 进口 (импортные), 当代整形 (современные) медикаменты привлекают большее внимание.

- 3. Лексические единицы, несущие рационально-оценочное значение, в большинстве своем выражены глаголами или глагольными словосочетаниями (赢, 营养, 投资, 拓展).
- 4. Наречия позволяют выделить предмет из ряда подобных, дать ему оттенок важности по сравнению с подобным. Наиболее встречающимися наречиями были 全 (5 раз), 更 (4 раза), 只 (4 раза), 最 (3 раза), 就 (2 раза), 立即 (2 раза), в том числе были редкие 唯 (единственный), 绝 (в значении самый).
- 5. Для групп, рекламирующих компьютерную и бытовую технику, характерны такие оценки, как 方便 (удобный), 领先 (лидирующий), 高技术 (высокомехнологичный), 名品, 大牌, 大名 (известный), 轻松工作 (удобен в работе), 赢 (выигрышный), 时尚 (современный), 轻薄 (тонкий (для ноутбуков и телефонов)), 智慧型, 智能 (умный), 精彩 (яркий) и др. В рекламе бытовой и компьютерной техники примерно в равной степени используется сублимированная и рациональная оценка, товар характеризуется как 时代, 世代, 文明 (современный), 绿色 (экологичный), 自游世界 (открывающий новые возможности), 智能 (интеллектуальный), 轻薄 (тонкий и удобный), 领先 (лидирующий), 商用 (коммерческий) и др. Можно полагать, что это связано с тем, что оргтехника является продуктом высоких технологий, предназначенным облегчить труд и быт человека.
- 6. Апелляция к брендовости, известности (名品, 大牌) также часто встречается в рекламе медикаментов, алкоголя, косметики, ювелирных украшений.
- 7. Для создания авторитетности, часто используются существительные 专家 (специалист), 冠军 (чемпион), 星 (звезда), 贵族 (элита) и др. Такого рода слова используются в рекламе для привлечения внимания клиента, создания у него ощущения надёжности, где известные личности выступают гарантом качества товара или услуги.
- 8. В найденных примерах доминирует использование языковых единиц и конструкций, выражающих рациональную положительную оценку. Общее количество единиц, выражающих рациональную оценку, составляет 71, сублимированную 62, сенсорную 46.
- 9. Самая многочисленная группа реклама косметических товаров, что свидетельствует о важности для китайцев внешней красоты и здоровья, при рекламировании косметических товаров в равной степени использовались все виды оценок, 24—20—23 (сенсорная сублимированная рациональная). Частотным было употребление слов: 白 (белый), 雪 白 (белоснежный), 净 白 (отбеливание), 原蛋白 (белый, как яйцо), и других с подобным оттенком лексического значения, что обусловлено традиционными представлениями китайцев

о женской красоте — красивая кожа — белая. Кроме цветового выражения красоты, частым оказалось использование таких характеристик, как 秀 (превосходный), 闪耀 (блестящий), 健康 (здоровый), 浓香 (густой), 神奇 (волшебный), 奢 华 (роскошный), 嫩肤 (нежный) и др. Также в данной группе встречается большое количество сравнений, эпитетов, четырёхморфемных сочетаний таких, как 甜蜜闪耀 (медовый блеск), 般清新 (словно новый), 细嫩如滑 (нежный и гладкий как лёд), 新生之源 (источник новой жизни), 莹润光彩 (сочный и сияющий), 如 钻 (словно бриллиант), 薔薇 (роза), 纯情花 (чистые цветы) и др.

- 10. В текстах рекламы туристических услуг доминируют лексические единицы с сублимированным оценочным значением, такие как 纯天然 (природный), 丰富 (богатый), 隆重 (шикарный), 时尚 (первоклассный), 五星, 新, 新标 (новый) и др.
- 11. В группе примеров, связанных с рекламой одежды, явно преобладает использование рациональной оценки (соотношение 5–3–10). Большинство лексики имеет оттенки значения 舒适 (удобный), 舒服 (комформный), 轻 (легкий), 必备 (необходимый), 柔软 (мягкий), 大牌 (известный) и т.п.
- 12. В рекламе ювелирных украшений преобладают единицы с сенсорным оценочным значением, но нет ни одного примера рациональной оценки, что обусловлено характером рекламируемого товара. Основными характеристиками явились слова 善戴 (прекрасный), 美丽 (красивый), 大牌 (известный), 史上 最美 (самый красивый в истории) и др.
- 13. Рекламируя товары для детей, китайские специалисты в большей степени ориентируются на родителей, так как с лексической точки зрения доминируют слова с рациональным оценочным значением, такие как 三种 (преимущество), 大奖 (награда), 满足要求 (удовлетворяющий требования) и др.
- 14. Сравнительные обороты в скрытых оценочных конструкциях строились, в основном, по нормам древнего языка, с использованием таких сравнительных союзов, как 若,如,之,般, например,坚若石头 (твёрд, словно камень),细嫩如滑 (гладкий и нежный как каток),般清新 (словно свежесть (воздуха)),如钻 (как алмаз (бриллиант)) и др. Использовались такие метафоры, как 秘密武器 (тайное оружие) о лекарстве,绿色通道 (зелёная дорога) об открытых возможностях,军工企业 (предприятия военной промышленности) о силе клиента.

В современном китайском обществе актуальным становятся понятия красоты, престижности и благополучия, что связано с непрерывным ростом уровня жизни китайского населения. Всё это также связано и с усилившимся проникновением западных культур в китайское общество. Однако, в исследовании были найдены и примеры влияния традиционной китайской культуры на язык рекламы, с присущим ему символизмом.

Желание жить здоровой и счастливой жизнью не имеет национальности, именно к этому апеллируют создатели рекламы. Однако особенность китайской рекламы передаётся через символизм культуры Китая, что проявляется в языке.

Символами красоты стали белоснежность кожи, гладкость волос; символами успеха явились образы барана, сливы, звезд и др.

Таким образом, было выявлено, что в современном китайском обществе становится актуальным вести здоровый образ жизни, что доказывает большое количество рекламы биологически активных добавок. Все большее значение для покупателя приобретают такие показатели товара, как комфортность, престижность, элитарность, высокое качество, брендовость и т.п.

Было выявлено, что приоритетными товарами в китайском обществе являются косметические, медицинские препараты и всевозможные услуги, например, туристические, инвестиционные, банковские. Широкий спрос на такого рода товары доказывает растущий уровень жизни населения Китая, увеличивающийся объем международных перевозок, что, в свою очередь, способствует еще более глубокому межкультурному обмену и коммуникациям.

Список использованных источников:

- 1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 243 с.
- 2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
- 3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. М.: Высшая школа, 1990. 310 с.
- 4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
- 5. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса / Е.П. Гаран. автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 18 с.
- 6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- 7. Кувинова Н.Б. Семантика и прагматика смыслового пространства положительной оценки в современном английском языке / Н.Б. Кувинова. дис. ...канд. филол. наук. М., 2005. 184 с.
- 8. Лызлов А.И. Оценка и языковые способы её выражения в паремиях / А.И. Лызлов. автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
- 9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М.: «Гнозис», 2003.-280 с.
- 10. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. Волгоград.: Перемена-Политехник, 2006. 600 с.
- 11. Тань Аошуан. Коннотация ключевого эстетического слова mei в китайском языке // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 290–293.
- 12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц / В.Н. Телия. М.: Наука, 1986. 241 с.

- 13. Трошина Н.Н. Социокультурные параметры дискурса // Социолингвистика вчера и сегодня: сборник обзоров / Ред. Н.Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2004. 204 с.
- 14. Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста / Л.Г. Фещенко. СПб: С.-Петерб. ин-т печати, 2003. 232 с.
- 15. Хидекель С.С., Когшель Г.Г. Природа и характер языковых оценок / С.С. Хидекель, Г.Г. Когшель // «Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака»: Межвузовский сборник науч. тр. Воронеж: ВГУ, 1983. 270 с.
- 16. Хуа Ли. Положительная эстетическая оценка в русском языке (красота с позиции носителя китайского языка и культуры) / Хуа Ли: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.
- 17. Цао Вэй, Гао Цзюнь. Guanggao yuyan jiaocheng (Курс языка рекламы) / Вэй Цао, Цзюнь Гао. Гуанчжоу: Изд-ва Университета Цзинань, 2007. 230 с.
- 18. Юй Вэньцзин, Лю Инь. Причина разницы в выражении оценочности в русском и китайском языках с этнической точки зрения / Вэньцзин Юй, Инь Лю // Сибирские исследования, $2008. N \cdot 2.48 50.86$
- 19. Юй Гэньюань. Язык Рекламы: учебное пособие / Гэньюань Юй. Шэнси: Изд-во Шэнси чэньминь чхубаньшэ, 1998. 301 с.

НАУЧНАЯ МЕТАФОРА КАК ЯВЛЕНИЕ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В РАМКАХ СТИЛИСТИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Макеева Я.Р., магистрант по направлению «Методика преподавания. Синхронный перевод» филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

SCIENTIFIC METAPHOR AS A PHENOMENON OF DETERMINOLOGIZATION WITHIN THE STYLISTICS OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Makeeva Y., master srudent "Method of teaching. Simultaneous translation" Faculty of Philology PFUR, Moscow, Russia

Аннотация. В статье раскрывается понятие «детерминологизация», его предпосылки и характерные черты, анализируется процесс детерминологизации как источник пополнения лексики языка, изучаются механизмы и условия выхода термина за рамки своего естественного обитания — научных текстов. В работе исследуется метафорическая природа термина, рассматриваются стилистические особенности включения термина в общеупотребительный язык и в соответствии с этим, выделяется основной продукт детерминологизации — терминологическая метафоризация. Делается вывод о творческом характере метафоризации, непосредственно связанной с терминообразованием и детерминологизацией, определяется роль термина-метафоры в лексической системе языка.

Ключевые слова: детерминологизация, терминологическая метафоризация, термины-метафоры, общеупотребительная лексика.

Abstract. The article reveals the very concept of "determinologization", its background and characteristics, analyzes the process of determinologization as a source of replenishment of the language vocabulary, studies the mechanisms and conditions for the term to go beyond its natural habitat – scientific texts. The work explores the metaphoric nature of the term, discusses the stylistic features of the inclusion of the term in the commonly used language and in accordance with this, highlights the main product of determinologization – terminological metaphorization. The conclusion is made about the creative nature of metaphorization, directly related to the term formation and determinologization, the role of the term metaphor in the lexical system of the language is determined.

Keywords: determinologization, terminological metaphorization, metaphor terms, common vocabulary.

Современное развитие науки и техники, компьютеризация всех областей человеческой деятельности, активная интеграция Китая в систему мировой экономики вызвали радикальную перестройку понятийного аппарата многих научных дисциплин и возникновение новых отраслей знания, увеличилось количество новых понятий, требующих новых номинаций. Всё это приводит к «терминологическому взрыву», т.е. к массовому возникновению новых терминов, терминологических полей и целых терминологических систем.

В данной работе делается попытка преодолеть представление о том, что термин порождается и функционирует в рамках определённой терминосистемы. Для понимания природы термина недостаточно изучать его изолированно, необходимо исследовать весь «ареал» его обитания, т.е. те условия, в которых он рождается и живёт.

Исследование явления детерминологизации в терминологии относится к числу наиболее важнейших проблем современной лингвистики. В связи с этим большой интерес представляет детерминологизированная лексика как особый пласт языка.

Научная новизна данной работы заключается, прежде всего, в иной, в отличие от традиционной, трактовке классических категорий терминоведения — термина, терминологизации, детерминологизации, научной метафоры, основанной на их динамической интерпретации. Динамический аспект исследования демонстрирует серьёзные намерения, связанные с отказом от прежних понятий термина как канонизированной и непротиворечивой языковой единицы и рассмотрением новых категорий, основными свойствами которых являются неоднозначность, подвижность и общедоступность.

Общеизвестно, что терминология — это специальная лексика в некой дисциплине или отрасли, это слова и фразы, которые используются для точного определения концепции специализированного домена и его отношения к другим понятиям. Однако известные лингвисты и учёные неоднократно подчёркивают творческий характер словообразования и терминообразования.

По мнению П.А. Флоренского, термин «на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности», а «история термина есть ряд творческих усилий мысли, наслояющей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новую свободу» [цит.по: Татаринов, 1994, 388]. О подвижности и изменчивости «научного построения» не раз говорил академик В.И. Вернадский [Вернадский, 2004, 102].

Высказывания подобного рода предопределяют важность исследования накопившихся в теории терминоведения проблем, связанных с определением сущности термина, закономерностями его порождения, роли в процессе познания, а также определением в нём меры специфичности и общедоступности.

В современном терминоведении частично уже изучено отмеченное нами противоречие, пути его решения чаще всего связываются с выявлением природы самого термина: «субстратом термина является лексическая единица (слово или словосочетание), у которой при выполнении ею функции термина появляются специфические признаки. В то же время у термина сохраняются общие

признаки лексической единицы естественного языка, в том числе способность вступать в синтагматические отношения в речевых произведениях, в текстах» [Лейчик, 2009, 12].

Язык науки возник и развивался на базе общелитературного национального языка, поэтому, естественно, основу языка науки составляет лексика, словообразование, грамматика общелитературного языка [Даниленко, 1977, 11]

Сущность термина не предусматривает асимметричности знака и означаемого. Синонимы и многозначные термины, встречающиеся в реальном терминоупотреблении, отражают конкретные факты функционирования терминов, а не их природу. Однако условия функционирования оказываются столь сильными, что они вступают в диссонанс с природой и оказывают на неё огромное влияние. В результате термин либо приобретает «двойников», либо сам становится носителем разных содержаний. Следовательно, на уровне отдельных знаков термины и слова общелитературного употребления при различии природы оказываются соотносительными, как функциональные единицы [Даниленко, 1977, 55].

Некоторым терминам семантического образования свойственно не только быстрое включение в терминосистему и закрепленность в ней, но и быстрый выход термина за границы терминосистемы, или же лексическая единица получает вторичное, метафорическое значение и начинает одновременно общеупотребительном языке. функционировать Данный процесс детерминологизация. Так, определяется согласно Н.А. Царенковой, как происходит взаимообратный процесс перехода профессиональной лексики «из языка науки в разговорную речь». В результате происходит процесс взаимообогащения. Тем не менее, «профессиональная лексика не удваивает разговорную, она её скорее расширяет в определенной степени» [Царенкова, 2010, 261].

Процесс детерминологизации имеет свой механизм, свои причины и факторы. Основными причинами детерминологизации являются: устаревание некоторой теории или концепции в результате открытия новых научных данных и, как следствие, распад соответствующей терминосистемы. При детерминологизации ΜΟΓΥΤ происходить, помимо функциональных, семантические и формальные изменения в лексической приобретает расплывчатое значение и начинает образовывать производные, сложные слова, и словосочетания не нужные терминосистеме. Так, например, лексическая единица в процессе развития языка сначала становится термином, а затем, сохраняясь в этой функции, одновременно детерминологизуется. Например: спутник (в дороге) – общеупотребительная лексика – спутник (искусственный, Земли) – терминология – спутник (искусственный) – общеупотребительная лексика [Лейчик, 2009, 86].

Следует также отметить, что нередко терминологическая лексика вступает в омонимичные отношения с общеупотребительной лексикой для различных целей, в частности, для создания стилистического эффекта — игры слов, и здесь весьма важен контекст. Например, на основе термина 艾滋病

àizībìng «СПИД» создано сочетание 爱资病 ài zī bìng «болезнь любви к капиталу; болезненное пристрастие к деньгам», а известное высказывание Дэн Сяопина 要向前看 yào xiàngqián kàn «нужно смотреть вперед» превратилось в 向钱看 xiàng qián kàn «все ради денег; отдавать предпочтение деньгам». На основе медицинского термина 气管炎 qìguǎnyán «трахеит» образовалась фраза 妻管严 qīguǎnyán «Муж, который боится своей жены; подкаблучник» [Щичко, 2004, 70]. Возможность использования теоретических моделей за пределами той предметной области, ДЛЯ описания которой построены, свидетельствует о гибкости функционирования как терминов получения новой информации.

Обязательными атрибутами детерминологизированных слов и выражений являются образность, эмоциональность, экспрессивность, и именно вследствие этих качеств «бывшие» термины входят в общелитературную лексику, и именно поэтому использует их современная художественная литература. Термины специальных областей знания служат постоянным источником пополнения словарного состава общеупотребительной лексики.

Современные взгляды на характер науки продолжают исторически сложившийся тезис о том, что наука не практикует «сюрреалистические эксперименты» бессмысленного продуцирования слов или продуцирования бессмысленных терминов. Создание нового слова в науке или использование старого в новом контексте всегда отвечает определенным требованиям логики развития Можно нового знания. сказать, переосмысление старых, исходных понятий является в языковом плане не чем иным, как метафоризацией. В этой связи многие конкретные естественнонаучные исследования демонстрируют преимущественно метафорический характер описания реальности. Это так называемый метод проб и ошибок, метод выдвижения некоторого предположения в форме концепта, когда мы пытаемся обнаружить в вещах сходные черты и интерпретировать их на основе законов, изобретенных нами. Учёные утверждают, что наиболее адекватное описание изучаемого явления достигается в конечном счёте только игрой различных образов. Игра образов – это не что иное, как метафоризация.

Активное использование терминов можно заметить в создании таких экспрессивно-стилистических средств, как:

- синестезия: квадратная гармония; ассиметричное молчание;
- метафора и персонификация: вечно влюблённые дважды два;
- оксюморон: их исследования приняли угрожающе научный характер;
- эпитет: вертикальные морщины; числовой мир; пунктирное дыхание;
- окказионализм: музыкометр; мыслепреступление; двоемыслие.

Процесс детерминологизации — это перенос термина в нетерминологическое окружение на основе сходства каких-либо внешних или функциональных признаках. А перенос слов с одного предмета на другой на основе их сходства и функций называется метафорой. Поэтому детерминологизация неразрывно связана с метафорой.

Употребление термина представляет собой применение одного из его языковых значений в новых, необычных или ещё неизвестных речевых условиях. Употребление может закрепиться за термином и стать одним из его значений. Лексические значения терминов не остаются неизменными — они развиваются. Причины этого развития нужно искать в изменении отражаемой языком жизни, в развитии мышления и сознания человека [Головин, 1977, 79]. Так, например, термин *диск* не имеет значения *«луна»*. Однако в известном стихотворении А. Блока «Незнакомка» этот термин обозначает именно луну:

Над озером скрипят уключины, И раздаётся женский визг, А в небе, ко всему приученный, Бессмысленно кривится диск [Блок, 2008, 364].

Данный пример демонстрирует типичное употребление метафоризации термина в процессе детерминологизации, т.е. при его употреблении вне научного контекста. Автор просто пересаживает данный термин в необычный для него контекст, детерминологизирует его, для создания стилистического эффекта – метафоризации.

Для более подробного и детального изучения взаимообусловленности детерминологизации и метафоризации термина нам показалось целесообразным обращение к трудам современных китайских лингвистов. В результате скрупулезного анализа нам удалось систематизировать полученные знания и на основании этого сделать выводы:

- 1. Точность терминологического значения не означает, что должно быть соответствие между термином и понятием. Термин соответствует множеству значений, а одно значение представлено несколькими символами.
- 2. Семантические средства включают в себя преобразование из общих слов в терминологию, из терминологии в метафору и метонимию.
- 3. Факторы когнитивного мышления, лингвистические факторы и неязыковые факторы являются основными предпосылками, способствующими возникновению явления детерминологизации [Чжан Мин, 2013].
- 4. Метафора является основным способом выражения и стилистическим эффектом явления детерминологизации [Дан Юнмэй, 2011].
- 5. При фактическом использовании языка термин в осуществлении своей собственной функции в то же время будет иметь различные вариации, на которые влияет закон универсального развития языка, поскольку изменчивость языка является его основной характеристикой.
- 6. Взаимосвязь между терминологией и не терминологией подчёркивает, что эти два понятия могут быть преобразованы друг в друга и сосредоточены на анализе четырёх этапов, которые должен пройти термин для детерминологизации [Ван Яньфэнь, 2009].
- 7. В процессе детерминологизации некоторые термины имеют различия в форме и смысле, что порождает собой семантическую вариацию [Би Юйсян, 2005].

- 8. Детерминологизация в терминологии используется, чтобы расширить свою профессиональную семантику на общий язык и получить метод использования переносного значения метафору [Чу Си, 2013].
- 9. Проведя количественный анализ доли терминологической и нетерминологической лексики путём сравнения «Словаря русских общих слов» и «Русско-китайского научно-технического словаря», исследования показывают, что в русском общем языке терминологическая лексика занимает абсолютное пре-имущество, а не терминологическая лексика занимает меньшую долю [Цзинь Даньпин, 2009].
- 10. Особенность термина «три в одном» (уровень языка, концептуальный уровень, культурологический уровень) лежит в основе всей терминологической работы и обоснования связанных понятий терминологии.

Всякое обновление, всякое развитие начинается с творческого акта. Это верно и по отношению к жизни, и по отношению к языку. В аспекте проводимого исследования можно сделать вывод о том, что через метафоризацию непосредственно реализуется научное творчество, в основе которого лежит процесс детерминологизации.

Мы трактуем метафоризацию как средство и одновременно как результат вербализации процесса мыслительной деятельности, как необходимый атрибут научного творчества, считаем ее изначально заложенной в самой методологии познания, поскольку сила метафоры — в способности ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые. Метафора выводит наружу один из парадоксов жизни, состоящий в том, что ближайшая цель того или другого действия нередко бывает обратна его далеким результатам: стремясь к частному и единичному, изысканному и образному, метафора может дать языку только стёртое и безликое, общее и общедоступное. Изучение метафоры позволяет увидеть то сырьё, из которого создаётся термин. Рассматриваемый в перспективе механизм действия метафоры ведёт к конвенционализации смысла. Этим определяется роль термина-метафоры в лексической системе языка.

Список использованных источников:

- 1. Би Юйсян. Исследование феномена детерминолизации в современном русском языке [毕玉翔. 现代俄语中非术语化现象研究], 2005. 49 с. URL: http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD0506& filename=2005088012.nh&uid=WEEvREcwSlJHSldTTEYzVDhsRFFiU1RvNGtYal dLSXIyNC9ZUHFlQXNjQT0=\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTM4NDRSTDJlWmVkb0Z5RGdWNzdOVjEyN0c3T3dGdEhOclpFYlBJUjhlWDFMdXhZUzdEaDFUM3FUcldNMUZyQ1U (Дата обращения: 22.12. 2018 16.03).
- 2. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Пьесы / Вступ. Ст. С. Небольсина. М.: Эксмо, 2008. 896 с.

- 3. Ван Яньфэнь. Изучение явления детерминологизации терминов [王艳芬. 术语的非术语化现象研究], 2009. 104 с. URL: http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD2009&filename=2009185495.nh&uid=WEEvREcwSlJHSldTTEYzVDhsRFFiU1RvNGtYaldLSXIyNC9ZUHFlQXNjQT0=\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MDY1Mzdick5WMTI3RjdLd0c5WEZxcEViUElSOGVYMUx1eFlTN0RoMVQzcVRyV00xRnJDVVJMMmVaZWRvRnlEZ1U=(Дата обращения: 03.03. 2019 17.55).
- 4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. М.: Айрис-пресс, 2004.-576 с.
- 5. Головин Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. Изд. 3-е, испр. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М., «Высш. школа», 1977. 313 с.
- 6. Дан Юнмэй. Явление детерминологизации в произведениях русской литературы [丹永梅. 俄罗斯文学作品中的非术语化现象], 2011. 60 с. URL: http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD2012&filename=1012284494.nh&uid=WEEvREcwSlJHSldTTEYzVDhsRFFiU1RvNGtYaldLSXIyNC9ZUHFlQXNjQT0=\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTIzMTM1RWJQSVI4ZVgxTHV4WVM3RGgxVDNxVHJXTTFGckNVUkwyZVplZG9GeURnVnJ2S1ZGMjZITEd3R3RYRnE(Дата обращения: 03.03. 2019 17.58).
- 7. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. М.: «Наука», 1977. 254 с.
- 8. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
- 9. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия / В.А. Татаринов. М.: Московский лицей, 1994.-T.1.-407 с.
- 10. Царенкова Н.А. Юридические термины в профессиональной сфере и их проникновение в разговорную речь / Н. А. Царенкова// Актуальные проблемы Российского права. № 4. М.: «НБ-Медиа», 2010. 310 с.
- 11. Цзинь Даньпин. Национально-культурная семантика детерминологизированной лексики современного русского языка [金丹萍. 现代俄语中非术语化词汇的民族文化语义], 2009. 82 с. URL: http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD2010&filename=2009214734.nh&uid=WEEvREcwSlJHSldTTEYzVDhsRFFiU1RvNGtYaldLSXIyNC9ZUHFlQXNjQT0=\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMwNzh2QVYxMjdGN0c1R3RiUHE1RWJQSVI4ZVgxTHV4WVM3RGgxVDNxVHJXTTFGckNVUkwyZVplZG9GeURnVnI=(Дата обращения: 15.01.2019 10.41).
- 12. Чжан Мин. Терминологизация и детерминологизация в русском языке [张 明 . 俄 语 中 的 术 语 化 和 非 术 语 化], 2013. 63 с. URL: http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201401&fil ename=1014002375.nh&uid=WEEvREcwSlJHSldTTEYzVDhsRFFiU1RvNGtYaldLSXI

yNC9ZUHFlQXNjQT0=\$9A4hF_YAuvQ50bgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF 4VYP0HbKxJw!!&v=MDg5OTVnVnJ6TVZGMjZHck80SE5MTHFwRWJQSVI4ZVgx THV4WVM3RGgxVDNxVHJXTTFGckNVUkwyZVplZG9GeUQ (Дата обращения: 26.02.2019 19.11).

- 13. Чу Си. Исследование явления детерминологизации экономических терминов русского языка [初曦. 俄语经济术语的非术语化现象研究], 2013. 58 с. URL: http://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=1013236009.nh&dbcode=CMFD&dbn ame=CMFD2013&v (Дата обращения: 15.01. 2019 11.00).
- 14. Щичко В.Ф. Теория и практика перевода. Учеб. пособие / В.Ф. Щичко. М.: Восток-Запад, 2004. 223 с.

ГЛАГОЛЫ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Шахаева А.А., к.филол.н., доцент кафедры лексикологии английского языка, Московский лингвистический университет, Москва, Россия

SPACE CONCEPTUALIZATION AND DIRECTION MOVING WORDS

Shakhaeva A., PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье ставится проблема рассмотрения китайских глаголов направления движения в качестве источника знаний о специфике репрезентации составляющих концептуальной системы пространства. На сегодняшний день в работах отечественных и зарубежных лингвистов изучение концептуальной системы пространства в основном базируется на материале европейских языков, а данные китайского языка не привлекаются или представлены фрагментарны, что и обусловило исследовательский интерес к проблеме.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуализация пространства, китайские глаголы направления движения.

Abstract. The article is dedicated to the problem of conceptualization of space by the Chinese direction moving verb. The author pays special attention to the language conceptualization and Chinese direction moving verb as a sours of knowledge about the specifics of space representation in language.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual characteristics of space, Chinese direction moving verb.

Категории пространства и времени, являясь неотъемлемой частью пространства существования человека, всегда были объектом пристального внимания исследователей, в том числе и лингвистов. С появлением в науке когнитивной парадигмы подход к изучению данных категорий сместился в сторону познавательной деятельности человека путём определённых когнитивных механизмов. На сегодняшний день лингвистов волнует не сколько вопрос о том, как устроен язык и какие языковые явления обуславливают существование данной системы, а в большинстве своём вопрос о том, как окружающий мир со всеми его составляющими и связями между ними, концептуализируется в языке.

Поворот к человеку в современной науке связан с антропоцентризмом и когнитивной парадигмой, в рамках которой язык рассматривается не в отрыве от человека, а как инструмент познания мира человеком. Как отмечает Н.Н. Болдырев «ключевыми понятиями в описании познавательной деятельно-

сти и когнитивных способностей человека в целом являются понятия концептуализации и категоризации. Вся познавательная деятельность человека направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний» [Болдырев, 2014, 37]. Таким образом, в процессе концептуализиции окружающей действительности человек в своём сознании создаёт представление о мире в виде концептов, которые вербализуются в языке. Из чего можно сделать вывод о том, что через язык можно понять, как представления о мире преломляются в сознании человека, т.е. в основе всех способов концептуализации лежит языковая концептуализация.

Обращаясь к вопросам концептуализации пространства нельзя обойти вниманием глаголы движения, так как данная группа глаголов является важной частью пространственных отношений. На сегодняшний день Е.С. Кубрякова, Л. Талми, Р. Лэнекер, М. Джонсон и другие исследователи в своих работах разрабатывали проблемы отражения в языковых значениях пространственных отношений, в том числе обращая своё внимание на глагольную лексику.

На наш взгляд, в рамках разработки темы концептуализации пространства, исследовательский интерес представляет группа глаголов направления движения, которая выделяется в китайском языке. Глаголы данной группы характеризуются тем, что в их семантике содержится ситуация направленного движения с фиксированным набором компонентов, то есть глагольный корень представляет собой концептуальную репрезентацию ситуации направленного движения. Опираясь на такие параметры, как фигура, фон, марирут, движение, выделенные Л. Талми (1985), глаголы направления движения можно охарактеризовать как лексемы, обозначающие ситуацию движения фигуры по маршруту из точки А в точку В, относительно фона, т.е. определённого ориентира.

Изучив когнитивные модели, лежащие в основе значения глагольных единиц, образующих группу глаголов направления движения в китайском языке можно понять какие когнитивные структуры актуализируются в сознании носителей китайского языка в связи с восприятием пространства и какая именно информация о пространстве вербализуется в глаголах данной группы, что поможет понять механизмы мышления носителей китайского языка, а также получить данные, которые помогут решить ряд проблем связанных с межкультурной коммуникацией и лингводидактикой.

Список использованных источников:

- 1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2014. 236.
- 2. Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Shopen T. (ed). Language typology and syntactic description, second edition. Vol III: Grammatical categories and the lexicon. N.Y.: Cambridge Univ. Press., 1985. Pp. 57–149.

О СПЕЦИФИЧЕСКИХ КЛАССАХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Шатравка А.В., к. филол.н., доцент, Российский новый университет, Москва, Россия

ON SPECIFIC WORD GROUPS IN MODERN CHINESE LANGUAGE

Shatravka A., PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,

Russian New University (ANO VO "RosNOU"), Moscow, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам, с которыми сталкиваются изучающие китайский язык, а именно, наличию специфических классов слов, характерных для китайского языка. Трудности перевода и запоминания таких слов порождают большое количество грамматических ошибок. В статье приводятся примеры и даются некоторые рекомендации, которые позволят осуществить наиболее точный и правильный перевод.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, классификатор, послелог, модификатор.

Abstract. The article is about challenges Chinese Language learners face, in particular, specific word groups (parts of speech) in Chinese. Difficulties in translation of these words and problems with their memorizing lead to amount of grammar mistakes. The article presents some examples and recommendations for choosing a better way of translating these words.

Keywords: Chinese language, grammar, classifier, postposition, modifier.

При описании любого языка важное место отводится изложению грамматической системы, в основе которой лежит учение о частях речи и членах предложения. Общеизвестно, что в грамматике изолирующих языков порядок слов в предложении и служебные слова играют весьма значимую роль. В настоящее время у ученых не возникает разногласий относительно наличия частей речи в китайском языке — данная проблема решена ещё в прошлом веке. Кроме того, очевидно, что система частей речи в языках различных типов не совпадает. В китайском языке можно обнаружить такие же классы знаменательных слов, как и в других языках, при этом они обладают своим набором грамматических особенностей. Однако существуют и специфические классы служебных слов, характерные только для китайского языка, в частности, в нём выделяют такие классы служебных слов как классификаторы и послелоги.

Наличие классификаторов – специфичное явление китайского языка, но это отнюдь не означает, что в других языках такие единицы отсутствуют (если речь идёт о количественной характеристике существительных, не поддающихся

поштучному счёту, тогда используются так называемые «единицы измерения»). Специфика заключается в том, что в китайском языке между числительным и существительным должно стоять слово, выполняющее функцию счётного, которое рассматривают как своеобразный связующий элемент с грамматической функцией. На русский язык классификатор не переводится.

В настоящее время в китайском языке насчитывается около 200 классификаторов. Знание классификаторов играет важную роль при изучении грамматики и вызывает определенные трудности у учащихся, поскольку в родном языке подобные единицы отсутствуют. В современном китайском языке наметилась тенденция употребления универсального классификатора ↑ гэ, который является показателем предметности. Повсеместная замена традиционных классификаторов одним универсальным, безусловно, облегчит восприятие данной темы учащимися, но сделает их речь упрощённой и вызовет определённые трудности в понимании данного грамматического явления при чтении произведений китайской литературы, в которых используется весь спектр классификаторов.

Другая тенденция, характерная для современного китайского языка, это употребление числительных и существительных без счётных слов. В некоторых достаточно часто встречаемых словосочетаниях мы можем наблюдать опущение классификатора, однако это скорее не норма, а отклонение от неё, допустимое в разговорном языке. Есть и ещё одна сложность – различное значение словосочетаний, употребляемых со счётным словом и без него. Так, например, конструкция $\Xi \uparrow \beta$, употребляемое с классификатором, на русский язык переводится «три месяца», а сочетание $\Xi \beta$ обозначает «март». Подобное явление не является распространённым, словосочетания легко запомнить и переводить правильно.

Стоит затронуть и другой аспект, связанный со счётными словами. В китайском языке конструкции со счётным словом к существительному и со счётным словом к глаголу выглядят одинаково. Например: 吃了一块肉 «съел кусок мяса» (счётное слово к существительному); 敲了一下门 «стукнул в дверь» (счётное слово к глаголу). Несмотря на данное обстоятельство, мы можем точно определить, функцию определения к какому слову (существительному или глаголу) будет выполнять каждое счётное слово. Для этого необходимо заменить либо существительное, либо глагол и посмотреть, что получится. Но есть в китайском языке небольшая группа глаголов, которые обозначают действие, неотделимое от соответствующего предмета, например, 下雪 «идет снег» (снег не может делать ничего, кроме как идти), 刮风 «дует ветер» (о ветре нельзя сказать ничего, кроме того, что он дует). Функцию счётного слова в таких конструкциях будут выполнять слова, которые могут совмещать функцию счётного слова к существительному и функцию счётного слова к глаголу. Например, Т 了一场雨 «пошел дождь», 结了一层冰 «покрылся слоем льда», 刮了一阵风 «подул ветер», 吐了一口血 «плюнул кровью».

Существует ещё одна группа слов, которые также могут выполнять функцию счетных слов. Это сложные счётные слова, образованные от небольшого числа простых слов, которые по отдельности также употребляются в функции счётных слов. Такие слова, как правило, встречаются в публицистических и научно-технических текстах и представляют определённую трудность при понимании и переводе на русский язык. Как правило, это специальные единицы измерения или специальные термины, принятые в той или иной научной или технической сфере. Рассмотрим примеры употребления таких слов:

«2019 年春运民航共运送旅客 7288 万人次». «В 2019 г. во время праздничных дней в период китайского нового года гражданская авиация перевезла 72 млн. 880 тыс. пассажиров» (досл. человеко-раз, имеется в виду, не количество человек, совершивших перелет, – т.к. вполне возможно, что один человек совершил несколько перелетов, – а общее количество перелетов).

«旅客周转量绝对数亿**人公里**». «Пассажирооборот составляет сотни миллионов **человек**» (досл. человеко-километр).

Таким образом, понимание всего комплекса проблем, связанных со счётными словами, способствует более глубокому пониманию текста на китайском языке.

Другим специфическим для современного китайского языка классом служебных слов являются послелоги. Это — служебные слова, которые употребляются только после существительных, переводя их в разряд существительных со значением «места». В русском языке для этого используются предлоги, поэтому учащиеся, как правило, допускают большое количество ошибок при переводе подобных словосочетаний. Другая проблема заключается в том, что в китайском языке существуют устойчивые сочетания абстрактных существительных и послелогов. Перевод таких сочетаний на русский язык не совпадает с буквальным переводом их составных частей, что вызывает определённые сложности для учащихся. Например, 世界上 «в мире»; 情况下 «при условии»; 过程中 «в процессе» и т.д. Апробированная автором этих строк методика обучения практическому китайскому языку рекомендует такие сочетания запоминать.

Существует и ещё одно явление в китайском языке – некоторые морфемы, имеющие отношение к месту, могут употребляться самостоятельно в устойчивых словосочетаниях, зафиксированных в словарях, например: 前有大河,后有高山 «впереди большая река, позади высокая гора»; 有人在内 «просьба не входить внутрь» или: «посторонним вход запрещен»; 里应外合 «при полном взаимодействии ударить одновременно изнутри и извне»; 上不着天,下不着地 «висеть в воздухе» (досл. наверху не найти небо, внизу не найти землю) и др. Подобные примеры противоречат основному грамматическому свойству послелогов – употребление только после существительного – и в то же самое время доказывают, что в китайском языке прежде всего следует выделять морфемы, имеющие отношение к месту, которые могут употребляться несколькими способами: во-первых, в качестве послелогов; во-вторых, могут быть корнями ло-

кативов; и, наконец, могут употребляться самостоятельно в устойчивых словосочетаниях.

Кроме того, для китайского языка характерна ещё одна особенность, обусловливающая сложность его изучения на начальном этапе, — наличие слов, которые могут функционировать как знаменательные, так и в качестве служебных синтаксических единиц. Так, в китайском языке выделяются модификаторы, уточняющие пространственное направление движения и обозначающие вектор экспликации направления или состояния относительно говорящего. Например, 跑出教室去 «выбежать из аудитории»; 挂上画儿去 «повесить картину» и др. Некоторые модификаторы могут употребляться после глаголов, не имеющих отношение к передвижению, получая, таким образом, отвлечённое значение, так, модификатор 起 имеет значение «быть в состоянии что-либо сделать»: 买不起 «не могу купить»; 对得起 «оказаться достойным» и др. Подобное грамматическое явление отсутствует в русском языке, что делает совершенно необходимым более углубленное изучение данной проблемы на практических занятиях по теории и практики перевода текстов на китайском языке.

Наличие специфических классов слов в китайском языке, с одной стороны, усложняет изучение китайского языка, а с другой стороны, требует определённой корректировки методики преподавания языка, связанной с акцентуацией внимания учащихся на данных проблемных вопросах.

Межкультурная коммуникация

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОЭКОНОМИКЕ В КИТАЕ

Семенов А.В., к. ист. н., профессор, Дипломатическая Академия МИД РФ, Москва, Россия

THE ECONOMICS OF LANGUAGE IN CHINA

Semenov A. professor, PhD of Historical Sciences, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие лингвоэкономики в Китае. Автор анализирует основные направления лингвоэкономики в КНР: разработка теоретических и методологических основ, экономический анализ продвижения китайского языка за рубежом, проблема двуязычия национальных меньшинств, построение государственной стратегии и государственного планирования в области китайского языка, а также формирование языковой экономики и языковой индустрии.

Ключевые слова: лингвоэкономика, китайский язык, Китай.

Abstract. The article deals with the formation and development of the economics of language in China. The author analyzes the main directions of the economics of language in the PRC: the development of theoretical and methodological basis, the economic analysis of the promotion of Chinese language abroad, the problem of bilingualism of national minorities, the development of state strategy and state planning in the field of Chinese language and the formation of language economy and language industry.

Keywords: the Economics of Language, Chinese Language, China.

Лингвоэкономика как дисциплина, интегрирующая язык и экономику, появилась впервые на Западе. Американский экономист Джейкоб Маршак, занимаясь проблемами информационной экономики, в 1965 г. впервые обнаружил, что ряд традиционных экономических понятий, как стоимость, затраты, эффективность и прибыль, — можно применить и к языку, который является инструментом экономического взаимодействия. По его мнению, язык играет важную роль в экономическом взаимодействии и языковый фактор следует учитывать в экономических расчётах.

Развитие теории человеческого капитала Гэри Беккером, лауреатом Нобелевской премии по экономике 1992 г., который применил экономический подход к поведению человека, также предполагало инвестирование в образование и трудовые навыки человека, что повышает его производительность труда и конкурентоспособность на рынке. Одним из важных факторов образования стало изучение языка.

Сначала в США стали проводиться исследования о связи языка и дохода белого и чёрного населения. Выяснилось, что уровень дохода зависит, возможно, не напрямую от уровня владения языком. Позже в Европе эта тема разрабатывалась в связи с увеличением миграции и уровнем изучения второго иностранного языка. В странах с двуязычным (Канада) и многоязычным (Швейцария) населением также изучалось связь дохода с уровнем владения доминантного языка.

В результате исследований было показано, что люди с высоким уровнем владения доминантным языком или вторым иностранным имеют более высокое социально-экономическое положение и более высокий доход. Тем самым была доказана экономическая важность изучения языков и необходимость инвестирования в языковую подготовку для экономики страны.

В начале XXI в. в связи с развитием финансовой глобализации, торговой интернационализации, а также информационных и интеграционных процессов роль языка существенно повысилась. Расширились области исследований, стали более многообразными методы изучения, появилась и государственная политика в области лингвоэкономики. Выяснилось, что язык является колоссальным экономическим ресурсом, который приносит большой вклад в ВВП страны. Так, Великобритания за счёт использования английского языка в странах ЕС получает ежегодно 10 млрд. евро, а внешняя торговля и финансовые услуги на английском даёт ещё 17 млрд. евро. И это только в Европе! [Хуан Шаоань, 2012, 45]

В Китае лингвоэкономика как наука появилась в конце 90-хх гг. XX в. В 1999 г. Сюй Цичао опубликовал в журнале «Иностранные языки» (Вайго юй) статью «Лингвоэкономика: новая смежная наука», в которой он впервые дал определение «лингвоэкономике» и изложил взгляды иностранных учёных относительно этой науки, осветил её основное содержание.

В 2001 г. профессор Хуан Шаоань организовал в Центре экономических исследований Шаньдунского университета группу по изучению лингвоэкономики. В 2003 г. в Шаньдунском университете впервые в Китае была открыта экспериментальная аспирантура по направлению «Лингвоэкономика». В 2004 г. был создан первый специальный институт по лингвоэкономике при Шаньдунском университете (в настоящее время он преобразован в Центр по изучению лингвоэкономики). В 2006 г. уже официально была открыта аспирантура по этой специальности. И в том же году состоялся первый выпуск, степень доктора наук получил Нин Цзимин, который защитил диссертацию на тему: «Распространение китайского языка в мире: экономический анализ и предложения в отношении школ Конфуция». Это было первое исследование в Китае, в котором применялся лингвоэкономический подход. Эта работа сыграла важную роль в деле продвижения китайского языка за рубежом и создания школ Конфуция.

В 2008 г. была защищена докторская диссертация Чжан Вэйго на тему: «Экономический анализ языка: первоначальные рамки». В работе была проанализирована теоретическая система лингвоэкономики, которая была представлена в трёх измерениях: человеческого капитала, общественные блага и институ-

ты. На сегодняшний день в Центре изучения лингвоэкономики профессора Хуан Шаоаня уже подготовлено 5 докторов наук.

В 2001 г. Ван Диндин опубликовала свою работу на тему: «Анализ экономики языка». Это исследование в большей степени посвящено изучению и изложению зарубежного опыта по этой проблематике. Это относится и к статье Линь Юн и Сунь Цзинфан «Критический обзор лингвоэкономики», опубликованной в 2004 г.

Мощным импульсом развитию лингвоэкономики стал перевод на китайский язык и издание в Китае монографии А. Рубинштейна «Экономика и язык». Вступительную статью к ней написал профессор Вэй Сэнь. Эта книга вызвала широкую дискуссию в научных кругах Китая, которую отразил в 2005 г. Чжоу Дуаньмин в своей статье «Рамки анализа экономики языка».

Это был первый этап исследования в области лингвоэкономики — этап изучения западного опыта, накопления знаний и освоения достигнутых ранее теоретических положений.

Следующий этап развития лингвоэкономики в Китае связан со специализацией, как в теоретической, так и в прикладной области. Это работы Чжан Вэйго, в которых он углублял положения своей диссертации 2008 г., а также цикл его статей в 2011 г. «Экономический анализ языка: обзор» и «Языковая политика и языковое планирование с точки зрения сравнения экономики и лингвистики», в которых он акцентировал внимание на практической составляющей лингвострановедения — составлению государственных планов в области развития языка и проведении соответствующей языковой политики. Углублению теоретического багажа лингвоэкономики и отбору необходимых Китаю тем дальнейших исследований посвящена опубликованная в 2011 г. статья профессора Хуан Шаоаня и Су Цзяня «Несколько базовых суждений лингвоэкономики».

В настоящее время исследования в области лингвоэкономики сосредоточены вокруг следующих тем: изучение связей лингвострановедения и планирования языковой политики (работа Чжан Синь «Исследование оценок лингвострановедения и языковой политики», Бо Шоушэн «Экономический анализ языкового планирования» и др.), проблемы преподавания иностранных языков на основе лингвоэкономики (Цзян Гуин «Обучение английскому языку в Китае с точки зрения лингвоэкономики»), исследование экономического ресурса языка (Ли Нинмин «Язык тоже "жёсткая сила"», Сюй Дамин «Семь вопросов, касающиеся лингвоэкономики») и экономический анализ распространения китайского языка за рубежом (Нин Цзихун «Распространение китайского языка в мире: экономический анализ и предложения в отношении школ Конфуция»).

Практическая направленность лингвоэкономики и полученные результаты способствовали расширению исследований в этой области в других университетах и высших учебных заведениях Китая. Важность лингвоэкономических исследований была признана государством. Лингвоэкономика вошла в проекты планирования финансовой поддержки провинциальных фондов научных исследований. Государственный фонд социальных наук также включил её в свои программы.

Продолжается институционализация науки. В 2009 г. по инициативе Центра экономических исследований Шаньдунского университета и вместе с Китайским центром по изучению языковых стратегий Нанкинского университета был организован форум «Лингвострановедение в Китае», на котором стали регулярно проводиться научные семинары по обсуждению новых проблем.

Повышение роли лингвоэкономики в социальных науках было отмечено на государственном уровне – в Государственном комитете по работе в области языка и письменности, Департамента управления языковой информацией Министерства образования КНР и Канцелярия Международного совета китайского языка обратили внимание на новую интеграционную науку. А заместитель председателя Государственного комитета по работе в области языка и письменности во время посещения Шаньдунского университета заявил, что лингвоэкономика не только должна состояться как научная дисциплина, она в еще большей степени должна стать государственной стратегией развития, нужно усиливать изучение связи языка и экономики и содействовать развитию языковой индустрии.

Каковы пути развития лингвоэкономики в Китае?

Во-первых, углубление теоретических исследований лингвоэкономики, а именно основных понятий и категорий, методологии, разработка исследовательских программ с учётом конкретных условий Китая.

Во-вторых, экономический анализ продвижения китайского языка за рубежом и изучение иностранных языков китайцами. В связи со стремительным ростом экономики Китая возросла популярность китайского языка. За границей даже возник «бум китайского языка». Однако ему ещё далеко до английского языка. По данным Программы развития Организации Объединенных Наций, в мире абсолютное большинство людей считают родным для себя языком китайский, но количество людей, у которых китайский является вторым, гораздо меньше. С английским ситуация обратная.

Как считают китайские учёные, распространение китайского языка за рубежом имеет большую экономическую ценность и важное стратегическое значение для экономического роста. Использование лингвоэкономических методов анализа поможет выработать адекватную стратегию и программу развития китайского языка за границей:

- а) надо подсчитать все затраты и прямые доходы от политики распространения китайского языка за рубежом. Для этого потребуется помощь соответственных ведомств:
- б) провести исследование мотивов изучения китайского языка в разных странах (путём анкетирования), а также рассмотреть проблему влияния «лингвистической дистанции» степени различия между языками на преподавание китайского языка;
- в) изучить размер зарплаты и дохода иностранцев, изучающих китайский язык;
- г) использовать аналитические методы теории игр и языковую стратегию государства для реализации программы распространения китайского языка за границей [Хуан Шаоань, 2012, 44–45].

В Китае «бум английского языка» также вызывает неподдельный интерес в научных кругах. Дискуссионными, в основном, являются две проблемы: вопервых, «бум английского языка» — это удар по китайскому языку, причём эта обеспокоенность идёт от лингвистов; во-вторых, в какой степени стоит учить английский язык. Многие учёные считают, что издержки в изучении английского языка китайцами велики, а эффективность низкая, и призывают провести реформу преподавания английского языка в Китае [Су Цзянь, 2010].

С точки зрения лингвоэкономики, можно предложить ряд проблем для дальнейшего исследования:

- 1. Изучение «бума английского языка». При одинаковых условиях, если изучить английский язык, то, вероятно, можно иметь преимущества при устройстве на работу. В то же время привлекательность языка зависит от массовости его изучения. По данному вопросу нужны конкретные исследования.
- 2. Внешние эффекты преподавания иностранных языков и чрезмерная образованность.
- 3. Проводить реформу преподавания английского языка в Китае это не простой вопрос и нельзя «подходить с одной меркой». Нужно иметь ответы на следующие вопросы: для чего реформировать, как реформировать и что реформировать. Так, по индексу владения английским языком (EPI) уступают многим азиатским странам. Почему китайцы тратят так много времени на английский язык, а уровень владения языком остается очень низким? Эта проблема также подлежит тщательному исследованию.

В-третьих, проблема двуязычия национальных меньшинств. Совершенно ясно, что если больше изучать китайский язык, то это обогащает личный человеческий капитал, предоставляет больше возможностей для трудоустройства, да и контактов с другими национальностями и ханьцами будет больше. Также важной проблемой является сохранение малых языков, обучение на малых языках, а также проблема двуязычия для национальных меньшинств. Тем не менее, нужны специальные научные исследования этой проблемы, для того чтобы иметь большую убедительность в межнациональном диалоге [Чжан Вэйго, 2008, 153–154].

В-четвертых, экономический анализ государственной стратегии и планирования в области китайского языка. 2001 г. в Китае был принят «Закон КНР об общераспространенном китайском языке», тем самым была заложена правовая основа для разработки стратегического планирования в области языка. Экономический анализ такого планирования является важным содержанием лингво-экономических исследований и может включать такие темы: выбор моноязычной, двуязычной или многоязычной системы; какова должна быть политика в отношении языков национальных меньшинств и как осуществлять их защиту. [Weiguo Zhang, Guohui Liu, 2009, 8–9].

В-пятых, языковая экономика и языковая индустрия¹. Они могут стать новым точками роста ВВП страны и внести большой вклад в развитие эконо-

¹ Понятие «языковая индустрия» как в русском языке, так и в китайском «юйянь чанье» является калькой с английского термина «language industry». Его перевод на русский вызывает

мики страны. Так, вклад языковой индустрии в Швейцарии в рост экономики страны составляет 10%.

Исследование языковой индустрии будет осуществляться вокруг следующих проблем:

- 1. Объём и содержание понятия «языковая индустрия». Это основной теоретический вопрос. Общий подход в китайской науке ещё не выработан.
- 2. Разграничить понятия языковая индустрия, образовательная индустрия и культурная индустрия, а также показать их взаимосвязь. Определив границы языковой индустрии, можно определить её вклад в экономику Китая.
- 3. Языковая индустрия и лингвоэкономика. Лингвоэкономика это целостная теория, которая с помощью экономического анализа исследует язык, характерные свойства человеческого капитала, обладающего языковыми навыками и умениями, характерные черты языкового ресурса, языковое планирование. Лингвоэкономика является теоретической основой формирования и развития языковой индустрии. Языковая индустрия это предмет изучения лингвоэкономики, а также является точкой пересечения теории и практики лингвоэкономики. Таким образом, языковая индустрия имеет важную практическую ценность для лингвоэкономики.
- 4. Вклад языковой индустрии в экономику страны и его измерение. В настоящее время учёные, которые изучают проблемы языковой индустрии, используют приблизительные расчеты. Тем не менее, в лингвоэкономике уже давно и успешно используются экономические расчеты, которые позволяют дать объективный результат. Можно использовать методику расчетов, имеющих отношение к образовательной индустрии. В исследованиях необходимо поставить во главу угла язык и применить лингвоэкономические параметры затрат и прибыльности, эффективности и рентабильности и др. [Хуан Шаоань, 2012]

В заключение, следует отметить, что ускорение, которое политика реформ придала экономике Китая, оказало влияние и на темпы развития науки в стране. В мире многие основные научные направления, в частности лингвоэкономика, были разработаны в США от 40 до 50 лет назад и затем медленно эволюционировали, обогащаясь исследованиями научных школ других западных стран. В Китае приступили к освоению мирового научного багажа в области лингвоэкономики с конца XX в. — начала XXI в. За 10 с лишним лет в Китае была создана своя научная школа лингвоэкономики, появилась научная площадка для обмена опытом исследований, были подготовлены квалифицированные кадры. Лингвоэкономика в Китае доказала свою важность и необходимость государству и получила от него политическую и финансовую поддержку.

Особенностью развития лингвоэкономики в Китае является её практическая направленность. Исследования по лингвоэкономике, даже имеющие своим предметом теоретические вопросы, всегда имеют нацеленность на практический результат. В работах предлагаются объективированные экономическими

споры. Варианты перевода: «отрасль языковых услуг», «отрасль лингвистических услуг» и т.д.

расчетами, теоретически обоснованные выводы для выработки государственной политики в соответствующих областях.

Еще одной отличительной чертой исследований в области лингвоэкономики является их инновационный характер. Авторы выдвигают новые сферы, в частности, языковую индустрию, в которых можно применять лингвоэкономические методы исследования.

Перспективы развития лингвоэкономики в Китае довольно оптимистичны. Применение рыночных экономических методов для изучения и оценки языковых явлений придаст большую сбалансированность принятию решений в области разработки языковой стратегии и языкового планирования в Китае.

Список использованных источников:

- 1. Линь Юн, Сунь Цзиньфан. Юйянь цзинцзисюэ пиншу (Обзор по линговоэкономике) // «Цзинцзисюэ дунтай», 2004 № 3. С. 65–68.
- 2. Су Цзянь. Чжан Лэй. Юйянь цзинцзсюэ дэ чэнчжан (Развитие линвгэкономики) // «Сибу луньтань», 2010. № 4. URL: http://journal.ctbu.edu.cn/xblt/ch/reader/view_abstract.aspx?file_no=201004007&fla g=1_(Дата обращения: 27.02.2019 19.43)
- 3. Су Цзянь, Чжан Лэй, Чжан Вэйго. Юйянь цзинцзисюэ цзи ци сюэкэ динвэй (Лингвоэкономика и ее место среди научных дисциплин) // «Цзянхань луньтань», 2012. № 6. C.21-25.
- 4. Хуан Шаоань, Су Цзянь, Чжан Вэйго. Цзинцзисюэ юй Чжунго дэ юйянь чанье чжвньлюэ (Лингвоэкономика и стратегия языковой индустрии в Китае) // «Гуанмин жибао», 02.03.2012.
- 5. Хуан Шаоань, Чжан Вэйго, Су Цзянь. Юйянь цзинцзи цзи ци цзай Чжунго дэ фачжань (Лингоэкономика и ее развитие в Китае) // «Цзинцзисюэ дунтай», $2012. \mathbb{N} 2. \mathbb{C}. 41-46.$
- 6. Чжан Вэйго. Цзовэй жэнь ли цзыбэнь, гугун чаньпин хэ чжиду дэ юйянь: юйянь цзинцзисюэ дэ и гэ цзибэнь фэньси куанцзя (Язык как человеческий капитал, общественное благо и институт: базовые рамки анализа лингвоэкономики) // «Цзинцзи яньцзю», 2008. N 2. C.144-154.
- 7. Чжао Шицзюй, Гэ Синьюй. Юйянь цзинцзисюэй дэ вэйду юй шицзяо (Измерение и угол зрения на лингоэкономику) // «Ухань дасюэ сюэйбао» (Жэньвэнь кэсюэ бань), 2017. T. 70. N 6. C. 92-104.
- 8. Ян Хуэйюань.Юйянь юй цзинцзи бои (Язык и экономические игры) // «Гуанмин жибао», 26.11.2013.
- 9. Weiguo Zhang, Guohui Liu. Language Policy and Language Planning: A Comparative Perspective of Economics and Linguistics. MPRA Paper No. 18355, posted 8. November 2009 // URL: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/18355/ (Дата обращения: 27.02.2019 20.46).

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мирзоев К.И., заведующий кафедрой восточной филологии и перевода, д.ф.н., профессор, Казахский Национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

Тохметов А.Т., профессор, к.и.н., Казахский Национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

CHINESE LANGUAGE IN MODERN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Mirzoev K., head of the department of east philology and translation, professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan Tokhmetov A., professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Аннотация. Интерес к изучению китайского языка год от года непрерывно возрастает. Это обстоятельство необходимо учитывать при формировании иноязычной межкультурной коммуникации. Данный фактор обусловливается, в первую очередь, бурным ростом китайской экономики, авторитета Китая на международной арене, что в свою очередь является стимулирующим фактором для изучения китайского языка. В докладе анализируются некоторые проблемы, связанные с созданием обстановки полного взаимоуважения и взаимодействия для постепенного знакомства с китайским языком, китайской культурой.

Ключевые слова: Казахстан, китайский язык, университет, межкультурная коммуникация, студент.

Abstract. In recent years the interest towards learning the Chinese language increases continuously. This fact must be taken into account in the formation of foreign-language cross-cultural communication. The rapid growth of the Chinese economy and China's international prestige are basic motivating factors for learning Chinese. The report analyzes some of the problems associated with the creation of an atmosphere of complete mutual respect and cooperation for the gradual acquaintance with the Chinese language and Chinese culture.

Key words: Kazakhstan, Chinese language, university, intercultural communication, student.

Межкультурная коммуникация — энергично развивающееся и востребованное обществом теоретическое и прикладное научное направление, находящееся на стыке лингвистики, культурологии и лингводидактики. Немаловажную роль здесь играют восточные языки и прежде всего китайский язык.

В Республике Казахстан китайский язык имеет определённые перспективы. Одним из направлений его популяризации в нашей стране является грамотная мотивация школьников и студентов к его изучению, открытие для них новых горизонтов знаний о языке и культуре Китая и возможности их использования в дальнейшей профессиональной деятельности. Одним из серьезных шагов в этом направлении явилось открытие специализированных факультетов и институтов в ведущих университетах республики. Так, во исполнение поручения президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, в Казахском Национальном педагогическом университете имени Абая был открыт Институт полиязычного образования. За многолетнюю историю преподавания китайского языка в КазНПУ имени Абая накоплен огромный опыт в области лингвистики языка, специальной лексикографии, проблем преподавания специализированного перевода, методики преподавания языка [Тохметов, 2018, 63-67]. На кафедре созданы и постоянно обновляются комплексы учебников и учебных пособий, специализированные словари. Преподаватели китайского языка обеспечивают учебный процесс не только учебно-методическими разработками, но также авторскими учебниками и учебными пособиями.

Коллектив кафедры активно работает над научными проектами по грантам Министерства образования и науки Республики Казахстан. Так, в 2013—2015 гг. была завершена работа по теме «Историко-культурные связи Казахстана со странами зарубежного Востока в контексте языковой компаративистики». По итогам работы было издано 2 коллективные монографии, проведено две международные и одна республиканская научно-практические конференции [Мирзоев, 2015]. Членами исследовательской группы были сделаны научные доклады на международных конференциях в разных странах мира. Продолжая добрую традицию, преподаватели кафедры работают над выполнением нового научного проекта МОН РК «Распространение опыта модернизации независимого Казахстана в странах зарубежного Востока: лингвокультурологические и переводческие аспекты», сроки исполнения 2018—2020 гг.

Особое внимание на кафедре уделяется развитию инноваций и мультимедийных технологий в преподавании китайского языка. Преподаватели китайского языка часто самостоятельно разрабатывают аудио-, видео- и мультимедийные курсы на основе имеющихся в их распоряжении аудио- и видеоматериалов, поскольку задача создания комплекса мультимедийного обеспечения, начиная с вводно-фонетического курса и заканчивая языком профессии, является приоритетным направлением развития кафедры.

Важной составляющей развития китайского языка в Республике Казахстан является интеграция в мировое образовательное пространство путем активного участия представителей нашей страны в научных мероприятиях: семинарах, симпозиумах, конференциях, конгрессах востоковедов, в различных программах по обмену опытом. Кроме того, безусловную значимость для развития китайского языка имеют актуальные знания современного состояния преподаваемого языка, что обусловливает необходимость постоянного самосовершенствования преподавателя в профессиональной сфере. Разработка и внедрение инновационных методик и технологий преподавания восточных языков требует

постоянного отслеживания результатов новейших разработок и достижений в области науки и методики преподавания китайского языка. Язык, как инструмент выражения общественно-политических реалий, наиболее подвержен изменениям в области лексики и стилистики. Это определяет необходимость отслеживания нововведений и постоянного совершенствования компетентности преподавателя в области развития языка. Огромное значение для совершенствования навыков профессионального, языкового и речевого развития имеют стажировки в стране преподаваемого языка. С учётом специфики Китая, «погружение» в языковую, общественную и социальную среду является обязательным условием успешного изучения китайского языка.

Ввиду ограниченного числа преподавателей китайского языка, у них возникает необходимость постоянно организовывать внеаудиторную работу в студенческом коллективе как внутри вуза, так и за его пределами. Это включает организацию языковых вечеров, конкурсов эссе, перевода, внутренних и внешних олимпиад, экскурсии, посещение выставок, презентаций и т.д., участие студентов в научных мероприятиях, а также мероприятиях, проводимых смежными вузами, Посольством КНР в РК и Генеральным консульством КНР в Алматы.

На примере кафедры восточной филологии и перевода КазНПУ имени Абая хочется отметить, что в последние годы в вузах Республики Казахстан китайский язык становится всё более востребованным, отвечающий профессиональным устремлениям студенческой молодёжи. Кроме того, возросший интерес к китайскому языку в нашей стране объясняется, как традиционным интересом к истории и культуре Китая, так и динамичным экономическим развитием этой страны, ростом его геополитического влияния в современном мире.

В XXI в. целью обучения китайскому языку, уже не может являться только передача лингвистических знаний, умений и навыков, и даже не энциклопедическое освоение страноведческой информации, ограничивающейся, географическими и историческими понятиями и явлениями. Центральное место в процессе преподавания китайского языка должно занять формирование способности к участию в межкультурной коммуникации, что особенно важно сейчас, когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоление в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур.

Именно с этих позиций необходимо сегодня переосмыслить подходы к обучению студентов, магистрантов и докторантов различным аспектам китайского языка. Одним из наиболее важных из них является, на наш взгляд, степень востребованности выпускников различными государственными и частными структурами, научными учреждениями, малым и средним бизнесом.

Как известно, каждый язык отражает культуру того народа, который на нём говорит. Следовательно, овладение китайским языком неотделимо от зна-комства студентов с фактами истории, культуры, общественными явлениями, социальными условиями в стране изучаемого языка. Всё это должно осуществ-

ляться наряду с глубоким изучением многовековой китайской культуры, поэтому страноведение и лингвокультурология играют большую роль в обучении китайскому языку.

Идея диалога культур показывает важность поиска точек соприкосновения между социально-культурными реалиями и современными ценностными приоритетами Казахстана в эпоху модернизации его общественного сознания и стран зарубежного Востока. Культурное сотрудничество является наглядным примером не только духовной близости стран и народов, но и показателем высокого уровня взаимопонимания и сотрудничества [Жумабекова, 2018, 13].

Как подчеркнул в своём выступлении 1 февраля 2019 г. в канун китайского Нового года Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РК господин Чжан Сяо «В течение последних 40 лет Китай всё активнее сотрудничает с миром. Праздник Весны также расширил границы и стал известен людям во многих странах. Он постепенно стал глобальным и с 2010 г. его стали отмечать во всем мире. Люди разных стран, языков и культурных традиций познают обычаи Праздника Весны благодаря проведению различных мероприятий, знакомятся с китайской культурой, совместно отмечают праздник и таким образом сближаются.

Цикл мероприятий «Весёлый Праздник Весны» проводится в Казахстане на протяжении многих лет. Китайские боевые искусства, песни и танцы, акробатика, народная музыка и другие замечательные традиции были представлены жителям Астаны, Алматы, Актобе и других городов. С 15 января до середины февраля 2019 г. Посольство Китая в Казахстане совместно с Национальным музеем РК проводят фотовыставку под названием «Вместе празднуем веселый Праздник Весны». Надеемся, что эта выставка поможет казахстанцам ещё глубже познакомиться с китайской культурой и традиционными народными обычаями китайского Нового года» [Чжан Сяо, 2019].

В октябре 2013 г. в Алматы состоялась представительная международная научно-практическая конференция «Историко-культурные связи Казахстана со странами зарубежного Востока». На конференции особо подчёркивалось, что Казахстан был и остаётся местом не только встреч, но и взаимовлияния, взаимодействия, взаимообогащения различных культур и цивилизаций. А уникальный опыт межнационального, межрелигиозного и кросс-культурного общения, накопленный Казахстаном, может служить предметом для серьёзных научных изысканий. Участники конференции с особым воодушевлением восприняли доклад профессора Ланчжоуского университета КНР Ван Чжэна, посвящённый роли Институтов Конфуция в распространении китайского языка в Казахстане. В настоящее время в 12 казахстанских вузах открыты его классы и кабинеты, и всё больше молодых людей связывают свою дальнейшую работу и карьеру со знанием китайского языка. По мнению докладчика, у него не вызывает сомнения тот факт, что изучение китайского языка в условиях современного казахстанского общества имеет большие перспективы [Wang Zheng, 2013, 14].

Изучение китайского языка и культуры имеет не только образовательное, но и историко-культурное и научное значение для всего мира. А так как этот процесс неразрывно связан с различными контактами, то, в конечном счёте, он

будет способствовать развитию дружеских отношений Китая с другими странами, что благотворно скажется на процессе межкультурной коммуникации.

Список использованных источников:

- 1. Жумабекова А.К. Общая концепция исследования научного проекта «Распространение опыта модернизации независимого Казахстана в странах зарубежного Востока: лингвокультурологические и переводческие аспекты» / А.К. Жумабекова // Образ независимого Казахстана в странах зарубежного Востока: тенденции и перспективы. Материалы Международной научнопрактической конференции 8 июня 2018 г. Алматы.: КазНПУ им. Абая. «Ұлағат», 2018. С. 12–14.
- 2. Инновационные подходы в обучении восточным языкам. Материалы республиканской научно-практической конференции 29 октября 2014 г.: Алматы. КазНПУ им. Абая. «Ұлағат», 2014. 172 с.
- 3. Историко-культурные связи Казахстана со странами зарубежного Востока в контексте языковой компаративистики (часть 2) // Под ред. д.ф.н., академика МАН ВШ, проф. Мирзоева К.И. Алматы.: КазНПУ им. Абая. Изд-во «Ұлағат», 2015.-200 с.
- 4. Тохметов А.Т., Садыкова Р.К. Актуальные вопросы преподавания восточных языков в вузах Казахстана / А.Т. Тохметов, Р.К. Садыкова // «Иноязычное образование: опыт, инновации и перспективы». Материалы V Международной научно-практ. конф. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2018. С. 63—67.
- 5. Чжан Сяо. Китайскому народу приятно разделить празднование Нового года по лунному календарю с казахстанцами. URL: http://www.chineseembassy.org. (Дата обращения: 16.02.2019).
- 6. Wang Zheng. The influence upon Confucius Institute of the socio cultural environment in Kazakhstan // Материалы международной научно-практической конференции «Историко-культурные связи Казахстана со странами зарубежного Востока», 25 октября 2013 г. Алматы: КазНПУ им.Абая. «Ұлағат», 2013. С. 13–14.

ОБ ЭФФЕКТИВНОМ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Воропаев Н.Н., научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

ABOUT EFFICIENT LEARNING OF THE CHINESE-LANGUAGE CULTURAL SPACE

Voropaev N., Research officer, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье описана технология лингвокогнитивной директории для эффективного изучения прецедентных имён и прочих прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства, которые являются ключевыми элементами китайской культуры.

Ключевые слова: китайский язык, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, лингвокогнитивная директория.

Abstract. The article describes the technology of the linguocognitive directory for the effective study of precedent names and other precedent phenomena of the Chinese-speaking cultural space, which are key elements of Chinese culture.

Keywords: Chinese language, precedent name, precedent text, precedent utterance, precedent situation, linguocognitive directory.

Возникший на основе теории интертекстуальности лингвокогнитивный подход позволяет анализировать собственно лингвистические и когнитивные аспекты языковой коммуникации в их неразрывном единстве. Появление понятий прецедентные феномены и теория прецедентности отражает одну из сторон в исследовании феномена интертекстуальности, связанную с выявлением национально-культурной специфики коммуникации посредством анализа элементов, составляющих инвариантную общенациональную часть в сознании взаимодействующих субъектов.

Базовые понятия теории прецедентности — прецедентный феномен ($\Pi\Phi$), прецедентное имя (ΠU), прецедентный текст (ΠT), прецедентная ситуация (ΠC) и прецедентное высказывание (ΠB) — позволяют выделять и анализировать самые важные и значимые для членов определённого лингвокультурного сообщества знания. Это становится особенно важным для инофона, изучающего язык, культуру, менталитет другого народа.

Прецедентный феномен по своему содержанию есть некий комплексный образ, сложное представление, которое понятно при апелляции к нему, не требует расшифровок и объяснений, но которое подчас достаточно сложно кратко

разъяснить, например, инофону. Всё это заставляет говорить о ПФ (прецедентных именах, текстах, ситуациях и высказываниях) именно как о дискурсивных единицах, то есть единицах, сочетающих в себе язык и культуру в их активном взаимодействии. В настоящей статье предлагаем конкретный эффективный метод изучения китайскоязычного культурного пространства, в основе которого прецедентные имена.

Прецедентными именами китайскоязычного дискурса (КД) являются когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей китайского языка индивидуальные имена и наименования широко известных в китайском лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей, событий и объектов материальной и духовной культуры Китая и всего глобального пространства.

При анализе ПИ КД мы выделяем следующие четыре типа ПИ:

- 1. Прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа, условно ПИ1).
- 2. Прецедентное имя-эвентоним (широко известное наименование исторических и вымышленных событий, представляющее собой фразеологизм или словесное клише, условно ПИ2).
- 3. Прецедентное имя-хрематоним (широко известное индивидуальное наименование единичного объекта материальной культуры Китая, условно ПИЗ).
- 4. Прецедентное имя-идеоним (широко известное индивидуальное наименование единичного объекта духовной культуры Китая, условно ПИ4).

Также мы выделяем два типа прецедентных высказываний:

- 1. Прецедентное высказывание, представляющее собой фразеологизм китайского языка любого типа, в основе которого лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и который в дискурсе актуализирует прецедентные ситуации, имена и тексты (ПВ1).
- 2. Прецедентное высказывание, представляющее собой широко известную цитату из литературного произведения или из высказывания широко известного человека или литературного персонажа (ПВ2).

За любым ПИ всегда стоит комплекс когнитивных структур, как лингвистических, так и экстралингвистических. Естественно, что в силу огромных различий между прототипами ПИ, сами ПИ в КД обладают совершенно разными системами дифференциальных признаков. Чтобы более чётко выявить суть того или иного ПИ КД мы вводим понятие лингвокогнитивной директории. Лингвокогнитивная директория ПИ — это «информационная папка», содержащая основные широко известные вербальные и невербальные манифестации, которые актуализируют данное ПИ в дискурсе.

Как было сказано выше, знания и представления о ПИ определённым образом структурированы, они хранятся в сознании в виде фреймов. Если понятие фрейм в нашем понимании соотносимо с более абстрактными структурами хранения знаний о ПИ в сознании, то лингвокогнитивная директория ПИ — это попытка представить основные конкретные языковые (вербальные) и неязыковые (поддающиеся вербализации) единицы, которые связаны с данным ПИ и

широко известны в лингвокультурном сообществе. Приведём примеры построения директорий ПИ Чжугэ Лян и ПИ Цинь Шихуан в сокращённом виде с презентацией лишь самых известных дифференциальных признаков и основанных на них инвариантов восприятия:

Лингвокогнитивная директория ПИ Чжугэ Лян (诸葛亮 Zhuge Liang)

Референт1 ПИ — историческая личность, военный и государственный деятель периода Троецарствия (220-280 гг.) Чжугэ Лян (181 — 234 гг.).

Референт2 $\Pi \mathbf{U}$ — персонаж классического романа «Троецарствие» (написан в XIV в.).

Национальный инвариант восприятия референта ПИ Чжугэ Лян – знаменитый политик, военный специалист, стратег периода Троецарствия [He Yueqing, 2007, 16].

Национальный инвариант восприятия ПИ Чжугэ Лян, используемый для характеризации людей, явлений, предметов — мудрец, человек с неординарными умственными способностями [Chen, 1999, 88].

Варианты ПИ: І. 孔明 Кунмин (умный, просвещённый, прозвище крупнейшего государственного деятеля и изобретателя Чжугэ Ляна; эпоха Троецарствия) [БКРС 1984, том 4: 271–272], ІІ. 卧龙 или 伏龙 'притаившийся дракон' (образно в значении: выдающаяся личность, гений) [Chen, 1999, 88].

Дискурсивные актуализаторы ПИ

Прецедентные высказывания, имена, экспликации инвариантов восприятия ПИ в различных словарях, вербализации ПС [рассказы, новеллы, романы, пьесы, диалоги], визуализации ПТ-источника ПИ [кинофильмы, мультфильмы, телесериалы, театральные представления], материализации референта ПИ [памятники, сувениры, актёры, [двойники], например:

Наименование прецедентного текста-источника ПИ Чжугэ Лян (ПИ4): 《三国演义》 «Троецарствие».

Имена других основных прецедентных персонажей, которые взаимодействовали с референтом ПИ Чжугэ Лян в прецедентных ситуациях (ПИ1): 刘备 Лю Бэй, 曹操 Цао Цао, 阿斗 Адоу.

Цитаты из прозы (ПВ2): І. 诸葛亮亦一时之杰也 'Чжугэ Лян также является героем своего времени' — знаменитое изречение из раздела «Жизнеописание Дэнчжи» части «Описание царства Шу» книги «История Троецарствия» (《三国志·蜀书·邓芝传》) [Chen, 1987, 488]. II. 伏龙凤雏,两人得一,可安天下 'Затаившийся дракон и птенец феникса; если хотя бы одного из них удастся заполучить на службу, то можно будет умиротворить всю Поднебесную'. ПВ КД из 35-й главы ПТ классического романа «Троецарствие». В этом выражении под затаившимся драконом имеется в виду Чжугэ Лян, а под птенцом феникса — военный советник Лю Бэя Пан Тун (庞统), который подавал большие надежды, но умер молодым, не реализовав себя [Chen, 1987, 489]. III. 蜀得其龙,吴得其虎,魏得其狗 'царство Шу получило своего дракона, царство У получило своего тигра, царство Вэй получило своего дракона, царство У получило своего тигра, царство Вэй получило своего дракона, под под драконом подразумевается Чжугэ Лян, под тигром и собакой — его менее талантливые брат

Чжугэ Цзинь (诸葛堇) и двоюродный брат Чжугэ Дань (诸葛诞) [Chen, 1987, 489].

Цитаты из поэзии (ПВ2): 诸葛亮大名垂宇宙,宗臣遗像肃清高 'Громкое имя Чжугэ Ляна остаётся во вселенной, посмертный портрет этого заслуженного государственного деятеля преисполнен благородства и душевной чистоты и заставляет относиться к нему с благоговением' — знаменитые строки из произведения поэта эпохи Тан (618–907 гг.) Ду Фу «Пять стихотворений, воспевающих исторические реликвии» (《咏怀古迹五首》) [Chen, 1987, 489].

Фразеологизмы (ПИ2/ПВ1): І. 三顾茅庐 'трижды посещать шалаш' (о троекратном посещении Чжугэ Ляна Лю Бэем; образно в значении: настоятельно просить помощи опытного человека, настоятельно приглашать на службу) — фразеологизм типа чэньюй [Zhu 1985: 982]. ІІ. 诸葛亮会——献计献策 'Чжугэ Ляново совещание — вносить ценное предложение' — фразеологизм типа сехоуюй [Wen, 2004, 1261]. ІІІ. [唱] 空城计 'обман противника ложной демонстрацией силы (букв. [петь про] маневр с открытым городом)' — фразеологизм типа гуаньюньюй [Кожевников, 2005, 52, 166; Sun, Ye, 1998, 67].

Вербализации прецедентных ситуаций, связанных с референтом ПИ: І. Чжугэ Лян изобрёл китайские мучные изделия 馒头 маньтоу (пампушки из пресного теста, приготовленные на пару), ІІ. Чжугэ Лян изобрёл сигнальный фонарь 孔明灯: «фонарь Чжугэ Ляна (бумажный фонарь без выходного отверстия, который с помощью нагретого в нём воздуха сам поднимается вверх)» [БКРС, 1984, том 4, 272].

Информационные сообщения в средствах массовой информации, связанные с референтом ПИ и любые упоминания ПИ в связи с дифференциальными признаками референта ПИ: І. На одном из сайтов, посвящённых Китаю, мы обнаружили сообщение под заголовком «В Китае установлена гигантская статуя Чжугэ Ляна». Содержание сообщения таково: «В городе Сянфань провинции Хубэй установлена бронзовая статуя Чжугэ Ляна /181–234 гг./, полководца и государственного деятеля периода Саньго /Троецарствие/. Высота новой статуи — 20 метров, вес — 35 тонн. Она является самым крупным в стране изображением человека в бронзе, ІІ. 咱们做个孔明灯吧,是诸葛亮发明的。我们可以让它升到天上去。'Давай сделаем бумажный фонарь Кунмин, его изобрёл Чжугэ Лян. Мы сможем запустить его высоко в небо' [Youer huabao, 2007, 26–27, www.hongdaishu.com].

Лингвокогнитивная директория ПИ Цинь Шихуан (秦始皇 Qin Shihuang)

Референт ПИ – историческая личность, первый император, который объединил Китай и создал централизованное феодальное государство Цинь Шихуан (259–210 гг. до н. э.)

Национальный инвариант восприятия — 千古一帝 'первый император с незапамятных времён' [He Yueqing 2007: 5], 秦王朝的建立者 'основатель династии Цинь' [Li Dian, 2005, 60].

Дискурсивные актуализаторы ПИ

(см. в предыдущей директории):

Вербализации ПС: существуют в дискурсе в виде части «Исторических записок» Сыма Цяня [Сыма Цянь, 1972; Sima, 2002 shang, 67–81].

Фразеологизмы: І. 焚书坑儒 'сжигать книги и закапывать живьём в землю конфуцианцев; сожжение книг и истребление конфуцианцев' (213 г. до н. э.) – фразеологизм типа чэнъюй (ПИ2/ПВ1) [БКРС, 1984, том 3, 800; Zhu, 1985, 331], II. 万里长城 1.指秦始皇為了防禦北方匈奴貴族的侵略所修繕的西起臨洮, 北傍陰山,東至遼東的古長城。參見"長城"。 2. 比喻不可逾越的障礙。 3. 比喻國家所依賴的戰將。 '1. Древняя Великая китайская стена, которую построил Цинь Шихуан для защиты от вторжений гуннов с севера и которая на западе берёт своё начало от [местности] Линьтао [в провинции Ганьсу], на севере проходит около горной цепи Иньшань и на востоке заканчивается в Ляодуне [территория к востоку от реки Ляохэ, восточная и южная части провинции Ляонин, КНР]. 2. Образно о непреодолимой преграде. 3. Образно о полководце, от которого зависит судьба (безопасность) государства. ' – фразеологизм типа чэньюй (ПИ3/ПИ4/ПВ1) [БКРС, 1984, том 3, 339; Zhu, 1985, 1180]. III. 秦始皇修坟墓——自找死亡 'Цинь Шихуан строит себе склеп – сам ищет свою смерть' – фразеологизм типа сехоуюй (ПИ2/ПВ1) [Wen, 2004, 602].

Словесные клише (ПИ2/ПВ1): І. 统一文字 'унифицировал письменность', ІІ. 统一六国 'объединил шесть княжеств', ІІІ. 统一度量衡 'унифицировал систему мер и весов', ІV. 统一货币 'унифицировал валюту', V. 十二金人 'двенадцать металлических статуй' (Цинь Шихуан изъял у населения все металлические предметы и переплавил их в 12 статуй во избежание вооружённого мятежа) [Сыма Цянь, 1975, 64–65].

Приведённые в директориях дискурсивные актуализаторы – это разного рода информация (единицы языка разного рода) о языковой и неязыковой деятельности членов лингвокультурного сообщества, посредством которой в дискурсе осуществляется апелляция к референту данного ПИ и стоящему за ПИ представлению. Представленные выше образцы директорий призваны показать, что в КД большинство ПИ поддерживаются в дискурсе фразеологизмами разных типов, словесными клише и другими единицами языка, которые актуализируют прецедентные ситуации, тексты, высказывания и другие имена. Овладение такими единицами языка позволяет повысить эффективность получения разносторонних знаний об истории, культуре, литературе Китая. Очевидно, что информация о референтах ПИ, стабильно зафиксированная в виде единиц языка, является наиболее важной из всех сведений, которые так или иначе связаны с референтом ПИ. Поэтому мы считаем, что овладение данными единицами языка и связанной с ними информацией является первостепенной задачейминимум для современного китаиста. Таким образом, необходимо отметить, что линвокогнитивые директории в первую очередь следует заполнять единицами, которые обладают стабильной формой в языке, фиксируются в литературе и словарях и активно используются в языковой коммуникации членами китайского лингвокультурного сообщества. Следовательно, директории должны

быть ограничены по своему объёму. Только при таком подходе директории смогут стать эффективным инструментом определения когнитивных приоритетов при изучении Китая. Но в то же время лингвокогнитивная директория является открытой системой и всегда может быть пополнена новыми дискурсивными акутализаторами, новой информацией о референте ПИ и о использовании ПИ в дискурсе.

Представляем типовую структуру лингвокогнитивной директории ПИ КД:

- Референт1 ПИ
- Референт2 ПИ

(полагаем, что два референта следует выделять в случаях, когда референтом ПИ является историческая личность (событие), и эта историческая личность (событие) использована в прецедентном художественном литературном тексте как важный персонаж (эпизод) и наделена в тексте дифференциальными признаками, которыми референт-историческая личность (событие) не обладал)

- Атрибуты референта ПИ
- Дифференциальные признаки референта ПИ
- Национальный инвариант восприятия референта ПИ
- Национальный инвариант восприятия ПИ, используемый для характеризации людей, явлений, предметов
 - Варианты ПИ

Дискурсивные актуализаторы ПИ

(прецедентные высказывания, имена; экспликации инвариантов восприятия ПИ и их референтов в различных словарях; вербализации ПС [рассказы, новеллы, романы, пьесы, диалоги, монологи, статьи и проч.]; визуализации ПТ-источника ПИ и ПС [кинофильмы, мультфильмы, телесериалы, театральные представления]; материализации образа референта ПИ [картины, памятники, сувениры, актёры, двойники):

- Цитаты из прозы (ПВ2).
- Цитаты из поэзии (ПВ2).
- Фразеологизмы [типа чэнъюй, сехоуюй, гуаньюнъюй] (ПИ2/ПВ1).
- Словесные клише (ПИ2/ПВ1).
- Наименование прецедентного [текста-]источника (ПИ4).
- Имена других основных сопутствующих прецедентных персонажей/событий/предметов (ПИ1/ПИ2/ПИ3/ПИ4).
 - Фреймовые произведения:
- Фреймовые произведения литературы (посвящённые референту ПИ книги).
- Фреймовые научные работы (статьи, исследования, доклады, посвящённые референту ПИ).
- Фреймовые кинофильмы, мультипликационные фильмы, телевизионные сериалы, театральные представления, исторические реконструкции (посвящённые референту ПИ).
- Памятники, музеи, сувениры, места религиозных отправлений (посвящённые референту ПИ).

- Двойники, использующие атрибуты или дифференциальные признаки референта ПИ1 для воссоздания его образа.
- Информационные сообщения (вербализации) прецедентных ситуаций, связанных с референтом ПИ (распространяемые в любой форме и на любых носителях: газеты, журналы, интернет, телевидение, радио, лекции и проч.).

Полагаем, что количество и виды дискурсивных актуализаторов по каждому ПИ различны в разные периоды развития общества. В зависимости от того, насколько то или иное ПИ актуально для общества, арсенал дискурсивных актуализаторов увеличивается или сокращается и становится более или менее разнообразным. В частности, одни ПИ обретают способность регулярно употребляться в дискурсе как ПИ-дескрипции, то есть для характеризации других людей, ситуаций, предметов, другие преимущественно используются как ПИ-референции, то есть указывают только на изначального носителя данного имени.

Поэтому мы делаем вывод, что все ПИ отличаются друг от друга стоящими за ними когнитивными структурами и особенностями функционирования в дискурсе.

Все ПИ также различаются по частоте употребления в дискурсе. Примером могут послужить ПИ — имена четырёх известных красавиц Древнего Китая Си Ши, Дяо Чань, Ян Гуйфэй и Ван Чжаоцзюнь. Интересно, что эти имена часто обозначаются общим наименованием, выраженным фраземой-калькуляцией (в нашей классификации — ПИ4) 四大美女 'четыре великие красавицы [древнего Китая]'. Однако наиболее частотным по употреблению среди них является ПИ Си Ши как олицетворение безупречной красоты. ПИ Ян Гуйфэй может быть использовано в дискурсе для обозначения красивой, но полноватой женщины, а ПИ Ван Чжаоцзюнь — красивой женщины, которая вышла замуж за иностранца. Эти различия в функционировании ПИ обусловлены дифференциальными признаками референтов данных имён. Эти четыре прецедентных персонажа, будучи объединены одним четырёхкомпонентным ПИ4 四大美女 'четыре великие красавицы', часто фигурируют в КД вместе в виде сувениров, картин и т. п. В частности, им посвящена целая книга объёмом 470 страниц [Сhen Guanren, 2004].

Хотя имена всех четырёх референтов обладают всеми признаками ПИ: высокой степенью известности, инвариантами восприятия, атрибутами и т.п., но эталоном красоты чаще в КД выступает Си Ши, и, следовательно, ПИ Си Ши регулярно используется для характеризации. Остальные три ПИ из-за низкой частотности употребления для характеризации фактически находятся на границе перехода из категории ПИ-дескрипций в категорию ПИ-референций.

Список использованных источников:

1. Кожевников И.Р. Словарь привычных выражений современного китайского языка: более 1000 словосочетаний / И.Р. Кожевников. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. — 333 с.

- 2. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь / под ред. И.М. Ошанина. Т. 1-4. М., 1983–1984. (в тексте сокращённо БКРС)
- 3. Сыма Цянь. Исторические записки. Том II. Перевод с китайского языка и комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина / под общей редакцией Р.В. Вяткина. Издательство Наука, М., 1972. 580 с.
- 4. Chen Guanren 中国古代四大美女艳史 // 陈冠任著. 北京:中国工人出版社,2004年. (Прекрасные истории о четырёх великих красавицах Древнего Китая // Сост. Чэнь Гуаньжэнь. Пекин, 2004)
- 5. Chen Guanglei deng 中国古代名句辞典 // 陈光磊,胡奇光,李行杰 编著. 上海: 上海辞书出版社出版,1987 年. (Словарь известных изречений Древнего Китая // Сост. Чэнь Гуанлэй, Ху Цигуан, Ли Синцзе. Шанхай, 1987)
- 6. Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999)
- 7. He Yueqing 历史上的那些人 // 何跃青. 北京: 地震出版社, 2007年. (Люди истории // Сост. Хэ Юэцин. Пекин, 2007)
- 8. Li Dian 中国历代名人图典 // 李典编著. 北京: 京华出版社, 2005 年. (Знаменитые люди китайской истории. Словарь с иллюстрациями // Сост. Ли Дянь. Пекин, 2005)
- 9. Sima Qian 《史记》故事 (上、下) // 司马迁原撰; 臧瀚之等编写. 北京: 京华出版社, 2002. (Рассказы из «Исторических записок» (том 1,2) // первоначально сочинил Сыма Цянь; составили Цзан Ханьчжи и др. Пекин, 2002)
- 10. Sun Zhiping, Ye Minhua 惯用语一千条 // 孙治平 叶敏华编著. 上海: 上海文艺出版社, 1998 年. (Одна тысяча привычных выражений гуаньюнъюй // Сост. Сунь Чжипин, Е Миньхуа. Шанхай: Издательство художественной литературы, 1998)
- 11. Wen Duanzheng 中国歇后语大全 // 温端政等编著. 上海: 上海辞书出版社, 2004 年. (Полное собрание китайских недоговорок-иносказаний сехоуюй // Под ред. Вэнь Дуаньчжэна. Шанхай, 2004)
- 12. Youer huabao 幼儿画报(旬刊)2007 年第 33 期(总第 432 期) www.hongdaishu.com. (Иллюстрированный журнал для дошкольников, выходит три раза в месяц, вып. 33, 2007.)
- 13. Zhu Zuyan 汉语成语大词典 // 朱祖延主编. 北京:河南人民出版社, 1985年. (Большой словарь фразеологизмов чэнъюй // Под ред. Чжу Цзуяня. Пекин,1985)

ВКУСНАЯ СИЛА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Войцехович А.А., старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия Гуревич Т.М., д. культурологии, к.филол.н., профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия

TASTY POWER IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Voytsekhovich A., senior lecturer at the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages of MGIMO-University, Moscow, Russia Gurevich T., PhD in Linguistic Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor at Department of Japanese, Korean, Mongolian and Indonesian Languages of MGIMO-University, Moscow, Russia

Аннотация. Гастрономию можно считать действенным элементом и китайской, и японской «мягкой силы». Авторы статьи полагают, что на занятиях по языку освоение тем, связанных с гастрономическим кодом культуры помогает естественному формированию лингвистической, речевой и коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: мягкая сила, Китай, гастрономический код, Япония, лингвистические компетенции, межкультурная коммуникация.

Abstract. Gastronomy can be considered an effective element of both Chinese and Japanese "soft power". The authors of the article believe that in language classes, mastering topics related to the gastronomic code of culture helps the natural formation of linguistic, speech and communicative competence.

Keywords: soft power, China, gastronomic code, Japan, linguistic competence, intercultural communication.

民以食为天

Выбор данной темы определяется актуальностью изучения самых разных аспектов межкультурной коммуникации, к сфере которой относится и вопрос о способах репрезентации страны за её рубежами. Думается, что по аналогии с известным термином «мягкая сила» мы вполне вправе говорить и о «вкусной» силе, которую надо считать разновидностью «мягкой». Если об использовании «мягкой» силы, вероятно, можно говорить только начиная с анализа трактата 孙 子兵法 Сунь-цзы «Искусство войны», (конецVI — началоV в.в. до н.э.), то

_

¹ Народ считает свою пищу небом (китайская поговорка)

«вкусной» силой, похоже, пользовались всегда, ещё до того, как homo sapiens научился готовить пищу на костре.

Кулинария всегда занимала и продолжает занимать важное место в жизни людей любой страны. Вкусное угощение в кругу друзей для представителя любого народа является важной составляющей представления о счастье. Вне сферы еды не может существовать никакой праздник, она обычно становится одним из важнейших его компонентов, а стабильность гастрономических традиций выступает залогом сохранения не только самобытности народного праздника, но и лежит в основе национальной самоидентификации. Национальная кухня, берущая свои истоки со времен зарождения этносов, является важнейшим элементом традиционной культуры. Контакты между народами, не только добросердечные, но даже и военные, обычно естественно начинались с знакомства с чужой кухней. С незапамятных времен люди отыскивали гибкие способы разрешения конфликтов и примирения враждующих сторон — переговоры, в обязательном порядке завершавшиеся трапезой, которая, являясь средством неформального общения, помогала лучше понять партнеров.

Современное развитие отношений между странами и людьми продолжает эту традицию. Вкусная еда, знакомство с премудростями её приготовления в силу массовости целевой аудитории — один из лучших способов установления контактов, дающий ключ к налаживанию понимания между народами.

В настоящее время гастрономическая дипломатия — это «мягкая сила», мирный инструмент не вызывающего отторжения влияния на общество и бизнес, эффективный элемент современной внешней политики и экономической дипломатии². Кулинарное искусство является одной из важнейших сфер человеческой деятельности и широчайшим полем для налаживания диалога и сотрудничества. Трудно переоценить роль гастрономических моментов в формировании представления о той или другой нации, и кулинария является одним из весьма действенных инструментов в формировании образа страны и её народа. Так китайская кухня, например, является одним из ярких стереотипов о китайском национальном характере. Эти стереотипы создавались и во многом культивировались европейцами, которые считались ценителями экзотической кухни и традиций застолья. Именно в этой сфере они находили все те черты китайцев, которые прочно закрепились в умах иностранцев: непонятность и самобытность, традиционность, умеренность и изобилие, скрытность, контрастность, варварство, отсталость.

По своей сути – гастродипломатия – это новый институт публичной дипломатии, новая форма политико-дипломатических межгосударственных отношений, о чём свидетельствует анализ дипломатического опыта России, США, государств Азии и Европы, Африки и Латинской Америки.

_

² В этой связи достаточно вспомнить эффект, произведенный нашим мороженым, подаренным в 2016 году В.В. Путиным Председателю КНР Си Цзиньпину на встрече перед саммитом G20 в Ханчжоу – в настоящее время этот продукт в больших объемах уже поставляется на достаточно закрытый, как известно, внутренний рынок Китая.

История Китая, как и история любого другого государства, находит отражение в такой области материальной культуры как гастрономия. Еда является важнейшим фактором социальной, политической и экономической жизни. И Китай, и Япония — страны с богатым опытом активного продвижения самых разных продуктов своей культуры на мировой рынок. Названия многих блюд национальных кухонь становятся прецедентными именами, символами определённых эпох. Рис, маотай 茅台 и сакэ, димсам 点心 и мисо, утка по-пекински 烤 и суши, пельмени 饺子, которые в японской кухне носят название гёдза, являются визитными карточками межкультурных контактов, стран, времён и народов. Китайская кухня имеет миллионы поклонников во всём мире. Не только в каждом крупном мегаполисе планеты, можно пойти пообедать или поужинать в чайна-таун, но и в небольших городах повсюду появляются рестораны китайской кухни, пользующиеся популярностью у людей всех национальностей.

Китайская кухня, история которой насчитывает уже несколько тысяч лет, хорошо известна во всём мире, а не только в Юго-Восточной Азии, где она зачастую является прародительницей кулинарных традиций стран этого региона. Можно утверждать, что пользующаяся повсюду большой популярностью японская кухня, в том виде, в котором мы знаем её сейчас, является результатом соединения китайской, собственно японской и европейской кулинарных традиций. Китайское влияние на японскую культуру питания отчетливо просматривается на примере многих блюд японской кухни: порой рецепты были переосмыслены, переработаны и интегрированы в японскую культуру питания. Гастрономическая культура Китая в VI в. пришла в Японию через Корею вместе с буддизмом и его богатейшими традициями вегетарианской монастырской кухни. Тогда же японские монахи начали пить чай, а через несколько веков в этой стране сформировалась своя оригинальная практика чайной церемонии. Как и в Китае основой японского питания становится рис, а вместе с ним японцы заимствуют из Китая и палочки для еды, и рецептуру изготовления пасты мисо, которую поначалу делают только в монастырях, соевого соуса и лапши удон.

С китайскими разнорабочими в конце XIX в. приходит куриный суп с лапшой 鸡汤面, в который в Токио придумали добавлять жареную свинину, морскую капусту *нори* и соевый соус, назвав это блюдо сначала *сина-собу* («китайская лапша»), а затем *рамэном*.

Поскольку национальная кухня является неотъемлемой частью культуры, представляется целесообразным на уроках китайского языка уделить определенное внимание и этой теме. Преподавая иностранный язык, мы неизбежно знакомим студентов и с национальным лексико-семантическом полем гастрономического культурного кода, и с национальными традициями китайского застолья. Эти знания, касающиеся важных элементов картины мира изучаемого языка, помогают в дальнейшем научиться правильно выстраивать отношения с китайскими партнерами. К сожалению, несмотря на обширную теоретическую и фактическую источниковую базу для проведения исследования и очевидную актуальность темы в аспекте межкультурной коммуникации, вопросы культуры

питания всё еще редко становятся предметом научного осмысления и достаточного внимания на уроках языка.

Гастрономическое искусство может быть осмыслено и обсуждаться как в свете национальной традиции, так и в свете семиотики моды, а также для анализа семантических ресурсов, привлекаемых для формирования образа аутентичной гастрономической традиции. В настоящее время китайские гастрономические традиции довольно широко освещаются в средствах массовой информации, в основном, в контексте гастрономических аспектов туризма, рекламы продуктов питания и рецептуры блюд китайской кухни.

Учитывая, что сегодня мы порой обучаем людей со слабой мотивацией к изучению сложного языка, можно предложить преподавателям обратить внимание на темы, связанные с гастрономическим кодом китайской культуры. Задача преподавателя — сформировать психологическую мотивацию для преодоления трудностей иностранного языка. Надо учитывать, что коммуникативные потребности и возможности студентов в значительной мере объясняются их возрастными особенностями. Можно, работая над старыми темами, посмотреть на них немного под другим углом зрения. Например, в теме, связанной с названием по-китайски различных фруктов при формировании лингвистической компетенции, работая с омонимией, обратить внимание на то, что многие благопожелания созвучны наименованиям фруктов, которые любят дарить китайцы.

Китайцы часто любят дарить яблоки в качестве подарка за исключением тех случаев, когда человек заболел потому, что слово «яблоко» по-китайски 苹果 пинго созвучно со словом 和平 хэпин, что означает мир, спокойствие. Иероглиф 桔 цзюй в слове «мандарин» 桔子 цзюйцзы напоминает иероглиф 吉 цзи — «счастье», так что дарение 桔子 цзюйцзы символизирует пожелание благополучия — 吉祥 цзисян.

Омонимом слова «апельсин» 橙 чэн является символизирующий успех, удачу иероглиф 成 чэн, который мы видим в слове — 成功 чэнгун, входящем в состав благопожеланий.

При работе с привлечением материалов гастрономического кода китайской культуры хорошо формируются речевая и коммуникативная компетенции: студенты могут обсуждать специфические китайские продукты, с которыми у них связано представление о китайской кухне, делиться знаниями об основных кулинарных школах Китая, о возможности в городе, где они живут, познакомиться с китайскими деликатесами, а то и рассказывать свои впечатления о них.

На младших курсах можно поговорить о продуктах и любимых блюдах китайской и русской, или любой другой национальной кухни, познакомиться с основными моментами застольного этикета, освоить речевые клише, которые используются при приглашении к застолью и принятии такого приглашения.

При достаточном объёме вокабуляра студенты могут писать эссе или дискутировать, например, на темы, подсказанные старыми афоризмами:

– Человек живёт не для того, чтобы есть, а ест для того, чтобы жить.

- Смысл человеческого существования это стремление к счастью.
- Великие катастрофы лишают человека основы счастья еды.
- Как вы понимаете китайскую поговорку 民以食为天.

Таким образом, можно утверждать, что более глубокое знакомство с гастрономическим кодом культуры поможет нашим учащимся лучше понять психологию и легче овладеть языком тех, кто говорит на изучаемых ими языках.

Список использованных источников:

- 1. Барышников Н.В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации / Н.В. Барышников М.: ИНФРА-М, 2013. 368 с.
- 2. Бервекс Е.В. Еда и традиции китайской медицины / монография / [Е.А. Бакланова, Е.В. Берверс, А.В. Березина и др.] «Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки». Москва: МГИМО, 2018 С. 94—100.
- 3. Войцехович А.А. Ритуальная идеация подарка в современном Китае / А.А. Войцехович // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. N 4 (70). С. 19—23.
- 4. Войцехович И.В. Практическая фразеология китайского языка / И.В. Войцехович. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с.
- 5. Воропаев Н.Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н.Н. Воропаев. М.: Издательство ВКН, 2015. 384 с.
- 6. Гуревич Т.М. Гастика в японской культуре и языке / монография / [Е.А. Бакланова, Е.В. Берверс, А.В. Березина и др.] «Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки» Москва: МГИМО, 2018. С. 53–62.
- 7. Albala K. Food: a Cultural Culinary History. Course Guidebook. Chantilly / K. Albala. Virginia, 2003.
- 8. Anderson E.N. The Food of China / E.N. Anderson. London: Yale University Press, 1988.
- 9. Ashkenazi M., Jacob J. Food Culture in Japan. Westport, Connecticut, London, 2003.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОБОРСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Олейник А.Ю., к. филол. н., независимый исследователь, Москва, Россия

THE ARGUMENTS FOR CREATING THE INTERPARADIGMATIC APPROACH IN CONDITIONS OF OPPOSITION BETWEEN SCIENTIFIC TENDENCIES IN TRANSLATING STUDIES

Oleinick A., PhD of Philological Sciences, The independent scientific researcher, Moscow, Russia

Аннотация. Работа посвящена изучению природы и научноисследовательских принципов парадигм, сложившихся в переводоведении. Показано, что данные парадигмы находится в конфронтации. Первая «лингвистическая» занимается решением проблем в аспекте языковой формы и вопросами ее функционирования в переводе. Вторая «психолингвистическая» первостепенное внимание уделяет речевым, философским, культурологическим проблемам деятельности переводчика. Решение новых, стоящих перед наукой задач и нейтрализации проблемных ситуаций в практической деятельности возможно только в ключе создания интегративного подхода.

Ключевые слова: переводоведческая наука, лингвистическая парадигма, языковая основа коммуникации, деятельностная парадигма и её аспекты, противоборство научных концепций, межпарадигматический подход.

Abstract. The present paper studies the inside nature and scientific principles of paradigms, which have been developed in translating studies. It is shown, that these paradigms are in opposition to each other. The first, "linguistic" concentrates the main attention on solving the problems in the aspects of linguistic form and answering questions of its function in translation process. The second paradigm, which is called "psycholinguistic", pays the main attention to the communicative, philosophical and cultural problems of the translator's activity. The interparadigmatic approach will help the science to accomplish new tasks and to neutralize problematic situations, which take part in practice.

Key words: the science of translation, linguistic paradigm, linguistic basis of translation, the active paradigm and its aspects, confrontation of scientific conceptions, interparadigmatic approach.

Стимулом для изучения переводческой деятельности на научной основе послужило немало причин. Это не только необходимость подготовки квалифицированных специалистов или применение перевода как средства изучения иностранного языка в учреждениях высшего и среднего образования. Зарожде-

ние первых научных подходов в конце 1940-х начале 1950-х гг. во многом было обусловлено практической потребностью. Как показали исследования [Федоров, 1941], в области переводческой практики достаточно часто были распространены ситуации проявления двух крайностей: буквализма, с одной стороны и, вольностей, с другой. Более того, существовало много проблемных вопросов, связанных с передачей не только грамматических, лексических, стилистических особенностей речевого произведения оригинала, но и его исторической специфики. Следует признать и тот факт, что при достижении успехов в области разработки методики преподавания перевода [Абезгаус, 1947], всё ещё отсутствовали систематические научные исследования переводческих процессов, не были выработаны критерии оценки его качества. Все это, так или иначе, требовало создания теории, единой и целостной научной базы, позволяющей дать описание и объяснение фактам перевода, стать ключом к решению постоянно возникающих проблемных ситуаций, и самое важное оказывать помощь практике.

Изучение литературы показало, что к настоящему времени в теории перевода сформировались следующие научно-исследовательские парадигмы: субститутивно-трансформационная, основаная, на сопоставительном изучении языков и уделяет основное внимание системно-языковым основаниям перевода и коммуникативно-деятельностная, сформированная на положениях психолингвистики и изучающая перевод с опорой на законы осуществления речевой деятельности. В свете сказанного, представляется необходимым более подробно рассмотреть каждую из указанных парадигм.

Лингвистическое направление переводческих исследований отличалось от сложившихся к тому времени подходов, которые исходили из «литературоведческих» принципов изучения перевода. По-сути, существовавшие подходы являлись отдельными концепциями или высказываниями по вопросам преимущественно художественного перевода. Именно лингвистическое направление, сформированное на базе «европоцентристских» языков эволюционировало в последующие десятилетия в самостоятельную науку, которая получила название лингвистическая теория перевода [Catford, 1965; Jäger, 1975; Nida, 1982]. Хотя наука о переводе изначально являлась комплексной дисциплиной, она представляла собой целостную систему научных понятий и категорий, предназначенных для объяснения своего сложного и многогранного объекта — перевода.

Центральным постулатом, из которого исходят сторонники лингвопереводоведения, является тесная взаимосвязь перевода и языка. Лингвистический подход к изучению перевода затрагивает саму его основу – язык, без которого не может быть реализован перевод, осуществляться какие-либо его функции, а также другие виды языкового посредничества. На этом основании, в работах представителей «лингвистической» парадигмы языковой форме предают своеобразный «универсальный» статус.

На протяжении последующих этапов развития науки о переводе сторонники языковой парадигмы стремились поднять её статус выше ситуационных, прагматических, психолингвистических, культурологических и когнитивных

факторов, также оказывающих влияние на осуществление опосредованной межъязыковой коммуникации. Именно поэтому, в многоуровневых моделях переводческой эквивалентности первенство отдаётся как раз нижестоящим уровням, поскольку здесь наблюдается высокая степень параллелизма в структурной организации текста, и максимальная соотнесенность его лексического состава по отношению к тексту оригинала [Комиссаров, 2017, 131–132]. Это позволяет установить коммуникативно-функциональную и по мере возможности языковую равноценность между разноязычными текстами. В этом и заключается основное отличие перевода от других разновидностей языкового посредничества.

Исследователи проблемных аспектов перевода на материале европоцентристских языков утверждают факт использования переводчиком при реализации его коммуникативно-посреднической деятельности опоры на сложившуюся между языками систему закономерных соответствий [Вине, 1978, 77–92; Gasek, 2016, 111–122]. Разработанная теория закономерных соответствий служит прообразом лингвистической науки о переводе. На ней основываются разработанные к настоящему времени концепции и теории.

В отечественной науке о переводе, основы теории закономерных соответствий были заложены А.В. Фёдоровым [Федоров, 1953] и наибольшее развитие получили в работах его последователя Я.И. Рецкера [Рецкер, 1956]. С точки зрения учёного, данную теорию формируют три взаимосвязанные категории соответствий: эквивалентные, вариантные и все виды переводческих трансформаций. Последние (трансформации) представляют принципиальную важность для теории и практики. Они являются не только наиболее эффективным инструментом реализации деятельности переводчика, но и вместе с приемами субституциями — основным средством научного описания разнородных его действий, осуществляемых в процессе реализации опосредованного межъязыкового и межкультурного общения.

Важно отметить, что знание закономерных соответствий, существующих между исходным и переводным языками (ИЯ и ПЯ) позволяет сознательно делать выбор в пользу определённых лексико-грамматических форм, которые необходимы для передачи, как смыслового содержания текста оригинала, так и его индивидуальных стилистических особенностей, не вступая при этом в противоречие с нормой, узусом и стилем переводного языка. Более того, умелое использование на практике данных соответствий даёт возможность сводить к минимуму произвол переводчика, не допускать ошибки и неточности, преодолевать буквализм, избегать эмпирических методов работы.

Стремясь глубоко постичь природу деятельности переводчика, большое внимание со стороны учёных-переводоведов уделяется изучению её особенностей, которые служат отличием от других видов языкового посредничества [Швейцер, 2009], а также грамматических, лексико-семантических, стилистических, прагматических аспектов [Комиссаров, 2017], истории теории перевода и переводческой деятельности в целом [Прунч, 2015], методики преподавания перевода [Jianzhong Xu, 2015] и др. Можно сказать, что в настоящее время теория перевода окончательно получила статус комплексной дисциплины, вклю-

чающей в себя аспекты не только лингвистики, но и культурологии, философии и других наук [Khairulline, 1999].

С началом развития субститутивно-трансформационной парадигмы в научный аппарат переводоведческой науки в дополнение к понятию «содержание» вводится понятие «форма» (языковая), которая признана сторонниками данного направления как основа перевода [Федоров, 1953, 2–10]. Ни существование перевода, как вида языкового посредничества, ни его всестороннее изучение невозможно без опоры на научные категории, в частности, языкознания и логики. С разграничением в переводе аспекта содержания и формы изменились и взгляды на процедуру его осуществления.

Независимо от пары задействованных языков, влияния детерминирующих факторов, деятельность переводчика всегда осуществляться в виде последовательных действий. Эти действия символизируют выбор единиц переводного языка, предназначенных для эквивалентной и адекватной передачи смысла исходного текста. Процесс осуществления перевода рассматривается с позиции сторонников трансформационного подхода как *преобразование* исходного текста (ИТ) в переводной текст (ПТ) путём применения переводческих приемов [Бархударов, 2018, 190–210]. Важно отметить тот факт, что раздел о переводческих приёмах является важнейшим разделом теории, который непосредственно связан с переводческой практикой. Посредством данных приёмов осуществляется перевод любого вида и/или типа. На этом основании, задачей переводоведения является определение и изучение как можно большего разнообразия приёмов не зависимо от пары контактирующих языков [Гуань Хун-ин, 2014; Хаким Ассад Музаффар-Эддин, 1985].

Проанализировав принципы и исследовательские задачи субститутивнотрансформационной парадигмы, перейдём к анализу коммуникативнодеятельностной.

Деятельностная (психолингвистическая) парадигма сформировалась в 1970-80-е гг. С точки зрения сторонников данного направления, перевод представляет собой повторное порождение (репорождение) текста оригинала на новой языковой основе, в других коммуникативных и социокультурных условиях [Крюков, 1989]. ИТ и ПТ есть две самостоятельные сущности, обязанные своим появлением коммуникативным деятельностям соответствующих субъектов — носителя исходного языка с одной стороны, и переводчика, с другой. Коммуникативно-деятельностная парадигма — это исходная методологическая установка, которая отправляется от утверждения, согласно которому многие явления общества и культуры относятся миру деятельностии. «Если лингвистический подход направляет свое основное внимание на соотношения между объектами и продуктами переводческой деятельности и процедуру преобразования первых во вторые в отвлечении от деятельностных процессов, то психолингвистический подход интересуется самим деятельностным процессом, его составляющими, спецификой его строения и протекания…» [Ширяев, 1980, 143].

С этой точки зрения, коммуникативная деятельность переводчика (как и любая другая речевая деятельность) организована в виде сложной системы ре-

чемыслительных действий, которая обладает своей программой, целями и мотивами [Ширяев, 1980, 145].

Что же касается самой системы деятельности переводчика, то она образуется в виде последовательности трёх взаимосвязанных между собой фаз [Крюков, 1979, 109-117]. Первую фазу можно условно обозначить как ориентировочно планируемую, поскольку здесь переводчик только планирует свою деятельность: осуществляет понимание ИТ и его вероятностное прогнозирование, глубоко проникает в текстовый смысл, коммуникативное задание автора. Вторая фаза связана со вторичным порождением ИТ. С позиции переводоведов «психолингвистов» переводчику представляется более удобным осуществлять операции по свободному выбору оптимальных вариантов перевода на смысловом уровне текста. Суть третьей фазы заключается в проверке ПТ, его многократном прочтении и сопоставлении с оригиналом. Данную фазу также определяют как этап самоконтроля, поскольку здесь переводчик проверяет созданный им текст на наличие смысловых нарушений, буквализмов, различных орфографических ошибок, соответствие оригиналу в культурном аспекте. Обращает на себя внимание то, что помимо рассмотренных фаз некоторые исследователи предлагают выделять дополнительные субфазы [Зеленов, 1987, 68–76].

Сторонники деятельностной парадигмы, разделяют точку зрения, согласно которой семантико-структурная основа текста не помогает переводчику в процессе реализации его деятельности, а напротив, создаёт немало трудностей в работе, способствует проявлению буквализма, нарушений норм переводческой адекватности и т.д. [Ледерер, 2007]. Таким образом, языковая форма утрачивает здесь присущий ей универсализм, который придают ей представители «лингвистической» парадигмы. Она управляется ситуацией и смыслом, следовательно, обладает подчиненным статусом. Приёмы субституции и межъязыковые трансформации являются несовершенными как средства научного описания процессов, происходящих в деятельности переводчика и недостаточно продуктивными как способы адекватной передачи смысла оригинала. Такая позиция обусловлена тем, что набор постоянных закономерных соответствий в ИЯ и ПЯ, относящихся к категории эквивалентов является весьма ограниченным, а трансформационные приёмы обладают целым рядом дефектов. Отсутствие возможности частого применения субституций доказывают многие переводоведы, объектом изучения которых является перевод с языков, не имеющих близкородственных отношений [Крюков, 1988], приветствуется всяческое отвлечение от языковой формы текста. Глубина и масштаб модификаций зависит от «силы» воздействующих на них факторов, их природы, количества в той или иной ситуации. В свою очередь, детерминационный аспект переводческой деятельности представлен значительно шире. Он рассматривается в виде сложной и многоуровневой системы, в которой приоритет отдаётся факторам экстралингвистического порядка [Иовенко, 1992].

Вполне очевидно, что «новая» парадигма, исходящая из принципов целостной, смысловой коммуникативной модификации во многом противопоставлена структурно-языковому сопоставлению и структурно-языковую соотнесенности фактов перевода на знаковом уровне, а также возможности реали-

зации перевода через совокупность подстановок и трансформаций. Задача перевода здесь решается в масштабе высказывания, а не в масштабе отдельных обозначений.

В конечном итоге, различия принципов научного объяснения процессов деятельности переводчика, а также методологии её реализации в работах представителей субститутивно-трансформационной и деятельностной парадигм привели к тому, что теория перевода не может решить комплекс существующих в ней вопросов, которые, в свою очередь, не позволяют ей найти «ключ» к решению новых проблемных ситуаций.

Так, на фоне противостояния двух парадигм недостаточно изучен вопрос о разграничении в деятельности переводчика вариативного и инвариантного аспектов, отсутствует постановка проблемы определения формы, репрезентирующей текстовый смысл. Чётко не определены нижняя и верхняя границы перевода, не получил объяснения феномен комплексной вариативности языковой формы в процессе перевода, отсутствуют показатели степени глубины ее изменения, проблем, препятствующих не только «узакониванию» глубоких и масштабных преобразований в самой науке, но и обоснованию правомерности их осуществления на практике.

Тем не менее, несмотря на множество споров относительно того, какая из разрабатываемых в переводоведении парадигм является более эффективной, право на существование получила и «лингвистическая» и «психолингвистическая». На этом основании, при всех различиях данных парадигм, возможным выходом из сложившейся ситуации является не их противопоставление друг к другу и не признание правильности принципов одной из них в ущерб другой, а поиск теоретических оснований их продуктивного научного взаимодействия. Именно в ключе последовательного объединения принципов субститутивнотрансформационной и деятельностной парадигм решение выше поставленных вопросов позволит более эффективно прийти к выполнению новых, стоящих перед наукой задач и нейтрализации возникающих проблемных ситуаций в практической деятельности.

Список использованных источников:

- 1. Абезгаус С.Л. Значение перевода с родного языка на иностранный при обучении иностранному языку: дисс. ... канд. пед. наук. (микроформа) М., 1947.
- 2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. Изд. 5-е. стер. М.: URSS, 2018. 235 с.
- 3. Вине Ж.П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода / Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 77—92.
- 4. Зеленов Ю.С. Психолингвистический анализ зависимости смысловой переработки текста от условий его предъявления (на материале переводов с иностранного языка на русский): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 160 с.
 - 5. Гуань Хун-ин. Переводческие трансформации и особенности перевод-

- ческих трансформаций при научно-техническом переводе / Хун-ин Гуань. М.: Изд-во Спутник+, 2014. 114 с.
- 6. Иовенко В.А. Основы концепции детерминизма в переводе (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 1992. 35 с.
- 7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. М.: Р.Валент, 2017. 407 с.
- 8. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 1989. 42 с.
- 9. Крюков А.Н. Некоторые проблемы психолингвистического моделирования процесса перевода (на материале индонезийско-русских переводов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. 20 с.
- 10. Крюков А.Н. Перевод как интерпретация (на материале переводов с восточных языков) / А.Н. Крюков // Перевод и интерпретация текста. Сб. науч. трудов. М.: Ин-т Языкознания АН СССР, 1988. С. 41–55.
- 11. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода (пер. с фр. Н.А. Фесенко, Е.А. Алексеевой). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2007. 223 с.
- 12. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой ассиметрии к политической. Учебное пособие (пер. с нем. С.Ю. Архипов и др.) М.: Р.Валент, 2015. 511 с.
- 13. Рецкер Я.И. Теория и практика перевода с английского языка на русский. Краткий курс лекций / Я.И. Рецкер. М.: Министерство просвещения РСФСР, 1956. 174 с.
- 14. Федоров А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. М.: Издво литературы на иностр. языках, 1953. 336 с.
- 15. Федоров А.В. О художественном переводе / А.В. Федоров. Ленинград: Гослитиздат, 1941.-260 с.
- 16. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. М.: ООО «Ленанд», 2009. 214 с.
- 17. Хаким Ассад Музаффар-Эддин. Проблемы военного перевода в свете общей теории перевода: на материале перевода с русского языка на арабский. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. 142 с.
- 18. Ширяев А.Ф. Специализированная речевая деятельность: психолинг-вистическое исследование на материале синхронного перевода: дисс. ... д-ра филол. наук. M., 1980. 474 с.
- 19. Catford J.C. A linguistic theory of translation: An essay in applied linguistics. London: Oxford University Press, 1965. 103 p.
- 20. Gasek B. Rosyjskie nazwy realiów w ujęciu leksykograficzno-przekładowym, // Slavica Wratislaviensia CLXII, red. naukowa W. Wysoczański, Wrocław 2016.– S. 111–122.
- 21. Jianzhong Xu. Training Translators in China // Meta. Vol. 58. No. 5. 2015. P. 231–249.
- 22. Jäger G. Translation und Translationslinguistik. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1975. 214 s.

- 23. Kade O. Die Sprachmittlung als Gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand Wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopadie, 1980. 285 s.
- 24. Khairulline V. Cognitive functional description of language and translation. Ufa: Bashkir State University, 1999. 127 c.
- 25. Nida E., Taber Ch. R. The theory and practice of translation. -2nd edition. Leiden: Brill, 1982. -218 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В КИТАЙСКОМ И ТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Тхомпира Читра, бакалавр, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия Глушкова С.Ю., доцент, к. филол. н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

RESEARCH ON SYNTACTIC AND GRAMMATIC FEATURES OF PUBLICISTIC TEXT IN THE CHINESE AND THAI LANGUAGES

Tkhompira Chitra, Bachelor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia Glushkova S., Associate Professor, Ph.D., Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены синтаксические и грамматические особенности китайского и тайского публицистического текста. Определено место публицистического стиля в системе функциональных стилей речи. Подробно изучены экспрессивные средства языка, используемые в (публицистическом) стиле с примерами на китайском и тайском языках и сделана попытка выявить различие при их наличии.

Ключевые слова: публицистический текст, газетно-публицистический стиль, китайский язык, тайский язык, синтаксис, грамматика.

Abstract. The article discusses the syntactic and grammatical features of Chinese and Thai journalistic text. The place of the journalistic style in the system of functional speech styles is determined. The expressive language tools used in the (journalistic) style with examples in Chinese and Thai are studied in detail and the differences are revealed when they exist.

Key words: publicistic text, newspaper-publicistic style, Chinese language, Thai language, syntax, grammar.

В языках мира книжный стиль речи противопоставляется стилю разговорной речи. Публицистический стиль относят к книжным стилям речи наряду с научным, официально-деловым, художественным. В китайском языке к жанровым разновидностям публицистического стиля в широком смысле относят не только газетные и журнальные статьи, выступления на общественно-политические темы и т.д., но и научные труды, доклады, справочные пособия, деловую документацию, постановления, законы, указы и т.д.

Изучение публицистического стиля китайского языка является важным направлением современной китаистики. Начиная с 1978 г. – со времени начала

проведения политики реформ и открытости, информационная индустрия Китая получила большое развитие как в количественном, так и в качественном плане. На сегодняшний день в Китае издаются 2100 наименований газет общим тиражом 35 млрд. экземпляров, свыше 8,8 тыс. наименований других видов периодических изданий общим тиражом более 10 млрд. экземпляров, вещают более 290 радиостанций, 450 телестудий.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что газетные и журнальные статьи являются объективными источниками информации о новых языковых явлениях, новой лексике, сокращениях и неологизмах в современном китайском и тайском языках. Именно поэтому исследование языка прессы необходимое условие для развития навыков перевода китайских и тайских текстов и для улучшения методики преподавания китайского и тайского языка. Более того в данной работе были исследованы грамматика и синтаксис не только в публицистике Китая, но также и Таиланда, язык которого имеет свои особенности и специфичность, и, в свою очередь, считается редким языком для изучения, но тем не менее набирающим популярность в современном мире. Не менее важно то, что все три страны: Россия, Китай и Таиланд входят в состав Регионального форума АСЕАН.

Исследование данной работы состоит из двух частей:

I. Изучение стандартных и экспрессивных средств языка, используемые в публицистическом тексте с примерами на китайском и тайском языках и выявление различий при их наличии.

Различия не выявлены в следующих стандартно-информативных средствах: общественно-политическая лексика, терминология науки, книжная лексика абстрактного значения, газетные клише, многочленные словосочетания, использование иностранных слов.

- 1. Общественно-политическая лексика. สังคม / 社会 / общество, พลเมือง / 公民 / гражданин, การปฏิรูป / 改革 / реформа, ประชาธิปไตย / 民主制 / демократия и др.
 - 2. Терминология науки, производства и других социальных средств.

โปรโตสตาร์ (Protostar) หรือเรียกว่า "ดาวฤกษ์ก่อนเกิด" คือดาวฤกษ์ที่ยังเป็นทารกและถูกห้อมล้อมด้วยก๊าซและฝุ่นหนาแน่นในเมฆโมเลกุลขนาดยักษ์ — Протозвезда, также известная как «звезда до рождения», является звездой, которая всё ещё является ребенком и окружена плотным газом и пылью в гигантском молекулярном облаке.

รู้จัก "โรคชิกุนกุนยา" อีกหนึ่งสายพันธุ์โรคร้ายจากยุงลายที่อันตรายไม่แพ้กัน — Известный как «болезнь Chikununya», ещё один вид болезни, переносчиками которой является комары, что делает её не менее опасной, чем другие виды заболеваний.

基于内存计算技术的人工智能芯片问世 – Чипы искусственного интеллекта, основанные на технологии вычислений в памяти стали реальностью.

严禁将储备土地作为资产注入国有企业 – Категорически запрещается вводить резервные земли в качестве активов в государственные предприятия.

3. Книжная лексика абстрактного значения. Интенсифицировать/使强化, конструктивный / 结构上的 / ที่ช่วยให้พัฒนาขึ้น, приоритет / 优先权 / สิทธิพิเศษ

- 4. Газетные клише, то есть устойчивые словосочетания и целые предложения. Политическая обстановка / 政治局面 / สถานการณ์ทางการเมือง; новый курс / 新政, разразился скандал / 闹丑闻
 - 5. Многочленные словосочетания.

Успехи национально-освободительного фронта / 民族解放阵线的成功 / ความสำเร็จของแนวร่วมปลดปล่อยแห่งชาติ;

Мирные переговоры в Париже / 巴黎和谈 / การเจรจาสันติภาพในปารีส;

Внезапное изменение политики / 突然的政策变化 / การเปลี่ยนแปลงนโยบายอย่างฉับพลัน;

Комитет по регулированию банковских кредитов / 银行信贷监管委员会 /คณะกรรมการกำกับดูแถสินเชื่อของธนาคาร

6. Использование иностранных слов.

มาตรฐานใหม่ของปีคอัพระดับโลก – Новый стандарт пикапа мирового класса.

这个受欢迎的团体的粉丝真的很疯狂 – Фанаты популярной группы буквально сошли с ума.

Различия выявлены в следующих стандартно-информативных средствах: использование имён собственных и аббревиатур.

1. Имена собственные (имена, фамилии, географические названия, названия журналов, газет, литературных произведений, названия компаний, организаций, названия марок автомобилей и тд.)

据历史大数据预测,春运期间国内主要客运航司到港准点率排名前三的是: 南方航空、中国国际航空、四川航空。— Согласно данным, во время Весеннего Фестиваля первые три места в рейтинге пунктуальности заняли первые три отечественных пассажирских перевозчика: China Southern Airlines, China International Airlines, Sichuan Airlines.

飞常准 2019 春运大数据显示,航班量排行前三的航线分别是深圳至上海、上海至深圳、北京至上海 — Данные Fei Changzhun на время Весеннего Фестиваля 2019 г. показывают, что три главных маршрута проходят из Шэньчжэня в Шанхай, из Шанхая в Шэньчжэнь и из Пекина в Шанхай.

Mitsubishi ออกแบบ พัฒนาและผลิตรถกระบะ Triton ปิกอัพที่ต้องแข่งขันกับเจ้าตลาดอย่าง D-MAX และ REVO – Mitsubishi проектирует, разрабатывает и производит пикапы Triton, которые должны конкурировать с такими рынками, как D-MAX и REVO.

สำนักข่าวต่างประเทศรายงานวันที่ 28 ธ.ค. ว่า เนย์มาร์ กองหน้าทีมชาติบราซิลของ ปาริส แซงต์ แชร์แมง พร้อมตอบรับย้ายไปร่วมทีม "ราชันชุดขาว" เรอัล มาดริด — 28 декабря зарубежные информационные агентства сообщили, что нападающий сборной Бразилии Неймар из Парижа Сен-Жермен готов ответить согласием о переходе в команду «Белый король» Реал Мадрид.

В публицистических текстах Китая имена собственные, в частности название компаний, пишутся в большинстве случаев на китайском языке, в то время как в тайских публицистических текстов используются английские названия.

2. Аббревиатуры, то есть сложносокращённые слова. ЮНЕСКО / 联合国教科文组织 / ผูนสโก, СНГ / 独联体 / CIS, ООН / 联合国 / สหประชาชาติ.

Основное различие заключается в том, что в публицистическом тексте китайского языка чаще встречается инициальная аббревиатура, а в публицистическом тексте тайского языка используется либо калькирование, либо использование английской аббревиатуры. Иногда в публицистическом тексте тайского языка отсутствует нужная аббревиатура и в таких случаях используется дословный перевод.

При сравнении стандартно-информативных средств выяснилось также, что в использование иностранных слов в китайском и тайском языке нет особых различий, количество использования иностранных слов в газетах Таиланда сравнительно превышает количество использования иностранных слов в газетах Китая.

II. Исследование особенностей синтаксиса и грамматики публицистического текста, как способ привлечения внимания аудитории и воздействие на неё: побуждение к поступку и внушению определенных идей.

Для исследования мы отобрали примеры различной тематики (экономическая, политическая и др.) из 100 единиц публицистического текста (китайский и тайский газеты и журналы: 人民日报, ใกยรัฐ и др.).

Примеры из публицистических текстов были разделены на три группы:

1. Примеры, где использована повелительная форма глагола.

Побудительная (повелительная) конструкция. Используется для того, чтобы подтолкнуть читателя на ту или иную мысль или действие. В побудительных предложениях китайского языка часто встречаются такие слова или частицы как: 吧, 要, 应该, 使. В тайском языке побудительная (повелительная) конструкция образуется постановкой глагола в начале предложения или же с помощью особых слов 🖏, คээ и др.

2. Примеры, где встречаются риторические вопросы и вопросно-ответная форма.

3. Примеры, где используются обращение к читателям.

Обращение — это грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь. А.М. Пешковский отмечает, что основной смысл обращения — побуждение. Говорящему необходимо побудить адресата слушать, обратить внимание на его речь. Прямое обращение к слушателю облегчает речевой контакт, привлекает внимание аудитории.

При исследовании выяснилось, что обращение достаточно редко используется в публицистических текстах. В китайском публицистическом тексте не-

которое количество обращений встречаются в прямой речи политических лиц: «。。。尊敬的启德主席,同志们,同学们。。。», «。。。敬的女王陛下、公主殿下,尊敬的各位诺奖获得者,女士们,先生们。。。». В тайских публицистических текстах из 100 публицистических единиц не было выявлено использования обращений.

Таким образом, можно сделать вывод, что в публицистическом тексте наиболее часто используемые способы для привлечения внимания читателя являются повелительное наклонение и риторические вопросы. Обращение, как способ воздействие на аудиторию встречается редко как в китайских публицистических текстах, так и в тайских.

Список использованных источников:

- 1. Морев Л.Н. Основы синтаксиса тайского языка / Отв. ред. Б.К. Пашков. М.: ИВЛ, 1964.
- 2. Морозова О.Н. Функции обращения в тексте публичного выступления / О.Н. Морозова // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. М., 2003. С. 241–245.
- 3. Санжимитыпова С.А. Стилистические особенности языка современной китайской прессы: дисс. ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2007.
- 4. Шутова Е.А. Синтаксис современного китайского языка / Е.А. Шутова. Монография. М.: Наука, 1991.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ШАНХАЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Тарасова Е.И., преподаватель китайского языка кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

CROSSCULTURAL COMMUNICATION (RUSSIAN DIASPORA IN SHANGHAI, HISTORICAL FEATURES)

Tarasova E., Chinese Language Teacher, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU University, Moscow, Russia

Аннотация. В центре внимания данной статьи находится русскокитайская межкультурная коммуникация в период русской эмиграции в Китай (в частности, в Шанхае) в 1920-30-х гг., а также деятельность современной русской диаспоры в Шанхае в XXI в. В статье рассматриваются особенности культуры русской эмигрантской диаспоры в Шанхае, а именно — её становление, и взаимодействие двух культур, анализируется историческая память двух народов как основа межкультурного диалога.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, русская эмиграция, современная русская диаспора в Шанхае, культурное наследие.

Abstract. The report mainly focuses on the topic of cross-cultural communication between Russian émigrés and Chinese people during mass emigration of Russian, also touches upon the topic of modern Russian residents in Shanghai, their cooperation and cultural activities. The report aims defining principles and significance of cross-cultural communication between Russia and China on the example of Russian émigrés culture in Shanghai.

Key words: cross-cultural communication, Russian emigration, modern Russian residents in Shanghai, cultural heritage.

В последние годы в научной среде наблюдается повышенный интерес к изучению межкультурных связей между Россией и Китаем. Взаимодействие двух стран становится с каждым годом всё более широкомасштабным. Партнерство осуществляется не только в экономической и политической сферах, но и в области культуры. Культурное сотрудничество между Россией и Китаем находится в стадии интенсивного развития. Шанхай же является мировым центром торговли, обладает уникальным статусом мирового культурного пространства. В городе давно существует русская диаспора; её наличие — важный фактор укрепления русско-китайской дружбы и взаимопонимания.

Официально дипломатические отношения между нашими странами были установлены в середине XVII в. и с тех пор во взаимоотношениях стран наблюдаются периоды потепления и охлаждения. Русские эмигранты проникали в Китай, начиная с XIII в. и до Октябрьской революции, однако наиболее масштабное заселение территории Дальнего Востока и Китая пришлось на середину XIX в. Его целью являлось освоение новых земель Сибири и Дальнего Востока.

Строительство Китайской восточной железной дороги (КВЖД) сыграло особую роль в адаптации будущих русских эмигрантов в Китае. КВЖД явилась соединяющим звеном между Россией и тихоокеанским регионом (до начала её строительства в 1897 г. Владивосток не имел железнодорожного сообщения с Центральной Россией). КВЖД оказала значительное влияние на положение русских эмигрантов в Китае.

На пути следования КВЖД был основан город Харбин, который впоследствии стал важнейшим центром русской эмиграции в Китае. Изначально в нём селились русские рабочие, которые обеспечивали строительство и нужды КВЖД. Постепенно он превратился в русский город со своим бытом и культурой, школами и православными храмами. В. Петров, очевидец событий, так описал процесс заселения и расширения Харбина: «Город Харбин, построенный на стыке железных дорог и широкой величественной реки Сунгари, в самом центре богатой, чернозёмной маньчжурской равнины, стал расти со сказочной быстротой. В Харбин на постройку железной дороги хлынули тысячи русских людей» [Петров, 1984, 8].

После революции 1917 г. русские беженцы ехали в европейские страны, кто-то в США, некоторые в Китай. Перед революцией численность российской колонии в Маньчжурии составляла не менее 200–220 тыс. чел. Таким образом, при переезде в Харбин русские эмигранты оказывались в привычной среде, в городе с русским населением и неповторимым русским колоритом; это позволило снизить уровень «культурного шока», помогло быстрее освоится на новом месте жительства.

Переселенцы полагали, что их переезд — это временная мера, однако многим пришлось остаться в Китае на довольно длительный срок. Основными центрами русской эмиграции стали Харбин, Шанхай, Тянцзинь.

Людям, которые переезжали в другие города (не в Харбин), было сложнее адаптироваться к новым культурным условиям. Особенности проживания китайцев, привычек, шум улиц и большое количество людей, языковой барьер представляли трудности для адаптации в новом обществе. Разница культур порождала непонимание, эмигранты испытывали «культурный шок» от вхождения в иную культуру.

Необходимо объяснить это понятие. Попадая в условия чужой культуры, беженцы понимают, что ценности и установки их родной культуры становятся неактуальными в чужой стране, так как в иной культуре определенный стиль поведения может иметь другую форму и трактоваться совершенно иначе. Вследствие непонимания особенностей коммуникации другого народа, из-за неспособности донести свою мысль до собеседника, поделиться своими чув-

ствами эмигрант может испытывать разочарование, дискомфорт, тревогу, то есть «вхождение в новую культуру может сопровождаться целым рядом неприятных ощущений» [Oberg K., 1960, 13].

Европейское воспитание русских эмигрантов зачастую усложняло восприятие азиатского «экзотического» типа культуры, делало адаптацию к новым условиям более медленной, приводило к обособлению от культурыреципиента и сепарации.

В целом русские эмигранты стремились в Китае сохранить свою национальную идентичность. Деятельность русской православной церкви, творчество поэтов, художников и архитекторов, организация концертов и мероприятий на территории Китая помогали им в этом.

Русская православная церковь в Китае имела для эмигрантов особое значение. Религия оказывала большое влияние на духовную и повседневную культуру русских беженцев. Православие объединяло их на чужбине. Посещая храмы, приобщаясь к приходской жизни, они сохраняли и культуру, и национальное самосознание.

Приведём следующий пример. После прибытия в 1922 г. в Шанхай флотилии адмирала Старка с кадетами Хабаровского и Сибирского корпусов, а также со священнослужителями возникла необходимость проведения богослужений для прибывших эмигрантов. В Шанхае к этому времени уже был возведен храм Богоявления Господня. Однако храм не мог вместить всех желающих, и было решено проводить богослужения в бамбуковых шатрах: «первое время богослужения совершались в бамбуковых шатрах, так как помещение, снятое для кадетов, было тесным. Несмотря на убогие условия, приходивших на молебны было немало, так как в окрестности поселилось много новоприбывших русских эмигрантов» [Ван Чжичэн, 2008, 333]. Со временем в Шанхае были возведены ещё несколько церквей и соборов, например, Кафедральный собор во имя иконы Божией Матери Споручницы Грешных (ныне находится на улице Синьлэ, 55).

Большое значение придавалось воспитанию подрастающего поколения. Архиепископ Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (в миру Михаил Борисович Максимович, 1896—1966), в 1934—1949 гг. был епископом и архиепископом в Шанхае. Епископ Нестор Камчатский (в миру Николай Александрович Анисимов, 1885—1962) был епископом Русской православной церкви, митрополитом Маньчжурским и Харбинским в 1946—1950 гг. Они не только проповедовали и проводили службы, но и уделяли серьёзное внимание вопросу воспитания и образования детей. Существовала школа Русского Православного Братства, в которой обучались дети всех сословий; она ставила своей задачей изъятие детей из неблагоприятной обстановки их беженского существования. Кроме того, существовало Коммерческое училище Русского Православного Братства, где постоянно обучались около 120 детей.

Взрослые эмигранты стремились дать достойное образование детям, которые были оторваны от родины и знали о ней только по рассказам. Помимо Коммерческого училища существовали Женская гимназия при Лиге Русских женщин, Реальное училище им. А.С. Пушкина. В Русской школе в Шанхае чи-

тались лекции по математике, физике, химии, географии, русскому и английскому языкам, проводились занятия по рисованию.

Сохранению национального самосознания способствовала и научная деятельность эмигрантов. Русские учёные — Павел Васильевич Шкуркин, Ипполит Гаврилович Баранов занимались переводами, проводили китаеведческие исследования, распространяли знания о китайской культуре. Обеспечение нужд КВЖД требовало услуг переводчиков, поэтому в Харбине были основаны курсы по изучению иностранных языков. Предпочтение отдавалось китайскому. Освоение восточных языков было введено в программу общеобразовательных школ и гимназий Харбина и Шанхая. Исследования китайской культуры, экономики, особенностей регионов публиковались в журналах «Вестник Маньчжурии» и «Экономический вестник Маньчжурии».

Первой научно-просветительской организацией, основанной русскими в Китае, было Общество русских ориенталистов (ОРО), открытое ещё до эмиграции (после 1917 г.). Оно занималось изучением политики, географии, культуры, языка Китая. Особенностью общества было его «содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними» [Хисамутдинов, 2010, 67].

Литераторы и художники русской эмиграции создавали содружества, которые пользовались популярностью и служили сохранению русского самосознания.

Содружество «Понедельник» было организовано осенью 1929 г., первым его председателем стал М.В. Щербаков (?–1956). Заседания проходили по понедельникам. В их рамках устраивались литературные вечера, главной целью которых было объединение литературных сил русской эмиграции в Шанхае. Также содружество стремилось сохранять и развивать культурные традиции России в области литературы и искусства. Цели были определены следующим образом: «всестороннее расширение художественного кругозора членов Содружества, создание русской литературной критики на Дальнем Востоке и ознакомление с духовным и внешнебытовым обликом Китая для отражения его в своих произведениях» [Щербаков, 1933, 8].

Поэты и писатели ввиду затруднительного материального положения были вынуждены работать репортерами и журналистами, лишь в свободное время занимаясь литературой. Наиболее известными в Шанхае стали Ларисса Андерсен (1911–2012) и Михаил Спургот (1901–1993).

Содружество художников, литераторов, артистов и музыкантов (ХЛАМ), возникло 1 ноября 1933 г. Его члены собирались раз в неделю по средам, отсюда второе название — «Среда» (первое название — ХЛАМ). Содружество возникло по инициативе видных представителей литературноаристократических кругов Шанхая, его основателями явились А.В. Петров (1896—?), М.Ц. Спургот и др. С помощью ХЛАМа устраивались литературные вечера, выставки живописи, концерты, балеты, неизменно пользующиеся популярностью.

Содружество приняло многих мировых знаменитостей. В 1936 г. оно присвоило звание «Первый рыцарь шанхайской богемы» А.Н. Вертинскому,

неоднократно выступавшему на различных концертных площадках Шанхая. Членом Содружества также стал великий русский певец Ф.И. Шаляпин, приезжавший в 1936 г. на гастроли в Китай и посетивший Шанхай.

Русских художников привлекала экзотическая культура Китая, отразившаяся в творчестве Я.Л. Лихоноса (1891–1942) и М.А. Кичигина (1883–1968). Художники разрабатывали русскую тему, но попав в Китай, увидели «сказочную страну» [Щербаков, 1933, 80] и запечатлели её в своих произведениях. Я.Л. Лихонос был одним из известных художников и архитекторов Шанхая; он явился автором проекта собора Божией Матери Споручницы грешных (ныне находится на улице Синьлэ, 55).

Следует упомянуть и архитектора А.И. Ярона (1874—1935), имевшего свою мастерскую в Шанхае. Он выполнял различные заказы: комплексы жилых домов, общественные здания. Один из самых известных проектов Ярона—Свято-Николаевский Храм-памятник венценосным мученикам на рю Корнель.

Живописцы создавали работы, связанные с культовой живописью, выполняли заказы монументальной церковной живописи. Все иконы в православных храмах Шанхая были написаны русскими мастерами, однако в архивах не осталось фотодокументов культовой живописи из китайских православных храмов.

Таким образом, консервация русской культуры, сохранение национального самосознания преобладали; они и определили особенности русско-китайской межкультурной коммуникации в 1920–1930-х гг.

После образования КНР 1 октября 1949 г. положение русских эмигрантов изменилось. Начался их массовый исход из Китая либо обратно в СССР, либо в Австралию, на Филиппины, в США.

После Второй мировой войны было несколько репатриационных волн, когда русские эмигранты получали советские паспорта и возвращались на Родину. В СССР на помощь восстановления страны в основном стремились молодые эмигранты, их вдохновляли советские лозунги. Старшее поколение не хотело возвращаться в Советскую Россию, из-за чего разлучались целые семьи (родители уезжали в капиталистические страны, а дети – в СССР).

Многие вернувшиеся подвергались репрессиям, были вынуждены восстанавливать экономику Сибири, Казахстана, Средней Азии.

После массового отъезда русских эмигрантов в Шанхае число русских жителей составляло примерно 2 тыс. чел.

Пропагандой советской власти среди русских эмигрантов в Китае занимался журнал «Эпоха». Новое китайское социалистическое правительство поддерживало распространение коммунистических идей в стране. Русско-китайское межкультурное взаимодействие в 1950-е гг. отличает укрепление политических отношений, сотрудничество в сфере науки, промышленности и обороны. Китай с помощью советских специалистов рассчитывал далеко продвинуться в науке, технике и обороне, что можно наблюдать на плакатах той эпохи. Существовали известные лозунги «Десять тысяч лет советско-китайской дружбе народов и советско-китайскому военному сотрудничеству», «Россия и Китай – братья навек». В это время в Китай приезжали многочис-

ленные советские специалисты, они преподавали в университетах, работали на строительстве, обучали китайских военных.

После XX съезда КПСС в 1956 г. и развенчания культа личности И.В. Сталина отношения между СССР и КНР ухудшились.

В 1964 г. в Китае была провозглашена «великая пролетарская культурная революция». Целью политики КПК (Коммунистической партии Китая) стала расправа над неугодными правительству людьми – представителями интеллигенции. Отряды хунвэйбинов уничтожали всё связанное с иностранным присутствием. Было разрушено большое количество православных храмов в Харбине, Шанхае, Тяньцзине, Пекине; сбивались колокола, снимались кресты. Уничтожались книги иностранных издательств, та же участь постигла и часть русских изданий.

Нельзя не упомянуть о трагической судьбе многих русских эмигрантов, которые не покинули Китай до начала культурной революции. Многие из них были репрессированы китайской властью как враги китайского народа.

В 1980-е гг. с окончанием культурной революции и началом периода политики реформ и открытости в Китае русские репрессированные эмигранты были реабилитированы китайской властью. В 1980-х гг. русских, проживавших в городах, некогда бывших центрами русской эмиграции в Китае, осталось очень мало. Все они имели советские паспорта, но по тем или иным причинам не хотели возвращаться в СССР.

К началу XXI в. бо́льшая часть русских эмигрантов покинула Китай. Многие культурные артефакты были уничтожены или утеряны в ходе культурной революции.

На современном этапе русско-китайские отношения активно развиваются, Китай предоставляет своим русским жителям возможность сохранять и распространять собственную культуру на территории страны. Многими мероприятиями в русской среде соотечественников занимаются так называемые русские клубы.

Русское клубное движение в Китае начало развиваться с начала XXI в. Активная деятельность русского клуба в Шанхае (РКШ) стала стимулом для создания объединений русских соотечественников по всей стране: в Пекине, Гонконге, Гуанчжоу, Урумчи, Харбине. Все эти сообщества представлены на сайте проекта «Восточное полушарие» (www.polusharie.com).

В качестве примера деятельности русского клуба в Китае можно привести клуб в Шанхае (РКШ). Клуб был основан 9 декабря 1998 г., его главной целью является сплочение русских, проживающих в многомиллионном китайском городе, возможность чаще общаться и встречаться, поддерживать и сохранять национальные, духовные и культурные традиции, «поддержать словом, делом в решении насущных проблем местной шанхайской жизни» [Хисамутдинов, 2010, 507].

Сегодня члены РКШ — не эмигранты, это российские бизнесмены, студенты шанхайских вузов, командированные специалисты, преподаватели, а также те, что связал себя семейными узами в Китае, каждый из них в любой момент может вернуться на Родину. По данным 2009 г., в Шанхае постоянно

проживает 1500 граждан России [Хисамутдинов, 2010, 508]. Многие из них – активные члены РКШ.

Спектр деятельности РКШ довольно широкий. В Русском клубе воплощается идея культурного центра русской диаспоры в Шанхае. РКШ расширяется и идёт в ногу со временем: поддерживает сайт Русского клуба и форум китаистов «Восточное полушарие», занимается организацией культурноразвлекательных мероприятий, презентацией новых российских изданий, организует встречи с российскими писателями, концерты звёзд шоу-бизнеса, а также встречи с эмигрантами, родившимися в Шанхае и прожившими здесь много лет.

Активна деятельность современной русской диаспоры в Китае в издательской сфере. Организуются концерты русских музыкантов, практикуются различные формы поддержки русских жителей в Китае, изучается опыт русской эмиграции 1920—30-х гг. Всё это свидетельствует о продолжении традиций русской эмиграции и высоком уровне развития российско-китайских отношений.

Таким образом, особенностями межкультурной коммуникации в среде русской эмиграции 1920—1930-х гг. являлись сепарация русской культуры и сохранение особенностей национального самосознания. Осуществление вышесказанного было возможно благодаря служению православной церкви, работе учёных и преподавателей, издательской деятельности, творчеству художников и архитекторов. Всё это позволяло эмигрантам чувствовать себя частью русской культуры даже далеко от родины.

Рассмотрев особенности деятельности современной русской диаспоры в Шанхае, можно говорить о продолжении традиций русской эмиграции в настоящие дни, которые выражаются в стремлении к сохранению своей культуры. Однако на современном этапе наблюдается и активное взаимодействие двух культур. Китайские власти поощряют открытие различных русских клубов как центров диаспоры.

Список использованных источников:

- 1. Западня для патриотов. // Деловой квартал, 2002. 13.05.2002. Режим доступа: http://ekb.dk.ru/news/zapadnya-dlya-patriotov-236606441. (Дата обращения: 15.01.2019).
- 2. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцинь, Л.П. Черниковой; Предисл. Л.П. Черниковой. М.: Русский путь: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. 576 с.
- 3. Петров В.П. Город на Сунгари : [очерки] // Город на Сунгари : [очерки и рассказы] / В.П. Петров. Вашингтон : Изд. Русско-Американского Исторического о-ва, 1984.-209 с.
- 4. Русские в Китае / Под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамутдинова / А.А. Хисамутдинов [и др.]. Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 572 с.

- 5. Чэнь Вэнхуа. Коммуникативная деятельность русских художниковэмигрантов в Китае в первой трети XX века / Вэнхуа Чэнь // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2006. N 23. С. 79–84.
- 6. Щербаков М. Содружество «Понедельник» // Прожектор (Шанхай). 1933. № 42. С. 8.
- 7. Oberg K. Culture Shock: Adjustment to New Cultural Environments // Practical anthropology, $1960 N \cdot 27 p$. 142-146.

ПЕРЕХОД ЛИДЕРСТВА КИТАЯ ОТ КОЛЛЕКТИВНОГО К ПРЕОБЛАДАЮЩЕМУ

Григорян А.В., помощник заместителя министра иностранных дел Армении, преподаватель Американского Университета Армении, Ереван, Армения

CHINA'S LEADERSHIP TRANSITION FROM COLLECTIVE LEADERSHIP TO A PREDOMINANT LEADER

Grigoryan A., Assistant to the Deputy Minister of Foreign Affairs of Armenia, Lecturer at the American University of Armenia, Yerevan, Armenia

Аннотация. В связи с тем, что Китай играет всё более важную роль в международных делах, изменения в его внутриполитической ситуации вызывают широкую обеспокоенность в мире. В статье рассматриваются движущие силы трансформации политической системы Китая с 2012 г., особое внимание уделяется изменениям во внешней политике Китая с тех пор, как к власти пришёл Си Цзиньпин. Чтобы продемонстрировать три причины трансформации опыта Китая, мы опираемся на работу М.Г. Германа, в которой анализируется процесс принятия политических решений в Китае и показывается степень этого изменения в настоящее время. С этой целью в данной статье кратко анализируются теоретические основы принятия решений, предложенные М.Г. Германом в качестве предзнаменования.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, директивные органы, политическая система, внешняя политика, международные дела.

Abstract. Due to its increasing role in global affairs, China has attracted much attention for its shift towards high-profile politics under its incumbent leader, Xi Jinping. The present study analyzes the leadership style changes in the Chinese political system. It will focus specifically on the general and foreign policy shifts under China's incumbent paramount leader, Xi Jinping. The article will proceed based on the theoretical framework established by Margaret G. Hermann, which provides an outline for researching and understanding authoritative decision making units. This work will review the major Chinese decision making mechanisms and attempt to show how they have changed. The functions and the changes within the Chinese Central Leadership, the Leading Small Groups and the Ministry of Foreign Affairs are studied accordingly.

Key words: Xi Jinping, decision-making units, government mechanisms, foreign policy, international affairs.

1. China's authoritative decision-making unit's change through a framework

The view that the Chinese "authoritative decision making" unit has shifted from a "Single group" to a "Predominant leader" has been expressed by many. So as to explain this perspective, the research below will investigate the theoretical framework by M. Hermann the main focus of which is foreign policy decision-making units.

As Hermann argues government apparatus is not a machine and cannot simply follow any single formula when it comes to decision making. Decisions are obviously made by people, be it an individual or a group of individuals, who have the ability, the knowledge and the legitimacy to make such decisions. As Hermann suggests, these individuals are called the "authoritative decision unit" [Hermann, 2001].

According to Hermann's theory there are three types of decision making units, namely: "Predominant leader"; "Single group"; and "Coalition of Autonomous Actors" [Hermann, 2001, 52–56]. When we look at the Chinese central leadership, we see a group, namely the Politburo Standing Committee at the head of the country. This group is the mechanism making the vast majority of decisions in the country according to the CCP constitution, the foreign policy decisions of highest priority being one.

According to Hermann, a "Predominant leader" unit presupposes a "single individual who has the ability to stifle all opposition and dissent as well as the power to make a decision alone, if necessary". Thus, there is one individual in the leadership "vested with the authority by the constitution, law or general practice". This type of a unit is commonly observed within monarchies or presidential systems.

The second unit, being the "Single group", consists of "a set of individuals, all of whom are member of a single body, who collectively select a course of action in consultation with each other". Based on this Hermann suggests that the "Predominant leader" unit refers to such leaders as Fidel Castro or Saddam Hussein, whereas the "Single group" unit is associated with the Standing Committee of the Chinese Communist Party or the British Cabinet [Hermann, 2001, 57].

Usually, the "Predominant leader" unit applies to governments the foreign policy machinery of which is organized hierarchically with one person located at the top of the hierarchy. That person is ultimately accountable for any decisions that are made [Hermann, 2001, 58–60]. What does this mean and how does this apply to the current government of the PRC?

The predominant leader is the one who can commit to or withhold from the governmental resources apropos of foreign policy issues. The predominant leader is pictured as the head of the hierarchically organized government, being the ultimate decision maker. Moreover, the current type of leadership can be recognized without taking into consideration the fact whether the leader does or does not exercise the authority.

In our case, we can observe that Xi does not restrain from showcasing his ultimate power. Such circumstances as high-level diplomacy and crisis events, interest and experience can affect the involvement of the leader in the foreign policy affairs. It is also obvious that the more experience and/or interest the leader has towards the

foreign affairs the greater his/her contribution to the foreign policy decision-making will be. Another case is when the leader is generally not interested in the foreign affairs, however there is a specific problem that he/she has particular interest in and is willing to be involved in the process.

China being neither a monarchy nor a country operating under a presidential system falls under the "single group" kind, and the example brought by Hermann shows that back in 2001(when the article was published) it was still true. Mao Zedong insisted on party leadership being collective and not dependent on arbitrary decisions of the first secretary [Hu, 2014, 15–40]. He said, "No matter what I said was right or wrong, if others disagree, I would obey their opinions because they were the majority" [Mao, 1999]. We cannot know how truthful Mao was to his words, however the collective leadership soon led to "collective presidency with Chinese characteristics" [Hu, 2014, 15–40].

It is of high importance to mention that Hermann's "Predominant leader" unit does not necessarily presuppose the absence of the decision-making group as such, it also applies to leaders who exercise more authority than the other members of the decision making group. These leaders are the ones who have background and strong interest in international affairs, and gravitating towards the policy area where they feel more comfortable. This makes them more eager in being deeply involved and in the head of the authoritative decision unit.

In the case of the Chinese foreign policy decision-making, the nucleus circle and the core leader himself deal with the most important affairs, or as Herman puts it "the ones who make it through the hierarchy" [Hermann. 2001]. Nevertheless, the decisions are supposed to be made collectively within the PSC (Politburo Standing Committee), and Xi's voice has the most weight and is the ultimate one when it comes to actual decision-making. It should also be noted that the ideas behind the policies can be both top-down and bottom-up. The most important and substantial policies are not merely approved but also announced by the leader himself, in our case by Mr. Xi Jinping.

The above mentioned theory also suggests that "predominant leaders are more likely to become involved in what is happening the greater their general interest in foreign policy and the more extensive their experience and expertise" as shown by studies of political leadership [Barber, 1997] [Burns, 1978] [Hermann, 1984].

Taking into consideration all above mentioned, the argument that the present paramount leader of the PRC has been deeply involved in the policy making process can be confirmed, thus suggesting that the Chinese foreign policy decision-making unit, as one, has been shifting towards a "Predominant Leader" type under Xi Jinping, for the best or worst.

2. The system under which China operates and its changes

To further investigate the changes in the Chinese leadership style the paper will introduce how the Chinese government functions and what role the Party plays in this system. First and foremost, the PRC Constitution "is the fundamental law of the state and has supreme legal authority" [PRC Constitution, 2014] however it is important to keep in mind that in political and practical sense the CCP constitution is more power-

ful. As the CCP constitution states, "acting on the principle that the Party commands the overall situation and coordinates the efforts of all quarters, the Party must play the role as the core of leadership among all other organizations at the corresponding levels" [PRC Constitution, 2014]. As an official from the Chinese Ministry of Foreign Affairs explained to me, "the party is higher than anything, the ministries are under the guidance of the Party. Thus even the CCP Leading Small Group for Foreign Affairs, which President Xi is chairing, if I'm not mistaken, is on a higher level than the Ministry" [Interview with Mrs. Xing, 2016].

After the amendments of the CCP constitution in 1956 it declared that "At all levels, the party organization follows a combination of collective leadership and individual responsibility. Significant matters are subject to a collective decision while ensuring the necessary role of individuals." Hence, the Standing Committee of the Politburo of the Central Committee of the CCP was reestablished as the core of collective leadership.

Looking at the horizontal structure of China's foreign policy decision-making bodies, three basic types of actors can be seen: the central leadership, major foreign affairs bureaucracies and institutions, and working-level officials in the foreign affairs establishments. To better picture the changes in these organs, let's first have a look at their functions before analyzing the changes.

When it comes to the determination of the exact roles of the central leadership (Politburo), the Leading Small Groups and the Ministry of Foreign Affairs of China, there are a few factors that should be kept in mind for the better understanding of this system.

2.1. The Central Leadership

Inside the CCP the ultimate decision-making authority rests with the Politburo Standing Committee, which is followed by the Politburo and then the Central Committee [Sun, 2011]. As stated in Dr. Alison Kaufman's and Tamara Hemphil's article "PRC Foreign Policy Under Xi Jinping: An Initial Assessment" "Xi must work within a bureaucratic Party system that requires collective, consensus-based decision making" [Kaufman; Hemphil, 2014]. What he is aiming at is a more centralized and personalized leadership, by imposing personal control over pluralized society. Xi wants to control both foreign and domestic security policies by forming a strategically ambitious long-term external policy and tightening internal political circumstances. And by underlining the significance of the CCP Xi assembles all the vital aspects of the country's governance under one institution, where he has the ultimate control.

The paramount leader is the one to create the informal leadership nuclear circle around him. As Lu Ning argues, the paramount leader and the leadership nuclear circle wield the ultimate foreign policy decision-making power in China because they can veto or ratify decisions made by the Politburo [Lu, 2001, 39–60].

The de facto policy decision-making power rests with the CCP Politburo's Standing Committee. The current PSC has 7 members and is in practice the most powerful decision-making body in China whose decisions de facto have the force of law. Lu Ning also mentions that the more experienced in foreign affairs member of the PSC takes charge as the CCP Central Foreign Affairs Leading Small Group. Cur-

rently it is said that Xi is the head of the latter. Thus, on paper the PCS seems to be a great example of collective leadership and of a "Single group" authoritative decision making unit.

2.2. The Leading Small Groups

For several decades, the Chinese leadership has used informal bodies called "Leading Small Groups" to advise the Party Politburo on policy and to coordinate implementation of policy decisions made by the Politburo and supervised by the Secretariat [Miller, 2008]. Essentially, the LSGs are mechanisms that "coordinate implementation of policies established by their supervising leaderships used in the party apparatus and government hierarchy down to the township level, and in the People's Liberation Army down through military district headquarter levels" [Miller, 2014].

As Lu Ning further suggests, the LSGs are composed of leading members of the relevant government, party, and military ministerial ranking agencies and usually do not have permanent office or staff. LSGs are not actual decision-making bodies, however their policy preferences and recommendations are likely to have an important impact on the final outcomes of the decision-making process. Overall, it can be stated that the decisions are made by the central leadership based on the recommendations of the LSG, thus giving it a pivotal role in the decision-making process [Lu, 2001, 39–60].

As mentioned in *The Economist*, "he [Xi] has taken charge of all the most important portfolios, cultivated a huge personal following and purged his opponents. Given his seeming strength, it would be logical to suppose that he could do almost anything he pleases" [TANGSHAN, 2016]. Additionally the author points out that policies lacking the president's personal endorsement are more likely to be postponed.

Cary Huang states in her article in the *South China Morning Post* that "National leaders including Mao Zedong have used leading small groups to bypass opposition and assert control; Xi Jinping is just the latest". She also argues that in theory, leading groups issue guiding principles, rather than formulate concrete policies, however in practice their recommendations, particularly those of groups including one or more Standing Committee members, are often taken to represent a consensus. As mentioned in the article, Steve Tsang, the director of the University of Nottingham's China Policy Institute argues that "In terms of input to the most important policy matters, they [LSGs] are much more important and powerful than the ministries. The more important a policy matter, the more likely that it will be made by the top leadership supported by a relevant leading small group of the Politburo" [Huang, 2014].

Therefore, the matters of highest priority are subject to PSC's and relevant LSG's discretion. This, once again, could be an example of collective leadership, if not for the fact that the same person, i.e. Mr. Xi Jinping, is the head of both bodies. Thus, Xi is not only the head of the PSC, which is the *de facto* leading nucleus of the country, but also controls the LSGs of highest relevance for the decision-making process. What we see here is a strong leader showing that he is in charge indeed.

2.3. The Ministry of Foreign Affairs

When studying the Ministry of Foreign Affairs of The PRC, it should be mentioned that it indeed is the most important foreign affairs institution in the formulation and implementation of China's foreign policy. However, it was mentioned by a former Chinese government official, that the decision making process does not merely take its start from the LSGs or the party itself. It can also be initiated by the MFA. Depending on the matter, various departments are formulating problems and coming up with solutions within the ministry itself, not excluding the assistance of various think tanks or LSGs. Nevertheless, when it comes to major policy decisions, the ultimate organ to approve the policy is still the leading nucleus with the paramount leader as the head [conversation with a senior Chinese diplomat].

From the above mentioned argument, it is easy to conclude that the PSC serves merely as a formal decision-making unit, the only one with the force of law, whereas the LSGs are the ones that actually work on the policies. It is due mentioning that in many cases the PSC adopts the recommendations of the correspondent LSG with very minor or no modification at all. This makes the LSGs more powerful than the ministries, which only implement the policies made by the LSGs. Moreover, not forgetting that there are more than 1 kind of LSGs (the ones that work with the CCP, the ones that work with the State Council and the ones that work with the People's Liberation Army [Alice Miller separates 4 types, the 4th being the LSGs that cut across all 3 other types]), one should bear in mind that the State Council LSGs help the ministries with the formulation and the implementation of the policies as well. Overall, we can conclude that some policies are indeed crafted by the LSGs constituting China's most powerful leaders within the groups.

2.4. How the Xi government is perceived

After Xi came to power he has fundamentally changed the systems of Chinese governance [Blackwill; Campbell, 2016]. He has intensified the importance of the Leading Small Groups, by making those the main mechanisms of decision-making process. Chairing the vast majority of permanent LSGs, Xi has reduced the role of the Ministry of Foreign Affairs and the State Council in the making of important decisions.

As one article in *The Economist* argues, "Mr. Xi is a leader of a very different hue from his predecessors. He has rewritten the rules of Chinese politics, in effect scrapping Deng's system of "collective leadership" by taking on almost every portfolio himself, while waging a war on corruption of unprecedented scale and intensity" [The Economist, 2015]. Additionally, an article from *The Economist* states that "bypassing ministries, he [Xi] rules through informal "leading small groups", heading so many of them that foreign commentators have labelled him "chairman of everything" [TANGSHAN, 2016].

It was also noted that Xi is weakening Li Keqiang's role, which can be explained by the fact that Li is considered to be the *protégé* of former President Hu Jintao. However, by making himself stand alone at the top of everything, Xi might meet some dangers. As David Zweig, a professor of social science at Hong Kong

University of Science and Technology, said "He's taking a risk by weakening Li Keqiang's role. There's nowhere to shuffle the blame" [Hatton, 2014].

Mr. Xi's administration is the most secretive in 66 years of communist rule [Wong, 2015]. Many say that Mr. Xi prefers to rely on his own knowledge and experience, keeping his colleagues and advisers in state ministries at a distance. The mere fact that Xi is the head of the majority of Leading Small Groups which take care of the most important aspects of Chinese political system speaks for itself. It has also been argued by Wong in the same article, that Mr. Xi keeps colleagues and advisers (especially technocrats in state ministries) at more of a distance if compared with other Chinese leaders and that he relies mainly on his own knowledge and instincts in making decisions [Wong, 2015]. This demonstrates that Xi does not seem to blindly follow the guidance of his advisers, on the contrary, he believes in his own judgement and leadership style.

Based on this analysis, this article concludes that China has undergone a noticeable change in leadership style, the change from a single group to a predominant leader decision making unit. Xi's involvement in foreign policy-related affairs is quite obvious. He treats foreign affairs quite seriously and is considered to be the most traveled Chinese leader since the establishment of the PRC. Xi's policies are known for their assertiveness and their shift from what is known a "low profile" foreign policy behavior.

To conclude, it can be said that China is indeed going through a leadership style transition under the guidance of its strong leader. He does not restrain from revealing his differences in comparison to his predecessors and the CCP does not mind showcasing its strong leader to China and the rest of the world.

List of the sources used:

- 1. "China's Leaders: Party on the Beach" The Economist, Aug 8, 2015 http://www.economist.com/news/leaders/21660535-world-should-worry-more-about-chinas-politics-economy-party-beach
- 2. "Full text of the Constitution of Communist Party of China", Xinhua, Mar 29, 2013.
- 3. "The Constitution of the People's Republic of China", last amendment Mar 14, 2004.
- 4. Barber James David (1997) "The Presidential Character" Englewood Cliffs, Burns, James MacGregor(1978) "Leadership" New York: Harper and Row, Hermann M. G.(1984) "Personality and Foreign Policy Decision Making: Perceptions, Cognition, and Artificial Intelligence", (1988) "The Role of Leaders and Leadership in the Making of American Foreign Policy", Preston Thomas (2001) "The President and His Inner Circle: Leadrship Style and the Advisory Process in Foreign Policy Making", New York: Columbia University Press.
- 5. Hatton Celia (2014) "China's Xi Jinping: What has he achieved in his first year?", BBC News, Beijing, Mar 9, 2014.
- 6. Hermann Margaret G. (2001). "How decision units shape Foreign Policy: a theoretical framework", International Studies Review 3(2).

- 7. Hu Angang (2014) "China's Collective Presidency" Chapter 2, pp 15–40, Springer-Verlag Berlin Heidelberg 2014 http://www.springer.com/978-3-642-55278-6
- 8. Huang Cary (2014) "How Leading Small Groups help Xi Jinping and other party leaders exert power", South China Morning Post, 2014.
- 9. Kaufman Alison; Hemphil, Tamara (2014) "PRC Foreign Policy Under Xi Jinping: An Initial Assessment", Aug 2014, CAN.
- 10. Lu Ning (2001) "The Central Leadership, Supraministry Coordination Bodies, State Council Ministries, and Party Departments", Institutions and Localities, 2001, P. 39–60.
- 11. Miller Alice (2008) "The CCP Central Committee Leading Small Groups". China Leadership Monitor.
- 12. Miller Alice (2014). "More Already on the Central Committee's Leading Small Groups". China Leadership Monitor.
- 13. Sun Yun (2011) "Chinese National Security Decision-Making Process and Challenges" The Brookings Institution, May 2013.
- 14. TANGSHAN (2016) "Chairman of Everything, Master of Nothing", The Economist, Oct 22, 2016 http://www.economist.com/news/china/21709005-changing-china-tough-even-man-xis-powers-xi-jinping-strongman-does-not
- 15. Wong Edward (2015) "Xi Jinping's Inner circle offers cold shoulder to western officials", The New York Times, Sep 25, 2015.
- 16. Xi Jinping (2014). "The Governance of China", Beijing: Foreign Language Press (497p.).

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙЦЕВ ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА

Григорян А., студент психологического факультета, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

THE PECULIARITIES OF CHINESE NATIONAL PSYCHOLOGY THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON THE CHARACTER

Grigoryan A., student of psychology department, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

Аннотация. Национальную психологию и этническое сознание нации следует отнести к многогранным характеристикам любой цивилизации, кроме таких основополагающих факторов, как этнография, история, материальная и духовная культура, включая философию, язык и литературу. Всё человечество едино, но у представителей различных цивилизованных ареалов, различны языки, системы ценностей, символов, психологические установки, ассоциативное мышление, юмор и многое другое. Эти факторы особенно важны там, где мы имеем дело с национальной психологией народов Востока, — по той причине, что именно по условной границе между Востоком и Западом проходит основная линия разграничения этнопсихологических стереотипов, незнание, которых делает общение между народами, проживающими по обе стороны этой мнимой «границы», затруднённым, а порой и совершенно невозможным.

Ключевые слова: этнопсихология, системы ценностей, ассоциативное мышление, конфуцианство.

Abstract.In the current article the influence of Confucianism on the national psychological character of Chinese people is observed. To understand the Chinese mind one needs to start with Confucius and Confucianism. It is obvious that for deeper and more complete understanding of many aspects of Chinese character a study of basics of Chinese psychology, traditionally identified as the static and dynamic components of ethnic psychology, is needed. Confucius believed that every person had their place in society and by enforcing it through his philosophy, he turned Ancient China into a country which had a stable structure. Being such for the majority of the time it was used as an example of a perfect society. The character created by Confucianism is one of the reasons why China is becoming more and more powerful by every day.

Key words: national psychology, value system, associative thinking, Confucianism.

Специфические способы восприятия и понимания членами этнической общности различных сторон окружающей действительности, передающиеся из

поколения в поколение, зависят, в первую очередь, от психического склада этноса, в котором следует различать этнический характер, этнический темперамент, этнические традиции и обычаи.

В характере любого народа представлена совокупность личностных свойств человека как вида, однако структура и степень выраженности этих свойств являются специфичными, что и отражено в характере этноса. Этнический характер и специфичен, и типичен одновременно, поскольку это своеобразное специфическое соотношение тесно связанных, совокупных, психологических качеств, каждое из которых по отдельности типично для человека как такового.

Китайская цивилизация всегда представляла собой огромный интерес других народов. При этом цивилизация понимается как синоним культуры; как уровень, ступень общественного развития. Прежде всего, Поднебесная, или Срединное государство привлекала обывателя своей необычностью, экзотикой. Для обывателя экзотика всё то, что странно, причудливо и ново в других. Экзотика есть нечто «вне» нас, малоизвестная, малопонятная или вовсе непонятная вещь. Исследователь должен рассеивать мнимую экзотику как мираж, должен уметь трактовать всё с научной точки зрения.

С недавних пор Китай стал одной из наиболее динамично развивающихся стран, что заставляет многих учёных исследовать китайское «экономическое чудо». Более того, являясь единственной древней культурой, дожившей до XXI в., Китай и его народонаселение не могут не представлять интереса для всестороннего изучения историками, психологами и др.

Совершенно очевидно, что исследование основ психологии китайцев и других факторов, обозначенных как статические и динамические компоненты этнопсихологии, необходимо для более полного понимания многих проблем. Наиболее разработанной является этнопсихологическая концепция В. Вундта. Теория психологии народов возникла из его идеи о несводимости общепсихологических процессов к индивидуальной психологии и необходимости изучения социально-психологических закономерностей функционирования социальных общностей и всего общества. Вундт утверждает, что душа народа не простая сумма индивидов, а их связь и взаимодействие, что определяет новые, специфические явления и своеобразные законы. Народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Её следует изучать методом анализа конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, составляющих основные области народной психологии. По мнению Вундта, язык идентичен уму (представлениям), мифы – чувствам, обычаи – воле в индивидуальной психологии. Он провёл четкую грань между психологией народной (социальной) и индивидуальной. Вундт определил исторический характер коллективного сознания, ввёл в его изучение исторический метод.

Подход к изучению психологии может носить гуманитарный или естественный характер. Гуманитарный подход предполагает наблюдение за обычной жизнью этнофора, анализ его речи, исследование его привычек и обычаев, государственной системы, закона, образования, истории, культуры во всех её проявлениях: в поэзии, музыке, изобразительном искусстве.

Влияние конфуцианства на менталитет китайцев велико. Вне сомнения, некоторые традиционные взгляды или толкования, принятые в аналитических трудах по китайской философии по литературе и искусству, могли бы получить совершенно иную интерпретацию. В конфуцианском трактате «Люнь юй» практически отсутствует диалектика, он содержит верные суждения и примеры высокоморального поведения. Здесь почти нет абстрактных законов и правил, которые заменены на большое число ссылок на авторитет классиков и высказывания мудрецов. В рассуждениях Конфуций выразил особое отношение к морали. Для китайского образа мышления характерно подчеркивания частностей. В китайских классических работах не фиксируются базисные принципы поведения человека. Это скорее описание конкретных случаев, конкретных людей и поступков. Китайцы видели ценностные нормы морали через индивидуальные и конкретные явления. Правильный путь нельзя найти через слова и универсальные утверждения, его можно найти только через конкретный эксперимент. Этим объясняется стремление подкрепить любое высказывание большим числом примеров, как правило, хорошо известных из исторической литературы Китая. В Китае много переводились книги именно по буддистским ритуалам и обрядам, т.е. то, что могло быть немедленно использовано и подходило для практического применения и понимания.

Например, объясняя теорию мироздания, китайцы в отличие от индийских или греческих философов, предпочитавших толковать метафизические теории с помощью сложных серий предложений, использовали такие эмпирические понятия, как инь и ян «женщина» и «мужчина», а также наглядные диаграммы из трактата «И Цзинь».

Здравое отношение к природе и жизни есть суть идеального характера китайцев. В одном из важных произведений конфуцианства понятие «Великое учение» определяется как осмысление жизни, развитие полезных качеств, формирование совершенной личности. Отсюда происходят и другие особенности характера китайцев, такие как миролюбие, удовлетворенность жизнью.

Китайский писатель и ученый Линь Юйтан в своей книге «Моя страна и мой народ» выделяет наиболее характерные черты китайской нации. Это здравомыслие, простота, любовь к природе, трудолюбие, терпение, бережливость, лукавство, любовь к семейной жизни, юмор и консерватизм. «Такие простые и великие качества могут украсить любую нацию», — пишет Линь Юйтан.

Терпение — одно из важнейших качеств, характерных для китайского общества. Такая черта, как терпение, есть результат приспособления китайцев к законам общества, к определенным условиям жизни, как, например, большая плотность населения, экономическая ситуация и т.д. Но наибольшим образом на проявление этого качества, по мнению Линь Юйтана, влияет семейная система Китая, которая, можно сказать, представляет собой «китайское общество в миниатюре».

Семьи в Китае большие, каждому члену семьи предоставлено слишком узкое жизненное пространство, поэтому китайцы готовы к компромиссам по

отношению друг к другу и окружающим людям, они с детства учатся терпению, уступая и уважая чужие интересы.

Есть ещё одно объяснение такой сплоченности китайского народа под влиянием конфуцианства — это ритуал, за обязательное соблюдение которого стоял Конфуций. Конфуций называл ритуалом «процедуру постоянного воспроизведения природной упорядоченности и закономерности в жизни человека и общества». То есть, говоря проще, соблюдение ритуала — это не только методичное повторение определённых традиций, но и гарантия связи человека с природой, с обществом и государством. Ритуал — связующее звено в китайском обществе, своеобразный стержень, который не дает этому обществу рассыпаться.

Линь Юйтан в своей книге приводит интересный пример по поводу терпеливости китайцев. Он рассказывает про министра Чжан Гуньи, которому все завидовали, так как у него была большая семья, которая жила в мире и согласии. Однажды Танский император Гао-цзун спросил у министра, как ему это удалось, в чём секрет его успеха, на что тот написал на бумаге сто иероглифов «терпение», показав тем самым, что «терпение – лучшее наследие семьи».

Терпение считается в Китае высшей добродетелью, которая помогает человеку жить в гармонии с окружающей средой и самим собой, получать удовольствие от обыденной жизни.

Фигура Конфуция и его учение неотделимы от всего Китая в целом. Кроме того, что конфуцианство признано официальной доктриной страны, так и сама личность Конфуция была канонизирована, потеряв часть истинных и обретя новые «идеальные» качества. А значит, если удастся разобраться в особенностях конфуцианства, то удастся лучше понять и саму психологию китайцев.

В современном Китае государственной идеологией уже более 2000 лет является неоконфуцианство, а именно синтез конфуцианства, даосизма и легизма (равенство всех перед законом). Однако базой этого течения является именно учение Конфуция, так как только он смог объединить в своем учении характерные для китайцев традиции, умело подчеркнул те моменты, которые особенно значимы для стабильного и гармоничного развития китайской личности. Например, он высказывал особое отношение к морали, полагал, что музыка может и должна использоваться для совершенствования морали и поведения людей. «Ничто не может так успокоить высшего по чину и управлять людьми, как уместность, и ничто не может изменить манеры и обычаи более эффективно, чем музыка».

Конфуций трактовал государство как большую семью. Власть императора уподоблялась власти отца, а отношения между подданными — семейным отношениям: то есть младшие зависят от старших, а старшие обязаны заботиться о младших.

Конфуций говорил, что фундаментом управления государством должно быть воспитание человеколюбия в каждом. Но это понятие значительно отличалось от современного: забота родителей о детях, сыновняя почтительность к старшим в семье и справедливое отношение между теми, кто не связан род-

ственными узами — вот ключевые составляющие человеколюбия по Конфуцию. Известно высказывание Конфуция по поводу управления: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится».

В настоящее врем в Китае данная теория получила современное применение, государство заботится о своих гражданах в случае болезни, безработицы, инвалидности и т.д. Также поддерживается и мирное настроение в обществе, ведь в хороших семьях нет ни ссор, ни вражды, ни потрясений.

Мы согласны с такой постановкой вопроса, ведь, действительно, семья — самая прочная единица общества, и любовь — главная движущая сила при любом менталитете. На наш взгляд, целью любого государства должно являться построение общества по образцу крепкой семьи.

В заключение, стоит отметить тот факт, что влияние конфуцианства на психологию китайцев очень велико и значимо. В реалии оно охватывает все сферы жизни государства: политику, экономику и социальную сферы. Причем, как мы полагаем, именно особое мировоззрение китайского населения, особая психология стали фундаментом для столь быстрого прогресса КНР на мировой арене. А это мировоззрение построено именно на конфуцианстве, на различных понятиях, введённых Конфуцием. А консерватизм китайцев и их следование традициям позволяет им сохранять всё то, что дал им «Учитель».

Таким образом, можно сделать вывод, что столь сильный прогресс Китайской Народной Республики во всех направлениях обусловлен в том числе влиянием конфуцианства на мышление и поведение населения Поднебесной.

Список использованных источников:

- 1. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: Пер с кит. М.: Политиздат, 1988. 259 с.
- 2. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах / под ред. Л.В. Литвиновой. Т.1. Лунь-Юй. М.: Мысль, 1972. 363 с.
- 3. История китайской философии: Пер. с кит. / Общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989. 552 с.
- 4. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан; пер. с китайского и предисл. Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. 338 с.
- 5. Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. М.: «Изд-во Апрель», ООО «Изд-во АСТ», $2000.-632~\mathrm{c}$.
- 6. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй / Л.С. Переломов. М.: Вост. лит., $2001.-180~\mathrm{c}.$
- 7. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. СПб. : КАРО, 2012. 336 с.
- 8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. -3-е изд., испр и доп. М.: Аспект Пресс, 2004. -368 с.

Актуальные направления исследований китайской литератры

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ГОЛОДНОМ КРАЕ» В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА ЦЮЙ ЦЮБО «ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ О НОВОЙ РОССИИ ИЛИ ЗАПИСКИ О ГОЛОДНОМ КРАЕ»)

Сенина Е.В., к. филол. н., преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия

THE CONCEPT OF A "HUNGRY LAND" IN CHINESE LITERATURE (USING THE EXAMPLE OF QU QIUBAI "TRAVEL NOTES ON NEW RUSSIA OR A NOTE ON A HUNGRY LAND")

Senina E., PhD of Philological Sciences, lecturer at the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Laotian languages of MGIMO-University, Moscow, Russia.

Аннотация. В статье анализируется понятие и представление о «голодном крае» на примере очерка Цюй Цюбо «Путевые заметки о Новой России или записки о голодном крае». Приводятся примеры употребления данного понятия в прямом и переносном значениях. Определяется связь «голодного края» с образом восприятия России и русских.

Ключевые слова: образ восприятия, «голодный край», Цюй Цюбо, китайская литература 1920-х гг., российско-китайские отношения.

Abstarct. The article analyzes the concept and idea of a "hungry land" using the example of Qu Qiubai "Travel notes on New Russia or a note on a hungry land". Examples of the use of this concept in direct and figurative meanings are given. The connection between the "hungry land" and the image of perception of Russia and Russians is determined.

Key words: the image of perception, "hungry land", Qu Qiubai, Chinese literature (1920s), Russian-Chinese relations.

В начале XX в. в Китае начинается реформаторское движение – движение за «новую культуру» [Цюй Цюбо, 1975; Черкасский, 1972; Шнейдер, 1960]. Оно было связано с всеобщим стремлением китайского общества к изменению социального строя, к формированию нового типа этнического и культурного сознания. Передовые китайцы стали проявлять искренний интерес к иностранной культуре и знакомить свою родину с основами культуры, литературы и экономическими достижениями западного мира, обобщённый образ которого вмещал в сознании китайцев весь мир «белых дьяволов» [Сенина, 2015, 173–180]. Россия в этот период также ассоциировалась в китайском сознании с Западом. В конце XIX в. появляются первые китайские переводы русской художественной

и европейской литературы [Сенина, 2015, 424–427]. Конечно, далеко не все китайцы могли познакомиться с произведениями русской литературы. Такой преференцией обладали только образованные люди, но именно на основе этих переводов стал вырисовываться образ России и русских в китайской литературе.

Отметим, что не только русская классика XIX в. стала источником создания «русских» сюжетов, но и опыт непосредственного общения китайцев с русскими насельниками Северо-Востока Китая, появившимися там со времени начала строительства КВЖД и создавшими целый русский анклав после революции в России. Русская жизнь, обустроенная русскими эмигрантами в Харбине по образцам и культурным стандартам России, дала возможность китайским литераторам познакомиться с той страной и тем русским укладом, которых в 1920-е гг. уже не существовало. Тем любопытнее был этнокультурный опыт, который китайские литераторы смогли обрести в русском Харбине. Он стал основой для ряда китайских писателей, создавших произведения реалистического направления о России и русских.

Одними из первых публицистических произведений о русских и России становятся путевые заметки Цюй Цюбо (1899—1935) — выдающегося китайского писателя, журналиста, переводчика русской классической и советской литературы, деятеля культуры, одного из первых руководителей Коммунистической партии Китая, пропагандиста марксизма. Своё путешествие в новую Россию Цюй Цюбо начинает из Харбина, где и складывается его первоначальный образ восприятия русских.

В литературе образы восприятия этносами друг друга (художественные образы восприятия) представляют собой художественную проекцию этнического сознания, обусловленную этническими константами той ли иной культуры, литературной традицией, а также этническими, идеологическими и художественными установками конкретного автора [Забияко, Сенина, 2016, 20].

Пробыв в Харбине несколько месяцев, молодой амбициозный китайский публицист отправляется в Россию, где сталкивается со всеми реалиями гражданской войны, одной из которых был голод.

Голод, являясь фрагментом китайской языковой картины мира, эксплицирует соответствующие понятия, представления, образы, установки, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений характерных для китайской культуры. Голод — противоположная характеристика сытости, которая не широко представлена в анализе китайского языкового материала.

Практически на протяжении всей своей истории китайский народ сталкивался с проблемой голода. Причиной тому были стихийные бедствия, массовая бедность китайского населения и т.д. В голоде 1876—1878 гг. погибло 13 миллионов человек, в 1958—1962 гг. от голода погибли около 45 миллионов китайцев. К счастью, в результате проведения политики реформ и открытости ситуация в корне изменилась — проблемы голода не существует. Тем не менее воспоминание об этом хорошо отложилось в коллективном бессознательном — сейчас в Китае культ еды. Отметим, что многие китайские писатели осознано или нет в своих произведениях затрагивали тему голода (Лу Синь, Лао Шэ, Ба Цзинь, Сяо

Хун, Жоу Ши, Дуаньму Хунлян, Сяо Цзюнь, Цзян Гуанцы, Цзюэ Цин и многие другие). Не стал исключением и Цюй Цюбо.

Новая земля — Россия, — которую китаец называет *«голодным краем»* [Qu Qiubai, 2007, 2], не пугает его своими контрастами. Образ 《饿乡》 *(«голодный край»)* является окказиональным, это — художественное «изобретение» Цюй Цюбо и других коннотаций этого понятия в китайском языке не существует. Автор использует понятие *«голодный край»* в прямом и переносном значениях исключительно в отношении России 1920-х гг.

В своё время М.Е. Шнейдер [Цюй Цюбо, 1979, 15–107] перевёл образ «饿 多» (букв. «голодный край», 饿 — голод, голодать, страдать от голода и войн; 5— страна, земля, малая родина, родина, деревня, село, край, место, волость [Большой китайско-китайский словарь] как «земля обетованная» или «обетованныйкрай» возможно, на перевод с китайского накладывая лингвокультурные клише из привычной библейской образности. Особую роль могли сыграть и идеологические стереотипы — таким образом советский переводчик желал продемонстрировать торжество социалистического преобразования мира, осуществлённого в России в 20-е гг. прошлого века. В китайских словарях есть несколько вариантов объяснения понятия «земля обетованная»: 宝地 «земля сокровищ, край изобилия, обетованная земля, рай земной (также обр. о будд. монастыре)»; 应许之地 «обетованная земля», дословно «обещанная земля»; 洞天 «земной рай, обетованная земля» [Большой китайско-русский словарь]. Таким образом, эти толкования никак нельзя употребить по отношению к «голодному краю» с

Россия той эпохи — действительно, *«голодный край»*: это то испытание, которому сознательно обрекает себя автор и его товарищ: «Там лютый холод и нищета, но что бы вы ни говорили, не так уж это страшно. Пусть этот край и для меня будет *голодным краем*, я не боюсь» [Цюй Цюбо, 1979, 16]. «В то время ходили упорные слухи, что с топливом в Москве постоянные перебои, как и с продуктами.

— Послушай, Сунхуа! — частенько подшучивал я над товарищем, — куда мы с тобой едем? Ведь там свалится на нас куча бед, не говоря уже о холоде и голоде...» [Цюй Цюбо, 1979, 61]. «— Вот мы собрались здесь сегодня, веселимся [отмечали годовщину Октябрьской революции — прим. Е. С.], а москвичи едят чёрный хлеб и тот не досыта...» [Цюй Цюбо, 1979, 62]. «Примером теории может служить декрет о социализации земли в России или учение об осуществлении диктатуры пролетариата; примером факта — количество общегосударственных запасов продовольствия в России, голод, холод, неразвитая промышлен-

_

¹ Обетованный край, обетованная земля (Евр.11:9) — земля, обещанная Господом потомкам Авраама (Быт.15:18). Простиралась она от пределов Египта до Евфрата, но более известна как Ханаанская земля. Евреи после сорокалетнего странствования по пустыням вошли в нее под водительством И. Навина, но далеко не всю смогли завоевать. Она является символом духовного удела верующего и Царства Небесного (Мат. 11:12). См.: Библия. Ветхий и Новый заветы. Синоидальный перевод. Библейская энциклопедия. арх. Никифор. 1891.

² Автор благодарит за консультацию в этом вопросе д.и.н., профессора С.В. Филонова.

ность» [Цюй Цюбо, 1979, 82]. «Бойцы в изодранных шинелях и грязных меховых шапках то и дело высовываются из теплушек и жадно глядят на наш завтрак – рисовую кашу, говядину и капусту» [Цюй Цюбо, 1979, 85].

При этом, несмотря на тяжёлое материальное положение в стране, китайских гостей на протяжении пребывания в России, всегда угощают лучшей едой, которая имеется в доме: «Итак, я в голодном краю. Голода, правда, я здесь ещё не испытывал» [Цюй Цюбо, 1979, 88] – удивляется увиденному автор записок. Гостеприимство и хлебосольство – те отличительные, практически неизменные социально-психологические качества, которыми испокон веков славился русский народ. «На третий день после нашего приезда в Москву мы получили в Наркоминделе продуктовые карточки и нас проводили в наркоминдельскую столовую. Питание здесь неважное, но по нынешнему положению России оно считается самым что ни на есть лучшим: всё-таки дают сливочное масло, сахар. Столуются здесь главным образом сотрудники Наркоминдела. Пообедав, они заворачивают остатки хлеба, масла и сахара, и уносят с собой. Наш случайный спутник объяснил это тем, что в России сейчас все ресурсы сосредоточены в руках государства и каждый получает паёк на работе, так как нигде больше продуктов он не найдёт» [Цюй Цюбо, 1979, 99]. Итак, несмотря на голод и нищету, царящие в послевоенной России, «голодный край» открылся Цюй Цюбо с другой стороны – он узнал лучшие качества русского человека, их готовность отдать последнее другу – а именно так принимали писателя в России. Это, в том числе, дало возможность Цюй Цюбо переосмыслить прямое значение образа «голодный край», вернее, найти подтверждение своим до-российским интуициям.

В переносном значении, которое автор очерка указывает в кавычках, образ «голодный край» заимствуется из предания о мудрецах Бо И и Шу Ци (1122) г. до н.э.), чьи имена в традиционной китайской культуре всегда связывались с представлениями о верности, бескорыстии, человеколюбии, достоинстве, разумности, справедливости, принципиальности [Сыма Цянь]. «Гуань Ичжи живший во времена цинской династии, назвал голодным краем гору Шоуяншань, где поселились Бо И и Шу Ци, чьи духовные запросы и устремления одержали верх над материальной потребностью – питаться "хлебом династии Чжоу". Теперь у меня тоже есть свой "голодный край" – Советская Россия» [Цюй Цюбо, 1979, 37]. Итак, Советская Россия – это место, где автор жаждет сохранить и преумножить свои духовные устремления: обратиться к философским проблемам – отношения к жизни и людям, перестроить собственную идеологию, отрешившись от буддистских представлений о материальной и духовной сущности человека, разобраться в сущности реалистического мировоззрения, взять на себя ответственность за развитие общественной мысли в Китае, переживающем в то время эпоху своего возрождения, и, наконец, невзирая на трудности и опасности, воплотить в себе высокие нравственные принципы и неизменно следовать им. «Красная столица зажглась как светоч, как маяк, не-

 $^{^3}$ Здесь и далее заменим указанное в переводе М.Е. Шнейдера «земля обетованная» на *«го-лодный край»* так, как указанно в оригинале очерка Цюй Цюбо.

обходимый для культурных связей человечества, и если голод, свирепствующий в "голодном крае", не раздавит, не задушит Красную столицу, то в будущем ей несомненно, обеспечено спокойное плавание по морской глади без ветра и волн» [Цюй Цюбо, 1979, 97]. «Очень жаль только, что мои соотечественники, находящиеся в "голодном крае", вряд ли считают его для себя голодным» [Цюй Цюбо, 1979, 101]. «Голодный край! Голодный край! Закалишь ли ты мою волю или же подорвешь мои силы? Посмотрим – работа началась» [Цюй Цюбо, 1979, 101]. «"Голодный край" с его "голодом" – чьей-то злостной выдумкой – перековал меня, человека очень мягкого - хоть верёвки вей - в настоящую сталь. Помимо всего прочего воспитанию твердости моего характера способствовало и то, что я уже давно оторвался от родителей <...>. А теперь прервались и все остальные связи с близкими мне людьми, оставшимися за пределами "голодного края", и я вновь оказался в полном одиночестве. Быть слишком далеко от реальной жизни - это противоречит моим принципам. Но сейчас об уединении и одиночестве говорить не приходится – за бортом моего судёнышка бьет ключом реальная жизнь "голодного края"» [Цюй Цюбо, 1979, 106]. «Всё, о чём я пишу, основано на моих мыслях и переживаниях. Если говорить конкретно, то это описание моего путешествия из Китая в Россию. Если же говорить отвлеченно, абстрактно, то это – движение моих чувств, движение моего духа, моей души из "неголодного края" в "край голодный"» [Цюй Цюбо, 1979, 107].

Итак, при помощи окказионального понятия *«голодный край»* Цюй Цюбо создаёт образ восприятия русских и российской действительности 1920-х гг. XX в. С одной стороны, это голод продовольственный, с другой — духовный. Таким образом, новая Россия стала для публициста местом, где можно невзирая на трудности удовлетворить и преумножить свои духовные потребности.

Список использованных источников:

- 1. Большой китайско-китайский словарь (在线汉语字典). URL: http://xh.5156edu.com/ (Дата обращения: 26.10.2016).
- 2. Большой китайско-русский словарь. URL: http://bkrs.info (Дата обращения: 28.09.2016).
- 3. Забияко А.А., Сенина Е.В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // Emigrantologia Slowian. Opole. 2016. №2. Р. 19–32.
- 4. Сенина Е.В. Социально-политические и социокультурные предпосылки интереса к русской литературе в Китае (первая половина XX в.) / Е.В. Сенина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 173—180.
- 5. Сенина Е.В. Переводы русской литературы в Китае в контексте социокультурных трансформаций первой половины XX века / Е.В. Сенина // «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества»: материалы V международной науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18-23 мая 2015 г.). Выпуск

- 5 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 424–427.
- 6. Сыма Цянь. Исторические записки. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Tom_VII/text61.phtml (Дата обращения: 15.09.2016).
- 7. Цюй Цюбо. Избранное / Цюбо Цюй. М.: «Художественная литература», 1975. 224 с.
- 8. Черкасский Л.Е. Новая китайская поэзия / Л.Е. Черкасский. М., 1972. 481 с.
- 9. Федоренко Н. Т. Очерки по истории китайской литературы / Н.Т. Федоренко. М., 1956. 733 с.
- 10. Шнейдер М.Е. Цюй Цю-бо революционер, писатель, боец / М.Е. Шнейдер. М., 1960. 30 с.

«ОСТРОВ КРЫМ» В ТИХОМ ОКЕАНЕ: ОБРАЗ ТАЙВАНЯ ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЕЙ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Тан Мэн Вэй, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

"ISLAND OF CRIMEA" IN THE PACIFIC OCEAN: THE IMAGE OF TAIWAN THROUGH THE EYES OF WRITERS OF THE THIRD WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION

Tang Meng-Wei, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается образ Тайваня, воплощённый в романе В.П. Аксёнова «Остров Крым» и в публицистической статье А.И. Солженицына «Свободному Китаю», выявляются причины возникновения этого замысла у писателей-эмигрантов, которые сравнивают Тайвань с Крымом. Обе работы возникли в сложные для страны времена, авторы были сильно озабочены судьбой своей Родины, тем самым демонстрируется сходство исторических путей Китая и России в ХХ в. Также в статье затрагиваются вопросы изучения Тайваня и китайского языка в России, изучения русского языка и развития русистики на Тайване.

Ключевые слова: Тайвань, В.П. Аксёнов, А.И. Солженицын, «Остров Крым», «Свободному Китаю», третья волна русской эмиграции.

Abstract. The article discusses the images of Taiwan in the novel "The Island of Crimea" by V.P. Aksyonov and in the publicistic article "To free China" by A.I. Solzhenitsyn, with the aim to analyze the reasons why the immigrant writers compare the Crimea with Taiwan and thus to demonstrate the similarity of the historical ways of Russia and China in the early XX century, which is such a turbulent time that the authors are concerned about. The article also touches upon the issues of the Taiwan studies and learning Chinese in Russia, and the development of Russian studies and Russian languages learning in Taiwan.

Keywords: Taiwan, V.P. Aksyonov, A.I. Solzhenitsyn, "The Island of Crimea", "To free China", the third wave of Russian emigration.

С 2014 г. одной из самых обсуждаемых тем в России, да и во всем мире стал вопрос возвращения Крыма в состав Российской Федерации. События и новости полуострова постоянно находятся в центре внимания международного сообщества. Как представитель далекого острова Тихого океана, автор этой статьи, как ни странно, не раз становился объектом внимания русских собеседников: меня расспрашивали о том, что я думаю по поводу Крыма, какие сходства и различия могу увидеть между ситуацией с Крымом и взаимоотношения-

ми между Китаем и Тайванем. Как маленький остров Тайвань сохраняет и защищает свою позицию истинного наследника китайской культурной традиции в то время, когда большой материковый Китай постепенно превращается в одного из лидирующих гигантов на мировой арене. В ходе таких дискуссий для меня всё более актуальным становился вопрос: почему в русском сознании сформировалась эта ассоциация, почему принято связывать Тайвань с Крымом? Почему в аксёновском романе «Остров Крым» герой прямо так и говорит: «Это естественно, Крым и Тайвань, два отдалённых брата»? [Аксёнов, 2014, 28]

Прежде чем начать наш разговор, стоит сначала вспомнить исторический фон, созданный В.П. Аксёновым для его знаменитого фантастического романа «Остров Крым». Этот роман был написан в 1977–1979 гг., накануне эмиграции автора в США. В соответствии с замыслом Аксёнова, полуостров Крым в книге представляет собой полноценный остров в бассейне Чёрного моря. В период гражданской войны, в 1920 г., отряды белых отступают на остров Крым, с помощью английского флота белые побеждают Красную армию, защищают остров от нападения СССР. В Крыму образуется самостоятельная демократическая республика с мощной армией, с развитой промышленностью, со свободной печатью, с многопартийностью. Остров представляет собой небольшую, но богатую и процветающую страну. Несмотря на ограниченные природные ресурсы и территорию, Крым превращается в изолированное «русское» государство, во вторую «альтернативную» Россию.

Мы не знаем, изучал ли В.П. Аксёнов историю Китая XX в., когда писал свой фантастический роман. Наверняка изучал, потому что в реальности почти полностью сходная модель наблюдалась в восточной Азии во второй половине XX в., а именно – на «острове Тайвань». Сразу же после второй мировой войны в Китае произошла гражданская война. В связи с поражениями гоминьдановских войск в боях с коммунистами Тайвань стал последней опорной базой сопротивления армии Мао Цзэдуна. В 1949 г., когда войска Чан Кайши терпели одно поражение за другим, было решено перевести гоминьдановское правительство на Тайвань, под защиту 7-го флота США. Таким образом, остров превратился в базу второго китайского государства [Непомнин, 2011, 638]. Здесь Чан Кайши и основал демократическую Китайскую Республику. За 70 лет захудалый остров стал страной с мощной, 19-ой в мире экономикой. В стране действуют демократический режим и многопартийность. Но, несмотря на все это, сейчас Тайвань – непризнанное государство.

Интересная параллель – Крым и Тайвань – у Аксёнова оказалась неслучайной. А.И. Солженицын во время своего визита на Тайвань в 1982 г. выступил с речью под названием «Свободному Китаю». Среди прочего он сказал: «Уже три десятка стран в мире пало, подпало под власть коммунизма – и почти ни одной из них не удалось сохранить клочка независимой национальной территории, где могло бы продолжиться сломленное государственное развитие, и соревновательно показать себя миру по сравнению с коммунистическим развалом. У нас в России таким кусочком, может быть, мог бы сколько-то подержаться врангелевский *Крым*, но не получил ничьей внешней поддержки и, покинутый неверными европейскими союзниками, был вскоре раздавлен комму-

нистами. А в Китае, благодаря широкому морскому проливу, таким обломком прежнего государства остался Тайвань» [Солженицын, 1997, 96]. По мнению тайваньского исследователя Лай Инчуань, речь А.И. Солженицына в определённой степени является откликом на роман «Остров Крым» В.П. Аксёнова, вышедший в 1981 г. в США [Лай Инчуань]. На самом деле, если сопоставлять исторические пути России и Китая в прошедшем столетии, в них мы находим немалые точки соприкосновения. Революция, вызванная коммунистической партией обеих стран, привела к колоссальному изменению судьбы двух наций. Конфликты, войны, репрессии, раскол – все эти исторические события оказали влияние не только на развитие политической ситуации мира в целом, но и, в частности, на культуру, язык и дух двух этих народов. И Аксёнов, и Солженицын обратились к тайваньской теме, будучи в своё время озабоченными судьбой своей Родины. Как диссиденты, изгнанники, выброшенные из советского общества, оба литератора глубоко ощущали сходство исторических судеб России и Китая в XX в., родственные связи между жителями Тайваня и русскими эмигрантами.

В России в течение долгого времени по понятным политическим причинам изучение Тайваня осталось «тёмной страницей» в отечественном китаеведении. Его образ представлялся довольно смутным, неразличимым в научном сообществе. Та же ситуация наблюдалась в развитии русистики на Тайване, которое долгое время находилось под строгим контролем Правительства Гоминьдана. Русисты на острове получили возможность приезжать в страну, которую они изучают, только после распада СССР, после улучшения отношений между двумя сторонами, разделёнными Тайваньским проливом. На данном историческом этапе автор, являясь носителем китайской культуры из «другого берега», искренне надеется, что наше поколение сможет найти ещё больше контактов между Россией и Тайванем, чтобы соединить наше прошлое, настоящее и будущее.

Список использованных источников:

- 1. Аксёнов В.П. Остров Крым / В.П. Аксёнов. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
- 2. Непомнин О.Е. История Китая XX века / О.Е. Непомнин. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. С. 638.
- 3. Солженицын А.И. Свободному Китаю (речь в Тайбэе) / А.И. Солженицын // Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 96–102.
- 4. Лай Инчуань. Тайваньская тема в романе В.П. Аксёнова «Остров Крым» / Инчуань Лай // Вестник факультета русского языка и литературы. − Тайбэй: Университет китайской культуры. № 5. C. 245–262.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

Игнатенко А.В., старший преподаватель, РУДН, Москва, Россия

FEATURES OF FORMATION OF THE NETWORK LITERATURE IN CHINA AND ITS FUTURE DEVELOPMENT

Ignatenko A., senior lecture, PFUR, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается проблема становления и перспективы развития сетевой литературы в Китае. Выделяются её основные этапы и делается попытка классифицировать общие особенности. Актуальность работы обусловлена растущим интересом к современному литературному процессу, который сегодня не может рассматриваться в отрыве от сетевой литературы.

Ключевые слова: современная китайская литература, сетевая литература, жанр.

Abstract. This article deals with the problem of features of formation of the network literature in China and its future development. Its main stages are highlighted and an attempt is made to classify common features. The relevance of the work is due to the growing interest in the modern literary process, which today cannot be considered in isolation from the network literature.

Keywords: modern Chinese literature, network literature, genre.

Точкой отсчёта и началом так называемой сетевой литературы (网络文学) или «сетературы» [Трофимова, 2004] в Китае можно считать первый Интернетроман «Парящий танец» ("第一次的亲密接触"1, 1998), который за два с небольшим месяца был написан тайваньским писателем Роуди Цай (痞子蔡) онлайн. С этого момента сетевая литература становится в Китае одной из самых востребованных и массово воздействующих на читателя форм повествования.

Спустя 20 лет, в 2018 г., Информационный центр по китайскому Интернету (CNNIC) опубликовал «42-й итоговый доклад о положении развития Интернета в Китае»², в котором, в частности, говорится, что на конец 2018 г., количество Интернет-пользователей в Китае достигло 802 млн. человек, среди которых 74,1% пользователей так или иначе обращаются к сетевой литературе.

¹ URL: https://www.sbkk88.com/mingzhu/dycqmjc/ (Дата обращения: 22.02.2019)

² "第 42 次中国互联网落发展状况统计报告". URL:

http://www.cnnic.net.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7047/201808/t20180820_70486.htm (Дата обращения: 11.02.2019)

На сегодняшний день в развитии и становлении сетевой литературы можно выделить три этапа:

- 1) ранний этап свободного развития, который основывался на пути продолжения традиционной «бумажной» литературы и канонов, связанных с ней;
- 2) дальнейший этап коммерциализации, при котором задавалась модель развития жанрового популярного романа;
- 3) этап популяризации мобильного чтения, ставший оплотом бурного развития так называемой «жанровой литературы».

Говоря об общих особенностях, характеризующих китайскую сетевую литературу, можно, среди прочего, выделить такие, как свобода творчества в создаваемом произведении, реализация игрового нарратива и явное тяготение к постмодерну.

Писателей сетевой литературы принципиально можно классифицировать по двум типам: активные участники (блогеры) и культурно-образованные участники. К первому типу, как правило, относятся писатели сравнительно молодые, не имеющие профессионально-литературного образования, которые выступают своего рода любителями. Они пишут много, но по содержанию их литературные произведения довольно однообразны. К ним можно отнести Роуди Цай (痞子蔡), Ли Сюньхуаня (李寻欢), Ли Шаоцзюня (李少君), Чжан Вэя (张维) и многих др. Это основные «игроки» сетевой литературы. Ко второму типу относятся писатели уже зрелого возраста, которые обычно имеют литературные навыки и профессиональную литературную подготовку. Так, например, некоторые части романа «Город в маске» ("蒙面之城" 3, 2001) Нин Кэня (宁肯) перед появлением в открытом сетевом доступе были опубликованы в традиционных изданиях журнальной прессы.

Среди основных тем сетевой литературы выделим несколько магистральных:

- 1) тема любви («Парящий танец» ("第一次的亲密接触", 1998) Роуди Цай, 痞子蔡 и др.);
- 2) тема жанра «уся», приключенческого романа с элементами фэнтези и восточных единоборств («Бросок Большой Тан» ("大唐行镖"⁴, 2012) Цзинь Сюньчжэ, 金寻者; «Легенды Укуна» ("悟空传"⁵, 2000) Цзинь Хэцая, 今何在 и др.);
- 3) тема колдовства и демонологии («Извивающийся дракон» ("盘龙" 6, 2009), написан под Интернет-псевдонимом «Я-ем-помидоры», 我吃西红柿 и др.);
- 4) историческая тема («Борьба Чу и Хань за треножник» ("楚汉争鼎"⁷), написан под Интернет-псевдонимом «Одинокий фехтовальщик (на мечах)», 寂

³ URL: https://www.kanunu8.com/book3/7045/index.html (Дата обращения: 22.02.2019)

⁴ URL: http://www.shushu8.com/datangxingbiao/ (Дата обращения: 22.02.2019)

⁵ URL: http://www.shushu8.com/b_45.htm (Дата обращения: 22.02.2019)

⁶ URL: https://www.biqiuge.com/book/7629/ (Дата обращения: 22.02.2019)

寞剑客 и др.) и др. Практически все эти произведения относятся к романному жанру и экранизированы.

С точки зрения жанровой принадлежности в сетевой литературе Китая за исключением привычного романа сегодня также набирает популярность жанр короткого рассказа или эссе (散文). Литературу небольшого жанра можно разделить на два вида. Первый вид, как правило, описывает настроения и жизнь горожан. Одним из первопроходцев в этом направлении выступила писательница Анни Баобэй (安妮宝贝), написавшая романизированный сборник эссе «Бесконечный август» ("八月未央" 8, 2001). Ко второму виду можно отнести небольшие рецензии, отзывы и критические очерки, которые «публикуются» обычно на крупных интернет-порталах и тематических форумах.

Одновременно с этим есть ряд проблем, с которыми сегодня уже сталкивается китайская сетевая литература. Среди них, можно выделить:

- 1) недостаток отсутствия единого и централизованного сайта публикаций сетевой литературы;
- 2) разрозненность системы критического корпуса, посвящённого сетевой литературе;
- 3) проблемы, связанные с авторскими правами и авторскими гонорарами и др.

Таким образом, подводя итог можно сделать вывод, что появление сетевой литературы не только привнесло формально-жанровые и некоторые тематически-идейные изменения, но и несмотря на проблемы уверенно демонстрирует устойчивое развитие и жизнеспособность в общем литературном процессе.

Список использованных источников:

- 1. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г.Н. Трофимова. М.: РУДН, 2004. 380 с.
 - 2. 欧阳友权. 网络文学论纲. 北京: 人民文学出版社, 2003. 434 页.
- 3. 中国现当代文学史(1898–2015). 曹万生主编. 北京: 中国人民大学出版社, 2016. 685 页.
- 4. 周志雄. 网络文学的兴起——中国网络文学发展文献史料辑. 北京: 人民出版社,2014. 327 页.

⁸ URL: https://www.kanunu8.com/book3/7676/168453.html (Дата обращения: 22.02.2019)

⁷ URL: https://www.x88dushu.com/xiaoshuo/27/27813/ (Дата обращения: 22.02.2019)

ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РУССКО-КИТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Дондокова М.Ю., к. филол. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия

COMPARATIVE RESEARCH OF RUSSIAN AND CHINESE LITERATURE

Dondokova M., PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages of MGIMO University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются проблемы сравнительного литературоведения и перспективы развития исследования китайской литературы с точки зрения сопоставительного изучения. Особое внимание уделяется проблеме типологической общности как предмету компаративистики. Также затрагиваются некоторые актуальные задачи, которые выдвигаются учёными как приоритетные. В статье описываются основные положения отечественных исследователей по проблеме компаративистики.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительное литературоведение, китайская литература, мировой литературный процесс, типологическая общность.

Abstract. The article analyzes the problems of comparative literature criticism and the research perspective of Russian and Chinese literature. Special attention is paid to typological similarity as a subject of comparative literature. Also it touches some topical questions, which are suggested by scientists as priority. The article shows the main points of Russian scientists on problems of comparative literature.

Key words: comparative literature, Chinese literature, world literature process, typological similarity.

Сравнительное литературоведение главным образом занимается изучением процесса влияния и проникновения одной литературы в другую и «раскрытие в них тех общих исторических и историко-литературных закономерностей, которым были подчинены и эти литературы» [Жирмунский, 1979, 83]. В силу исторических причин компаративистика в начале своего становления, с середины XIX в. до середины XX в., в качестве объекта выделяла литературные процессы западных стран и регионов. Это объясняется материалом исследования и тем, что научные школы большей частью находились в Европе и США. Постепенно формировались научные подходы сравнительно-сопоставительного изучения литератур, что позволило этому направлению определиться как самосто-

ятельная наука. В середине XX в. благодаря трудам А.В. Веселовского, а затем В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада и других отечественных литературоведов, которые призывали уходить от западного «европоцентризма», обращать внимание на новые возможности компаративистики и использовать обширный материал для исследования литератур других регионов, во второй половине XX в. сформировалась не только научная база, но и большой корпус материала для развития компаративистики.

В.Р. Аминева отмечает, что В.И. Жирмунский вслед за А.Н. Веселовским развивает идею о единстве историко-литературного процесса, который обусловлен единством социально-исторического развития человечества, и оформляет проблему типологического подхода [Аминева, 2014, 28]. Учёные определяют три аспекта исследований: а) историко-типологический, б) историко-генетический в) аспект, основанный на признании контактных культурных вза-имодействий. Основной идеей сравнительно-исторических исследований второй половины XX в. является то, что останавливаться на уровне простого сопоставления сходных литературных явлений — это не есть самоцель науки, важнее историческое объяснение этих сходств.

Причем многие выдающиеся учёные XX в. делали большой акцент именно на необходимости изучения тех литератур, в которых по разным причинам, будь то географическая отдаленность или веками сложившееся национальное своеобразие, будь то исторически сложившиеся факты, процесс формирования национальной литературы отличался от общеевропейского. Так, учёныелитературоведы середины XX в. подчёркивали необходимость отойти от «европоцентризма» и сформировать всеобщую мировую историю литературы.

Сопоставление литератур, проводимое с целью обнаружения их сходства, приводит к выявлению специфических черт каждой из них. Предметом сравнительного изучения, по мнению многих исследователей (таких как Н.И. Конрад, В.М Жирмунский и др.), могут считаться национальные литературы и их связи, а также внутринациональные связи между литературами одной страны независимо от того, создаются ли они на диалектах или на одном для всех литературном языке. Н.И. Конрад использует в общественно-историческом смысле: «как обозначение определённого общественного качества литературы» [Конрад, 1966, 30]. «Национальная литература» – это та литература, которая возникает, когда народ достигает в своем историческом развитии уровня нации как общественной категории. Но поскольку историческое развитие народов процесс не равномерный, соответственно становление «национальных литератур» тоже отличается. Современный процесс глобализации связан с большим разнообразием «национальных литератур». Социокультурный подход обуславливает сходство в процессе развития разных регионов, не имеющих прямых контактов между собой. Наиболее наглядно можно показать на примере китайского и российского обществ, так как не во многих странах можно наблюдать такое разнообразие национального состава. Кроме того, элемент «ускорения» в социокультурном развитии регионов России в XX в. в некоторой степени схожи с активным развитием Китая во второй половине того же века.

Помимо внешних схожих факторов, таких как социокультурное влияние, существует ряд внутри литературных: одинаково сильное и глубокое влияние русской классической литературы как на китайскую, так и на любую региональную национальную литературу. Национальная литература с начала XX в. главным образом на основе достижений мировой литературы выстраивала национальные литературы Китая и регионов СССР. В качестве примера приведем бурятскую и китайскую литературы, которые, как известно, испытали большое влияние русской классической и советской литературы.

Помимо того, что обе литературы испытали большое влияние русской классической литературы, общей чертой двух литератур также является активное использование верлибра. Основные правила китайского верлибра были заложены еще в 20–30-х гг. ХХ в., эта форма оставалась определяющей для китайской поэзии и для 90-х гг. ХХ в. В бурятской поэзии свободный стих или верлибр начал активно утверждаться в конце 50-х гг. ХХ в., он тоже остается основной формой стихосложения и сегодня. Например:

Ты видел море, Представляешь себе Большое море, Ты представлял себе большое море, Потом увидел его именно таким

(Хань Дун, перевод Дондоковой М.Ю.)

В произведении сильно выражен символ «моря», акцентировано значение «ты», мощь и силу стиха подчёркивает верлибр, который также удивительно гармонирует с языком.

Лежит, Упав на теплый плес, Уснув под песнь волны, А на щеках её видны сухие русла слез.

(Н. Нимбуев «Девушка на берегу Байкала»)

Н. Нимбуев большую часть работ написал верлибром, он считал: «в пяти строках запечатлеть кусок жизни, её мощный сигнал, и когда создашь пятистишие, рифмовка — самое губительное. Зарифмовать пятистишие — значит убить его» [Нимбуев, 2003, 6].

Помимо вышеперечисленных особенностей, характерных для бурятской и китайской национальной литературы, существует еще ряд сходных элементов: тенденция к короткому стиху (двустишие, трёхстишие), историкореволюционная тематика и др.

Примеры показывают, что наличие контактных связей не является обязательным: типологические закономерности могут быть выявлены и при отсутствии прямых творческих связей литератур (другой пример, – считается, что

татарская и армянская литературы до 1917 г. не имели подобных контактов, однако после Октябрьской революции им обеим стали присущи одинаковые темы, сюжеты, характер). Только типологическая общность позволяет той или иной литературе включиться в систему мировой литературы.

В целях проведения более результативных изысканий некоторые современные исследователи, такие как В.Р. Аминева и другие, полагают, что сопоставительное литературоведение необходимо выделить в самостоятельный раздел науки о литературе. «Находясь в динамическом взаимодействии со сравнительным анализом литературы, оно обнаруживает существенное отличие от последнего, как в самом объекте, так и в методике его исследования» [Аминева, 2007, 3–5]. Однако подобный вопрос опять-таки исходит из проблемы определения основных целей науки.

На сегодняшний день очевидно, что в области сравнительного литературоведения (компаративистики) зарубежными учёными проделана большая работа, в отечественной же науке данная область стала наиболее активно развиваться только в последнее десятилетие. Так, в китайской литературе разработками в области компаративистики занимаются Цао Шуньцин (Чэнду), Чэн Хэн и Лю Сянюй (Пекин). Несмотря на то, что отечественные учёные возобновили разработки в этой сфере науки не так давно, используя богатый опыт предшествующего поколения и опыт зарубежных коллег, можно считать, что они добились определённых научных результатов. Свидетельство тому — публикации научных трудов и разработок, например, учебное пособие Ю.И. Минералова, хрестоматия В.Р. Аминевой и многие другие.

Основные положения, к которым на сегодняшний день пришли отечественные исследователи, - это изучение мирового литературного процесса, которое невозможно без сравнений, без сопоставления, без изучения литературных влияний, без анализа процессов рецепции и без обращения к переводной литературе, без взаимосвязей контактных и типологических, причём с течением времени эти взаимосвязи приобретают все более многообразный характер. Соотечественные литературоведы (А.Д. Михайлов, Ю.Г. Нигматуллина и другие) подчёркивают, что в исследованиях типологических взаимосвязей особенно интересны порубежные, пограничные, эпохи, когда старые традиции сталкиваются с новыми на протяжении достаточно коротких хронологических отрезков. Также разграничивают уровни типологической общности литератур и условий, при которых эти уровни возникают. Первый уровень условно называется идейно-тематическим, и для него характерно выяснение сходства и различия идейных мотивов, тем, образов, жанровых особенностей, возникающих в результате непосредственного взаимодействия литератур, находящихся в контактных связях (например, татарская, башкирская литературы). Второй уровень строится на основе конкретного историколитературного материала, при определении общих закономерностей развития отдельных национальных литератур, их типологического сходства и различия. На этом уровне основой типологического сопоставления становится категория художественного метода.

Список использованных источников:

- 1. Аминева В.Р. Сравнительное и сопоставительное литературоведение: хрестоматия / В.Р. Аминева [и др.]. Казань: ДАС, 2007. 400 с.
- 2. Балданмаксарова Е.Е. Бурятская поэзия XX в.: истоки, поэтика жанров / под ред. В.А. Зайцева. М.: Компания спутник +, 2002. 365 с.
- 3. Конрад Н.И. Запад и Восток: статьи / под ред. В.В. Кунина. М.: Наука, 1972.-495 с.
- 4. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / под ред. М.П. Алексеева [и др.]. Л.: Наука, 1979. 491 с.
- 5. Стадников Г.В. Национальное и интернациональное в литературе в свете сравнительного литературоведения (к постановке вопроса) / Г.В. Стадников // Сравнительное литературоведение: материалы межвуз. конф. СПб.: Лема, 2009. Вып. 13. С. 10—11.
- 6. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза / Н. Нимбуев. Галерея «Ханхалаев», 2003. С. 6

ТРАГЕДИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОБОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЖАН АЙЛИН

张爱玲作品中的人与自我的悲情

Алжеева М.М., доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия

THE TRAGEDY BY THE PERSON AND HIS RELATIONSHIP WITH IN WORKS ZHANG AILING

Alzheeva M., associate professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Аннотация. Трагический мир человека и его взаимоотношения с собой, который затрагивает Чжан Айлин, прежде всего наполнен её пониманием ценности жизни человека. Поскольку автор — женщина, у нее есть свой особый жизненный опыт. Она сконцентрировала своё изучение на жизни женщин. В данной статье предпринята попытка проникнуть и раскрыть трагическую ситуацию потери ценности жизни женщин в современном патриархальном обществе, которая показана в произведениях Чжан Айлин.

Ключевые слова: Чжан Айлин, трагедия, жизнь женщины.

Abstract. In Eileen Chang's connotation of the tragic world involving human and self-relationship, she first conceived her understanding of the value of human ontology. Because the author is a woman, Eileen Chang has a special life experience. She will study the value of human life in women. This paper attempts to explore the perspective and revealing of Eileen Chang's works that focus on the tragic situation of the loss of women's life value in modern patriarchal society.

Keywords: Eileen Chang, sadness, women's life.

摘要:在张爱玲涉及人与自我关系的悲情世界的内涵中,首先孕含着她对人类本体生命价值的理解。因为作者是女人,所以张爱玲具有特殊的生活体验。她将研究人的生命价值凝聚于女性身上。本文试图探究张爱玲的作品中的偏重于对现代男权社会中女性生命价值迷失的悲情境况的透视和揭示。

关键词: 张爱玲、悲情、女性生命。

张爱玲对现实社会中女性普遍的、永久的悲情命运有着相当深刻并透彻的认识。这一种对现代女性悲情情状和根源的认识最初从张爱玲自身生活体验来源了。在封建制度没落的旧式大家庭陈腐的生活气氛中,张爱玲还在天真未泯灭的孩童时的时候就已敏感地体验到女性在以男性为中心的社会里所受到的被忽视、被歧视的心理压力,其中最直接的促使来自于家中一位名叫张干的女

佣强有力的男尊女卑的意识以及行事模式。张爱玲在其后来的一篇散文《私语》中曾回忆到张干使她很早想到男女平等的问题,她要锐意图强。可以说年幼的张爱玲此时已开始了她对女性自身及命运的审视。而随后父母婚姻的破裂带给年少的张爱玲的不仅是家庭、婚姻的阴影,更使她在亲眼目睹了母亲所遭受的创伤与痛苦之后,清醒地认识到现代的的文明是男子文明。而女性在这种文明中的生活"比男人苦得多"[张爱玲,1997,2,97]。面对着女性艰难卑下的生活困境,面对着女性永远低暗的天空。张爱玲研究并思考着女性存在的意义:女人何以为女人?女性独立的生命价值应该是什么?女性命运悲情的来源在哪里?

张爱玲认为,女人之所以为女人,是因为女人拥有其独立的生命价值,而这种独立的生命价值也就是女性的本质。关于女性的本质,张爱玲在她的一篇散文《读女人》中有着比较集中的阐述:"在任何文化阶段中,女人还是女人。男人偏于某一方面的发展,而女人是普遍的、基本的,代表四季循环。土地,生老病死,饮食繁殖,女人把人类飞越太空的灵智在踏实的树桩上……超人是男性的,神却带有女性的成分。超人与神不同。超人是进取的,是一种生存的目标,神是广大、慈悲、了解、安息"[张爱玲,1997,1,354-355]。

也就是说,在张爱玲心目中,这种代表"四季循环、土地、生老病死,饮食繁殖"的人性以及"广大的同情、慈悲、了解、安息"的结合才是女人的本质,才是女人独立的生命价值所在。她大胆地打碎了几千年来传统世俗中一切女神的偶像,锐利地注意到:"翩若惊鸿,宛苦游龙的洛神不过是一个古装美女,世俗所供的观音不过是古装美女赤了脚,半裸的高大肥硕的希腊石像不过是女运动家,金发的圣母不过是个俏奶奶,当众喂了一千余年的奶"[张爱玲,1997,1,336]。张爱玲很崇拜奥涅尔的《大神勃朗》。这剧中的地母娘娘的形象是张爱玲对于女性最高的理想。

地母娘娘是一个强壮、年轻、安静而又内感的女人,她像一头神圣的牛。这头牛充满了生命的爽朗与活力,她说话粗鄙又热烈,她以慷慨与诚恳的爱安慰着所有人。地母娘娘崇尚生命,愿意尽一切爱情的力量给生命为的是支持和呵护。她的生命包含热情,永远带着那荣耀的生命的桂冠。地母娘娘形象中包含仙女之美的女性原则,充满生命的爽朗和活力,以及蓬勃的爱欲的人性和广博的慈善与同情,作为世世代代,从来不停止的母性的神性的完美结合,是女性区别于男人的本质,是女性之所以为女人存在的独立的生命价值。张爱玲认为,只有拥有了这种女性本质的女人,才能确实健康理性,可爱可敬的女人。而"女人纵有千般不是,女人的精神里面却有一点'地母'的根芽"[张爱玲,1997,1,354]。

在张爱玲小说中众多家庭出身、生活经历、背景各异的女性形象中,不 论是《连环套》中艳俗泼辣的霓喜,还是《红玫瑰》中恣情鲜活的娇蕊,都是 有着生动而鲜艳的生命力以及强大爱欲的女性,又或者是《金锁记》中残酷疯 狂的七巧,在其恐怖阴暗的灵魄深处也曾闪烁过使人耀眼的地母娘娘的根芽的 光芒。

张爱玲认为,"女人的活动范围有限,所以完美的女人比完美的男人更完美,同时,一个坏女人往往比一个坏男人坏得更彻底……而一个恶毒的女人就恶

得无孔不入"[张爱玲,1997,1,338]。曹七巧正是这样一个恶得无孔不入的形象。30 年来被黄金的枷锁压迫喘息得曲解,变态甚至异化了女性的本质,在季泽虚伪的"爱"的冲击下,也有倒退真相突破樊笼的一瞬间:"七巧低着头,沐浴在光辉里,细细的音乐,细细的喜悦。这些年了,他跟她捉迷藏似的,只是近不得身,原来还有今天!"[张爱玲,1997,5,212]。

而当七巧识破季泽图谋她钱财的真正面目时,暴怒地赶走了他以后,"七巧扶着头站着,掉转身来上楼去,提着裙子,性急慌忙,跌跌绊绊,不住地撞到那阴暗的粉墙上,佛青袄子上沾了一大块淡色的灰,她要在楼上的窗户里再看他一眼,无论如何,她从前爱过他。他的爱给了她无穷的痛苦,单只这一点,就值得留恋……她到了窗前,解开了那边上缀有小绒球的墨绿洋式窗帘,季泽正在弄堂里往外走,长衫搭在臂上,晴天的风像一群群的白鸽子钻进她的绸褂子里去,哪儿都钻到了,飘飘拍着翅子。七巧眼前仿佛挂了冰的竹帘,一阵热风来了,把那帘子紧紧贴在她脸上,风去了,又把帘子吸了回去,气还没透过来,风又来了,没头没脸的包住她——一阵凉,一阵热,她只是淌着眼泪"[张爱玲,1997,5,210]。曹七巧作为残忍的人只有一个机会还能恢复一个真正的人,一个真正有着生命美丽光泽的女人。

然而在男权社会,男权现代文明中,张爱玲冷静地认识到女性"地母的根芽"——女人特殊的生命价值已经在继承了几千年的封建男权的精神樊笼内完全泯灭了。女性命运的悲情就在于女性本质的迷失和异化。然而其中真正的原因在于以男权为中心的文明对女性的束缚和压迫。自从"母权制被推翻,乃是女性的具有世界历史意义的失败,丈夫在家中也掌握了权柄,而妻子则被延低,被奴役,变成丈夫淫欲的奴隶。变成了生孩子的简单工具了"[谢玉娥,1990,79]。在男权封建传统社会中,女性没有独立存在的空间,不论是姓氏还是整个身心都在于男性的掌握之中。她们没有独立的经济权力,为了生存,在恶劣的环境中不得不失去身上原有的神性,无助地遵从男权社会为女性制定的女性价值尺度——以男性的存在为存在。"顺从地服从着男性为女性典型的妻妾之道——怎样在一个多妻主义的丈夫面前,愉快地遵行一夫一妻主义"[张爱玲,1997,5,357]。

女人不再为女人因为她们失去了独立存在的权力和自觉,只是成为了男性背后一个虚弱的且隐形附庸。这是对女性的命运、女性生存的悲情的体现。

张爱玲试图为女性找到一种回归女性本质的生存状态,然而她又不得不感到传统固守的重负使得女人难以摆脱其悲情的命运。这仅是男权社会外围环境的压迫造成,也是已深深植根于女性灵魂之中甘于附庸不思反抗的奴性意识。张爱玲深深难过于女人代代相传的以男人的一切为中心的生存姿态,在其满怀悲伤和关切的感叹之中,她更冷静地指出女人当初之所以被征服,成为父系宗法社会的奴隶,是因为体力比不上男子。但是男人的体力也比不上豺狼虎豹,何以在物竞天择的过程中不曾为禽兽所屈伏呢?可见单怪别人是不行的,把一切都怪在男子身上,也不是彻底的答复。似乎有不负责任的嫌疑。张爱玲以其特有的冷峻的目光展开了对女性生命的反思,她认识到现代女性——无论是旧

式的,新式的,或是半新的半旧的,在其不同的外衣下却都有着相同的内核,她们由最初的被迫进而发展到自觉地把自己生存的意义完全维系在男权社会制定的价值原则之上,她们既失去了独立生存的意义与权力,更失去了独立生存的愿望,在仅仅满足于生存的基本需求之下,她们退却到甘愿为"奴"的角落,以妻子或是情人甚或是性奴隶的角度来度过她们空虚、悲弱而无望的生命。张爱玲通过女性形象,揭示着现代文明中女性生命价值失落的悲情以及她们在失落中的毁灭、遵从和反抗,引发人需求女性生命悲情的内在情由。

在充满了人与人之间的冷漠,自私,虚伪等等凄凉色调的生活景象之中, 张爱玲将观察的目光投入到人的生命本体,开始了她更深入的思索。她将人类 本体也就是人与自我关系进行悲情解剖,体现了作者对人性的较深层次以及对 人的生命价值的探讨。

- 1. 谢玉娥《女性文学研究》。郑州:河南大学出版社,1990。403 页。 (Се Юйэ. Исследование женской литературы. Чжэнчжоу: Хэнаньский университет, 1990. 403 с.)
- 2. 张爱玲《张爱玲作品全集》(第一卷)。呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 1997。(Чжан Айлин. Собрание сочинений Чжан Айлин. Т. 1. Хулун-Буир: Культура Внутренней Монголии, 1997. 460 с.)
- 3. 张爱玲《张爱玲作品全集》(第二卷)。呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 1997。(Чжан Айлин. Собрание сочинений Чжан Айлин. Т. 2. Хулун-Буир: Культура Внутренней Монголии, 1997. 454 с.)
- 4. 张爱玲《张爱玲作品全集》(第五卷)。呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 1997。(Чжан Айлин. Собрание сочинений Чжан Айлин. Т. 5. Хулун-Буир: Культура Внутренней Монголии, 1997. 462с.)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Жигулина М.Ю., аспирант, ФГБНУ Институт управления образования РАО, Москва, Россия

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CHINESE LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF CHILDREN'S AND YOUTH LITERATURE)

Ghigulina M., postgraduate, Institute of Education Management Russian Academy of Education RAO, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье проведён анализ актуальных направлений развития китайской литературы на примере детской и юношеской литературы. Выделены периоды формирования различных направлений китайской литературы, ориентированных на детей и юношество. Автором указано на важность использования известных китайских произведений детской и юношеской литературы в процессе изучения китайского языка в дошкольных учреждениях и средних общеобразовательных школах, а также для совершенствования лингвистических навыков людьми различных возрастов.

Ключевые слова: китайский язык, детская литература, писатель, международное признание.

Abstract. This article analyzes the current trends in the development of Chinese literature on the example of children's and youth literature. The periods of the formation of various areas of Chinese literature, focused on children and youth. The author pointed out the importance of using well-known Chinese works of children's and youth literature in the process of learning Chinese in preschool institutions and secondary schools, as well as for improving linguistic skills by people of different ages.

Keywords: Chinese language, children's literature, writer, international recognition.

Сегодня КНР выступает стратегическим партнером Российской Федерации, а странами совместно реализуются различные экономические и социальные проекты. Специалисты Китая и России проходят стажировки, участвуют в выставочных мероприятиях и в культурном обмене. Китайский язык всё больше изучается в России – как на уровне дошкольных, средних образовательных учреждений, вузов и программ дополнительного образования.

Данная ситуация обусловливает необходимость изучения культурных традиций Китая, и в частности проведения исследований в области китайской литературы, что могло бы способствовать повышению эффективности изучения китайского языка, истории и культурных традиций китайского народа.

Учитывая, что сегодня различные программы обучения китайскому языку широко реализуются в дошкольных учреждениях и общеобразовательных учреждениях среднего образования, то значительный интерес представляет исследование тех произведений китайской литературы, которые относятся к детской и юношеской литературе.

Необходимо отметить, что в Китае существует своя самобытная детская и юношеская литература. Хотя она не так известна за пределами страны, среди китайских книг для детей есть произведения, заслуживающие внимания, в том числе и международного читателя.

Детская литература в Китае как отдельное направление, несмотря на долгую письменную традицию, начала формироваться только лишь в XX в., когда идеалы воспитания нового человека подпитывали реформаторов образования и писателей. До этого времени, в течение многих веков, основной «детской» литературой была конфуцианская классика, к заучиванию которой и сводилась вся система традиционного образования. В начале XX в., когда необходимость построения «нового» Китая воспринималась как данность, стало очевидно, что коренные изменения должны коснуться мировоззрения человека будущего. И лучше начинать трансформировать сознание человека в детском возрасте.

Например, в 1923 г. была издана книга «Пугало» Е Шэнтао, одного из классиков китайской детской литературы, который был в числе вдохновителей и активных реформаторов китайской системы образования в начале XX в.

Идеи Е. Шэнтао заключаются в том, что образование должно учить думать, а не просто сводиться к заучиванию текстов, может показаться крамольной и нынешнему поколению китайских школьников.

Как детский писатель Е Шэнтао в первую очередь знаменит своими серьезными сказками и «Пугало» — одна из самых популярных. По сюжету, пугало становится свидетелем 3-х трагедий, которые происходят в течение одной ночи: рисовое поле слепой старухи съедает саранча, бедный рыбак теряет своего тяжелобольного сына, а молодая женщина, которая подвергается постоянным унижениям, топится в реке. И пугало, сделанное из соломы, ничего не может сделать, чтобы спасти хоть кого-то из них. Не выдержав это бремя молчаливого наблюдателя, пугало падает на землю, чтобы избавить себя от ситуации страдания, когда ничего не может сделать для изменения ситуации [Китайские книги и книги о Китае, 2018].

Значительный корпус детской и юношеской литературы в Китае посвящён освободительной борьбе китайского народа за свою независимость. Художественные произведения этой тематики активно выпускались в 1950–1960-е гг. и во многом их содержание и идеи сравнимы с произведениями советского периода о революционной борьбе, гражданской войне, героях Великой отечественной войны.

Важно отметить, что память об истории освободительной борьбы китайского народа и обретение им независимости в XX в. является практически сакральной составляющей современных представлений китайской молодежи, несмотря на строительство социализма с китайской спецификой и развитие новейших информационных технологий. Во многом изучение художественных

произведений о подвигах китайских героев в ходе борьбы за независимости страны позволяют читателю понять «душу» китайского народа, познать важнейшие вехи истории китайского социума.

Приведём несколько примеров наиболее известных произведений детской и юношеской литературы, посвящённых героической теме борьбы китайского народа за свободу, теме революции. Одной из первых следует назвать повесть Кэ Ланя и Чжао Цзы «Бессмертный Ван Сяо-хэ». Даже сегодня китайские пионеры и школьники с глубоким вниманием читают повесть об этом бесстрашном революционере, они дают клятву быть такими же смелыми и непреклонными, как Ван Сяо-хэ. Имя героя носят многие пионерские отряды в городах и деревнях Китая [Китайские книги и книги о Китае, 2018].

Выдающийся пример детского героизма описан в автобиографической книге 18-летнего Лу Да-жуна «Как я с папой сидел в тюрьме». Автор действительно часть своего детства провел в Шанхайской тюрьме, куда вслед за отцомреволюционером была брошена вся семья.

Китайская критика с похвалой отзывается о книге Цзо Линя «Повесть о Дун Цун-жуе» — герое-солдате, отдавшем жизнь при выполнении боевого задания. В повести показано, как из маленького пастушка, работавшего у помещика и прозванного за ловкость и храбрость «Тигрёнком», формируется смелый и сознательный боец Народно-освободительной армии Китая.

Тема борьбы за освобождение переплетается с темой школы в интересной повести Чжу Мин-чжэна и Чжу Мин-цзюня «Три учителя». Книга издана в 1955 г. Шанхайским издательством детской литературы. Она посвящена жизни маленькой деревенской школы в годы антияпонской войны и борьбы с гоминьдановцами. В ней как бы в миниатюре представлено прошлое и настоящее китайской школы, бессмысленной зубрежке классических текстов, устаревших и непонятных, противопоставлены принципы коммунистического воспитания сознательных строителей новой жизни.

В 1957 г. была впервые издана книга Бин Синь «Маленький оранжевый фонарь». Этот рассказ знаком не одному поколению китайцев, а в 2012 г. он пережил новое рождение, будучи изданным с иллюстрациями художницы Чжан Дунъюй.

Необходимо отметить, что сегодня именем Бин Синь названа одна из 4-х крупнейших литературных премий в Китае — в области детской литературы. Выпускница Яньцзийского университета и колледжа Уэллсли, безусловно является первопроходцем в китайской литературе для детей. Ее поэтические и сентиментальные рассказы наполнены нежностью и любовью. «Маленький оранжевый фонарь» — одно из самых известных произведений Бин Синь о детской вере в лучшее. «У нас всё будет хорошо», — уверяет маленькая героиня, чья мама умирает от чахотки, а отец, вероятно, был арестован за помощь подпольным коммунистам [Мерекина, 2018].

Чаще всего современные произведения китайских детских писателей касаются событий уже не революционного прошлого, а более позднего периода китайской истории — Культурной революции, которая также имеет большое историческое значение для китайского народа. Например, событиям этого периода посвящена книга «Соломенный дом» (1997) Цао Вэньсюань, имя которого в числе немногих детских писателей в Китае, известно и за его пределами. В 2016 г. он стал первым китайским автором, получившим международную премию Андерсена [Qin, 2016].

Профессор литературы Пекинского университета, Цао Вэньсюань начал публиковать свои произведения в 1983 г. За почти 35 лет творческой карьеры он написал более 100 произведений [Прудовская, 2018].

«Соломенный дом» – в числе его лучших работ – рассказывает о 6 годах жизни мальчика Сан Сана и 4-х его друзей в китайской деревне Юмади. Автор, чье детство пришлось на Культурную революцию, повествует о непростых испытаниях, с которыми сталкиваются еще очень молодые герои. В другой широко известной книге «Бронза и подсолнух» (2005) Цао Вэньсюань обращается к теме принятия непохожих на тебя людей, рассуждает о том, как дружба помогает преодолеть невзгоды, несмотря на самые сложные условия жизни.

Рассказы Шэнь Шиси в китайской детской литературе сравнимы с творчеством В. Бианки. Как и у его советского коллеги, главные герои Шэнь Шиси – животные. Роман «Шакал и волк» (2012) рассказывает историю самки шакала, чьих щенят убивает волчица, которая, в свою очередь, погибает в капкане. Жаждущая мести мать убивает волчат, кроме одного – последнего...

Ряд произведений детской и юношеской литературы имеют приключенческий характер, а их главными героями являются дети или подростки. Среди подобных произведений необходимо отметить произведения одного из главных современных сказочников Китая Чжэн Юаньцзе о Пи Пилу и его сестрёнки Лу Сиси, появившихся еще в 1980-е гг. и до сих пор остающихся любимыми героями китайских детей [Замилова, 2016, 1629].

Другим примером является творчество Ян Хунъин, часто называемую китайской Джоан Роулинг. Одна из самых популярных серий её рассказов — о проказнике Ма Сяотяо и его друзьях. В 2000 г. Ян Хунъин впервые опубликовала роман о девочке-подростке, прототипом которой стала её дочь [Чернова, 2017].

Таким образом, с позиции расширения исторических и культурнолингвистических знаний обучающихся китайскому языку важным выглядит изучение литературных произведений, прежде всего, в области детской и юношеской литературы. Произведения китайских писателей начала и середины XX в. в основном посвящены теме героизма китайского народа в борьбе за независимость и сложному периоду Культурной революции. В произведениях этих лет особенно ярко затрагивается тема патриотизма, проявленного китайскими детьми и подростками. С начала 1980-х гг. происходит перемена в творчестве детских писателей и в их произведениях появляется все больше приключенческой и фантастической тематики. Сегодня труд китайских детских писателей отмечен многочисленными международными наградами, что позволяет считать их произведения не только хорошим инструментом повышения культурно-лингвистических знаний, но и ценными с позиции художественного наполнения и смысла.

- 1. Замилова Р.В. «Новая волна» в детской литературе Китая 80-х годов XX века / Р.В. Замилова // Учёные записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 6. С. 1626–1635.
- 2. Китайские книги и книги о Китае // Магазета. URL: https://magazeta.com/category/chinese_culture/chinese_books (Дата обращения: 29.05.2019 14.40).
- 3. Мерекина О. 6 китайских книг для детей // Магазета. URL: https://magazeta.com/2018/01/6-kitajskih-knig-dlya-detej (Дата обращения: 29.05.2019 15.45).
- 4. Прудовская Е. Цао Вэньсюань // Центр детской книги Библиотеки иностраннйо литературы им. М.И. Рудомино. URL: http://deti.libfl.ru/writer/cao (Дата обращения: 27.05.2019 15.40).
- 5. Чернова Е. Детская литература в Китае // Год Литературы. URL: https://godliteratury.ru/public-post/detskaya-literatura-v-kitae (Дата обращения: 29.05.2019 15.30).
- 6. Qin A. Little Sugarcoating in Cao Wenxuan's Children's Books // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/02/arts/international/profile-cao-wenxuan-hans-christian-andersen-award-winner.html?_r=1 (Дата обращения: 29.05.2019 14.50).

КОНЦЕПТ «МАТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МО ЯНЯ)

Олихова Е.О., к. филос. н., старший преподаватель кафедры китайского языка ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

THE CONCEPT OF "MOTHER" IN MODERN CHINESE LITERATURE (E.G. IN MO YAN WORKS)

Olikhova E., PhD, Chinese languages department senior lecturer, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье приводятся примеры произведений современной китайской литературы, в которых образ матери занимает центральное положение. Анализируется, какой образ идеальной матери формируют приведенные работы авторов различных китайских литературных течений XX в. Делается акцент на выявление типичного для китайской литературы XX в. отношения к матери. Особое внимание уделяется работам лауреата Нобелевской премии 2012 г. Мо Яня.

Ключевые слова: Китай, современная литература, образ матери, Мо Янь.

Abstract. The article gives examples of contemporary Chinese literature, where the image of mother occupies the central position. We analyze what is the image of the ideal mother formed by various contemporary Chinese writers, especially in the works of the 2012 Nobel prise winner Mo Yan. We focus on marking out the typical attitude towards the mother in Chinese literature of XX century.

Key words: China, Modern literature, concept of "mother", Mo Yan.

Литература о Китае XX в. позволяет лучше понять мировоззренческие и ценностные ориентиры современной китайской культуры. Сегодня в КНР сохраняется восприятие матери как женщины, которой мы должны быть благодарны за всё, что у нас есть, так как она дала нам возможность жить в этом мире. Об отношении к матери пишут в рассказах и романах, издают книги, чтобы научить детей правильно понимать своих матерей, – всё это говорит о большой роли матери в китайском общественном сознании.

В 2004 г. вышла книга «Постичь любовь матери» [Тан Тан, 2005], сборник историй, рассказанных авторами о своем детстве и о роли матери в их жизни. Приведу названия некоторых глав книги, чтобы понять, каким образом книга раскрывает образ матери, и что учат китайских детей ценить в матери: «Лучший в жизни учитель и наставник», «Добрые чувства в материнском сердце велики, словно гора»; «В материнском сердце нет ни одного закоулка, не наполненного любовью», «Печаль, которая всегда в сердце» (о том, что когда

мама умирает, «ты вдруг вспоминаешь множество дел, которые так и не были сделаны, и они как тяжелая гиря разбивают тебе сердце») [Тан Тан, 2005, 195–196]; «Не жди похорон, чтобы увидеться (с мамой)»; «Мама всегда с нами».

Также примечательна книга 2005 г., «Свет материнской любви: 50 великих матерей, о которых нужно знать в жизни» [Муай Чжигуан, 2005]. Это своего рода учебное пособие для детей о матерях самых известных личностей: философа Мэнцзы, художника Ци Байши, Ч. Дарвина, поэтов и писателей Гёте, Гюго, Лао Шэ, Лу Синя, Мао Дуня, президентов Б. Клинтона и Дж. Вашингтона, композитора Л.В. Бетховена и многих других. Истории из книги учат уважать и ценить материнскую любовь во всех её проявлениях.

Благодаря чувству сыновней почтительности появилась книга «Моя мать Ян Мо» [Лао Вэй, 2005]. Лао Вэй, помня о том, что его мать, автор известного романа «Песнь молодости» (青春之歌), в одном из интервью говорила о своём желании написать свою автобиографию, решил в память о ней выполнить задуманное Ян Мо. В книге он постарался, как она и хотела, показать её настоящую, со своими слабостями и недостатками. «Говорить правдивые вещи сложно, а правдиво рассказывать о родителях ещё сложнее» [Лао Вэй, 2005], однако Лао Вэй, насколько возможно, объективно описал жизнь дочери, жены, писательницы, просто женщины и матери Ян Мо. И в каждом слове текста чувствуется уважение к ней и восхищение ею.

Китайский писатель-эксперименталист, лауреат Нобелевской премии 2012 г. Мо Янь (莫言), также большое внимание в своём творчестве уделяет женскому началу, и образу материнства в частности. В его романе «Красный гаолян» (1987) [Мо Янь, 2008], описывающем историю жизни крестьянской семьи с 1923 по 1976 гг., главным женским образом является бабушка автора. Это нетрадиционная для своего времени фигура: героиня среди женщин, которая всю жизнь мечтает самостоятельно определять свою судьбу. Однако в традиционном патриархальном обществе с ней считаются слишком мало, и она в течение всей жизни остаётся зависимой от отца, мужа и сына. Тем не менее, даже в этом невежественном обществе автор прослеживает тенденцию к превознесению женщины и матери, достойной лучшей доли.

Яркий образ матери и материнства является центральным в более позднем романе Мо Яня «Большая грудь, широкий зад» (1996) [Мо Янь, 2003]. Этот роман — это взгляд на современную китайскую историю через жизнь одной семьи, и главным образом, через женщин одной семьи. Мо Янь концентрирует свое внимание вокруг женского образа, в особенности материнского. Автор рисует безграничное пространство материнской власти, существующей безотносительно эпохи. Материнская власть в его произведении показана от самых возвышенных её проявлений до самых гротескных. Центральной фигурой этого романа является мать, которая родилась в 1900 г. и в 17 лет была выдана замуж. Лишь после рождения восьми девочек на свет появляется мальчик, который вырастает испорченным и безвольным. Мать, оставшись без супруга, не только является сосредоточением качеств, необходимых мужчине — главе большой семьи, проявляя свой сильный характер, но, в первую очередь, остается матерью:

она рискует своей жизнью, чтобы спасти жизни своих детей и внуков, помогает и поддерживает всех, кто в этом нуждается.

Очень современный взгляд на почтение к матери можно встретить в рассказе «Укрытие» (遮蔽) писателя Чэнь Сиво (陈希我), написанный от лица сына-инвалида, за которым ухаживает его мать. Рассказ демонстрирует болезненное проявление гипертрофированной любви к матери и почти невозможное её сочетание с сыновней почтительностью [Чэнь Сиво, 2006].

Таким образом, современная литература Китая формирует у ребенка младшего возраста почтительное отношение к матери как к идеальной женщине, однако в литературе, рассчитанной на более поздний возраст, расширяется понимание принципа *сяо* по отношению к матери, иногда принимая даже уродливые формы.

- 1. 感悟母爱全集/唐唐选编 (Ганьу муай цюаньцзи) Постичь любовь матери // Сост. Тан Тан. Пекин: Изд. Хайчао чубаньшэ, 2005 311 с.
- 2. Лао Вэй. 母亲杨沫 (Муцинь Ян Мо) Моя мать Ян Мо. Ухань: Изд. Чанцзян вэньи чубаньшэ, 2005 403 с.
- 3. Мо Янь. 丰乳肥臀 (Фэнжу фэйтунь) Большая грудь, широкий зад. Пекин: Чжунго гунжэнь чубаньшэ, 2003. 450 с.
- 4. Мо Янь. 红高粱家族 (Хун гаолян цзяцзу) Красный гаолян. Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 2008. 364 с.
- 5. 母爱之光: 一生要知道的 50 位伟大母亲 (Муай Чжи гуан: ишэн яо чжидао дэ 50 вэй вэйда муцинь) Свет материнской любви: 50 великих матерей, о которых нужно знать в жизни. // Сост. Ван Синфань. Пекин: Хайчао чубаньшэ, 2005. 210 с.
- 6. Чэнь Сиво. 遮蔽 (Чжэби) Укрытие. 2006. URL: www.dongyangjing.com (дата обращения: 15.01.2019).

Вопросы восточной лингводидактики: научный традиционализм и инновационность в обучении китайскому языку

ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Гурулева Т.Л., д. пед. н., профессор кафедры дальневосточных языков, Военный университет Министерства обороны РФ; ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия

OBJECTS OF RESEARCH IN SYNOLOGICAL LINGUODIDACTICS

Guruleva T., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the
Department of Far Eastern Languages,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
Leading research scientist, Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье обосновано выделение в рамках лингводидактики новой области — синологической лингводидактики, занимающейся разработкой специфических закономерностей теории обучения китайскому языку, обусловленных изолирующей природой китайского языка и словесно-слоговым типом его иероглифического письма. Рассмотрены основные объекты исследований научной школы «Синологическая лингводидактика», представленные следующими направлениями: теоретические основы обучения китайскому языку; синологическая переводоведческая лингводидактика; сопоставительные и типологические исследования китайского языка и письменности и разработка теоретических основ китайско-русского перевода в аспекте решения проблем обучения языку и переводу; вопросы развития системы образования КНР, включая вопросы языкового образования и российско-китайского образовательного сотрудничества.

Ключевые слова: синологическая лингводидактика, научная школа «Синологическая лингводидактика», теоретические основы обучения китайскому языку, синологическая переводоведческая лингводидактика, сопоставительные и типологические исследования китайского языка и письменности, теоретические основы китайско-русского перевода.

Abstract. The article substantiates the selection in the framework of linguodidactics of a new field - synological linguodidactics, which develops specific patterns of the theory of teaching Chinese, due to the isolating nature of the Chinese language and the verbal-syllable type of its hieroglyphic writing. The main objects of research of the Scientific School «Sinological Linguodidactics» are presented in the following areas: theoretical foundations of teaching Chinese; synological translation linguodidactics; comparative and typological studies of the Chinese language and writing and the development of the theoretical foundations of the Chinese-Russian transla-

tion in the aspect of solving the problems of language learning and translation; issues of development of the education system of the PRC, including issues of language education and Russian-Chinese educational cooperation.

Keywords: synological linguodidactics, Scientific School «Sinological Linguodidactics», theoretical foundations of teaching Chinese, synological translation linguodidactics, comparative and typological studies of Chinese and writing, theoretical foundations of Chinese-Russian translation

Являясь частью лингвистической науки, лингводидактика предполагает своей основной категорией язык как объект обучения и средство коммуникации. Объектом исследований лингводидактики выступают цель обучения языку, отбор и организация содержания обучения, методология и средства обучения. Разрабатывая общие теоретические основы обучения иностранным языкам, лингводидактика, являясь продуктом европейской и отечественной науки, базируется на эмпирической базе флективных индоевропейских языков. Вместе с тем, теория обучения флективным индоевропейским языкам не всегда может быть успешно транслирована на другие языки, в частности, на китайский, в силу его изолирующей природы и словесно-слогового типа иероглифического письма, единственного из сохранившихся систем письменности данного типа в мире. Поэтому в лингводидактике может быть выделена область синологической лингводидактики, занимающейся разработкой специфических закономерностей теории обучения китайскому языку, способная обогатить общую теорию обучения иностранным языкам опытом китайского языка. Поскольку центральной категорией лингводидактики является язык, а специфика синологической лингводидактики обусловлена именно спецификой китайского языка и письменности, то объект исследований синологической лингводидактики включает не только разработку теоретических основ обучения китайскому языку, но и типологические и сопоставительные исследования китайского языка и письменности, а также разработку теоретических основ китайско-русского перевода (в силу взаимосвязи обучения языку и переводу) в аспекте решения проблем обучения языку и переводу.

В силу названных причин в России на базе Военного университета МО РФ зарегистрирована научная школа «Синологическая лингводидактика», базирующаяся на разработанных автором статьи идеях межкультурного подхода к обучению китайскому языку и переводу в условиях типологической разницы культур, концепции уровневого формирования коммуникативной и переводческой компетенций китайского языка и их компонентной взаимосвязи, специфических принципах, методах и средствах обучения китайскому языку и переводу, обусловленных типологическими характеристиками китайского языка, иероглифической письменности и особенностями китайско-русского перевода.

Научная школа занимается исследованиями по следующим направлениям: синологическая лингводидактика (базовые закономерности теории обучения китайскому языку); синологическая переводоведческая лингводидактика; сопоставительные и типологические исследования китайского языка и письменности и разработка теоретических основ китайско-русского перевода в аспекте

решения проблем обучения языку и переводу; вопросы развития системы образования КНР, включая вопросы языкового образования и российско-китайского образовательного сотрудничества.

Школа работает в рамках научных специальностей: 10.02.19 — Теория языка, 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, а также 13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования и 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания.

В рамках работы первого направления «Синологическая лингводидактика» разработана концепция уровневого формирования коммуникативной компетенции китайского языка [Гурулева, 2018, 232], [Гурулева, 2018, 153–163]. В процессе сопоставительного лингводидактического исследования изучена уровневая система компетенций владения китайским языком, разработанная в КНР: ее структура и уровни, история становления. Проведен сопоставительный анализ названной системы с другими подобными системами уровневого владения иностранным языком: с Общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком, с российской системой уровней владения русским языком как иностранным. Сформулирован принцип уровневого формирования коммуникативной компетенции китайского языка, сделан вывод о необходимости его применения в школьном и вузовском обучении. Концепция уровневого формирования коммуникативной компетенции китайского языка может быть использована при организации процесса профессиональной подготовки переводчиков, лингвистов, филологов, учителей китайского языка, других специалистов в области международного и межкультурного взаимодействия, владеющих китайским языком, при организации процесса обучения китайскому языку в средней школе, а также при подготовке к экзамену HSK и другим экзаменам, устанавливающим уровень владения китайским языком.

Работа первого направления «Синологическая лингводидактика» также представлена научно-исследовательской работой (НИР) «Современные технологии обучения восточным языкам (китайский, японский, корейский и вьетнамский языки)», выполненной в Военном университете в 2016—2018 гг. Результатом проведенного исследования стала разработка новых технологий обучения восточным языкам [Гурулева, 2018, 50–58], [Гурулева, 2016, 384—394], [Гурулева, 2015,74—80], [Гурулева, 2017, 147—156], [Волков, 2017, 96—99], [Гурулева, 2018, 461—467].

Концепция уровневого формирования коммуникативной компетенции китайского языка, результаты указанной НИР и других исследований в данной области реализованы в образовательных ресурсах, разработанных в научной школе в 2016–2018 гг.: учебнике «Практический курс речевого общения на китайском языке» [Гурулева, 2016, 448], учебном пособии «Курс лекций по стилистике китайского языка» [Калинин, Радус, 2017, 344], электронных учебниках Военного университета МО РФ.

В рамках второго направления «Синологическая переводоведческая лингводидактика» в настоящее время проводятся: диссертационное исследование лингводидактических аспектов китайско-русского перевода [Волков, 2018, 493—500], [Волков, 2017, 605—607] и диссертационное исследование проблем пере-

вода военной фразеологии китайского языка [Полончук, Гурулева, 2018, 70–77], [Полончук, 2018, 156–159], [Полончук, 2018, 80–82]. Результаты исследований находят отражение в содержании учебных дисциплин «Теория перевода (китайский язык)», «Частная теория перевода (китайский язык)».

В рамках работы *третьего направления* «Сопоставительные и типологические исследования китайского языка и письменности и разработка теоретических основ китайской языковой личности и его сопоставительный анализ с речевыми портретами русской и английской языковых личностей. Изучено понятие этнической языковой личности как одного из вариантов реконструкции языковой личности, разработаны параметры и методика ее описания. В результате проведенного лингвистического эксперимента описано коммуникативное поведение китайской языковой личности на основе значений китайской культуры по универсальным параметрам культур, выявлены характерные черты речевого портрета китайской языковой личности, проведено его сопоставление с речевыми портретами русской и английской языковых личностей по каждому из параметров [Гурулева, 2018, 159], [Гурулева, 2016, 326–335], [Гурулева, 2017, 196–205], [Гурулева, 2017, 283–295].

Кроме того, работа третьего направления научной школы представлена сопоставительными исследованиями типологических характеристик китайского и русского языков [Волков, Гурулева, 2018, 148–154], [Волков, 2018, 92–102].

Содержание работы третьего направления также включило диссертационное исследование «Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста (на материале китайских СМИ)», (защищенно в 2017 г.) [Калинин, 2017, 174], [Калинин, 2018, 148], [Калинин, 2016, 65–74], [Калинин, 2016, 83–88] и проведение сопоставительного диссертационного исследования в области концептосферы двух языков.

Четвёртое направление «Вопросы развития системы образования КНР, включая вопросы языкового образования и российско-китайского образовательного сотрудничества» представлено исследованиями системы образования КНР, российско-китайского образовательного сотрудничества (в том числе языкового). В частности в рамках данного направления изучены нормативноправовые основы функционирования системы образования КНР, её структура, условия реализации, политика в области образования национальных меньшинств, механизмы управления системой образования органами государственной и партийной власти, а также стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI в. Изучены предпосылки формирования единого образовательного пространства в АТР, описано евразийское образовательное пространство России. Проведён анализ нормативно-правовых основ, форм и направлений российско-китайского образовательного сотрудничества. Разработаны технологии социокультурной и образовательной интеграции студентов, проходящих обучение в России и Китае. Рассмотрены вопросы российскокитайского сотрудничества в области распространения и преподавания китайского и русского языков. Результаты исследований отражены в монографии и научных статьях, в том числе входящих в международные БД Web of Science и Scopus [Гурулева, 2018, 464], [Гурулева, 2018, 164–172], [Гурулева, 2017, 152–164], [Гурулева, 2018, 93–103] и др.

Перечисленные направления и объекты исследований синологической лингводидактики, разрабатываемые в одноимённой научной школе, открывают новые подходы, методы, средства и технологии обучения китайскому языку, иероглифической письменности и переводу, отвечающие современному уровню развития лингвистики и лингводидактики, а также глобальным потребностям взаимодействия в международном научно-образовательном сообществе, ориентированном на подготовку специалистов с высоким уровнем владения китайским языком.

- 1. Волков К.В. Интерактивные методы в обучении китайскому языку в процессе подготовки переводчиков (из опыта работы кафедры дальневосточных языков Военного университета) / К.В. Волков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. − 2017. − № 4. − Ч. 3. − С. 605–607.
- 2. Волков К.В. Современные методики обучения китайскому языку: анализ практического опыта / К.В. Волков // Международный журнал экспериментального образования. $-2017. N \cdot 4. 4.2. C. 96-99.$
- 3. Волков К.В. Технологизация процесса подготовки переводчиков: базовые понятия / К.В. Волков // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 3. Том 2. / Материалы XII международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод», (29 июня 2018 г., Москва). под общ. ред. Н.В. Иванова. М.: ИД «Международные отношения», 2018. С. 493—500.
- 4. Волков К.В. Типология В.М. Солнцева и синтаксическая асимметрия китайского и русского языков в аспекте перевода / К.В. Волков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. T. 16. No. 4. C. 92-102.
- 5. Волков К.В., Гурулева Т.Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков / К.В. Волков, Т.Л. Гурулева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. − 2018. − №8 (131). − С. 148–154.
- 6. Гурулева Т.Л. Интерактивные методы в обучении китайскому языку / Т.Л. Гурулева // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 1. Том 1. / Материалы X международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод», (1 июля 2016 г., Москва). под общ. ред. Н.В. Иванова. М.: ИД «Международные отношения», 2016. С. 384—394.
- 7. Гурулева Т.Л. Компетенции владения китайским языком: компонентные и уровневые характеристики / Т.Л. Гурулева // Высшее образование в России. -2018. N
 m 27. C.153-163.
- 8. Гурулева Т.Л. Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования: монография / Т.Л. Гу-

- рулева. М.: Издательский дом ВКН, 2018. 232 с.
- 9. Гурулева Т.Л. Лингводидактический принцип уровневого формирования коммуникативной компетенции китайского языка при обучении языку и переводу / Т.Л. Гурулева // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 3. Том 2. / Материалы XII международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод», (29 июня 2018 г., Москва). под общ. ред. Н. В. Иванова. М.: ИД «Международные отношения», 2018. С. 461—467.
- 10. Гурулева Т.Л. Речевой портрет китайской языковой личности: монография / Т.Л. Гурулева. М.: ИТЦ, 2018. 159 с.
- 11. Гурулева Т.Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) / Т.Л. Гурулева // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 196—205.
- 12. Гурулева Т.Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития / Т.Л. Гурулева // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 152–164.
- 13. Гурулева Т.Л. Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество: монография / Т.Л. Гурулева. М.: Издательский дом ВКН, 2018. 464 с.
- 14. Гурулева Т.Л. Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации / Т.Л. Гурулева // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 93–103.
- 15. Гурулева Т.Л. Современные технологии обучения восточным языкам АТР (результаты выполнения НИР на материале китайского, корейского, японской и вьетнамского языков) / Т.Л. Гурулева // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 2. Том 1. / Материалы XI международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод», (30 июня 2017 г., Москва). под общ. ред. Н.В. Иванова. М.: ИД «Международные отношения», 2017. С. 147—156.
- 16. Гурулева Т.Л. Сопоставительный анализ коммуникативного поведения этнической языковой личности: параметры и технология описания речевого портрета / Т.Л. Гурулева // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 326—335.
- 17. Гурулева Т.Л. Сопоставительная характеристика речевых портретов китайской и русской языковых личностей / Т.Л. Гурулева // Общественные науки. 2017. № 2. Т. 2. С. 283–295.
- 18. Гурулева Т.Л. Состояние и проблемы разработки образовательных ресурсов по китайскому языку в высшей школе / Т.Л. Гурулева // Высшее образование в России. -2018. -№ 5. C. 50–58.
- 19. Гурулева Т.Л. 19 съезд КПК о развитии образования в новую эпоху социализма с китайской спецификой / Т.Л. Гурулева // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН «Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК», (14 и 16 марта 2018 г., Москва). под общ. ред. А. В. Виноградова.

- М.: ИДВ РАН, 2018. С. 164–172.
- 20. Гурулева Т.Л., Радус Л.А. Педагогические технологии обучения иностранным языкам: интерактивные методы и информационные средства / Т.Л. Гурулева, Л.А. Радус // Научно-методический бюллетень Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. М.: ВУ, 2015. С. 74—80.
- 21. Гурулева Т.Л., Цюй Кунь. Практический курс речевого общения на китайском языке: учебник / Т.Л. Гурулва, Цюй Кунь. 2-е изд. М.: Издательский дом ВКН, 2016. 448 с.
- 22. Калинин О.И. Лингвистическое описание политического медиатекста современного китайского языка / О.И. Калинин // Вектор науки ТГУ. 2016. N 1. С. 83—88.
- 23. Калинин О. И. Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста (на материале китайских СМИ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. —М., 2017. 174 с.
- 24. Калинин О.И. Опыт проведения контент-анализа политических медиатекстов (на примере китайского языка) / О.И. Калинин // Политическая лингвистика. -2016. -№2. -C. 65–74.
- 25. Калинин О.И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа: монография / О.И. Калинин. М.: РУСАЙНС, 2018. 148 с.
- 26. Калинин О.И., Радус Л.А. Курс лекций по стилистике китайского языка: учебное пособие / О.И. Калинин, Л.А. Радус. М.: Издательский дом ВКН, 2017. 344 с.
- 27. Полончук Р.А. Сравнительный анализ способов перевода фразеологических единиц военной тематики с китайского на русский язык / Р.А. Полончук //Казанская наука. $2018. \text{N}_{\text{2}} 7. \text{C}. 80$ –82.
- 28. Полончук Р.А. Фразеологические единицы военной тематики типа «чэнъюй» («成语»): результаты сопоставительного исследования и особенности перевода на русский язык / Р.А. Полончук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. $2018. N \cdot 4. C. 156 159.$
- 29. Полончук Р.А., Гурулева Т.Л. Формирование компетенции военных переводчиков китайского языка средствами фразеологии военной тематики / Р.А. Полончук, Т.Л. Гурулева // Военная мысль. 2018. № 10. С. 70–77.

«МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОГРАММА ПО ОБУЧЕНИЮ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ»: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО АДАПТАЦИИ К РОССИЙСКИМ РЕАЛИЯМ

Ивченко Т.В., PhD, руководитель Отделения восточных языков и культур Института лингвистики РГГУ, Москва, Россия Холкина Л.С., к. филол. н. (PhD), старший научный сотрудник, УНЦ Фундаментальных и прикладных исследований восточных языков и культур Отделения восточных языков и культур Института лингвистики РГГУ, Москва, Россия

"INTERNATIONAL CURRICULUM FOR CHINESE LANGUAGE EDUCATION": PROPOSALS FOR ADAPTATION TO RUSSIAN REALITIES

Ivchenko T., Kholkina L., RSUH

Аннотация. В статье рассматривается «Международная программа по обучению китайскому языку» и делаются следующие предложения по ее улучшению: 1) циклическая подача грамматического материала (углубление и систематизация изученных тем на более высоких уровнях), 2) сопоставительное описание грамматических явлений, 3) обзор связанных между собой грамматических тем, 4) изменение порядка изложения тем в соответствии с их коммуникативной частотностью.

Ключевые слова: китайский язык, преподавание, грамматика, международная программа, адаптация.

Abstract: The paper discusses the "International Curriculum for Chinese Language Education" with the view for its improvement. The main suggestions include: 1) cyclic presentation of grammatical material (deepening and systematization of the grammar points at higher levels), 2) comparative description of grammatical phenomena, 3) systematic review of related grammatical themes, 4) change the order of presentation of topics in accordance with their communicative frequency.

Keywords: Chinese language, teaching, grammar, international curriculum, adaptation.

Как известно, наличие любого стандарта в учебном процессе играет двоякую роль. С одной стороны, стандарт помогает унифицировать процесс, с другой стороны, задаёт ограничения, не учитывающие специфику обучения в каждом конкретном случае. Ниже мы рассмотрим некоторые особенности «Международной программы по обучению китайскому языку» (国际汉语教学通用课程大纲) (далее сокращенно «Программа»), с учётом которой составлено боль-

шинство пособий, издаваемых в КНР, и сделаем предложения по её совершенствованию и адаптации к российским условиям.

«Программа» представляет собой комплексное описание процесса преподавания китайского языка, разделённое на уровни с первого по пятый. Она включает в себя такие блоки как языковые знания, языковые навыки, принципы построения занятия (тактика) и знания по культуре. Мы сосредоточим своё внимание на блоке «языковые знания» и, прежде всего, разделе, посвящённом грамматике.

«Программа» задает линейную последовательность прохождения грамматики, постепенно переходя от простых грамматических тем к более сложным. На начальных этапах, что вполне естественно, даются только базовые представления об основных аспектах грамматики китайского языка. Так, например, на первом уровне предлагается «базовое описание порядка слов» (基本语序). На втором уровне предполагается изучение «базовых способов выражения времени и локализации в пространстве» (时间、地点、方位的基本表达方式), а также «основных типов и базовых функций определительных и адвербиальных конструкций» (定语、状语的基本结构和功能). На третьем уровне вводятся «основные типы сравнительных предложений» (基本比较句), «часто встречаемые модальные глаголы» (常用能用动词) и «основные случаи употребления частицы 了» (助词 "了" 的基本用法).

При этом в «Программе» не указано, на каком уровне и в какой последовательности следует вводить «продвинутое» описание упомянутых выше грамматических тем и необходимо ли это. Возможно, составители «Программы» предполагают ограничиться описанием грамматических явлений на базовом уровне, но опыт показывает, что овладение соответствующими знаниями на более глубоком уровне для успешной работы с китайским языком совершенно необходимо. Так, например, хорошо известно, что порядок слов в китайском языке не всегда укладывается в базовую схему «подлежащее — сказуемое — дополнение» (主谓宾), употребление частицы 了 и глагольного суффикса 了 вызывает трудности и на продвинутых этапах обучения, а определительная конструкция с распространенным определением нередко становится камнем преткновения при переходе к чтению неадаптированных тестов.

В связи с этим мы считаем целесообразным в дополнение к «поуровнему» изложению грамматики, которое мы находим в «Программе», предложить её **«циклическое» введение**, когда на каждом более высоком уровне происходит целенаправленная систематизация и расширение пройденного на все более усложняющемся языковом материале. Если на начальном этапе грамматика вводится на уровне отдельных предложений, то в дальнейшем необходимо её рассмотрение и отработка на уровне связанного текста. Мы предлагаем уделять этому внимание, начиная с третьего уровня изучения языка, так как именно тогда появляется лексика, необходимая для изложения сложной грамматики.

Для систематизации и сведения пройденной грамматики воедино необходима специальная система упражнений. Попытка предложить такие упражнения сделана в «Интегральном курсе китайского языка» [Ивченко и др., 2013].

К сожалению, как показывает опыт преподавания по «Интегральному курсу», преподаватели не всегда понимают важность этих заданий и нередко пропускают их или не уделяют достаточного внимания их выполнению.

По нашему мнению, особое внимание должно уделяться сопоставительному анализу различных грамматических тем (в «Программе» это не отражено). Например, и частица 了, и конструкция 是…的, как правило, используются при описании событий, которые уже имели место, но в их употреблении есть значительные различия. Еще пример: на начальных этапах изучения глаголы не оформляются дополнительными элементами результата, а после введения этой грамматической темы часто фигурируют с результативами, но чётких правил, когда следует употреблять эти показатели, а когда нет, обычно не дается. Между тем, особенность китайского языка состоит в том, что не только наличие, но и отсутствие того или иного грамматического показателя является значимым/мотивированным и определяется определёнными правилами [Тань, 2002].

Поскольку все грамматические аспекты (порядок слов, видо-временные показатели, дополнительные элементы и т.д.) существуют не изолированно друг от друга, а являются частями единой системы, также имеет смысл предлагать учащимся предварительное краткое описание всего грамматического блока, с которым впоследствии придётся работать, чтобы они могли составить общее представление о его устройстве. Здесь требуется не развёрнутое описание, а краткое исчисление основных показателей и функциональных различий между ними, особенно важное, поскольку грамматическая система китайского языка значительно отличается от русской. Например, при введении видовременного показателя

— целесообразно сразу сказать несколько слов и об остальных видо-временных показателях и конструкциях китайского языка. В учебнике «Полный курс китайского языка для начинающих» при знакомстве с

— предлагается следующий обзор:

«В китайском языке многие глаголы, взятые вне контекста, не имеют четкой видо-временной характеристики. Например, глагол Ξ может в разных контекстах переводиться как 'купить', 'купит', 'покупает', 'покупал' и т.п. Но это не значит, что в китайском предложении непонятно, случилось ли действие прошлом, случается регулярно, протекает ли в настоящий момент или случится в будущем. В китайском языке есть частицы и наречия, передающие все оттенки видовременных значений. Перечислим основные видо-временные значения и их показатели:

- I. 周末我一般去买东西。 В выходные я обычно хожу за покупками. (*многократно совершаемое действие*, нет показателей вида, есть наречие времени)
- II. 我正在买东西呢。 Я сейчас в магазине. (букв. 'покупаю вещи'). (действие протекает в момент речи, показатели 正在...呢)

- III. 昨天我去买东西了。 Вчера я ходил за покупками. (*действие совершено, но не сообщается, достигнут ли результат*, частица 了 стоит в конце предложения, это частица 了 2)
- IV. 昨天我买了一本新汉俄大词典。 Вчера я купил «Новый китайско-русский словарь». (*действие совершено, результат достигнут*, 了 стоит после глагола, это глагольный суффикс 了 1)
- V. 这本词典是王老师送给我的。 Это словарь мне подарил учитель Ван. (уточняется, при каких условиях произошло действие, в предложении используется конструкция 是...的)
- VI. 我在这儿买过书。 Я здесь (раньше) покупал книги. (действие имело место в прошлом хотя бы один раз, после глагола стоит показатель 过)

В данном уроке мы рассмотрим употребление глагольного суффикса \$\frac{1}{1}\$ [Ивченко и др., 2018: 415–416].

Наконец, последовательность изложения материала, предложенная в «Программе», также может быть пересмотрена и приведена в соответствие с коммуникативной частотностью изучаемого языкового материала. Так, например, в ситуации знакомства с китайцами частыми являются вопросы типа «Ты был в Китае?», «Ты пробовал китайскую кухню?», «В каких городах ты бывал?» и подобное, поэтому имеет смысл вводить показатель 过 раньше других видо-временных показателей. Кроме того, показатель 过 является немногозначным и достаточно простым по своему значению, что упрощает его освоение. Аналогичным образом и по аналогичной причине значительно раньше, чем это предлагается в «Программе», может быть введен дополнительный элемент состояния (情态补语) в таких фразах как 你中文说得真好 «Как ты хорошо говоришь по-китайски», что является весьма частой реакцией носителей китайского языка на факт владения иностранцем китайским языком.

Таким образом, мы предлагаем внести в «Программу» следующие уточнения:

- 1. Углубленная отработка грамматических тем на более высоких уровнях изучения, разработка концепции «циклического» введения грамматических тем, включающая в себя уточнение того, в какой последовательности могут вводиться и отрабатываться менее прототипические варианты грамматических явлений, пройденных на начальных этапах обучения.
- 2. Сопоставительное описание грамматических явлений для их комплексной отработки.
- 3. Краткий обзор связанных между собой грамматических явлений, предваряющий введение того или иного элемента подсистемы.
- 4. Изменение порядка изложения тем в соответствии с коммуникативной частотностью соответствующих грамматических явлений.

- 1. Ивченко Т.В. Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка / ред., авторы: Т.В. Ивченко, О.М. Мазо, П.П. Ветров, Л.С. Холкина, Ван Чун, Лу Сяоянь. Пекин: Изд-во «Цзяоюй кэсюэ». том 1-3. Ч. 1. 2013.
- 2. Ивченко Т.В. Полный курс китайского языка для начинающих / О.М. Мазо, Ли Тао. Москва: Издательство АСТ, 2018. 608 с.
- 3. Международная программа по обучению китайскому языку на русском и китайском языках. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2009. 240 с.
- 4. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка / Тань Аошуан. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

УДК 811.581.11

371.261

37.026.8

37.026.6

37.026.3

МИЛЛЕНИАЛЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПОКОЛЕНИЮ NEXT

Митькина Е.И., к. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

THE MILLENNIALS: CURRENT ISSUES IN TEACHING CHINESE TO THE GENERATION NEXT

Mitkina E., PhD of Philological Sciences, associate professor, Saint-Petersburg State University, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена основным проблемам, с которыми сталкивается преподаватель вуза при обучении студентов относящихся к так называемому поколению миллениалов. В процессе преподавания необходимо придерживаться мультимодальности, сочетающей традиционные методы обучения с визуализацией материала путём использования современных мультимедийных технологий. Также одним из важных элементов является игрофикация, и для наилучшего усвоения материала — повторяющееся тестирование.

Ключевые слова. китайский язык, преподавание, миллениалы, клиповое мышление, визуализация, игрофикация, геймификация, тестирование, эффект тестирования, кривая забывания.

Abstract. This article is devoted to the main problems faced by a university teacher when teaching students who belong to the so-called Millenial generation. In the process of teaching, it is necessary to adhere to multimodality, combining traditional teaching methods with the visualization of the material through the use of modern multimedia technologies. Also one of the important elements is gamification, and repeated testing for better remembering.

Keywords: Chinese language, teaching, learning, millenials, clip thinking, visualization, gamification, testing, testing effect, forgetting curve.

В 1991 г. американцы Нил Хоув (Neil Howe) и Уильям Штраус (William Strauss) выдвинули так называемую «теорию поколений», согласно которой примерно каждые 20-25 лет сменяется новое поколение людей, обладающих некими общими, схожими чертами и особенностями. Изначально эта теория базировалась на исследованиях английского и американского обществ, результаты которых авторы опубликовали в книге под названием «Поколения» [Howe,

Neil]. Позднее российский психолингвист Евгения Шамис и психолог Алексей Антипов адаптировали эту теорию под российскую действительность [Шамис, Антипов, 2007], выделив основные события, как мировой, так и российской истории, оказавшие влияние на формирование общих черт поколений. Для преподавателя ВУЗа наибольший интерес представляют данные о двух последних поколениях – поколении Игрек-Y (миллениалы-Millenials, поколение Некст-Next) и поколении Зэт-Z (дети Индиго). Однако поколение Z, хотя и имеет уже некоторые общие черты, только начинает интегрироваться в систему высшего образования, и должно пройти некоторое время, чтобы стали понятны проблемы, специфичные для преподавания иностранных языков именно этому поколению. Поэтому в рамках данной статьи исследуются особенности именно поколения миллениалов, восприятие которых отличается от предшествующих поколений установкой на мультимодальность перцепции, предполагая обеспечение целого комплекса различных по своей природе компонентов взаимодействия, используемых для реализации общей коммуникативной задачи и не ограниченных лишь прочтением письменного текста. Термин «миллениалы» был предложен также Н. Хоувом и У. Страуссом. В России к ним принято относить тех, кто родился в период перестройки и позже (примерно 1985-2003).

Одной из отличительных черт поколения миллениалов является так называемое **«клиповое» мышление**, отличительными чертами которого является неспособность длительное время концентрироваться на одной задаче, умение быстро обрабатывать поступившую извне информацию, приоритет тех данных, которые были представлены в виде зрительных образов (более подробно о «клиповом» мышлении см. в работах Э. Тоффлера [Тоффлер, 2009], Ф. Гиренка [Гиренок, 2016], Н. Азаренок [Азаренок, 2009], Г. Акименко [Акименко, 2017], В. Горобец [Горобец, 2015], Т. Семеновских [Семеновских, 2013], И. Гриценко [Гриценко, 2012], Ж. Коробановой [Коробанова, 2014] и др.).

В контексте преподавания китайского языка это означает, что в учебном процессе предпочтение отдается именно мультимодальности в преподавании, сочетающей традиционные методы обучения с визуализацией материала путем использования современных мультимедийных технологий. Так как китайский сам по себе является языком, больше подходящим для изучения визуалам, чем аудиалам или кинестетикам (в силу наличия в нём иероглифических знаков письменности, запоминание которых представляет огромную сложность для аудиалов и кинестетиков), то любую информацию о языке в принципе оптимально предоставлять в виде презентаций, графических изображений, фотографий или видео-роликов. Презентация должна быть яркой, наглядной, формулировки – простыми и образными. «Эффективным может считаться представление учебного материала, соответствующее пяти важнейшим принципам создания мультимедийных обучающих материалов, сформулированных Р. Майером: принцип множественной презентации (объединение двух видов презентации материала – словесного и визуального); принцип одновременности (рассказ сопровождается демонстрацией); принцип расщеплённого внимания (комментарии к иллюстрациям следует предъявлять в качестве аудирования, а не подписи к слайдам); принцип индивидуальных различий (вышеназванные принципы относятся в большей степени к обучающимся с низким уровнем знаний и визуальным типом восприятия); принцип согласованности можно сформулировать как «лучше меньше, да лучше» (чем меньше слов и картинок, тем лучше усваивается материал)» [Данилевская, 2015, 57].

Привычное для миллениалов мелькание образов вызывает у них не скуку, а живой интерес, поэтому на одном слайде презентаций не должно, например, быть много сконцентрированной информации, ее лучше разбить на фрагменты (те самые «клипы» – от английского clip – «отрывок, фрагмент», которые и дали название целому явлению), желательно, чтобы текст сопровождался ярким запоминающимся образом, даже при разборе грамматики можно добавить образы, которые отложатся в памяти миллениала и будут способствовать ассоциативному запоминанию нужной информации. Более того, эффективным представляется и привлечение самих студентов к созданию презентаций и креативной деятельности. Так, например, при разборе грамматических тем для более эффективного усвоения материала учащимся предлагается самостоятельно придумать языковые примеры с использованием пройденной грамматики, проиллюстрировав их подходящей картинкой. Также желательно в процессе обучения активно привлекать видео-материал – смотреть простые фильмы или мульфильмы, видеоролики из Youtube, Инстаграмма или Вичата, созданные популярными китайскими блогерами и активизирующими и визуальный, и аудиоканал, а также ассоциативную компоненту процесса запоминания. В ходе изучения языка один из наиболее эффективных способов работы с такими мультимодальными источниками разбивается на несколько подэтапов - просмотр видео без субтитров, обсуждение понятого, просмотр с субтитрами, снова обсуждение понятого при повторном просмотре с субтитрами, затем – разбор лексики и грамматики, встречающейся в ролике, и итоговый просмотр опять без субтитров. Далее возможны разные варианты мультимодальной интеракции - например, можно отключить звук и предложить студентам попытаться самим озвучить видеоматериал, можно устроить дискуссию по просмотренному видео (поэтому желательно выбирать материал, который дает толчок к размышлениям и последующей дискуссии) с обязательным использованием изученной лексики и т.д. Подключение всех перцептивных каналов у миллениалов активизирует процесс освоения полученной информации.

Одним из важных элементов процесса обучения иностранному языку миллениалов является геймификация или игрофикация. Впервые этот термин был предложен американцем Ником Пеллингом (Nick Pelling) в 2002 г., посчитавшего «геймификацию» (от англ. «gamification» — игрофикация) важной характеристикой новой образовательной платформы, которая позволяет за счет использования игровых подходов более активно вовлекать учащихся в процесс освоения новых навыков и компетенций» [Копапсhuk, 2013]. Благодаря геймификации рутинный процесс освоения новых знаний получается увлекательным и запоминающимся. «В настоящее время роль игрофикации для развития познавательной деятельности студентов определяется в большинстве случаев с позиций применения электронных игровых образовательных средств в процессе обучения» [Гаенкова, 2016, 417]. Однако стоит отметить, что в преподавании

китайского языка этот аспект проработан пока хуже всего – в силу отсутствия большого количества разработанных игр или приложений (компьютерных или для мобильного устройств), которые подходили бы и для целей обучения. Для игр в качестве средства обучения миллениалов важны следующие параметры: понятный интерфейс, возможность открывать их на любом устройстве (компьютер, планшет, смартфон на любой платформе), шкала прогресса и обратная связь. В настоящее время если для освоения начальной лексики на ранних этапах изучения китайского языка такие игры ещё есть, то для студентов более продвинутых уровней – такого программного продукта пока широкому кругу пользователей предложено не было. В этой связи в настоящее время игрофикация в преподавании китайского языка сводится лишь к использованию квизов (викторин) на специализированных сайтах или в приложениях или применяется в традиционном смысле - путём использования преподавателем игровых элементов при изучении языка на аудиторных занятиях. Больше простора для игрофикации дают различные онлайн курсы (см. например, курс «Китайский язык для начинающих» и «Китайский язык для начинающих. Часть 2», выпущенные СПбГУ), но их возможности опять же ограничены уровнем представленного материала.

Для поколения миллениалов, выросших на компьютерных играх и приложениях для смартфонов, прохождение квеста (теста) и получение за это приза (оценки, бонуса или устной похвалы) является естественным и очень желанным, поэтому для таких студентов тесты и контрольные не становятся неожиданным стрессом, а воспринимаются как часть игры, квест в реальности, необходимый для прохождения уровня, а также как проверку собственного прогресса (правда, тут следует отметить, что мы не берём крайние случаи, когда результат тестирования напрямую влияет на нахождение студента в учебном заведении или получение стипендии). Именно поэтому для преподавателя важно обеспечить миллениалам обратную связь как можно быстрее после теста, так как для этого поколения очень важно получение результата незамедлительно.

Более того, **тесты** необходимы и для лучшего запоминания учебного материала. Продуктивным является проведение тестов не только через какое-то время после изучения какого-либо грамматического или лексического материала (например, на следующем занятии), но и сразу же после разбора темы в аудитории, когда срабатывает «эффект тестирования».

Еще в 1885 г. немецкий психолог Герман Эббингауз (Hermann Ebbinghaus) в ходе экспериментов построил так называемую «кривую забывания», суть которой сводилась к тому, что люди уже в течение первого часа забывают до 60% услышанной информации (с течением времени этот показатель увеличивался еще больше, но дополнительных исследований для поколения миллениалов пока не проводилось). Вывод, который был сделан из этого эксперимента, состоял в необходимости повторений для запоминания. Но так ли эффективны именно повторения? После ряда экспериментов (1917, 1939, 1967, 2006, 2007) было выявлено, что тестирование по пройденному материалу сразу после его объяснения в аудитории приводит к более эффективному его усвоению (и как дополнительный эффект — студенты, привыкшие писать тесты каждый раз на занятиях,

становятся более стрессоустойчивы и намного меньше боятся экзаменов). Более того, эффективным является система повторных испытаний (так, результаты у групп студентов, которых тестировали сразу на занятии, были выше, чем у тех студентов, уровень усвоения материала у которых проверяли только спустя несколько дней¹).

Соответственно, при изучении новой темы в конце аудиторного занятия можно (и даже нужно для оптимизации процесса обучения) проводить небольшой тест, — содержательно это могут быть и новые иероглифы, и упражнения на усвоение грамматики (исправление ошибок, постановка необходимых грамматических показателей в пропущенном месте и т.д.). Если речь идёт о теоретическом лекционном занятии, можно предложить обучающимся небольшую викторину по основным положениям. Тестирование следует провести и на следующем занятии — для закрепления пройденного материала.

Таким образом, преподавателю, работающему со студентамимиллениалами, кроме владения китайским языком и традиционными методиками преподавания, следует ознакомиться с представленными на рынке играми и приложениями, которые для большей эффективности процесса применять в процессе обучения, а также быть в курсе увлечений миллениалов. Более того, в вузы страны уже пришли первые дети следующего за миллениалами поколения Индиго, обучение которых принесет новые вызовы и новые проблемы, которые предстоит решать современному преподавателю.

- 1. Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире / Н.В. Азаренок // Психология человека в современном мире. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009. С. 110–112.
- 2. Акименко Г.В., Михайлова Т.М. Феномен «клипового»: идентификация вида когнитивной деятельности. / Г.В. Акименко, Т.М. Михайлова // International Innovation Research (сборник статей IX Международной научнопрактической конференции): в 2 частях. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение», 2017. С. 268–271.
- 3. Гаенкова И.В., Бессмертный А.М. Игрофикация как технологический ресурс для организации познавательной деятельности студентов / И.В. Гаенкова, А.М. Бессмертный // Образовательные технологии и общество. Казань, 2016. Т.19. № 2. С.414–428.
- 4. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. М.: Проспект, 2016. 256 с.
- 5. Горобец В.В., Ковалев В.В. «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти / В.В. Горобец, В.В. Ковалев // Мир психологии. Москва, $2015. \mathbb{N} 2. \mathbb{C}. 94–100.$

¹ См., например, исследование и эксперимент Генри Родигера и Джеффри Карпике (Roediger & Karpicke, 2006a) [Roediger, Karpicke , 200614]

- 6. Гриценко И.А. Клиповое мышление новый этап развития человечества / И.А. Гриценко // Ученые записки Российского государственного социального университета. Москва, 2012. № 4 (104). С. 71—74.
- 7. Данилевская Т.А. Визуальные средства обучения на уроках русского языка как иностранного: новые технологии для нового поколения / Т.А. Данилевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, $2015. \mathbb{N} 2. \mathbb{C}.56-59.$
- 8. Коробанова Ж.В., Суркова Д.А., Хан И.А., Яровенко Н.С. Образовательные технологии геймификации в вузе и «клиповое мышление» современной молодежи / Ж.В. Коробанова, Д.А. Суркова, И.А. Хан, Н.С. Яровенко // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. Сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 2014. С. 124–131.
- 9. Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» феномен современности. URL: http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/ (Дата обращения: 14.02.2019, 18.42).
 - 10. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2009. 784 с.
- 11. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг Менеджмент, 2007. № 6.
- 12. Howe, Neil; Strauss, William. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company. 538 p.
- 13. Konanchuk D., Volkov A. Epokha "grinfilda" v obrazovanii [The Epoch of "Greenfield" in the education]. Moscow, Skolkovo Publ., 2013. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf (Дата обращения: 10.03.2019, 12.17)
- 14. Roediger H. L.; Karpicke J. D. (2006). Test-Enhanced Learning: Taking Memory Tests Improves Long-Term Retention // Psychological Science. 17 (3) 249—245 p. URL: http://learninglab.psych.purdue.edu/downloads/2006_Roediger_Karpicke_PsychSci.p df (Дата обращения: 12.03.2019, 14.50)

УЧЕБНИК КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ЕГЭ И ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ

Рукодельникова М.Б., к. филол. н., заведующая кафедрой восточных языков Института лингвистики

Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

A NEW GENERATION CHINESE TEXTBOOK FOR SECONDARY SCHOOL. IN THE CONTEXT OF THE UNIFIED STATE EXAM AND THE STATE SCHOOL COMPETITION WITH THE CHINESE LANGUAGE

Rukodelnikova M., PhD in Philology, Department of Oriental Languages head, Institute of Linguistics Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Аннотация. В статье описывается новая линейка учебников для изучения китайского языка как второго иностранного в 5-9 классах с точки зрения комплексной подготовки к ЕГЭ и ВОШ.

Ключевые слова: преподавание китайского языка, средняя школа, учебник китайского, ЕГЭ, ВОШ.

Abstract. The paper describes the series of Chinese textbooks for fifth to ninth grade secondary school pupils and its compilation with Russian educational standards and Unified state exam.

Keywords: Chinese as a Foreign Language, secondary school, new Chinese textbooks, educational standards.

В связи с появлением в декабре 2018 г. новой редакции Федерального перечня учебников по китайскому языку, перед школами встала задача перехода с используемых пособий на рекомендованные Министерством просвещения. В этой непростой ситуации (во многих школах до настоящего времени привычно учили либо по китайским пособиям, либо по вузовским учебникам) школьным методистам необходимо сделать выбор, ведь далее пользоваться «нерекомендованными» материалами становится невозможно.

Одновременно с обновлением ФПУ впервые в 2019 г. государственный статус получает и Единый государственный экзамен по китайскому языку, что должно резко повысить значимость преподавания его в средних школах. Уже в четвёртый раз проводится Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку, успешное участие в которой также обещает выпускникам преференции при поступлении в вуз.

Если же проанализировать ситуацию с преподаванием китайского языка в школах, то мы увидим, что реально школ с углубленным изучением китайского немного, он наиболее востребован как второй иностранный язык.

Именно эту тенденцию учли создатели новых учебных материалов для школы, написав учебно-методические комплекты по китайскому как второму иностранному языку, и именно эти линейки вошли в обновленный перечень.

Перед школьниками и их родителями встала сложная дилемма: с одной стороны, изучение китайского модно, перспективно, появилось право поступать в вуз, сдав ЕГЭ именно по китайскому языку. С другой стороны, ограничения, связанные с усечённой программой вторых иностранных языков, могут вызывать большие сомнения в целесообразности такого выбора.

Можно ли подготовить учащихся к успешной сдаче государственной итоговой аттестации или к участию в ВОШ, если китайский изучать как второй иностранный? Еще недавно ответ на такой вопрос был, скорее, отрицательный. Однако, УМК нового поколения «Китайский язык. Второй иностранный язык» для 5-9 классов, написанный международным коллективом профессиональных лингвистов из РГГУ и выпущенный издательской группой «Росучебник» в 2017–2018 гг., делает это возможным.

Логично выстроенный учебник и продуманная система упражнений в остальных компонентах линейки: прописях, рабочих тетрадях, ЭФУ и аудиоприложениях, нацелены не только на развитие всех видов речевой деятельности на китайском языке, но и на последовательную подготовку к экзамену. При этом учителю не требуется специально натаскивать на сдачу экзамена, не предполагается многократное прорешивание вариантов КИМов, подготовка осуществляется естественным образом, при выполнении упражнений в рабочих тетрадях и прописях, то есть планомерно, гармонично вписываясь в сам процесс изучения другого языка и культуры.

Целью любого тестирования, будь то критериальная контрольная работа, текущий тест или государственная итоговая аттестация, является определение уровня иноязычной коммуникативной компетенции, особое внимание уделяется речевой компетенции, то есть коммуникативным умениям в четырёх видах речевой деятельности, а также языковой компетенции, то есть языковым знаниям и умениям.

Учебно-методический комплект «Китайский язык. Второй иностранный язык» рассчитан на использование в классах, изучающих китайский как второй иностранный исходя из двух учебных часов в неделю. Общее количество часов, которое отводится для изучения учебного предмета «Китайский язык» в год составляет 68-70 часов (по ФГОС). Для углублённого изучения может отводиться 105 часов (по 3 часа в неделю). Структура учебника и заданий в дополнительных учебных материалах позволяет использовать комплект как при 68-70, так и при 105 часах в год.

Рассмотрим отдельные аспекты УМК нового поколения, позволяющие в условиях малого количества времени добиться высоких результатов, позволяющих учащимся выйти в 9 классе на уровень B1-B2.

Нашу линейку можно условно разделить на 3 ступени освоения китайского языка: базовая ступень 5-6 классы, начальный этап среднего уровня владения китайским 7-8 классы и 9 класс как средний уровень владения китайским языком. Начиная с 7 класса, в УМК целенаправленно введены задания, имитирую-

щие сдачу ОГЭ и позднее, ЕГЭ. Кроме того, учтены типы заданий в международных тестах YCT и HSK, Всероссийской олимпиады школьников.

Отличительные особенности линейки.

Учебные материалы созданы специально для отечественной средней школы, авторы учитывали специфику обучения именно российских школьников (влияние родного языка и связанные с этим типичные ошибки, предметное содержание курса, требования ФГОС, чёткое объяснение грамматики).

В своей методической работе мы руководствовались простым, но до сих пор не совсем осознанным и воплощенным в жизнь в других пособиях факте: нашим партнерам по межкультурному общению нужно от нас не столько знание их мира (хотя это требуется для успешной коммуникации), сколько умение рассказать на иностранном языке о нашем мире, мире современной России.

Таким образом, изучение родной страны на уроках иностранного языка — необходимая составляющая преподавания и изучения китайского языка в современную эпоху. Это полностью соответствует заданному стандартом предметному содержанию речи в учебнике. Вот почему наш авторский коллектив, начиная несколько лет назад работу над УМК «Второй иностранный язык. Китайский язык для 5-9 классов», принял решение не адаптировать (переводить) уже имеющийся комплект учебников для школы (сейчас доступны несколько линеек, изданных в КНР), но разработать совершенно новую линейку, отвечающую потребностям российских школ и соответствующую требованиям ФГОС.

Поэтому в нашу программу по китайскому языку включены такие темы как: «Столица и крупные города РФ», «Путешествие по России», «Государственные символы РФ», «Географическое положение и климат РФ», «Население», «Культурные особенности России: национальные праздники, памятные даты, исторические события, традиции и обычаи», «Выдающиеся люди и их вклад в науку и мировую культуру» и другое. Эта информация подаётся в сравнительном ключе, то есть учащиеся учатся говорить о различных аспектах культуры, литературе, живописи, географии, исторических событиях, связанных как с Китаем, так и с Россией. Например, учебник 8 класса полностью построен на таком сравнении.

Понятное изложение грамматики. По ФГОС при преподавании учебного предмета «Иностранный язык (второй)» наряду с коммуникативными умениями в основных видах речевой деятельности (в говорении, аудировании, чтении, письме) школьники должны приобрести языковые навыки и средства оперирования ими. Однако традиционно никакого объяснения грамматики в детских и подростковых учебниках по китайскому языку не предполагалось, и упражнения на подстановку/отработку определенной грамматической структуры встречались редко и включали в себя максимум 4-5 примеров. Введение грамматических явлений, особенно в учебниках, изданных в КНР, производится непоследовательно, что приводит к необходимости привлечения вузовских учебников или необходимости разрабатывать дополнительные материалы и упражнения.

Активное владение иероглификой с первых уроков — также наша принципиальная позиция. Естественно, на первых порах устная речь опережает письменную иероглифическую, но к середине 6 класса ситуация выравнивается, и

учащиеся осваивают новый материал сбалансировано, сразу в иероглифике. Чтобы облегчить процесс запоминания новых знаков, в учебнике и рабочей тетради множество заданий на понимание структуры иероглифов, способов словообразования. Есть задания и игрового и творческого характера.

Особое внимание при написании УМК было уделено способам компенсации ситуации изучения китайского языка вне языковой среды. В связи с этим, помимо большого количества коммуникативных заданий, развивающих навыки устной и письменной речи, в рабочие тетради был введен большой блок заданий на аудирование. Процесс обучения аудированию разделен на несколько этапов: обучение фонетике (различение звуков, однослогов, многослогов и тонов); аудирование отдельных слов, словосочетаний, затем фраз, в том числе в составе коротких сообщений и микродиалогов из двух реплик; аудирование развёрнутых диалогов; этап работы с небольшими учебными текстами и, в заключении, работа с неадаптированными звукозаписями. Причем, для того чтобы научиться понимать аутентичные тексты, необходимо пройти все этапы обучения аудированию. Разнообразные упражнения на понимание иноязычной речи даются в УМК как с опорой (картинки, слова, фразы и предложения на китайском и русском языках), так и без опоры (прослушивание диалогов и монологов). Проверяемые элементы содержания – это понимание в прослушанном тексте запрашиваемой информации и понимание основного содержания в прослушанном тексте.

Лингвострановедческий аспект. Методически продуманы и занимают важное место подразделы, связанные с культурой, историей и географией Китая, прикладным искусством, литературой Китая, изобразительным искусством, описывается транспортная система, туризм, нормы поведения в китайском обществе, переписка и многое другое. На базовом уровне материал даётся в основном по-русски с вкраплением важных понятий на китайском языке, постепенно доля китайского текста возрастает, и в 9 классе раздел «Изучаем китайскую культуру» полностью на китайском языке.

Творческие задания. Увлекательная подача материала целенаправленно стимулирует мотивацию школьников, поддерживает и даже усиливает интерес к предмету. Впервые в учебники по китайскому языку включены лингвистические задачи, языковые игры, проектная деятельность, увлекательные задания, связанные с реалиями жизни китайских подростков. Выполняя задания творческой направленности, у обучающихся появляется возможность узнать больше о культуре Китая и проявить себя с творческой стороны.

УМК учитывает возможность дифференцированного подхода к организации образовательного процесса, в том числе с учётом индивидуального стиля учебной деятельности школьников. Задания разной степени сложности позволяют освоить программу как при 2-3 часах в неделю, так и с большим количеством учебных часов в рамках дополнительного образования. На начальном этапе (5-6 классы) нам кажется достаточным 68 часов в год. Учебники 7-9 классов содержат некоторые разделы, которые относятся к повышенному уровню содержания обучения и соответствуют требованиям ФГОС «Обучающийся получит возможность научиться». Конкретное учебное заведение может выбрать

программу 2 часа в неделю (70 часов в год) или 3 часа в неделю (105 часов в год), однако, учитывая специфику китайского языка, более уместно, начиная с 7 класса, использовать учебник при трёх часах в неделю. Для распределения материала по уровням введены новые разделы, соответствующие выросшим умениям и компетенциям обучающихся: отрабатываются практические навыки – написание писем, сочинений по картинке, работа с нелинейной информацией (в виде диаграмм и таблиц), сопоставление данных, обсуждение материала в формате круглого стола, интервью и т.п. Большой блок лингвострановедческой информации даётся как на русском, так и на китайском языках. Таким образом, дополнительные разделы урока, соответствующие требованиям ФГОС «Обучающийся получит возможность научиться», позволяют получить знания, умения и навыки, расширяющие и углубляющие понимание опорного учебного материала.

В каждом учебнике содержится справочный раздел, куда входят: китайско-русский словарь пройденных слов, списки имён собственных и географических названий, указатели графем и базовых иероглифов, указатели фонетиков и иероглифические индексы. Кроме того, в каждом учебнике размещены списки сокращений и грамматический указатель.

В электронной форме учебника и в рабочих тетрадях предусмотрены проверочные тесты. В каждом классе по 4 теста, это соответствует делению учебного года на четверти и полугодия. Тесты в ЭФУ более развёрнутые, выполняются и проверяются онлайн, в рабочей же тетради тесты может проверить как сам ученик (в 5-6 классах), так и учитель (в 7-9 классах).

Все вышесказанное послужило серьёзным стимулом к разработке новых учебных материалов для средней школы. Причём таких материалов, которые, с одной стороны, учитывали бы лучшие традиции преподавания китайского языка, а именно: фундаментальность, основательность, глубину и соответствовали бы российским стандартам, то есть могли официально использоваться школьными учителями. С другой стороны, необходимо идти в ногу со временем, усилив коммуникативный компонент в учебнике для реализации главной цели обучения: достижения обучающимися допорогового уровня иноязычной коммуникативной компетенции, который позволит им общаться на китайском языке в устной и письменной формах в пределах тематики и языкового материала основной школы как с носителями китайского языка, так и с представителями других стран, которые используют китайский язык как средство общения. И, конечно, нужно учитывать новые реалии: введение ЕГЭ, ВОШ, принятые во всем мире международные стандарты оценки знаний китайского языка школьный тест YCT и HSK. Как показывает апробация, материал УМК и методика, по которой выстроена система упражнений, гарантирует успешное прохождение всех испытаний.

- 1. Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 5 класс: учебное пособие / М.Б. Рукодельникова, О.А. Салазанова, Ли Тао. М.: Вентана-Граф, 2017. 176 с.
- 2. Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 6 класс: учебное пособие / М.Б. Рукодельникова, О.А. Салазанова, Ли Тао. М.: Вентана-Граф, 2018. 175 с.
- 3. Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 7 класс: учебное пособие / М.Б. Рукодельникова, О.А. Салазанова, Ли Тао. М.: Вентана-Граф, 2018. 223 с.
- 4. Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 8 класс: учебное пособие / М.Б. Рукодельникова, О.А. Салазанова, Ли Тао. М.: Вентана-Граф, 2018. 239 с.
- 5. Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. Китайский язык: второй иностранный язык: 9 класс: учебное пособие / М.Б. Рукодельникова, О.А. Салазанова, Ли Тао. М.: Вентана-Граф, 2018. 239 с.

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ РЕФЕРИРОВАНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Смолова М.А., старший преподаватель кафедры китайского языка, Институт иностранных языков ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

PRINCIPALS OF TEACHING LANGUAGE UNIVERSITY STUDENTS TO SUMMARIZE TEXT IN CHINESE IN WRITTEN FORM

Smolova M., Senior Lecturer, Department of Chinese, Moscow City Teacher's Training University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается система общедидактических, методических и специальных принципов, лежащих в основе методики обучения письменному иноязычному реферированию письменных текстов на китайском языке студентов языкового вуза.

Ключевые слова: иноязычное реферирование, китайский язык, принципы обучения, обучение письму, языковой вуз.

Abstract. The paper discusses the basic didactic, methodical and particular principles of teaching language university students to summarize texts in Chinese in written form.

Keywords: summarizing in foreign language, the Chinese language, principals of teaching, teaching writing, language university.

Письменное иноязычное реферирование мы определяем как стандартизированную, т.е. соответствующую определённым нормативным требованиям и обладающую специфическими жанровыми признаками, письменно-речевую деятельность по созданию текстов вторичных жанров в академической и профессиональной коммуникации на иностранном языке. Иными словами, речь идет о восприятии, осмыслении, переработке, интерпретации и оценке первичных текстов (написанных на иностранном языке) и продуцирования письменных текстов реферативного жанра (также на иностранном языке) в соответствии с интенциями автора и адресата. Разрабатываемая нами методика обучения данному виду реферирования студентов языкового вуза базируется на системе целесообразных, взаимно скоординированных общедидактических, методических и специальных принципов обучения письменным формам иноязычного общения (чтению и письму).

Центральным принципом обучения, мы, вслед за В.И. Загвязинским [Загвязинский, 2001], считаем принцип развивающего и воспитывающего обучения (принцип единства и воспитания). Исходя из стратегической цели обучения иностранным языкам в языковом вузе — формирования у студентов

би/поликультурной (вторичной) языковой личности, обладающей межкультурной коммуникативной компетенцией, обучение реферированию на китайском языке должно представлять собой процесс целостного развития языковой личности студента. Речь идёт о формировании и развитии дискурсивностратегического (овладение стратегиями учебного, учебно-научного и научного реферирования) и когнитивного (регуляция индивидуально-своеобразного профиля когнитивных способностей личности, в т.ч. её психофизиологических, эмоционально-волевых и мотивационных качеств) компонентов способности реферировать тексты на китайском языке как одной из характеристик языковой личности студента.

Принцип культуросообразности (социокультурной обусловленности) применительно к обучению иноязычному реферированию на китайском языке в языковом вузе означает понимание и учёт национально-культурных особенностей развития культуры письменного общения (письменной речи), информационной и библиографической культуры (на родном языке). Процесс обучения реферированию на китайском языке предполагает актуализацию уже имеющихся у студентов знаний о культуре письма (личностно и профессионально значимых письменных жанрах), учёт индивидуального «опыта пишущего» студентов и учёт их отношения к коммуникации, опосредованной текстами институционального дискурса (сферы образования и науки). Овладение стратегиями ученого, учебно-научного и научного реферирования на китайском языке будет способствовать развитию и совершенствованию у студента культуры работы с текстом, культуры письменного общения, опосредованного текстами учебного, учебно-научного и научного (научно-информационного) рефератов.

Принцип профессиональной направленности (фундаментальности образования и его профессиональной направленности) в дидактике высшей школы подразумевает «введение в учебные курсы профессионально значимого материала и профессионально значимых умений» [Попков, 2001, 34], а в рамках контекстного обучения формулируется как «принцип последовательного моделирования в формах учебной деятельности студентов целостного содержания и условий профессиональной деятельности специалистов» [Вербицкий, 1991, 73]. В филологическом вузе профессиональная направленность реализуется, по замечанию А.Н. Щукина, в «педагогизации и филологизации учебного процесса»: отборе учебного материала, обучении профессионально-педагогическим методам и приемам, в межпредметной координации [Щукин, 2006, 171]. Также отмечается, что выпускники филологических вузов должны владеть языком на уровне носителя языка (C2), что, по мнению Е.Г. Таревой, является «достижением недостижимого», в погоне за которым сложно обеспечить «максимальную профессионализацию процесса иноязычной подготовки студента педагогического вуза» [Тарева, 2016, 80]. Такое положение дел (ориентация на «достижение недостижимого») характерно и для подготовки студентов бакалавриата, овладевающих китайским языком и культурой по направлениям «Востоковедение и африканистика» (профиль «Языки и литературы стран Азии и Африки») и «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»). В исследованиях подчёркивается, что современные студенты языковых вузов испытывают потреб-

ность в определённой профессионализации и прагматизации иноязычной подготовки [Тарева, 2016, 179]. Анализ экстралингвистических особенностей реферирования как учебно-профессиональной деятельности и сфер профессиональной деятельности студентов языкового вуза по ФГОС ВО 3+ [Смолова, 2017] показал, что научно-исследовательская деятельность может выступать одним из профессиональных ориентиров в подготовке студентов языкового вуза, обучающихся реферированию на китайском языке. В процессе отбора и организации первичных и вторичных текстов на китайском языке также следует учитывать профессиональную (научную) ценность этих текстов, поскольку это позволяет создать контекст учебной И профессиональной научноинформационной деятельности студента.

Реализация принципа сознательности означает постановку обучающегося в ситуацию самоопределения и рефлексии, необходимости осознания и понимания целей собственной учебной деятельности по овладению стратегиями реферирования и мотивированного стремления к их достижению. Принцип сознательности конкретизируют следующие методические принципы обучения иностранным языкам: учёта родного языка и культуры (русской культуры академического и научного общения, опосредованного текстами рефератов разных типов), диалога культур (осознание, сопоставление и понимание сходств и различий в средствах конструирования реферативных текстов в китайском и русском дискурсивных пространствах (Е.И. Пассов, В.В. Сафонова, Е.Г. Тарева и др.), когнитивной направленности (индуктивный подход к организации усвоения знаний о реферировании с опорой на речевой опыт обучающихся) (И.Л. Бим, А.В. Щепилова, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез). Иными словами, процесс обучения реферированию на китайском языке должен представлять собой осознаваемый и (само)регулируемый студентом процесс формирования и развития основных стратегий реферирования с целью порождения ситуативно обусловленных текстов определённого жанра, отличающихся от российских «анало- Γ OB \rangle \rangle^2 .

Принцип активности в общей дидактике предполагает стимулирование репродуктивной и продуктивной видов активности обучающихся [Загвязинский, 2001]. В методике обучения иностранным языкам данный принцип формулируется как принцип деятельностного характера (или основы) обучения, ко-

_

¹ Впрочем, это же поколение, как показало исследование А.А. Колесникова, демонстрирует недостаточную профессиональную осведомленность и неумение ориентироваться в профессии [Колесников, 2017, 107–108].

² Заметим, что, не только студентам следует осознавать и понимать цели обучения реферированию, но и преподавателям, которые традиционно считают, что готовность и способность продуцировать тексты учебно-научных и научных жанров должна формироваться стихийно, т.е. в процессе учебной деятельности в вузе (если речь идет о культуре письма на родном языке) и чтения учебно-научной литературы. Вместе с тем, исследования в области обучения речевым жанрам, показывают, что «без целенаправленного обучения самостоятельного освоения структуры научных текстов у студентов не происходит» [Колесникова, 2009, 138–139]. Также указывается, что на этапе вузовской подготовки самостоятельного овладения учебнонаучными жанрами не происходит даже у студентов филологических факультетов [Там же: 141].

торый выражается в создании условий для внешней и внутренней (умственной) активности учащегося, в том числе учёт специфики процессов усвоения им иностранного языка [Щепилова, 2003]. При разработке технологии обучения реферированию на китайском языке в языковом вузе мы исходим из понимания реферирования как особой речевой деятельности, которая предполагает решение коммуникативных задач познавательного и практического характера [Фоломкина, 2005, 41]. В нашем исследовании это выражается в применении «стратегического» подхода к реферированию на китайском языке как комплексу дискурсивных стратегий, каждая из которых имеет собственную целевую установку (извлечение из первичного текста той информации, которая необходима для создания вторичного текста определенного жанра и в соответствующих условиях общения), на реализацию которой путём решения ряда задач направлена совместная и индивидуальная деятельность участников процесса. Вышеизложенное положение коррелирует с принципом коммуникативной направленности обучения (коммуникативности), который конкретизируется в принципах речемыслительной активности, функциональности, ситуативности, новизны и индивидуализации [Пассов, 2010].

Принцип наглядности реализуется в нашей методике посредством применения инструкций и памяток (с учетом субъектных свойств личности студента и предоставления им рекомендаций о способе выполнения деятельности), рефератов-эталонов и антиэталонов, пооперационной демонстрации процесса компрессии китайского иероглифического текста, видеозаписей лекций (и сообщений) носителей китайского языка, посвящённых вопросам китайского академического дискурса, а также проблеме поиска научной информации в китайском Интернет-пространстве, логико-тематических схем (например, с помощью Интернет-ресурса «Coggle.it»), моделирование ситуаций общения, опосредованных текстами рефератов (ситуация сдачи международного экзамена, ситуация выступления с докладом перед преподавателями и коллегами-студентами, ситуация информирования китайского академического сообщества о результатах собственного научного исследования).

Реализация принципов доступности и посильности в процессе обучения реферированию на китайском языке обеспечивается оптимальной организацией вторичных текстов на китайском языке с учётом индивидных и субъектных качеств студентов, что позволяет преподавателю рационально организовать учебно-воспитательный процесс в «зоне ближайшего развития» (Л.С. Выготский) личности [Загвязинский, 2001, 45]. Это предполагает обеспечение достаточной трудности предлагаемых студентам заданий, дифференциацию и индивидуализацию заданий в процессе синхронной и асинхронной самостоятельной работы студентов, а также асинхронного взаимодействия с преподавателем и другими членами группы (на базе платформ «Moodle», «GoogleDocs» или социальных сетей). Принцип прочности³ подразумевает доступность и преем-

_

³ Данное условие координируется с методическим принципом спиралевидной или концентрической прогрессии (А.В. Щепилова), предполагающий нелинейную последовательность при формировании адекватного представления и усвоение материала за счёт повторяемости

ственность учебного материала, систему разнообразных заданий и упражнений (предтекстовых, притекстовых и послетекстовых), организацию систематического контроля (самоконтроля, взаимоконтроля) и оценки (самооценки, взаимооценки) результатов обучения посредством разработки развернутой системы оценивания продуктов деятельности студентов по реферированию на китайском языке, проведения интерактивных опросов (онлайн-анкетирования) и заполнения листов для самооценки.

На прочность усвоения влияют и такие внутренние факторы, как субъективное отношение обучающихся к усваиваемому материалу, к преподавателю, самому процессу обучения. Сказанное имеет непосредственное отношение к дидактическому принципу создания положительной мотивации и благоприятного эмоционального фона обучения, который заключается в разрешении педагогического противоречия между потребностью и долгом, рациональным и эмоциональным в учебно-воспитательном процессе [Загвязинский, 2001, 37]. Сообразно этому принципу процесс обучения реферированию должен быть организован таким образом, чтобы обучающиеся по возможности переживали успех от осознания эффективности своих усилий и испытывали высокую удовлетворённость от самого процесса реферирования и результатов этой деятельности.

При разработке технологии обучения реферированию на китайском языке мы опираемся на идею целесообразной и природосообразной индивидуализации учебно-воспитательного процесса, которая регулируется дидактическими принципами связи теории с практикой и рационального сочетания коллективных и индивидуальных форм работы (В.И. Загвязинский). Характеризуя реферирование как деятельность, сочетающую в себе как стандартизированный, нормативно-универсальный, так и индивидуально-своеобразный, вариативный компоненты, особую значимость в нашей технологии приобретает соблюдение принципа связи теории с практикой, определяемого как «сочетание педагогического управления с развитием самостоятельности обучаемых, единств учебной и научно-исследовательской деятельности, коллективной работы с индивидуальным подходом» [Загвязинский, 2001, 37]. Поэтапная организация обучения реферированию предполагает постепенное повышение степени субъектности процесса обучения (образовательной рефлексии обучающихся, самостоятельности и дальнейшей автономности) - «личностноиндивидуальной ориентации, с опорой на индивидуальность каждого ученика, вплоть до определения индивидуальных траекторий обучения с правом выбора учеником уровня и методов овладения программами, с более широким использованием адаптированных к особенностям обучаемых компьютерных программ, но с включением каждого в коллективные формы работы» [Загвязинский, 2001,

при постепенном его усложнении [Щепилова, 2003, 322]. В нашем исследовании организация макрокомпонентов содержания обучения реферированию (сканирующая, дифференцирующая и интегрирующая стратегии реферирования) предполагает определенную степень интеграции («вложенности», как в матрешке) микрокомпонентов (составляющих основу нормативно-универсального и индивидуально-вариативного комплекса знаний, умений и отношений).

46]. Заметим, что усиление субъектности учебного процесса одновременно означает и повышение ответственности личности за успешность и качество этого процесса (см. «принцип личностно-ориентированной направленности» [Гальскова, 2016, 143]).

Наконец, **принцип межпредметной интеграции и координации**⁴ предполагает предметно-языковую интеграцию и координацию профильных теоретических и практических курсов иностранного языка в языковом вузе. Применительно к нашему предмету рассмотрения это означает междисциплинарность⁵ предлагаемых для реферирования текстов, а также «междисциплинарное сращивание учебно-коммуникативной деятельности» с учебно-научной деятельностью как основой профессиональной научно-исследовательской деятельности студентов [Сафонова, 1992, 194] в области китаеведения (как метапредметной гуманитарной области).

Итак, в данной статье была кратко изложена система принципов обучения письменному иноязычному реферированию на китайском языке, которые взаимодействуют на основе дидактически обусловленного соподчинения (также см. рис. 1). Описанная выше система принципов представляют собой концептуальное обоснование разрабатываемой нами методики обучения реферированию текстов на китайском языке студентов языкового вуза.

⁴ В.В. Сафонова формулирует этот принцип следующим образом: «принцип междисциплинарной взаимосвязанности и взаимообусловленности различных компонентов в системе подготовки специалиста в вузе» [Сафонова, 1991, 194].

⁵ С учетом объектов профессиональной деятельности, представленных в ФГОС ВО 3+: экономика, политика, история, культуры, религия, народонаселение, языки и литературы стран Азии и Африки (направление подготовки «Востоковедение и африканистика»), теория межкультурной коммуникации, иностранные языки и культуры, теория иностранных языков, перевод и переводоведения, теория и методика преподавания иностранных языков и культур (направление подготовки «Лингвистика»).

Рис. 1 Система принципов обучения письменному иноязычному реферированию текстов на китайском языке

Список использованных источников:

- 1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. М.: Высшая школа, 1991. 204 с.
- 2. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб.пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. 3-е изд., стер. М.: Изд.центр «Академия», 2006. 336 с.
- 3. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация: учеб.пособие / В.И. Загвязинский. М.: Издательский дом «Академия», 2001. 192 с.
- 4. Колесников А.А. Концептуальные и технологические основы профориентационного обучения иностранному языку в системе непрерывного филологического образования: дис. ... докт.пед.наук: 13.00.02 / А.А. Колесников. М., 2017. 393 с.
- 5. Колесникова Н.И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования: дис. ... докт.пед.наук: 13.00.02 / Н.И. Колесникова. Орел, 2009. 450 с.
- 6. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
- 7. Попков В.А. Дидактика высшей школы: учеб. пособие / В.А. Попков, А.В. Коржуев. М.: Издательский дом «Академия», 2001. 136 с.
- 8. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис. ... докт.пед.наук: 13.00.02 / В.В. Сафонова. М., 1992. 528 с.
- 9. Смолова М.А. Реферирование как вид учебно-профессиональной деятельности студента российского языкового вуза / М.А. Смолова // Казанский педагогический журнал. 2017. Вып.1. 120–123.
- 10. Тарева Е.Г. Педагогический дискурс как объект лингводидактического рассмотрения / Е.Г.Тарева // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г.Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. 177–184.
- 11. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учеб.-метод.пособие / С.К. Фоломкина; науч.ред. Н.И. Гез. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2005. 253 с.
- 12. Хуторской А.В. Современная дидактика: учебник / А.В. Хуторской. СПб: Питер, 2001. 544 с.
- 13. Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному / А.В. Щепилова. М.: ГОМЦ «Школьная книга», 2003. 488 с.
- 14. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб.пособие / А.Н. Щукин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006-480 с.

УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕМ КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Масловец О.А., к. пед. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия

OPERATION OF MEANING FORMATION AS AN IMPORTANT COMPONENT OF INTENTIONAL TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Maslovec O, Ph.D of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages of MGIMO University,

Moscow, Russia

Аннотация. Раскрываются тенденции языкового образования в свете постнеклассической парадигмы науки и образования. Показано, что эффективное формирование умений, необходимых для осуществления межкультурного диалога на иностранном языке возможно лишь при особой организации образовательного процесса, в основе которой лежит интенциональный подход.

Ключевые слова: постнеклассическая парадигма, межкультурный диалог, смыслообразование, интенциональный подход.

Abstract. The trends of language education are revealed in the light of the post-non-classical paradigm of science and education. It is shown that the effective formation of the skills necessary for intercultural dialogue using foreign language is possible only with a special organization of the educational process, which is based on an intentional approach.

Keywords: post-non-classical paradigm, intercultural dialogue, sense formation, intentional approach.

Современное общество находится на постнеклассическом этапе развития науки [Степин, 2003], который характеризуется взаимопроникновением наук о природе и духе, смешением границ между ними, выходом на лидирующие позиции междисциплинарности, как основы образования в целом, так и принципа организации образовательного процесса по отдельным дисциплинам или предметам. Важное место в этом процессе занимает рефлексия связи знания не только с методическими составляющими (что было характерно для классической и неклассической парадигм), но и всё активнее она проявляется в отношении ценностно-смысловых контекстов. Особенно важное значение они приобретают в сфере языкового образования, в процессе которого обучающиеся учатся мыслить говорить на другом языке, учатся взаимодействовать с представителями других культур.

Многоплановость мира и моделей его понимания, рефлексия потоков переживаний и особое понимание контекста, множественность смыслов и уход от простого деления на «правильное-неправильное», переориентация с «знания» как основы целеполагающей установки в образовании на «умение» и «компетенцию» как результат развития субъекта учения и одновременно показатель способности субъекта к дальнейшему саморазвитию и самоопределению — всё это становится неотъемлемой частью процессов, неизбежно возникающих в рамках постнеклассической парадигмы. В этих условиях экспликация объекта, средства познания, абстрагирование от всего, что не связано с объектом, уступает место трансцендентальному Я, бытию самого субъекта. Интерсубъективность, с присущим ей ценностно-смысловым наполнением легализует свои права, а диалектическая взаимосвязь «субъект — средство—объект» замыкается на субъекте посредством его сознания.

На первый план в постнеклассической парадигме выдвигается субъект, наделённый сознанием, которое становится определяющим параметром того, как будет переработаны отражённые образы внешнего мира: оно (сознание) отражает окружающую действительность и в то же время конституирует её.

Сознание будучи субъективным переживанием внешней действительности, выражается в самоотчёте составляющих её явлений, построении действий в уме, управлении и самоконтроле этой деятельности посредством рефлексии. Эта деятельность возможна только благодаря важнейшему свойству сознания — его интенциональности. Деятельность сознания будет тем эффективнее, чем рациональнее осуществляется управление ею. А это управление возможно только при условии понимания сути интенциональности.

Наиболее всеобъемлющее рассмотрение понятие «интенциональность» получило в рамках экзистенционально-феноменологических, онтолого-герменевтических философских концепций, центром которых становится взаимосвязь сознания и интенциональности как его свойства.

В традиционной для гуссерльской феноменологии трактовке интенциональность — это, в первую очередь, феномен сознания, определяющий объект сознания; рефлексивный акт над потоком переживаний (Э. Гуссерль), это рефлексивная позиция, позволяющая совершить акт самоопределения, выйти за рамки естественной установки и рассматривать эти рамки как объект своего действия (Г.П. Щедровицкий).

Несмотря на то, что научные трактовки интенциональности разнятся, но именно благодаря развитию теории интенциональности стало возможным обоснование автономии объектов, присутствующих в сознании интенционально (включая логические и языковые сущности), а также анализ их закономерностей безотносительно психическим актам.

Всякий объект есть объект для сознания, интенциональность выступает связующим звеном между объектом и субъектом и наделяет эту дихотомическую связь субъективностью, а также между восприятием, мыслью, высказыванием др. формами сознания и их содержанием, делая эти отношения относительными. Сами объекты окружающего мира в сознании субъекта наделяются интенциональным внутренним существованием (Д. Перлер). «Всякий объект

есть объект для сознания и следует описывать способ, каким я знаю объект и каковым объект есть для меня» [Лиотар, 2001, 18]. Как следствие, наше понимание есть понимание чего-то, мышление – мышление о чем-то, а речь – речь относительно чего-то. Именно благодаря этому «наши восприятия, мысли и суждения обладают содержанием» [Перлер, 2016, 9].

Интенциональность можно рассматривать как априорное свойство сознания и как определяющую, системообразующую сущность, благодаря которой «оно (сознание) становится тем, что оно есть» [Сартр, 2015, 21], и в то же время проявляет себя как «расширяющаяся структура» [Норт, 2010, 67] конституирующая предметы как смысловые единства. Смысл, как медиальный элемент, в ходе феноменологической (интенциональной) редукции или трансцендентально-феноменологической рефлексии, приобретает статус идеального бытия (Э. Гуссерль, В.Б. Сокол).

Интенциональность не сводится к когнитивному акту, к моменту стимулирования восприятия референтом, она предполагает и спонтанную направленность к тем или иным объектам, неопределенно-незнакомому (феноменам), что позволяет осуществить свободную вариацию при конструировании синтетических многообразий в пределах знакомых горизонтов [Канке, 2008, 49].

Интенциональность или «сознавание предмета – это созидающая сила, направленная на истину, подлинное бытие идей, поскольку именно она позволяет осуществить оценку истинности познаваемого [Гуссерль, 2009, 421] и актуализировать потенциальные возможности конституирования новых смыслов.

Интенциональность есть состояние сопутствующее и являющееся априорным процессу перехода от непонимания, обладающего транзитивной природой, к пониманию, как состоянию стабильному; она позволяет создавать, а не пассивно воспринимать мир, наполняя его смыслом и значением [Сузи, 2005, 43].

Разрабатывая концепцию интенциональности в лингводидактическом аспекте следует отметить, что интенциональность не может быть сведена только к когнитивному акту, к моменту стимулирования восприятия субъектом, она предполагает и спонтанную направленность к тем или иным объектам, что связано с врожденными структурами субъекта, которые, в свою очередь, являются источниками его развития. «Мышление получает нелегитимные полномочия к познанию всего сущего, и с энтузиазмом его интерпретирует, как ему «вздумается» [Сокол, 2015, 48].

Конституирование нового смысла, оценка истинности познаваемого подчёркивает деятельностный характер интенциональности, который заключается в актуализации потенциальных возможностей: «имея в сознании (потенциально) горизонт вещи, предполагающий существование вещи, но открывая это горизонт, актуализируя его, мы узнаём новое и тем самым создаём новый предмет» [Фалёв, 2008, 34].

Очевидность взаимосвязи восприятия объекта с деятельностью сознания посредством интенциональных актов позволяет признать факт того, что смыслообразование – суть процесса интенциональной направленности на этот объект. Сознание, обнаруживая себя как структуру внутри мыслительной деятель-

ности [Литвинов, 2014, 108], всегда «выносится вовне» [Щедровицкий, 2004, 60]; его деятельность выступает как поле для проявления его интенциональности, а интенциональные акты выступают как формы этой деятельности. Это позволяет сделать вывод о том, что именно в формах деятельности сознания предмет/объект проявляет свою сущность, истинность.

Я, осознающее объект, или, другими словами, находящееся в интенциональном потоке, в связи с этим, можно обозначить как априорное состояние сознания, «оно суть создающая сила или творящая способность, направленность на истину, подлинное бытие идей» [Семенов, 2012, 233]. Субъект попадает в абсолютно новую сферу, переступает некий порог, осуществляет так называемую духовную деятельность, упорядочивающую, придающую самостоятельность и обобщающую, объединяющую и устанавливающую известные отношения. В процессе её возникают единичное и множество, целое и части, тождественное и различное и т.д. Схематическое изображение протекания интенционального процесса представлено на рисунке 1.

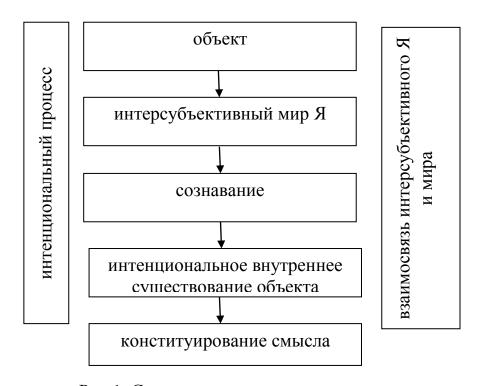

Рис.1. Схема интенционального процесса

Конституирование новых смыслов в рамках постнеклассической парадигмы становится неотъемлемой частью процесса учения и развития субъекта; между новыми смыслами возникает огромное количество связей, большая часть которых фиксируется и обрабатывается в области бессознательного, связанна с врождёнными структурами и закрепляется в сознании субъекта интегрируясь со смыслами, приобретёнными в трансцендентном опыте. Осознаваемое регулирование характеристик смыслообразования и управление интенциональными процессами осуществляется при помощи программ, развивающихся в опыте субъекта, а процесс «управляемого смыслообразования» должен опираться на совокупность сознаваемых и неосознаваемых интенциональных актов.

Интенциональность нашего сознания или, скажем другими словами, его предметность в силу своей априорности обеспечивает и стимулирует субъект (Я) к постижению мира равно как через его объекты, так и через его субъекты (Другое Я) и эту особенность сознания необходимо использовать в образовательном процессе.

Определение своей интерсубъективности предполагает осознание того важного, что есть вокруг нас и помимо нас; иными словами, для того, чтобы постичь свою культуру, нам необходим опыт понимания.

Интенциональность сопутствует и является априорным процессу перехода от непонимания, обладающего транзитивной природой, к пониманию, как состоянию стабильному; она позволяет создавать, а не пассивно воспринимать мир, наполняя его смыслом и значением. Эта идея коррелируют с особенностью самого предмета «Иностранный язык», китайским, в частности, которая заключается в преимущественной ориентации на метод презентации учебного знания, возможности этого знания быть представленным определенным образом и предполагает наличие таких личностных механизмов у обучающегося, которые бы «резонировали» учебному материалу и деятельности по его поводу.

Таким образом, в управляемом учебном процессе, направленном на активное смыслообразование, интерпретацию и последующее речевое высказывание, можно выделить 3 этапа:

- неосознаваемый этап накопления и систематизации образов как отражений объектов внешнего мира в конкретных интенциональных состояниях и связанное с ним формирование представлений и установок, вытекающих из трансцендентного опыта субъекта по присвоению объектов и конституированию смыслов;
- осознаваемый этап обобщения образов как отражений объектов внешнего мира, соизмеримое с тем или иным интенциональным состоянием и связанное с ним декодирование представлений и установок этап «управляемого смыслообразования»;
- этап продуктивного манипулирования образами, понятиями, смыслами, облачение их в вербальную оболочку в контексте интенционального состояния, на этом этапе осуществляется со-бытийность собственного и чужого или совместная интенциональность.

Интенциональное обучение иностранному языку позволяет с иного угла зрения охватить процесс взаимодействия его участников, который строится на субъект-субъектной основе, а также представить сущностные параметры учебного материала, задающего не дефиниции, а дескрипции (описание; языковая конструкция, которая заменяет собственное или нарицательное имя предмета.). В таком параметре, управляемые интенциональные процессы будут способствовать «вхождению» в познавательную ситуацию через прояснение значений и рождение новых смыслов в сознании субъектов учения.

Список использованных источников:

- 1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- 2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. СПб.: СПб ун-т., 2004. 399 с.
- 3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т.2. / Э. Гуссерль. Собрание сочинений. Т.3. (1). М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.
- 4. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки / В.А. Канке. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2008. 397 с.
- 5. Лиотар Ж-Ф. Феноменология / Ж-Ф. Лиотар; перевод с французского и послесловие Б.Г. Соколова. Алетейя, 2001. 160 с.
- 6. Литвинов В.П. Введение в методологию [Текст]: материалы к университетскому курсу: [учебное пособие] / В.П. Литвинов. Москва: Директ-Медиа, 2014. 183 с.
- 7. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт; пер. с англ. Кирилла Мартынова, Николая Эдельмана. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. 253 с.
- 8. Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века [Текст] / Доминик Перлер; пер. с нем. Г.В. Вдовиной; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Изд. дом Дело, 2016. 470 с.
- 9. Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. Набросок феноменологического описания. Москва: ИОИ, 2015. 160 с.
- 10. Семенов В.Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии / В.Е. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 687 с.
- 11. Сокол В.Б. Интенциональный разум и музыкальное мышление / В.Б. Сокол / диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук 09.00.01 Онтология и теория познания, 2015. 399 с.
- 12. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // В.С. Степин / Вопросы философии. 2003. № 8. [Электронный ресурс] URL: https://dlib.eastview.com/browse/doc/5630794
- 13. Сузи В.Н. Герменевтика: история и концепции : учеб. пособие / В.Н. Сузи. Изд-во ПетрГУ, 2005. 89 с.
- 14. Фалёв Е.В. Герменевтика Мартина Хайдеггера / Е.В. Фалёв. Санкт-Петербург: Алетейя. Историческая кн., 2008. 221 с.
- 15. Щедровицкий Г.П. На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого / [ред. текста, авт. коммент. В.Л. Данилова]. М.: [Изд-во Шк. Культур. политики], 2004. 195 с.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Калита А.В., студент 1 курса магистратуры МГПУ, Москва, Россия

ON THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF LEARNING MONOLOGUE SPEECH IN CHINESE USING THE TECHNOLOGY OF DEVELOPING CRITICAL THINKING

Kalita A., master student of MGPU, Moscow, Russia

Аннотация. Растущая популярность китайского языка как средства общения приводит к необходимости поиска новых путей совершенствования процесса обучения. Данная статья посвящена обоснованию использования технологии развития критического мышления в процессе обучения китайскому языку.

Ключевые слова: китайский язык, критическое мышление, монологическая речь.

Abstract. The growing popularity of Chinese as a means of communication leads to the need to find new ways to improve the learning process. This article is devoted to justifying the use of technology of developing critical thinking in the process of learning Chinese.

Keywords: Chinese, critical thinking, monologue.

За последние годы значительно возрос интерес к китайскому языку как средству общения. В современной методике преподавания иностранного языка существует проблема отработки и формирования определённых умений, в частности, умений монологической речи. Так как на сегодняшний день также возникает потребность в улучшении качества подготовки учащихся и формировании у них иноязычной коммуникативной компетенции, необходимо искать новые пути совершенствования процесса обучения устной речи. В данной статье будет рассмотрена обоснованность использования технологии развития критического мышления (далее – ТРКМ) в процессе обучения китайскому языку.

Устная речь, как известно, делится на диалогическую и монологическую. Оба этих вида имеют собственные особенности и требуют определённого подхода в обучении. Однако монологическую речь, как менее естественную, по сравнению с диалогической, принято считать более сложной. Это связано, в первую очередь, с необходимостью грамотного построения высказывания, которое зависит не только от знания лексики и грамматики, но и от умения после-

довательно и логично мыслить, анализировать и синтезировать данные, делать выводы.

Общеизвестно, что обучение иноязычной монологической речи связано с рядом трудностей. Также существует проблема в формировании у обучающихся умений сформулировать и выразить свои мысли на иностранном языке с эмоциями и отношением к высказыванию. Наряду с этим, данные умения являются чрезвычайно важными для осуществления полноценного акта коммуникации [Абазовик, 2017].

Сложность порождения монологического высказывания также объясняется его особенностями как вида речевой деятельности: высказывание определяется интенцией говорящего, содержанием высказывания, языковым оформлением, контекстом ситуации. Зачастую ввиду небольшого объема языковых знаний и недостаточного развития умений говорения эта задача становится особенно сложной, несмотря на то, что словарный запас учащихся и количество освоенных ими грамматических форм достаточно обширны.

Монологическое высказывание может вызывать трудности как при порождении высказывания, так и при его восприятии: требуется высокая концентрация внимания реципиента, достаточное владение лексико-грамматическим материалом и развитый навык языковой догадки. Языковая догадка также напрямую связана с процессом анализа иноязычной речи, что позволяет определить значение неизвестного слова или выражения по контексту.

Рассматривая монологическую речь в рамках обучения китайскому языку, нельзя не отметить дополнительные трудности ввиду особенностей языка:

- 1) трудность высказывания с точки зрения грамматики, выраженная необходимостью использования большего, нежели в русском языке, числа глаголов или иных частей речи в глагольной функции, что необходимо для высокого уровня динамизма китайской речи;
- 2) трудность обеспечения связности высказывания, вызванная меньшим количеством формально-грамматических средств связи;
- 3) трудность отожествления и реализации интонационных средств китайского языка;
- 4) трудность говорения в нормальном для китайского языка темпе речи [Кочергин, 2000].

Стоит сразу отметить, что обучение говорению на китайском языке осложняется спецификой самого языка (высокая степень омонимии, тоны, наличие звуков-аффрикат, вызывающих трудности при их произношении) и отсутствием в учебных пособиях разработанной системы упражнений по обучению говорению на китайском языке. В этой связи обучение иноязычному говорению на китайском языке можно назвать трудоемким и малоэффективным [Масловец, 2012].

Помимо этого, для формирования практических навыков и умений зачастую недостаточно лингвистической теоретической базы учащихся. Данный факт приводит к трудностям, связанным с синтаксисом китайского языка: например, синтаксическая роль частей речи в китайском языке определяется их позицией в предложении. Так, учащимся необходимо чётко спланировать и

проанализировать своё будущее высказывание, чтобы выбрать наиболее подходящие языковые средства.

Таким образом, в процессе обучение монологической речи необходимо не только сформировать умение построение грамматически правильного, логичного и последовательного высказывания, но и научить высказывать собственное аргументированное мнение, которое представляется возможным сформулировать только путем оценки, анализа и выводов.

Стоит отметить, что всё обучения монологической речи строится на развитии критического мышления, так как ученик развивает в себе умение логически мыслить, выделять главное, делать выводы и оспаривать другую точку зрения. Большое значение в технологии развития критического мышления уделяется методам, которые формируют способность работать с вопросами и структурировать информацию. В то время как традиционное преподавание основано на готовых ответах, которые представлены учащимся.

На основании вышесказанного становится возможным сделать вывод о важности правильной организации обучения монологической речи, а также о приемлемости использования ТРКМ, в результате чего возможно прийти к повышению мотивации и проявления когнитивной активности учащихся.

Список использованных источников:

- 1. Абазовик Е.В. Лингвостилистические особенности английской эмоционально окрашенной монологической речи и обучение монологической речи учащихся старших классов / Е.В. Абазовик, И.В. Мартыненко // «ХХІ Царскосельские чтения»: материалы международной научной конференции, (25-26 апреля 2017 г., Санкт-Петербург). СПб.: ЛГУим. А.С. Пушкина, 2017. Т. І. С. 368–372.
- 2. Андрющенко А.И. Языковая догадка в изучении китайского языка / А.И. Андрющенко // Цивилизация знаний: Российские реалии. 2016. С. 141—145.
- 3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова, И.И. Гез. М.: Академия, 2006. 336 с.
- 4. Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку / И.В. Корчегин. Издательский дом Муравей, 2000. 160 с.
- 5. Масловец О.А. Методика обучения китайскому языку в средней школе: учеб.пособие / О.А. Масловец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. 188 с.
- 6. Санинская Т.Н. Работа с текстом на занятиях по иностранному языку / Т.Н. Санинская // Компетентностный подход: современные аспекты развития образования. 2017. С. 174—175.
- 7. Стрижак У.П. Японский язык. Методика преподавания японского языка / У.П. Стрижак, Л.Т. Нечаева, Е.Ю. Бессонова и др. М.: [Яп. фонд ВГБИЛ], 2010.-154 с.
- 8. Тарева Е.Г. Факторы модернизации школьного образования в предметной области «Иностранные языки» / Е.Г. Тарева, Н.В. Языкова // Иностранные языки в школе. -2018. -№ 4. C. 2-8.

9. Фроликова Е.Ю. Необходимость совершенствования обучения монологическому высказыванию на английском языке в школе и ВУЗе / Е.Ю. Фроликова // Иностранные языки в школе. – 2011. - No 2. - C. 15–20.

ПРИМЕНЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗАХ

Могжанова С.А., преподаватель китайского языка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

APPLYING OF VITUAL REALITY FOR CHINESE LANGUAGE GRADUATE EDUCATION

Mogzhanova S., Chinese language teacher, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Аннотация. В статье предпринимается попытка оценить применение технологий виртуальной реальности в обучении китайскому языку в ВУЗах России. По мнению автора, одной из главных задач современного образования является поиск новых педагогических методов, в рамках которых процесс обучения станет более продуктивным и наглядным. На современном этапе помимо классической методики, в практику преподавания активно внедряются учебные планы на базе современных технологий. В качестве нового метода в статье будут выступать технологии виртуальной реальности (ВР). В работе будут отражены преимущества и недостатки ВР при обучении иностранному языку (на примере китайского языка), а также принцип работы устройства. Также будет смоделирован возможный ход урока китайского языка с применением шлема виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, китайский язык, BP, современные технологии.

Abstract. The article attempts to assess the use of virtual reality technology in teaching Chinese in Russian universities. According to the author, one of the main tasks of modern education is the search for new pedagogical methods, within which the learning process will become more productive and visual. At the present stage in addition to the classical methodology, curricula based on modern technologies are being actively introduced into the practice of teaching. A new method in the article will be the virtual reality technology. The work will reflect the advantages and disadvantages of VR in teaching a foreign language, as well as the principle of operation of the device. A possible course of a Chinese lesson using a virtual reality helmet will also be modeled.

Keywords: virtual relity, chinese language, modern technologies.

Сегодня очевидно, что в условиях непрерывного развития отношений России с Китаем значительно возрос интерес к изучению китайского языка. Для удовлетворения потребностей желающих создаются курсы для изучения китайского языка, приглашаются носители языка и культуры, проводятся различные

акции на территории нашей страны. Китайский язык вводится в школах и в ВУЗах как второй, а иногда и как первый иностранный язык. В связи с этим весьма актуальной является задача поиска эффективных методов и приёмов обучения китайскому языку, так как вопрос методики преподавания китайского языка всё ещё остаётся малоизученным.

В настоящее время обучение китайскому языку посредством классических педагогических методов является приоритетным объектом многочисленных исследований. Однако в XXI в. педагогика обогащается новыми организационными формами проведения учебных занятий. Педагоги и методисты неустанно ищут новые образовательные модели для изучения иностранных языков. На современном этапе в системе российского образования стали активно применяться мультимедийные и другие инновационные технологии. Среди многочисленных разработок, применяемых в образовании, в последнее время приобретает признание и популярность технология виртуальной реальности (далее – ВР). Несмотря на малоизученность и пока еще узкое применение ВР, автор видит перспективы широкого распространения данной инновации.

Принцип действия

Технология виртуальной реальности, BP (или VR – virtual reality) – созданный техническими средствами мир (объекты и субъекты), передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие [Карелов, 2000, 16].

Существует огромное количество формулировок для данного технологического термина, и если их обобщить, то можно выделать следующие основополагающие черты «виртуальной реальности»:

- правдоподобность создание у пользователя ощущения реальности происходящего;
- доступность для изучения технологии дают возможность для изучения большого конкретизированного мира;
- интерактивность позволяет взаимодействовать со средой (одногруппниками или преподавателем);
- создание эффекта присутствия в процесс вовлекается как мозг, так и тело пользователя, стимулируя почти все органы чувств.

Ключевым инструментом для перехода в виртуальный мир является VR-шлем, или как его ещё называют VR-очки. В статье будет рассматриваться именно этот вид устройств, поскольку на современном этапе он является самым популярным и общедоступным на рынке инновационных компьютерных технологий. Надев очки, наблюдатель переносится в целый другой мир, который был разработан для того, чтобы обеспечить визуальные и тактильные стимулы для пользователя. Это способствует более адекватному удержанию знаний.

Таким образом, можно сделать вывод, что цель любой системы VR — это полноценное погружение пользователя в новую среду моделирования. Принцип работы виртуальной реальности — очень умное сочетание различных компьютерных технологий, в результате взаимодействия которых создаётся захватывающий персональный опыт. Подобный опыт возникает в результате эффекта

присутствия, т. е. в процесс вовлекается как мозг, так и тело пользователя, стимулируя почти все органы чувств.

Преимущества и недостатки ВР при обучении иностранному языку (на примере китайского языка)

Изучение китайского языка при помощи технологии виртуальной реальности — это совершенно новый и, по мнению автора, чрезвычайно эффективный метод овладения языком со сложным понятийно-речевым аппаратом. Однако, как и любое инновационное изобретение в области образования, виртуальная реальность имеет своих сторонников и противников. Каковы преимущества VR над классическими методами изучения китайского языка в ВУЗе?

Во-первых, виртуальная реальность создаёт интерес для студентов. Студенты всегда будут тяготеть к тому, чтобы воочию наблюдать или испытывать что-то, вместо сухого чтения или прослушивания лекций по предмету. Перспектива такого обучения может развить интерес у студента к китайскому языку и самобытной китайской культуре, так как такой наглядный и игровой метод позволит минимизировать трудности при изучении.

Во-вторых, виртуальная реальность повышает уровень участия студентов в учебном процессе.

Создание продуктивного взаимодействия с классами всегда было проблемой для учителей. С помощью виртуальной реальности этот аспект станет легче контролировать. Например, выстраивание диалога с преподавателем на основе обсуждения самостоятельного опыта студента в виртуальном мире, выполнение более интересного домашнего задания, разыгрывание совместных диалогов-сценок на уроке разговорного языка и прочее.

В-третьих, в рамках учебного процесса ВР даёт возможность организовывать межкультурные коммуникации с носителями языка. Для этого нужно всего лишь надеть VR-шлем и погрузиться в специальную программу. Изучая китайский язык, мы не должны забывать о важности перехода из зоны комфортного общения с преподавателем в зону общения с носителями языка. При многократном использовании одних и тех же грамматических и лексических структур, происходит их интернализация. Поясним, что интернализация (от лат. interims – внутренний), в нашем понимании, — термин, обозначающий процесс освоения индивидом или группой людей социальных ценностей, норм, установок, стереотипов, принадлежащих к сфере взаимодействия с миром другой культуры.

И наконец, четвёртым, и самым важным преимуществом виртуальной реальности является возможность полного погружения в среду изучаемого языка. Обучение за рубежом не является общедоступным, а обучение в классе не может дать опыт реального общения, каким бы продуманным ни был учебный план. Выходом из данной ситуации станет использование в аудиториях и дома программ виртуальной реальности, где каждый учащийся сможет в неограниченном количестве получать коммуникативные навыки и применять их на практике в разговоре с носителями языка, на пример: собеседование при найме на работу в Китае, заказ еды в ресторане, покупка билетов и прочее.

Безусловно, технология виртуальной реальности отнюдь не идеальна. Если рассматривать урок китайского языка с применением VR-технологий, то

необходимо также учесть ряд недочётов и нюансов. По мнению автора, основным минусом является то, что обучающиеся с нулевым уровнем знаний не смогут учиться в таком формате. Необходимо иметь базовые знания по грамматике, иероглифике и фонетике китайского языка, чтобы понимать графические символы и уметь распознать на слух сложные звуковые сочетания.

Другим недостатком является отсутствие гибкости. Если в классе вы можете быть спонтанным, задавать вопросы, получать ответы, то, используя VR-гарнитуру — это другой опыт. Если вы используете специальное программное обеспечение, которое пока запрограммировано на определенную работу, вы не сможете делать ничего, кроме того, что вы должны делать в рамках программы. Это отсутствие гибкости может быть недостатком для большинства студентов и преподавателей, потому что образование не является фиксированной роботизированной деятельностью.

Еще одним потенциальным минусом может стать трансформация межчеловеческих связей и коммуникации. Традиционное образование основано на личном человеческом общении. Виртуальная реальность совершенно иная — это вы и программное обеспечение и ничего больше. Это может нанести ущерб отношениям между учащимися и преподавателями, а также может привести к неготовности общаться с реальными людьми при попадании с страну изучаемого языка.

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя виртуальная реальность всё ещё находится в процессе практической разработки и дальнейшего концептуального развития, тем не менее, мы видим, что, несмотря на ряд недостатков, она может предоставить огромные возможности для обучения китайскому языку в классе и дома.

Виртуальная реальность как метод обучения китайскому языку

Хотя начинать внедрять технологию виртуального обучения можно на разных этапах обучения в ВУЗе, но, по мнению автора, основной аудиторией рассматриваемых новейших технологий будут студенты, начиная со второго курса обучения. К этому времени уже заложена основная лексикограмматическая база, на которой необходимо в полной мере развивать и отрабатывать речевые навыки.

Одна из самых сложных задач в обучении китайскому языку — найти эффективные способы помочь студентам улучшить свои навыки говорения. Конечной целью преподавания устной речи является создание коммуникативной компетенции. Одним из возможных путей решения проблемы эффективной коммуникации является активное применение технологий виртуальной реальности на занятиях китайского разговорного языка.

С помощью виртуальной реальности студенты могут полностью погрузиться в различные реалистичные среды и изучать язык на своем опыте. Только прочувствовав на своем опыте ту или иную ситуацию из реальной жизни, у обучающегося может сформироваться соответствующая модель поведения. Только погрузившись в реальную аутентичную ситуацию из жизни Китая, студент сможет понять, как себя нужно вести и что делать, чтобы не попасть в затруднительное положение.

Примером погружения в аутентичную атмосферу Китая для отработки навыков устной речи может послужить следующая модель урока. Сперва необходимо выбрать тему. Возьмём — «покупка билетов на железнодорожном вокзале». Занятием раньше преподаватель объясняет слова и выражения, которые могут пригодиться для данного урока. Надев шлемы виртуальной реальности, студенты погружаются в шумную атмосферу китайского вокзала, где в очереди стоит огромное количество китайцев, а все надписи вокруг только на китайском. Следующий этап такого испытания — разговор с кассиром. Диалог строится на базе «вопрос-ответ». Программа предлагает набор стандартных вопросов, на которые есть варианты ответов. Таким образом, происходит беседа, в результате которой у обучающегося возникает конкретный визуально-речевой опыт. В дальнейшем, при покупке билетов в самом Китае у студента не будет страха перед шумной толпой или перед речью кассира. Что немаловажно, в зависимости от уровня подготовки ученика речь кассира может быть более быстрая или более медленная.

При помощи ВР также можно заниматься таким немаловажным аспектом языка, как лингвострановедение. У преподавателя вместе со студентами появится возможность прикоснуться к истории Китая, путешествовать по его важным историческим местам и достопримечательностям, например, воочию увидеть Великую китайскую стену и взобраться на неё, погулять по площади Тяньаньмэнь, побродить по пекинским хутунам, сделать фото с набережной Вайтань в Шанхае и многое-многое другое.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что виртуальная реальность не может полностью заменить или восполнить опыт общения с носителями языка, она не может погрузить студента в 100% реальную визуальную среду, с атмосферой общения с живыми людьми, она не может перенести физическую оболочку в другое пространство. Что виртуальная реальность может сделать, так это создать бесценный опыт, который поможет студентам лучше понять места, людей, язык и процессы в изучаемой стране. Также, благодаря технологиям виртуальной реальности, игровое обучение приобретает всё более разнообразные формы, при которых степень погружения в виртуальный мир достаточно велика. Это позволяет передавать большой объём информации потенциальным пользователям и вырабатывать у них те или иные навыки.

Технологии виртуальных миров в будущем могут стать одним из лучших вариантов обучающей среды, так как позволяют воспроизвести на экране специального шлема практически все значимые виды деятельности человека.

Список использованных источников:

- 1. Демина Н.А. Методика преподавания практического китайского языка / Н.А. Демина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2006.
- 2. Доброва В.В, Лабзина П.Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков / В.В. Доброва, П.Г. Лабзина. [Электронный ресурс]: электронное издание Самарского государственного технического университета

- «Вестник». 01.12.2016 N_{\odot} 4. C. 19. URL: http://vestnik-pp.samgtu.ru/article/view/id/624
- 3. Карелов С.В. Виртуальная реальность станет доступна каждому / С.В. Карелов // Компьютер-Пресс, 2000. № 8.
- 4. Кочергин. И.В. Очерки лингводидактики китайского языка: научное издание / И.В. Кочергин. 3-е изд., перераб. Москва: Восточная книга, 2012. (Программа и методика преподавания китайского языка).
- 5. Thakral S. Virtual Reality and M-Learning / S. Thakral, P. Manhas, C. Kumar // International Journal of Electronic Engineering Research, 2010. Vol. No.5

ОБЪЕДИНЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК, И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК, КАК СРЕДСТВО ПОГРУЖЕНИЯ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ

Кособуцкая Ю.Б., старший преподаватель, кафедра восточных языков Институт лингвистики, РГГУ, Москва, Россия

JOINT LESSONS FOR RUSSIAN STUDENTS WHO STUDY CHINESE LANGUAGE AND FOR CHINESE STUDENTS WHO STUDY RUSSIAN LANGUAGE AS A TOOL OF CULTURAL AND LINGUISTIC IMMERSION

Kosobutskaya Y., Senior teacher, Department of Oriental languages, Institute of linguistic studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Аннотация. Данная статья рассказывает о личном опыте автора проведения подобного рода занятий. Будут рассмотрены темы занятий, а также рекомендуемая нагрузка и формат их проведения.

Ключевые слова: объединенное занятие, культура, китайский язык, русский язык, коммуникация, преподавание.

Abstract. This article is about author's personal experience of giving such joint lessons with subject recommendations, timing framework and teaching requirements.

Keywords: joint lesson, culture, Chinese language, Russian language, communication, teaching.

В данной статье я бы хотела рассказать о своём личном опыте проведения подобных занятий в группе китайского языка Факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета.

После первого года обучения при нагрузке 12 академических часов в неделю студенты обладали достаточным объемом знаний по грамматике и достаточным словарным запасом для того, чтобы довольно свободно вести диалог на китайском языке на самые базовые темы. Конечно, на занятиях я уделяю особое внимание тому, чтобы рассказать ученикам о культуре Китая, об особенностях менталитета, об особенностях языка, предоставить историческую справку о различных знаковых событиях, делюсь историями из личного опыта обучения и работы, но, безусловно, это не может заменить полноценных тематических лекций и не является погружением в языковую среду.

Таким образом, когда студенты перешли на второй курс, мне в голову пришла идея устраивать такие живые занятия «взаимного погружении в языковую и культурную среду». Суть идеи заключается в следующем. В настоящее

время почти в каждом ВУЗе обучаются китайские студенты, которые еще в Китае начинали хоть немного изучать русский язык. Приезжая в другую страну на учёбу, им ещё мало известно, о культуре страны они, вероятнее всего, знают пока ещё не так много. Поэтому с целью взаимного обмена информацией я решила найти несколько студентов (1 или 2 курс) из Китая для того, чтобы пригласить их на занятия к моим ученикам.

Теперь о моём личном опыте. В моей группе обучается 14 человек, были приглашены 5 китайских студентов, которые с радостью откликнулись на такое предложение. Китайским студентам такие занятия являются хорошим дополнением к тому, что у них стоит по обязательной программе. Было решено, что на занятия китайские студенты приходят по очереди, не все вместе, а по 2-3 человека на пару. Российские студенты приходят в полном составе, так как для них это основные занятия. Занятия проводятся один раз в неделю или один раз в две недели по 2 академических часа. Подготовка к каждому занятию обязательна. На обсуждение одной темы отводилось 1-2 занятия в зависимости от объема подготовленной информации. Темы для подготовки я им говорила сама за 2 дня до встречи. Для того, чтобы облегчить им понимание друг друга, особенности культуры, узнать что-то интересное друг о друге и об изучаемых странах (Россия и Китай) они за один семестр таких занятий подготовили небольшие справочные выступления (7-10 предложений) на следующие темы:

- 1. Знакомство: любимые хобби, занятия, увлечения, коллекционирование и др.
- 2. Книги: самые популярные литературные произведения (название, автор, краткое содержание).
- 3. Города России и Китая и их основные достопримечательности (зачастую в группе есть представители разных городом России, китайские студенты тоже могут быть из разных городов Китая, так они могут рассказывать не только о каких-то крупных городах, но и о своём родном городе, рассказу о городе, в котором находится ВУЗ, должно быть уделено больше внимания, чтобы познакомить китайских студентов с основными достопримечательностями того города, в который они приехали учиться).
 - 4. Китайская кухня и русская кухня: основные блюда.
- 5. Пословицы и поговорки России и Китая (студенты разбирали самые простые и часто используемые пословицы и поговорки и даже устраивали игру на поиск аналогов в русском и китайском языке ещё до оглашения правильного перевода).
- 6. Праздники России и Китая (в качестве примера, скажу, что на данное занятие русская студентка, которая рассказывала о Масленице, напекла блинов, принесла сгущенку, а на следующее занятие студентка из Китая, которая рассказывала о Празднике середины осени, принесла лунные пряники, и что важно, это они решили сделать сами, что свидетельствует об их крайней вовлеченности и заинтересованности).
 - 7. Ассоциации: игра, когда нужно объяснить слово другими словами.
 - 8. Анекдоты.

Основная задача китайских студентов — делать сообщения на русском языке, а русских студентов — делать сообщения на китайском языке. Во время выступления русского студента китайский записывает ошибки и потом поясняет их выступающему. Потом все наоборот: выступает китайский студент, русские ученики вносят правки.

Таким образом и те, и другие не только узнают о культуре, традициях и достопримечательностях двух стран, но и получают бесценный опыт общения с носителями языка.

Ещё одной важной, на мой взгляд, особенностью является то, что они слышат, как представители одной страны общаются друг с другом. Например, когда китайские студенты думали, как объяснить на китайском какое-то слово, они между собой говорили не так, как говорит с учениками преподавательноситель языка, а это была живая коммуникация, как люди общаются друг с другом в обычной жизни, включая междометия, самые ходовые слова и фразы разговорного языка, характерные интонацию и мимику, жестикуляцию и т.д. Бывает, что китайские студенты, приехавшие из разных городов, говорят с особенностями своего диалекта, что в плане аудирования тоже невероятно полезно для российских студентов, чтобы они уже на ранней ступени изучения китаского языка постепенно учились слышать, распознавать и понимать разные диалекты китайского языка и их особенности.

Также стоит отметить, что занятия между студентами это, конечно, не занятия по схеме «студент-преподаватель», между ними не было скованности, смущения, они почти ровесники, они находятся на одной волне своего поколения, учитывая интересы, потребности и другое. Поэтому то, что они совсем не комплексовали друг перед другом — это несомненный плюс, который поможет им в дальнейшем быстрее адаптироваться к общению с носителем языка.

Важно проводить такие занятия именно на втором курсе, когда российские студенты уже могут говорить на китайском пусть даже на самые простые темы, но при этом еще находятся в самом начале своего пути изучения сложного языка.

Основными преимуществами проведения подобных занятий являются:

- 1. Непосредственное общение с носителями языка.
- 2. Погружение в культуру и менталитет двух стран.
- 3. Аудирование: возможность слушать разные диалекты.
- 4. Живой актуальный язык.
- 5. Новые знакомства.
- 6. Преодоление языкового барьера.
- 7. Постепенная адаптация к представителям другой культуры.
- 8. Умение слышать, корректировать и объяснять чужие ошибки.
- 9. Понимание тонкостей юмора двух стран.
- 10. Желание показать свою страну лучшим образом здоровый перфекционизм в обучении.

Уверена, что такая практика будет полезна для изучения любого другого иностранного языка.

Подводя итоги, стоит отметить, что речь моих студентов стала более лег-кой в том смысле, что они стали проще подходить к самому говорению на языке, они намного свободнее себя ощущают, быстрее отвечают на вопросы, быстрее реагируют, не стесняются в попытках донести свою мысль на китайском языке. Что касается китайских студентов, то им занятия тоже были крайне полезны, они больше узнали о городе, о стране, о кухне, а главное, и у них пропал языковой барьер в разговоре с русскими.

УДК: 372.881.1

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СРЕДСТВАМИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Демина М.А., преподаватель-исследователь, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Москва, Россия

CONCEPTUAL AND METHODICAL ASPECTS OF FORMATION OF CHINESE WRITING SYSTEM COMPETENCE BY MEANS OF INFORMATIZATION

Demina M., Researcher, High-Research teacher, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Аннотация. В работе приводятся концептуально-методические аспекты формирования у обучающихся иероглифической компетенции с использованием средств информатизации. В контексте проектирования модели обучения китайскому иероглифическому письму обосновывается целесообразность рассмотрения иероглифической компетенции как компонента освоения и как средства информатизации обучения иероглифике.

Ключевые слова: китайский язык, система обучения, иероглифическая компетенция, иероглифическое письмо, иероглифическая модель, средства информатизации, информатизация.

Abstract. The conceptual and methodological aspects of the formation of students' Chinese writing system competence by means of informatization are presented. In the context of designing a model of teaching Chinese characters, the Chinese writing system competence is considered both as a component of learning and as a means of informatization.

Keywords: Chinese language, teaching system, Chinese writing system competence, Chinese characters, hieroglyphic model, means of informatization, informatization of education.

Проблема повышения эффективности и результативности процесса обучения китайскому языку тесно связана с совершенствованием методической системы обучения. Рост продуктивности системы, полученной в результате интеграции отдельных взаимосвязанных компонентов, осуществляется благодаря возникновению новых закономерностей и особенностей в связи с использованием средств информатизации, появлением свойств, первоначально не присущих её составляющим.

Стремительный рост интереса к изучению китайского языка в России приобретает форму социального заказа системе образования, в настоящее время уже внедряются в практику модели государственной итоговой аттестации (ГИА)

и единого государственного экзамена (ЕГЭ) по китайскому языку. Меняется архитектура образования, изменяются требования к уровню подготовки обучающихся. Очевидно, вопрос формирования эффективной, отвечающей требованиям образовательных стандартов современной методической системы обучения китайскому языку и его иероглифике (иероглифическому письму) в условиях информатизации образования характеризуется инновационностью и приобретает особую значимость.

Однако, на сегодня, не только аспекты информатизации обучения письму, но и другим видам речевой деятельности, остаются непроработанными, наблюдается недостаток практических исследований в этой области; более того, трудности связаны и с отсутствием разработанного понятийного аппарата в области информатизации системы обучения китайскому языку с учетом его специфики и предметных особенностей.

Вопросы лингводидактики, повышения эффективности методики обучения китайскому языку, сегодня поднимаются многими ведущими исследователями: А.Н Алексахин, О.А. Масловец и др.

В исследованиях О.А. Масловец [Масловец, 2017; Масловец, 2017, 220—228] показано, что в существующих учебниках содержание обучения иероглифическому письму и система работы с иероглифическим материалом не соответствуют требованиям современной отечественной методики обучения китайскому языку и нормативных документов. В то время как основной целью обучения китайскому языку является формирование развитой личности, способной к диалогу культур в устной и письменной форме [Масловец, 2017; Масловец, 2017, 220—228].

А.Н. Алексахин [Алексахин, 2010, 128–135; Алексахин, 2016, 34–39] указывает, что сегодня функционирование китайского языка путунхуа как в КНР, так и за рубежом происходит при одновременном взаимодополняющем существовании двух форм письменности: основной иероглифической и вспомогательной буквенной [Алексахин, 2010, 128–135; Алексахин, 2016, 34–39]. Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа является лингвистической основой для современных компьютерных технологий, обеспечивающих инновационный прогресс в области методики преподавания китайского языка [Алексахин, 2014, 95–107].

В ходе предыдущих исследований [Демина, 2018, 440-445], нами было иероглифический выявлено, знак, своём что роде, является В фоноидеографической моделью представления информации. Для иероглифа базовые характеристики: свойственны следующие 1) целостность; 2) членимость (алгоритмические действия над знаком: сбор по составу черт, по ключам, их структурирование, разбор-декомпозиция, распознавание и др.); 3) определенная (комбинаторная) структура; 4) чёткий порядок (алгоритм) начертания; 5) каллиграфическая и электронная формы представления.

Иными словами, иероглифическая модель характеризуется формой (зрительным образом), звучанием и значением, выражается в целостном завершённом (иероглифическом) знаке фоноидеографического типа [Демина, 2018, 440–445].

Очевидно, овладение знаниями о последовательности написания черт, структуре и архитектонике, каллиграфии и равномерном расположении элементов иероглифов играет важнейшую роль в формировании всех уровней иероглифической грамотности [Демина, 2017, 187–190], которые, в свою очередь, в совокупности являются неотъемлемыми составляющими иероглифической компетенции.

Традиционно, знание иероглифа подразумевает овладение комплексом «знак-звучание-значение», в современных же условиях информатизации образования, иероглифическое письмо характеризуется не только традиционной каллиграфической, но и электронной формой [Демина, 2018, 119–121]. Так, закономерно, усвоение иероглифа подразумевает сформированность у обучающихся навыков применения его каллиграфической и электронной форм.

Формат электронного письма облегчает и ускоряет процесс создания, редактирования, пересылки текстов любого объема и содержания, потому, роль формировании y обучающихся важную В и информацию в трансформировать данные знания, умения самостоятельно добывать знания; в освоении, применении на практике уже полученных и формировании новых знаний в области китайского языка и его иероглифики [Демина, 2018, 52–55].

А.Н. Алексахин отмечает, что звукобуквенный стандарт записи слов (пиньинь) является экономичной и рациональной основой компьютерных программ, с помощью которых печатаются иероглифические тексты на китайском языке при использовании различных способов компьютерного набора иероглифов [Алексахин, 2010, 128–135].

Рассматривая понятие **«иероглифической компетенции»** в контексте информатизации образования, отметим, что в широком смысле, её развитие должно быть приоритетно направлено на системное формирование у обучающихся уровневой совокупности знаний, умений, навыков и опыта, проявляющихся в способности использовать каллиграфический и электронный форматы китайского иероглифического письма.

актуальность и Особую значимость приобретает TOT факт, что иероглифического электронная форма письма является не только перспективным предметом освоения, но и, наряду с этим, средством и методом информатизации системы обучения китайскому языку (аспектам письма). Так, при построении концептуальной модели информатизации методической системы обучения китайскому иероглифическому письму крайне необходимо учитывать изолирующие особенности, специфику многоуровневости самой системы письменности китайского языка.

Средства информатизации, программные решения и аппаратные средства информационно-коммуникационных технологий, должны быть задействованы как в качестве опорного вспомогательного инструмента, так и в роли основного интегративного средства обучения, разумеется, в комбинации с традиционными методами обучения иероглифике.

В условиях информатизации, среди компонентов, образующих достаточный уровень **иероглифической компетенции** целесообразно выделить такие возможные формирующие направления, как:

1) традиционный блок:

- а) комплексное знание звучания, зрительного образа, значения иероглифа;
- б) знание структурных элементов; умение осуществлять декомпозицию иероглифического знака; умение опознавать и различать иероглифы с «одинаковыми» ключами (детерминативами) и фонетиками в структуре;
 - в) умение верно употреблять иероглиф в лексических сочетаниях и пр;
- **2) инновационный блок** (необходим к освоению в современных условиях информатизации):
- а) умение работать с электронным форматом китайского иероглифического письма;
- б) навыки работы с редакторами (фонетического) метода ввода; знание других возможных методов ввода;
- работе при c фонетическим методом ввода, способность выбор базы осуществлять верный ИЗ предлагаемых компьютерной интерактивной системой омофонов (в строке соответствий) точно те иероглифы, которые необходимо ввести, - выработка навыков и опыта, основанных на структурированных знаниях и умениях, которые бы не носили случайный характер при клавиатурном наборе.

При формировании традиционного (первого) блока целесообразно применять вспомогательные средства информационно-коммуникационных технологий, например — мультимедийную флэш-анимацию, отображающую закономерности строения, основные характеристики и порядок начертания иероглифов, в комбинации с традиционными средствами обучения [Демина, 2018, 108–116].

Иностранные исследователи среди наиболее эффективных методов выделяют представление учебной информации, подразумевающее конвергенцию принципов визуализации, наглядности, интерактивности, для осуществления иллюстрации, способствующей многоканальному восприятию иероглифического материала [Демина, 2017, 187–190]. В отличие от линейных форм представления информации, мультимедиа анимация позволяет сократить время начертания при вводе новых иероглифов, повышает четкость восприятия, характеризуется точностью и надежностью, применима при самостоятельном повторении, потому, способствует прочности усвоения иероглифического материала [Демина, 2018, 108–116].

При формировании инновационного (второго) блока целесообразно специализированные программные решения средств использовать информационно-коммуникационных технологий, такие как редакторы (фонетического) метода ввода иероглифов, cцелью представления обучающимся не только возможности применения иероглифических знаний в практической деятельности, но и изучения иероглифических знаков на основе их «моделирования» и динамической визуализации (посредством отображения ввода-вывода иероглифической модели на экране).

Таким образом, вышеперечисленные закономерности обуславливают концепт построения такой модели информатизации методической системы обучения китайскому иероглифическому письму, нацеленной на формирование иероглифической компетенции у обучающихся, которая бы реализовывала совокупность следующих базовых компонентов:

- 1) соответствия потребностям современного учащегося в условиях ФГОС и открытого информационного общества, ориентации, в первую очередь, на личность обучаемого и развитие у него совокупности знаний, умений, навыков, опыта, компетенций, положительной мотивации учения;
- 2) учёта специфических особенностей китайского языка как иностранного восточного, а также специфики построения системы письменности фоноидеографического типа;
- 3) реализации потенциала средств информатизации, которые бы не отвергали устоявшуюся методологическую традицию преподавания иероглифики, а способствовали интеграции усовершенствованных подходов и методов;
- 4) приоритетной направленности на формирование иероглифической компетенции, в основе которой положено системное методически обоснованное взаимосвязанное использование средств информатизации, отвечающих специализированным педагогико-эргономическим требованиям.

Список использованных источников:

- 1. Алексахин А.Н. Взаимодействие иероглифического и звукобуквенного стандартов слова китайского языка путунхуа / А.Н. Алексахин // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 128–135.
- 2. Алексахин А.Н. Две письменные формы слова китайского языка путунху в межцивилизационном контакте Востока и Запада / А.Н. Алексахин // Гуманизация образования. 2016. \mathbb{N} 5. С. 34–39.
- 3. Алексахин А.Н. Инновационное взаимодействие универсальных лингвистических принципов и компьютерных технологий в совершенствовании методики преподавания китайского языка / А.Н. Алексахин. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 95–107.
- 4. Демина М.А. Визуализация иероглифической информации средствами флэш-анимации: обзор зарубежного педагогического опыта / М.А. Демина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. N = 1. C. 108 116.
- 5. Демина М.А. Метапредметная специфика и особенности проектирования содержания курса информатики в условиях информатизации образования (на примере китайского иероглифа как информационной модели) / М.А. Демина // Информатизация непрерывного образования. 2018. Informatization of Continuing Education 2018 (ICE-2018): материалы Международной научной конференции. Москва, 14—17 октября 2018 г.: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Гриншкуна. Москва: РУДН, 2018. Т. 1. С. 440—445.

- 6. Демина М.А. Подходы к применению средств информационных и коммуникационных технологий в процессе формирования иероглифической грамотности / М.А. Демина // Информационные технологии в образовании «ИТО-Саратов-2017»: материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, 2017. С. 187—190.
- 7. Демина М.А. Развитие навыков "e-writing" на основе компьютерных технологий неотъемлемый компонент при изучении китайского языка в условиях глобального информационного общества / М.А. Демина // Ученые записки ИУО РАО, 2018. № 1 (65). С. 52—55.
- 8. Демина М.А. Средства информатизации как предметная область информатики: специфика и роль в формировании иероглифической компетенции / М.А. Демина // Современные информационные технологии в образовании «ИТО-Троицк-Москва-2018»: сборник материалов XXIX ежегодной Международной конференции-выставки, 2018. С. 119—121.
- 9. Масловец О.А. Основы обучения китайскому языку в вузе и школе: теория и практика / О.А. Масловец. М.: Изд. дом ВКН, 2017. 264 с.
- 10. Масловец О.А. Система обучения иероглифическому письму в учебниках китайского языка: критериальный анализ / О.А. Масловец. // Вестник БГУ, 2017. №7. С. 220–228.

УДК: 372.881.1

俄罗斯初级汉语课堂教学中的汉字教学游戏

Davanova N. (娜塔丽雅),博士生,北京外国语大学,北京,中国

CHINESE CHARACTER TEACHING GAMES IN AN ELEMENTARY CHINESE LANGUAGE COURSE IN RUSSIA

Davanova N., PhD student, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

摘要. 近年来,对中国感兴趣、学汉语的俄罗斯人越来越多。但是由于汉语与俄语是完全不一样的语言系统,而且汉字有自己的基本特点,因此对很多俄罗斯汉语学习者来说,学汉字是一个很大的难点。为了提高学生对汉字学习兴趣,帮助他们尽快学好汉字,笔者参照一些俄罗斯流行的游戏,设计了 4 个不同难易程度的课堂游戏:"猜拼音"、"贴纸"、"翻卡片"、"Loto 彩票",其中一个游戏涉及拼音学习方面。

关键词: 俄罗斯汉语教学,游戏教学,汉字游戏

Abstract. In recent years, more and more Russians are interested in China and learn Chinese. But because of Chinese and Russian languages are a totally different language systems and characters having their own basic characteristics, therefore, for many Russian Chinese learners, learning Chinese characters is very difficult. In order to solve students' problems of their learning Chinese characters, increase the student's interest in learning Chinese characters, help them as soon as possible learn Chinese characters, the author on the basis some of popular Russian games, designed 4 different difficulty class game: "guess pinyin", "stickers", "flip the card" and "Loto", one of them involve pinyin learning.

Keywords: Chinese language teaching in Russia, game teaching, character games

"游戏"这一活动,过去被认为是儿童的专利,但是经过心理学家及教育学家的论证和实验,证明游戏对于青年和成年人来说也是必不可少的活动形式。 现当代教育学把游戏作为传输知识、培养综合技能的一种重要手段。

本文以汉字教学理论为基础,从俄罗斯学习者学汉字的特点出发,运用适合初级阶段学习者能接受的语言、体态进行游戏设计,共设计了4个游戏:"猜拼音"、"贴纸"、"翻卡片"、"Loto(彩票)"。游戏设计以学生使用的汉语教材为选取汉字的依据,游戏形式较简单,易于操作,有较强的灵活性。笔者所设计的游戏参照了一些俄罗斯很流行的游戏,以便增强游戏的可操作性和学生的兴趣。

一、汉字游戏的设计原则

笔者设计汉字课堂游戏时,借鉴了前人研究的设计游戏的主要原则。马智在《对外汉语课堂游戏教学法研究综述》(2011)一文中指出:"游戏教学法的最基本原则是趣味性,当然,趣味性不是单纯的为追求娱乐的形式,而是在'教'时针对'乐'有着特定的要求"[马智,2011]。屠沙沙在《论对外汉语课堂的游戏教学策略》(2013)一文中指出,"设计游戏时,要充分考虑教学的重点和其他教学要求。教学游戏的选择一定要有针对性,必须为教学服务。上课前一定要根据教学内容、教学目的设计相应的游戏"[屠莎莎,2013]。罗莉莉在《对外汉语教学中游戏的应用》(2013)一文中指出,"教师所选择的课堂游戏要有'竞争性'。在课堂游戏当中,只有使每个学生都感受到游戏的竞争性,才能使每个同学都积极地参与游戏"[罗莉莉,2013]。笔者设计游戏的时候,遵循这些主张提出如下基本原则:

(1) 针对性原则

在国际汉语教学中,如何设计高效的课堂游戏对汉语教师来说,是一个不容易的问题。教师设计教学游戏的时候,首先一定要考虑到教学对象的实际情况,详细地分析其适用性。

(2) 目的性原则

设计课堂游戏的时候,教师一定要明确游戏的目的性。就是说课堂游戏的目的是什么,教学游戏的设计要紧紧围绕教学目标而进行。也不要忘记这一点:游戏是教学的辅助,因此,教师进行课堂教学游戏的时候,要注意游戏服务于教学的目的与内容,以使学生通过游戏在"玩"中学,在"游戏"中练。课堂游戏在课堂教学任务中要解决什么具体的问题,设计某个游戏是为了训练哪个知识点,这些都是教师在设计游戏的过程中务必明确的。

如果教师设计游戏的时候,忽略游戏的目的和教学内容而单纯追求游戏的趣味性,课堂上就很容易出现以下问题:学生们在课堂上说说笑笑,玩玩闹闹,扰乱课堂秩序。学生无法学到真正的知识,对于教师来说,也不能提高教学效率。

因此,为了合理地设计与开展课堂教学游戏,教师在整个设计的过程中 要明确游戏的目的,确保游戏为教学服务。

(3) 趣味性原则

课堂游戏教学很重要的原则之一是趣味性。趣味性能激发学习的热情,想要吸引学生们的注意力,引发他们对于汉字学习的兴趣,就要为课堂教学增加趣味性。课堂游戏教学正是因其充满乐趣的特点而广受欢迎,所以课堂游戏教学中所设计的游戏一定要保证充足的趣味性,从而推动课堂游戏教学的开展与进行。同时"教"和"乐"的关系也要摆正,"教"要围绕课堂的教学难点和重点来设计;而"乐"则限定教学游戏的设计要针对"教"来贯穿和依托。游戏的趣味性原则始终不能离开教学的重点和难点,最终的目的是更加圆满地完成教学任务。

(4) 竞争性原则

设计汉字游戏的时候,教师要重视竞争性原则。课堂游戏的竞争能激发 学生参与的积极性,好胜心能激发他们想方设法地多参与、多出力、多表现。 教师也要在课堂竞争中强调团队互动,这样更有助于汉字教学课堂游戏的开展。

二、课堂汉字游戏

2.1"猜拼音"游戏

熟练地掌握拼音有助于更准确地认读汉字、写好汉字。为了帮助学生记忆拼音,笔者创造了"猜拼音"游戏。这个游戏可以用于复习课,目的是考察学生对拼音的掌握,发现他们在拼音方面存在的问题,既而解决这些问题。

- 1. 游戏目的: 帮学生增强拼音的记忆,强化汉字的正确读音。
- 2. 适用人群:零基础学生,词汇量60左右。
- 3. 游戏说明: 这个游戏借鉴了俄罗斯的 "Виселица" 游戏。"Виселица" 游戏在两位游戏者之间进行,第一位游戏者心里想定一个词语,第二位游戏者要猜第一位想定的词语。笔者对这一俄罗斯游戏进行了改造,设计为游戏者要猜出汉语拼音词语。
 - 4. 游戏准备:每个学生准备一张白纸和笔。
 - 5. 游戏规则:
 - (1) 游戏在 A 和 B 两人之间开展。
- (2) A 心里想定一个汉字或生词,然后根据这个汉字或生词的拼音字母数量,在纸上画方格。方格数量应与拼音字母数量一致。
 - (3) B开始猜拼音字母,猜中得一分,猜错失一分。
- (4) B 猜中时, A 应将该字母填写入方格相应位置, B 继续猜。B 猜错时, A 开始画"正"字扣分。当"正"字画完, B 扣掉 5 分时如仍未猜出拼音则 A 赢, 反之 B 赢。
 - 6.游戏过程:
 - (1) 教师讲解游戏的规则。
 - (2) 学生两人一组,轮流充当 A 和 B。
 - 7. 游戏示例:

A 学生心里想到"手机"一词,所以根据"shouji"的拼音字母数量,画出如下 6 个方格:

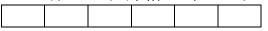
A 提示 B: 这是一个生词,它的拼音有 2 个辅音和 2 个元音。

B: 第一次猜 a

A: 没有 a, 画正字第一笔 "一"

B: 第二次猜 ou

A: 有 ou, 在方格上写 ou。如下:

B: 第三次猜 b

A: 没有b, 画正字第二笔"丁"

.

B学生第5次猜错时,A"正"字也画完了,那么A赢。

2.2"贴纸"游戏

汉字从字形上可以分为笔画、部件和整字三个层级。从理论上说,教授汉字的时候也有三种可以选择的方法,即通过笔画教授,通过部件教授,和直接教授整字。对大多数的汉字来说,不加分析地直接教授整字,显然难度太大;通过笔画教授,则显得太零碎;所以,很多研究者提出过在国际汉语教学中使用部件教授汉字的思路。部件也叫偏旁,可以作为汉字的记忆工具[傅晓莉,2015],李大遂(2002)认为汉字教学的推展要坚持以偏旁为纲,汉字形音义的系统性通过偏旁可以得到很好的体现,所以,汉字教学以偏旁为纲可以更好地体现汉字的理据性,提高汉字教学的效率和学习者习得汉字的效率[李大遂,2002]。

笔者为丰富汉字课堂教学手段、增强学生对汉字部件的记忆、考察其对汉字部件的掌握情况,而设计了"贴纸"汉字课堂游戏。

- 1. 游戏目的:帮助学生掌握汉字的部件。
- 2. 适用人群:零基础学生,词汇量80左右。
- 3. 游戏说明:这种游戏改编自一个俄罗斯的游戏。俄罗斯游戏的规则是游戏者在贴纸上写某一词语(游戏题目可以提前定),然后把贴纸贴在旁边坐位上人的额头上。被贴纸的人通过问问题要猜到自己额头上的贴纸写了什么词语。在本文设计的汉字贴纸游戏中,学生则应在贴纸上写本次课或之前学过的汉字,然后游戏者要通过问汉字的部件来猜到贴纸上的汉字。
 - 4. 游戏准备: 教师准备空白的贴纸。
 - 5. 游戏规则:
 - (1) 游戏者围坐一圈,每人获得一张贴纸。
 - (2) 每个游戏者默想一个汉字, 然后写在贴纸上。
- (3)每个游戏者把贴纸贴在右边人的额头上,其他游戏者能看到贴纸上写的汉字,但被贴字者本人不知道。
- (4)第一位游戏者向他人询问自己额头上的汉字有什么部件。可以问 3 次。因为学生是零起点水平的汉语学习者,所以游戏用俄语进行。
- (5)游戏者根据他人的回答猜测自己的额头上贴的汉字。猜对为胜,答错两次即为失败,轮到右边下一游戏者猜字。
 - 6. 游戏过程:
 - (1) 教师讲解游戏的规则。
 - (2) 安排学生围坐一圈,发放贴纸。
 - (3) 学生在自己的贴纸上写下汉字, 然后贴在右边同学的额头上。
 - (4) 学生逐一开始猜字游戏,直到所有同学都猜对自己额头上的汉字。

2.3"翻卡片"游戏

随着教学的深入,学生记忆中积累的汉字越来越多,课堂上再学新汉字时,学生对汉字的记忆也要不断地巩固、强化。为了不让学生忘记在上次课所学的汉字,教师应该让学生反复复习以前学过汉字。

汉字对俄罗斯学生来说是全新的书写系统。从认知心理学研究角度来看,对于俄罗斯汉语学习者来说,学习汉字是一种比较复杂的心理学过程,研究证明,因为拼音文字的认知一般只涉及大脑的左半球,而汉字认知要涉及大脑的两个半球比较复杂的加工传递程序。周小兵曾提出,"语言功能主要定位于人脑的左半球。由于汉字不是绝对的抽象语音符号,它既包含抽象的语义,又有形象的结构,因此汉字的加工表现出两大脑均势的现象。汉字有形、音、义三个要素,这造成信息的复杂性,因而要求大脑两半球间协同工作,这是一个非常复杂的过程。汉字处理的特殊大脑机制也是造成外国人学习汉字较困难的原因之一"[周小兵、李海鸥,2004]。

研究者认为学习者的记忆能力经历了由表层向深层发展的过程,例如翟英华(2000)把学生的记忆汉字分为三个时期:摸索期、过渡期和适应期。因此,在汉字课堂教学中,教师应遵循汉字认知规律,充分调动学生的学习积极性,使其更好地发挥认知能力,尽快适应汉字、认识汉字并牢牢记住汉字。为帮助学生强化对汉字的记忆,笔者设计了"翻卡片"游戏,希望通过游戏营造愉快活跃的课堂气氛,利用游戏的竞争激发学生的积极性和汉字记忆能力,以便更好地完成教学任务。

- 1. 游戏目的:强化对汉字的记忆。
- 2. 适用人群:零基础学生,词汇量100左右。
- 3. 游戏说明:笔者设计这种汉字课堂游戏有助于提高学生的课堂注意力和汉字记忆能力。学生翻卡后要找到卡上汉字的对应字,因此在游戏过程中学生的注意力很高,往往能够在紧张、愉快的心境中把汉字和词汇记住,这就是游戏最终的目的。

4. 游戏准备:

- (1) 教师给学生复习词语,游戏用的词语一定是双音节词语(本课的生词或已经学过的词语)
- (2) 依据游戏内容准备字卡,将双音节词分写在两张卡片上。比如,"学习"字分"学"字和"习"字,把"学"字写在一张卡片,把"习"字写在另外的一张卡片。准备两套不一样的字卡。

5. 游戏规则:

- (1) 游戏人数在 3-6 人之间。
- (2) 字卡打乱, 反面朝上摆放在桌子上。
- (3)第一个人先翻出一张字卡,然后根据双音节生词,有 3 次机会从扣着的字卡中翻出配对的另一张字卡。
- (4)如果第一个人没有翻出配对的字卡,则不能得分,要把卡反面朝上 摆放回原处。由第二人重新翻字卡。

- (5)如果第一个人翻出了配对的字卡,则得到 1 分。由第二个人出场,他只要能够正确读出这两张字卡的对应生词读音并说出用俄语解释意义,就能收起一套配对的字卡,并得到 1 分。如果不能完成上述任务,则不能得分。
- (6)后面的游戏者继续完成上述活动,直到所有字卡都被成功配对。每个游戏者根据收集到的配对字卡数量决定胜负,得分多者为胜。

6. 游戏过程:

- (1)根据学生人数分组,学生人数如果多,就 5-6 个人分为一组,若人数少,就 3-4 个人分为一组。
 - (2) 教师决定桌子上摆放字卡的数量,应该做到每组一样。
- (3)教师给学生讲解规则,然后第一组玩,第二组看,以便熟悉规则和强化汉字记忆。

2.4"Loto 彩票" 游戏

在综合课上,教师除了给学生讲解汉字,还要教语音、语法等。如何合理安排教学时间,特别是在有限的时间内利用多种教学手段提升课堂效率,对教师来说是十分重要的。为了丰富教学手段,在轻松的课堂气氛复习学过的汉字,笔者设计了"Loto 彩票"游戏。

- 1.游戏目的: 复习学过的汉字和拼音,强化学生的记忆。
- 2.适用人群:零基础学生,词汇量100左右。
- 3.游戏说明:这种汉字游戏是按照俄罗斯一个很流行的彩票活动"俄罗斯彩票"设计的。

在俄罗斯的彩票上写着数字,有三行,每行上有 5 个数字,空的方格不使用。这种彩票活动参与者众多,彩票可以在超市买,每周末在电视台可以看活动的过程和结果。活动主持人从袋子里拿出来一个接一个小桶,小桶上面写着数字。如果彩票上所有的数字都跟小桶上的数字一样,那么就赢了。

笔者设计的汉字游戏"彩票"比俄罗斯彩票容易一点,彩票设计如下所示:

ni				xuex					
			iao						
		geg					laosh		
	e					i			
					hen				man
								g	

汉字彩票上有3行,每行有2个拼音词语。如果教学内容比较丰富,教师还可适当增加一些拼音词语。

4. 游戏准备:

- (1)教师提前按学生人数制作汉字"彩票",在彩票上写拼音而不要写声调,在游戏过程中让学生自己写声调。每张彩票的内容是不一样的。
 - (2) 教师准备汉字卷,在每个汉字卷上写一个汉字。
 - (3) 教师准备一个口袋,并将所有汉字卷放在里面。

5. 游戏规则:

- (1)教师一个接一个从袋子里拿出来小汉字卷,打开给所有的学生看一看。汉字卷展示时间很快,不让学生抄写汉字,只让他们看一眼,认出来汉字。
- (2)如果汉字卷上的汉字对应了学生彩票上的拼音,那学生就在彩票上拼音的格子旁边写出汉字并在拼音上面写出声调。
- (3)如果彩票上的拼音全部对应了汉字卷上的汉字,那么学生在写出声调和汉字后将彩票交给老师核对。
 - (4) 第一个将彩票上的拼音全部写出正确声调和汉字的学生获胜。

6. 游戏过程:

- (1) 教师给学生讲解游戏规则。
- (2) 给每个学生发一张"彩票"。
- (3) 玩到所有学生的彩票上的拼音都对应了汉字卷上的汉字。

三、总结

笔者遵循课堂游戏的原则设计汉字游戏。其中,最基本的原则是针对性,即针对学生的实际情况和他们在汉字学习中的困难设计汉字课堂游戏。游戏最重要的目的是帮学生强化对汉字的记忆,给他们在课堂上复习已经学过汉字与新汉字的机会,丰富课堂汉字教学的手段,帮助学生克服汉字学习的困难。

本文大部分设计的游戏改编自俄罗斯流行的游戏,由于原来的游戏在俄罗斯很流行,学生对游戏规则熟悉,因此在做汉字课堂游戏的过程中游戏会进行得比较容易。

笔者设计汉字课堂游戏时,有意识地安排了由易到难的差异,从汉字最基础的读音到整字练习,以适应不同阶段汉语学习者的需要。"猜拼音"游戏涉及拼音教学,"贴纸"游戏跟汉字的部件有关,"翻卡片"游戏已经涉及双音节汉字,而"Loto 彩票"游戏是综合游戏,考察汉字认读和书写能力。"Loto 彩票"游戏适于复习课(复习所学到的汉字和拼音)。

本文设计的汉字课堂游戏有较强的适用性,由于游戏的形式与内容较灵活,在不同国家、不同学习程度的汉语复习课上,老师们都可以根据自己的实际教学内容而调整、使用这些游戏。笔者希望本文的研究能为俄罗斯的汉语教学发展带来帮助,对同行教师的教学提供有益的参考,也希望越来越多的教师能采用笔者设计的汉字课堂游戏开展汉字教学。

参考文献

- 1. 周建. 汉语课堂教学技巧与游戏/周建. 北京: 北京语言文化大学出版社,1998. 421页.
- 2. 周健. 汉字教学理论与方法/周健. 北京: 北京大学出版社, 2007. 227 页.
- 3. 周小兵. 对外汉语教学入门/周小兵,李海鸥. 广州:中山大学出版社,2004. 454 页.

- 4. 崔钰. 当代俄罗斯汉语教学现状/崔钰//开封教育学院学报. 2015. Vol.35. №4. 138-139.
- 5. 傅晓莉. 对外汉语教学中的汉字教学研究综述/傅晓莉//云南师范大学学报. 2015. Vol.13. № 2. 31-46.
- 6. 李大遂. 简论偏旁和偏旁教学/李大遂//华文教学与研究. 2002. №1. 27-33.
- 7. 屠莎莎. 论对外汉语课堂的游戏教学策略/屠莎莎//怀化学院学报. 2013. Vol.32. №4. 120-122.
- 8. 杨潇潇. 游戏教学在对外汉语课堂教学中的模式探析/杨潇潇,徐婕//学理论. 2014. № 26. 235-236.
- 9. 张妮. 对外汉语游戏型互动教学模式探析/张妮, 张屹, 张魁元//现代教育技术. 2009. Vol.19, №5. 58-61.

УДК: 372.881

俄罗斯学生 HSK 五级写作部分词汇偏误分析

季晶静(Jingjing Ji),博士生,北京外国语大学,北京,中国

ERROR ANALYSIS OF VOCABULARY IN RUSSIAN STUDENTS' HSK 5 WRITING

Jingjing Ji, PhD student, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

摘要. 本文收集了俄罗斯学生 HSK 五级考试共 105 份试卷,旨在从词汇和语法的角度,通过分类统计、描写分析、举例分析和比较分析等方法总结出学生的写作偏误种类和原因,并结合教学从教学策略和学习策略的角度提出切实有效的建议。

关键词: HSK, 词汇, 偏误分析, 教学策略, 学习策略。

Abstract. In this thesis, it is collected that the test papers of HSK Grade5, with a total of 105copies. The thesis aims to summarize students' writing types and causes of errors by statistical classification, descriptive analysis, sample analysis and comparative analysis from the perspective of vocabulary and grammar, additionally, to propose practical suggestions in some combinations of teaching and learning strategies.

Key words: HSK; Word; Error analysis; Teaching strategy; Learning strategy

一、引言

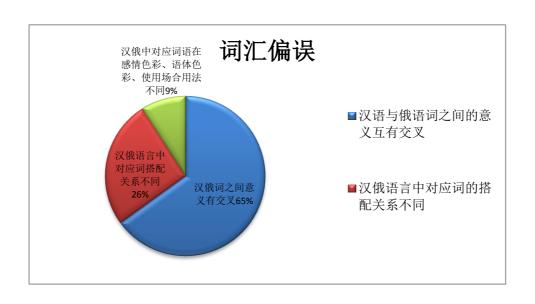
书写是考查学生综合能力的最直观的手段。在书写过程中,学生将所掌握的语言知识综合地运用到语言输出实践中。因此,书写不仅是所有教学环节中难度相较大的一环,也是学生偏误次数较多、类型较庞杂的一环。尤其是对俄罗斯学生来说,"听、说、读、写"四项语言技能中最困难的就是"写"。因为"写"不仅要写汉字,还要把已经学过的生词和语法综合运用到语言表述中,是对学生已学知识综合考核的一环。因此,俄罗斯学生在汉语写作中普遍存在各种问题。一直以来,词汇偏误分析理论对对外汉语教学的影响甚大,结合偏误

分析理论,归纳总结学生写作中的词汇偏误来分析原因并提出合理的建议,如何有效地教授学生汉语写作,使学生的汉语写作水平达到一个理想状态,是一个既有理论价值又有现实意义的课题。

二、HSK 五级写作词汇偏误类型

汉语学习中有一种普遍现象,学习者因为二语习得的经验不足,理解或使用目的语时往往通过自觉或不自觉的比附。因为在学习者的思想里,母语系统已形成,对目的语系统自然排斥。例如,我们学习外语,当我们看到外语单词时,自然会将它与汉语中相对应的词语联想起来。但实际上两种语言中有一定对应关系的词,不仅语音和形式不同,在意义、用法、搭配关系、感情和语体色彩等方面,都有很多不同,如此就会产生偏误。笔者将 HSK 五级试卷中出现的共 205 次词汇偏误进行统计分类,根据偏误产生的情况将偏误进行如下统计分类:

图 1 HSK 五级写作部分词汇偏误类型

因汉语与俄语词之间的意义互有交叉产生的偏误有 134 次,占总偏误次数 65%,因汉俄语言中对应词的搭配关系不同产生的偏误 53 次,占总偏误次数 26%,因汉俄语言中的对应词语,在感情色彩、语体色彩、使用场合用法不同产生的偏误 18 次,占总偏误次数 9%。

- 2.1 汉语与俄语词之间的意义互有交叉
- 1) 这些盒子太重,他[要]你的帮助。(需要)
- 2) 我朋友在医院的时候,我每天都[参观]他。(看望)
- 3) 我住院了,我女朋友天天[造访]我。(看望)
- 4) 要好好[保护]我们的时间。(珍惜)

- 5) 问题是她[必要]开会,带来了很多资料。(必须)
- 6) 她的朋友都[愿意]看一看小王的表演。(想)
- 7) 手术[过]得很顺利。(进行)
- 8) [到底], 这位年轻人没得到这份工作。(最后)
- 9) 他想三天,三夜。[结果]跟领据一起爬山采集粮食和药的植物。(最后)10) [先] 天气很好,可是后来突然下雨了。(起初)

"学习者在学习目的语时,往往简单地从自己的母语出发去理解和使用目的语"[鲁健骥, 1987]。俄罗斯学习者学习汉语时也有同类情况。比如,"想"这个词,在俄语中的对应词是"хотеть",而"хотеть"这个词还有"想、要、希望、需要、愿意"等意义,学习者错误地将这些意义都与"想"这个意义对应。

在我们与俄罗斯学习者接触的过程中,发现他们常常会说"到底,他迟到了"、"到底,他离开了父母。"这样的句子。这也是因为汉语词语"到底"对应了俄语的"наконец", 而"наконец"还有其他的意义——"最后"。学习者将"наконец"的意义都与"到底"对应,于是就出现了词汇的偏误。

- 2.2 汉俄语言中对应词的搭配关系不同
- 1) 她的工作很忙,每天都[接受]很多电话。(接听)
- 2) 她很喜欢跟爸爸一起[打]钢琴。(弹)
- 3) 可以说,她的学历很[大]。(高)
- 4) 如果遇到问题,就会听他的意见把它[决定]。(解决)
- 5) 她的男朋友很[美丽]。(英俊)
- 6) 他的医生告诉我,他的病虽然很[严格],但是不难治好。(严重)

俄语中有很多词的搭配与汉语的不同。学习者在学习汉语时,常常把俄语的某个搭配关系套用到汉语的对应词上。鲁健骥老师(1987)认为套用有两种情况,一种是"想当然"的套用,一种是使用中不知道用哪个词搭配而"被迫"套用,这个"被迫"使用的词往往符合母语中的搭配习惯。比如学习汉语的初级阶段,就学到"开"这个动词,而这时学过的能与"开"搭配的名词有"门、窗户、灯、电视"等。但学生常常说出"请你开书","医生让我开我的嘴"这样的错误的句子。原因就在于在俄语中的对应词给的是 'открыть', 'включить', 'открыть' 可以跟 книга(书),глаза(眼睛),рот(嘴)等搭配,套用到词语"开"上,就出现了偏误。在汉语中,形容女人用"漂亮"或者"美丽",形容男人用"英俊",但是在俄语中无论男人女人都常用一个词"красивый",甚至形容风景建筑歌曲电影天气都用"красивый",这就导致学习者常常写出"这个男生很漂亮\美丽"、"这部电影很漂亮"的句子。

2.3 汉俄语言中的对应词语,在感情色彩、语体色彩、使用场合用法不同

- 1) 他的[足]疼了,疼得非常厉害。(脚)
- 2) 回家了以后,妈妈「赞扬]了我。(表扬)
- 3) 我的朋友汉语水平相当高,其他同学[企图]赶上我朋友的水平。(试图)
 - 4) 我朋友告诉我,只要每天努力,就可以达到美良的[后果]。(结果)
- 5) [母]屡次对她说:如果你没有好的朋友,会这一辈子过得很孤独。(妈妈)
 - 6) 他们[于]医院的病房谈话。(在)
 - 7) 毛遂上场劝楚国王, 「末了〕成功地说服了。(最后)

因汉俄语言中的对应词语,在感情色彩、语体色彩、使用场合用法不同造成的偏误往往会引起对方的误会,甚至反感,导致交际失败。汉语中很多词汇具有褒贬的感情色彩。比如说"后果"和"结果"都表示最后的状态,但感情色彩不同,"后果"是贬义词,"结果"是中性词。而在俄语中可以"后果"和"结果"都可以翻译成 'результат' 或 'последствия',这两个俄语词并没有感情色彩。

汉语中还有具有不同语体色彩的词语,虽然意义相同,但是却有书面语和口语的区别。如果用错地方,会使交际双方感到尴尬甚至闹出笑话。比如"母"这是典型的文言文形式的词语,即使是在作文中也不常出现,学生写在文中表达口语的语体色彩,显然不恰当。而"妈妈和母亲"在俄语中是'мать'和'матерь',并没有书面语和口语的区别。

三、HSK 五级写作词汇偏误产生的原因

词汇,是一种语言里所有的词(或特定范围的)和固定短语的总和。²⁵一般情况下,A语言中的某个词义都能在 B语言中找到共通的词义,但俄汉语词汇的语义体系不同,民族思维方式、物质文明和精神文化各有不同,俄汉两种语言的对应词似是而不是,既有相似相同之处,也有相异相殊之处。所以在俄罗斯学生汉语学习的过程中往往因汉俄词汇差异产生偏误。

俄罗斯学生词汇偏误产生的原因是各方面的,这里从学习者和学习环境两个方面阐述。

3.1 学习者的角度

3.1.1 学习者的母语负迁移

²⁵ 黄伯荣、廖旭东,现代汉语,高等教育出版社,2012.

首先,汉语和俄语存在大量词义有交叉的词语,学习者在遗词造句时对汉语的词义掌握不够,受到母语的影响,将母语中看似对应的词运用到了汉语中。

其次,汉语和俄语中词语的感情色彩存在差异。如成就(достижение)、造访(посетить)在汉语中是褒义词,而在俄语中是中立词。有些俄语词汇在汉语中对应地是两种感情色彩,如俄语的'завидовать',在汉语中对应两个词,一个是"羡慕"是中立词,一个是"嫉妒"是贬义词。

3.1.2 目的语知识的负迁移

随着学习时间的推移,在中高级阶段,学习者往往将他学到的有限的不充分的汉语词汇,用类推的办法不适当地套用到汉语词汇上。比如在学习了离合词后,对离合词规则的掌握并不充分,通过类推写出"结她婚""吵她架"这样的短语。

3.2 从学习环境的角度

学习环境的影响是指学习者的偏误不是学习者的母语或学习策略所致, 而是课堂环境所致。诸如教师的教学方法、错误的解释和诱导和教材的编写、 注释等都会导致偏误。

俄罗斯本土汉语教师资源匮乏,教师多数为本科毕业的俄罗斯汉语专业或与汉语相关的毕业生来担任。他们的汉语本体知识并不多,同时还缺乏汉语教学经验,教学缺乏技巧,久而久之学生学习的热情就下降了。

另外,目前在俄罗斯缺少实用的汉语教材,而中国又没有专门针对俄罗斯的教材。俄罗斯境内使用的都是针对英美国家教材的俄语翻译版或台湾教材。 英美国家教材的俄语翻译版词汇释义的翻译不够精准到位,影响了学生的理解。 台湾版的教材使用的是繁体字,更影响教学和学习。

四、对外汉语词汇教学建议

笔者从教学策略和学习策略两方面提出几点对外汉语词汇方面的教学建 议。

4.1 教学策略

在学习者学习汉语词汇的过程中,教学策略起到了关键性的作用。完美的教学策略能在课堂时间内完成所要求的的教学任务,并较全面地达到教学目的,师生都能在融洽愉悦的课堂环境中教与学。为了减少学生的词汇偏误,有以下几点策略可供参考:

4.1.1 加强近义词讲解

近义词是指意思基本相同但有细微区别的词。学习者开始学习目的语时,对有着共同语素或意思相近的词语,往往不能够准确掌握其用法。课堂上的近

义词讲解,我们可以采取语素教学法。由同一语素组成的近义词可以放在一起讲解,然后让学生注意区分这几个词的意思。

如:"帮忙"、"帮助",这两个词都由同一语素"帮"组成,他们都有表示帮助的意思。这里的"帮",可以单独使用。当学生们了解这两个词共同语素"帮"的意思后,再加以区分这两个近义词的含义。首先,从词义上,"帮忙"侧重在别人需要的时候帮助别人做事,例"你搬家的时候我来帮忙"。而"帮助"侧重替人出力、出主意,可以是精神上或是物质上的帮助,例"帮助孤儿"。其次,从搭配方面分析,"帮助"后面可以带宾语,"帮忙"不可以,"帮忙"是离合词,只能说"帮他的忙"。这样的讲解,学生就容易区分这两个近义词了。按照上面这个例子,将两个近义词不同的语素进行分析讲解,找出它们的区分点,这样的近义词讲解更利于学生掌握词语。

4.1.2 重视词性讲解

汉语词汇教学中,不仅仅要注重词义的讲解,还要注重词性的讲解。如果在教学中注重词性的讲解,学生就可以把握词性,区分词与词的使用差别,减少偏误的产生。如试卷中学生频繁出错的"刚"和"刚才"。"刚才"是时间名词,在句中可以做时间状语,放在主语后或主语前,也可以做主语。"刚"是副词,只能用在动词前,做状语。那么教师在课堂上就要结合语境进行讲解。如:"刚才还下着雨,现在就停了。"这里的"刚才"为时间名词。"她刚走,你出去追她还来得及。"这里的"刚"为副词。这样多举例说明,让学生掌握他们的词性及使用。

4.1.3 加强词语搭配教学

加强词语搭配教学可以减少词汇偏误的产生。杨惠元先生(2003)指出:"在词语教学中,老师不仅仅要讲清楚词语的音、形、义,更主要的是讲清楚词语的用法,即词与词的搭配以及搭配时应该注意的问题,课堂上首先要讲明固定搭配的使用。"词语搭配法是经常采用的一种教学方法,这个方法利于学生找寻词语特点。教学中我们要帮助学生建立词语搭配板块,当词语搭配为固定搭配时,让学生牢记;当词语搭配不是固定搭配时,要在课堂上区分讲解这些词语。例如:量词"个"和"架"的搭配使用,虽然量词搭配是不可以改变的固定搭配,但还是有规律可循。再如"弹钢琴"和"拉小提琴","踢足球"和"打篮球",教学时首先将其使用条件及范围区分讲解。"拉"是指小提琴、大提琴、二胡等弦乐器。"弹"指的是钢琴、琵琶、古筝这样的乐器。"踢"指的是用脚运球,"打"指的是用手运球,然后举例说明"踢足球、踢皮球""打排球,打羽毛球"。让学生通过例子理解词语的搭配使用范围。最后,将学生作文中出现较多的搭配偏误进行归类,对其进行深刻讲解搭配条件及使用范围,这样学生就

能从本质上了解他们的用法。词语搭配中,除了固定搭配外,还有一些主谓搭配、动宾搭配等。教学中将这些搭配词语的词性及词义讲解清楚,学生就容易理解记忆了。如试卷中的词汇偏误"她的学历很大。"大"是形容体积、面积、数量、力量、强度等方面超过一般或超过所比较的对象。"高"是指高度、在一般标准或平均程度之上的。教学中就要注意说明这两者的使用范围及区别特征,这样学生就会更清晰地记忆词的搭配。

4.2 学习策略

在影响学习者词汇学习的因素中,学习者的学习策略是较重要的因素。 学习策略是指学习者在学习语言和使用语言进行表达的过程中,与某个特定阶 段相关联的心理行为或行动。O'Malley(1985)认为学习策略可以分为认知策 略、元认知策略、社会策略和情感策略四类。

4.2.1 认知策略

认知策略是指对学习材料和信息进行处理的策略。如重复策略、总结策略、使用图表策略等,这些策略都具有认知处理功能。

记笔记策略

教师在课堂上不可能将所有的知识点板书出来,那么当教师讲解到重要的词汇时,学生就要学会抓住重点记笔记。对俄罗斯学生来说,汉字书写难度大,他们往往用俄语或是拼音来做笔记,这就导致了笔记与课堂讲解有偏差。这就要求教师在课堂上预留时间让学生记笔记。

(2) 关联策略

俄罗斯学生在学习词汇时,关联策略是相当重要的学习策略。例如: 学生应该将学过的词汇与现在正在学习的词汇进行归纳总结,将旧知识与新知识关联记忆。但是一般俄罗斯学生特点是过分依赖课堂,课后进行知识归纳总结与练习的时间都比较少,处于消极被动的学习状态。因此,改善他们的学习策略对其汉语词汇习得将会有很大推进作用。在上述所提出的教学策略中,我们得知教师应该从注重词语搭配、近义词讲解、词性讲解几方面着手教学,而学生单单依赖课堂的总结是远远不够的,学生应该学会自己总结归纳。

4.2.2 元认知策略

元认知策略是对认知的认知,用以管理认知过程,主要包括对学习的规划、监控和评估等。由于俄罗斯学生的规划策略较为薄弱,他们很少有学习计划的学习策略。他们认为课堂所学的知识已经满足了自身的求知欲,不需要占用课余时间来学习补充知识了。因此,提高学生的元认知策略,会利于他们的汉语学习。例如教师可以课前布置任务让学生预习关于"运动"为主题的词,课堂上学生就更容易掌握相关词汇的词义、用法等,写作就会更顺利地进行。教

师在学习开始时,强制布置任务让学生进行预习、归纳,久而久之就培养了学生良好的习惯,学生就会自觉学习。

4.2.3 社会策略

社会策略是用一种运用人际行为提高学习能力的策略,其旨在增加第二语言交际练习机会。学习者可以随意选择与同学或目的语母语者交流的形式。无论是课堂上还是课后,俄罗斯学生之间都倾向于用俄语流,使用汉语交流合作的机会比较少。针对学习者的社会策略,教师可以在课堂上引导学生用汉语进行交流。例如: 让学习者分小组用汉语进行对话,或者设计游戏"你听我说"等。这样的活动设计让学习者尽量用汉语进行交流,增加了学习者练习汉语的机会,也培养了学习者的汉语能力。针对学生的词汇偏误,教学中应多设计让学习者合作学习词汇的活动。例如: 运用给出的词汇,你做动作我来猜; 或是运用给出的词汇,自己设计场景两人对话。这样的活动设计不仅让学习者有了多说汉语的机会,还训练了学习者词汇搭配的能力。课后也应该鼓励学习者多与中国人接触。例如邀请中国学生和俄罗斯学生一起过春节等。这样的活动增加了学习者与中国人接触的机会,也利于提高学习者的汉语水平。

4.2.4 情感策略

因汉语与俄语差异大,俄罗斯学生在学习汉语的过程中,或多或少都会有畏难情绪,教师应该鼓励学生积极主动的学习,让学生们找到学习汉语的乐趣。教师应多组织学生参加中俄活动,如:包饺子、打太极拳、学习书法等一系列活动,可以让学习者感受中国文化的博大精深,调动他们的学习积极性。也可以在课堂上多使用鼓励语,激励学习者学习汉语。这些都是利于培养留学生积极主动学习汉语的情感策略。

五、结语

学生受到母语负迁移和目的语负迁移的影响,常因汉语与俄语词之间的意义互有交叉产生产生偏误。词汇教学从教学策略着眼,应加强近义词讲解、重视词性讲解和加强词语搭配教学。从学习策略着眼,应强化学生的认知策略,养成学生记笔记、归纳总结的习惯;强化学生的元认知策略,培养学生的预习习惯;强化学生的社会策略,让学生在模拟真实语境的情境中学习汉语;强化学生的情感策略,通过鼓励和兴趣的感召,提高学生学习积极性,让学生由被动学习变为主动学习。

由于时间和篇幅有限,文中存在不足之处。首先,HSK 五级试卷写作部分有一部分因学生未写答案而无效,这在一定程度上影响了论文的信度。其次,偏误分析不够透彻。俄罗斯学生偏误类型多种多样,词汇的三个偏误种类并没有完全覆盖偏误的类型。

文中难免疏漏之处,望各位专家不吝赐教。

参考文献

- 1. 方绪军.《对外汉语词汇教与学》/方绪军. 北京:北京师范大学出版社,2008. 281页.
- 2. 高燕.《对外汉语词汇教学》/高燕. 上海: 华东师范大学出版社, 2008. 189页.
- 3. 黄伯荣、廖旭东.《现代汉语》/黄伯荣、廖旭东. 北京:高等教育出版社,2012年,361页.
- 4. 刘颂浩.《第语言习得导论——对外汉语教学视角》/刘颂浩. 北京: 世界图书出版公司,2007年,126页.
- 5. 罗青松.《对外语写作教学研究》/罗青松. 北京:中国社会科学院出版社,2002年,87页.
- 6. 孙德金.《对外汉语词汇及词汇教学研究》/孙德金. 北京: 商务印书馆,2006年,316页.
- 7. 张会森.《俄汉语对比研究》/张会森. -上海:上海外语教育出版社, 2012年, 124页.
- 8. 鲁健骥.外国人学习汉语的词汇偏误分析/鲁健骥.//语言教学与研究. 1987- №1. 28-33.
- 9. 朱晓军.中亚及俄罗斯学生汉语易混淆词研究/朱晓军.//新疆大学学报 2012 年 №6. 69-72.

УДК: 372.881

ИГРОВЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕТЯМ ВОЗРАСТНОЙ КАТЕГОРИИ (3-6 ЛЕТ)

Вихрова А.Ю., к. филол. н., ведущий научный сотрудник, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

GAME TECHNIQUES OF TEACHING CHINESE LANGUAGE TO CHILDREN OF AGE CATEGORY (3-6 YEARS)

Vikhrova A., PhD of Philological Scinces, Leading Researcher, Institute of Asian and African countries of Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. Доклад представляет собой описание практического опыта применения игровых методик в преподавании китайского языка как иностранного детям дошкольного возраста (3-6 лет).

Ключевые слова: китайский язык, методика, преподавание, игра, коммуникация, дошкольный возраст, дети.

Abstract. The report is a description of the practical experience of using game techniques in teaching Chinese as a foreign language to children of pre-school age (3-6 years).

Key words: Chinese language, methods, teaching, play, communication, preschool age, children.

В последнее время преподавание китайского языка как иностранного набирает обороты. Связано это с неизменным ростом присутствия Китая на международной арене и в России в частности: развивается взаимодействие России и Китая во многих сферах: это и торговля, и строительство, и энергетика, и, конечно, образование. Многочисленные программы по обмену в сфере образования дают возможность школьникам и студентам обоих стран получить прекрасный опыт языковой практики в стране изучаемого региона, познакомиться с культурой и обычаями носителей языка. Но что же делать, если возможности посетить страну изучаемого языка нет, а желание говорить и думать на языке есть? На помощь могут прийти преподаватели китайского языка, которые погрузят детей в языковые реалии изучаемой страны.

Каким должен быть преподаватель китайского языка для детей дошкольного возраста? Для начала целесообразно обозначить возрастные границы. Итак, дошкольный возраст – это 4—6 лет.

Изучение любого предмета (иностранного языка в особенности) детьми дошкольного возраста предполагает понимание учителем особенностей детской психологии. В этом возрасте происходит становление личности ребенка. Малыш постоянно общается не только с родителями и другими членами семьи, но

и со сверстниками в детском саду и во дворе, с ребятами постарше и помладше. Иногда в процессе общения возникают различные сложности, вызванные неумением слушать других людей или отстаивать свое мнение. Ведущая деятельность детей этого возраста **игра.** Основными особенностями являются:

- гармонизация отношений со взрослыми;
- установление отношений со сверстниками, совместные игры (сюжетно-ролевые, по правилам), включение в отношения лидерство/подчинение, которые существуют среди детей, «игры-соревнования»;
- развитие способностей к конструкторским играм, практического мышления;
- развитие способностей к рисованию, музыкальных (понимание музыки, умение петь, танцевать), творчества;
- эгоцентризм мышления (проявляется в том, что ребенок воспринимает ситуацию только со своего угла зрения, не способен посмотреть на мир с чужой точки зрения и уловить связь между предметами);
- **синкретизм** мышления (проявляется в том, что ребёнок вычленяет из целого отдельные детали, но не может их связать друг с другом и с целым; он не способен установить связи между разными деталями ситуации, путает причины и следствия);
- мышление ребенка характеризуется **анимизмом** (он проецирует свое «Я» на вещи, наделяя сознанием и жизнью движущиеся предметы: машины, солнце, облака, реки);
 - интерес к сказкам;
 - любознательность;
- развитие воображения (от репродуктивных форм к творчески продуктивному);
- появляется способность вступать в диалоги с другими людьми (к 6 годам лексикон ребёнка возрастает до 14 тысяч слов, происходит полное усвоение грамматических норм языка);
 - ребёнок начинает оперировать понятиями:
 - а) в 3-5 лет слова, как ярлыки, заменяющие предметы или действия;
 - б) к 6-7 годам слова обозначают существенные признаки предметов конкретные понятия.

Из вышесказанного следует вывод, что проблема обучения иностранным языкам — это проблема не только и не столько педагогическая и лингвистическая, но и, в первую очередь, психологическая. Следовательно, преподаватель, который берётся за работу с дошкольниками, должен быть психологом и даже немного психотерапевтом.

Попробуем разобраться, почему игру называют одной из наиболее распространённых методик обучения иностранным языкам детей дошкольного возраста. Во-первых, все любят играть. Это утверждение применимо не только к детям, но и к взрослым. С возрастом меняются игры, усложняются их правила, но стремление к ним не пропадает до старости. Во время игры её участники вынуждены коммуницировать друг с другом, в противном случае, играть про-

сто не получится, следовательно, играя на китайском, дети используют китайские слова и выражения, не боясь допустить ошибку, ведь игра — это не урок, где ты отвечаешь у доски, это их естественная среда, в которой язык — это не предмет изучения, а инструмент достижение цели. Таким примером может служить игра «Угадай, кто» (请你猜猜我是谁). Её правила предельно просты: один игрок загадывает слово (это может быть животное, профессия, вид транспорта, еда — в зависимости от того, что в данный момент ребенок изучает на уроке), остальные игроки должны угадать, что загадал первый игрок. Они могут задавать вопросы на китайском языке, на которые первый игрок может ответить утвердительно (是, 对, 有) или отрицательно (不, 没有).

Ещё один пример — игра «Снежный ком» (雪球). В ходе этой игры дети должны вспомнить слова китайского языка и разбить их на категории. Начинает ведущий, например, 妈妈 («мама»). Следующий игрок добавляет к этому слову слово 爸爸 («папа»), произнося ряд слов 妈妈 爸爸. Следующему игроку уже нужно добавить свое слово и, добавив его к имеющемуся ряду, произнести, например, 妈妈 爸爸 奶奶. И так по кругу, пока не закончатся известные детям слова. Эта игра даёт возможность не только вспомнить лексику, но и анализировать её, распределять на группы по значению.

Во-вторых, многочисленные исследования доказали, что игровые методики создают положительную обстановку, необходимую для погружения в язык, а также позволяют ребёнку абстрагироваться от именно изучения языка, перенести фокус на говорение, коммуникацию. Игры очень помогают застенчивым детям влиться в процесс изучения языка. Такому ребёнку гораздо проще называть слова, играя, чем вспоминать их у доски или отвечать с места. Хорошим примером данному высказыванию является игра «Прыгающие карточки» (跳卡). Основным рабочим материалом в ней являются карточки, на которых написаны иероглифы (слова или словосочетания, обозначающие реалии китайского языка) и нарисована картинка, иллюстрирующая это слово. Карточки разложены на полу в произвольном порядке. Ведущий (это может быть учитель или один из детей) называет слово, которое присутствует на карточках, а ребёнок должен прыгнуть на нужную карточку. Таким образом, нет скучного повторения слов (а, как было доказано ранее, чтобы запомнить слово, его необходимо повторить вслух в среднем 60 раз), ребёнок повторяет слова в процессе поиска, плюс к этому улучшается зрительное восприятие иероглифики (ребенок запоминает «образ» слова).

В-третьих, игры формируют позитивное отношение к языку, показывая ребёнку, что изучать язык весело. В частности, игры вносят большой вклад в изучение иероглифики китайского языка. Как известно, иероглифика — это, один из наиболее сложных для изучения аспектов китайского языка, наряду с фонетикой. И если фонетику дети воспринимают опосредованно, просто повторяя звучание слова за преподавателем и друг за другом, то иероглифика вызывает куда больше трудностей. Так, «Большой словарь китайских иероглифов» (汉语大字典) приводит цифру 54 600 знаков, говоря о количестве иероглифов в

в современном китайском языке, тогда как один из самых новых словарей -«Собрание китайских иероглифов» (中华字海) называет цифру 85 500 знаков. Как же сделать процесс изучения и запоминания простым и интересным? И здесь на помощь преподавателям приходят игры. Например, игра «Memory» (记 忆) даёт возможность детям не только познакомиться с иероглифами, но и запомнить их структуру, выучить основные составляющие иероглифов - графемы. Как известно, графема – значимая часть иероглифа, которая имеет своё собственное смысловое значение (в отличие от черт, из которых состоят графемы и которые значения не имеют). Тот факт, что иероглифы состоят из графем, очень важен для понимания сущности китайской системы письменности, ведь иероглифы, разложимые на графемы, несут в себе гораздо больше информации, чем знаки алфавитного письма. В китайской иероглифе более 200 графем, в своём первоначальном виде они представляли собой рисуночное изображение отдельных предметов или их сочетаний. Однако в процессе трансформации китайской письменности внешний вид графем очень сильно изменился, и сейчас подчас невозможно с первого взгляда определить, к изображению какого предмета восходит данный знак.

Итак, игра 记忆 представляет из себя набор карточек, основанных на методе изучения китайского языка Chineasy, где каждой графеме и иероглифу добавляется некая картинка, которая предположительно должна помочь ассоциативно запомнить значение иероглифа (так, например, графеме «человек» 人 добавили изображение головы и ног, тем самым сделав ее похожей на изображение человека). В наборе 60 карточек (30 карточек – это изображение графем, 30 – изображение тех же графем, но с картинкой). Все карточки раскладывается на столе или на полу в произвольном порядке картинкой вверх, в течение некоторого времени дети смотрят на карточки, запоминая их расположение, после чего карточки переворачиваются. Задача детей – найти пары карточек: одна с картинкой, одна без. Как показала практика, запоминание графем таким образом происходит гораздо быстрее не только у детей, но и у взрослых, в частности студентов.

Ещё одна игра, которая очень популярна у детей, — это игра под названием «Я учитель» (我是老师). Принимая в расчёт тот факт, что дети в возрасте 4-6 лет любят ролевые игры, эта игра является практически идеальной для знакомства с иероглифами и для их наилучшего запоминания. Играть в неё можно как с начинающими изучать китайский язык, так и с продолжающими, которые накопили уже некоторый запас иероглифики. Итак, учитель (который принимает на себя роль ученика) пишет на доске слово, состоящее из одного, двух, трёх иероглифов, или даже целую фразу на китайском языке, допуская в каждом из иероглифов несколько ошибок (лишняя или наоборот недостающая черта, другая графема в сложном иероглифе и т.д.). Задача ребёнка исправить все ошибки учителя и назвать иероглиф. Эта игра, также, как и предыдущая может применяться и в процессе обучения студентов.

Подводя итог, можно классифицировать игры следующим образом:

- 1. Подвижные.
- 2. Логические.
- 3. Ассоциативные.
- 4. Групповые.
- 5. Индивидуальные.
- 6. Игра-рассказ.
- 7. Рисование или раскрашивание.
- 8. Игры с использованием карточек.

В заключение стоит добавить, что игровые методики должны быть включены в уроки китайского языка не только в дошкольных группах, но и в школьных, студенческих, даже в группах, где изучается китайский язык делового общения. Игры делают процесс изучения языка более интересным, динамичным, увлекательным, заставляют участников процесса лучше включаться в урок, раскрыть свой потенциал, убирают скованность и стеснение, развивают все аспекты изучения языка: чтение, говорение, слушание и письмо.

Список использованных источников:

- 1. Задоенко Т.П., Хуан Шуин Начальный курс китайского языка / Т.П. Задоенко. Часть 1. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ВКН, 2015. 304 с
- 2. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология / И.М. Румянцева. М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004. 319 с.
- 3. Шаолань Сюэ. Chineasy. Китайский легко! / Сюэ Шаолинь. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2014. 192 с.: ил.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ В РАМКАХ КУРСА «КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК»

Стародубцева Н.С., к. пед. н., доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета, Благовещенск, Россия

THE ORGANIZATION OF THE REFLECTION FOR THE STUDENTS OF THE FIRST YEAR IN THE CLASSROOM WITHIN THE COURSE "CHINESE LANGUAGE"

Starodubtseva N., PhD (Pedagogics), Associate Professor, Department of Sinology, Amur State University, Blagoveschensk, Russia

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы организации рефлексии у студентов в процессе изучения китайского языка.

Ключевые слова: профессиональное образование, преподавание китайского языка, рефлексия процесса обучения.

Abstract. The article discusses the organization of students ' reflection in the process of learning Chinese.

Keywords: professional education, teaching of the Chinese language, reflection of the learning process.

В ходе получения высшего профессионального образования имеет место процесс дальнейшего формирования регулятивных УУД, на основе которых происходит саморазвитие и самосовершенствование учащихся путём сознательного и активного присвоения нового социального опыта. В основе данных действий лежит рефлексия и мотивация. По мнению И.А. Зимней, студенческому возрасту характерна высокая познавательная мотивация и достаточно гармоничное сочетание интеллектуальной и социальной зрелости. В данный возрастной период продолжаются процессы развития самосознания и профессионального самоопределения, усиления сознательных мотивов поведения. Осознание себя субъектом учебной деятельности ведёт к усилению своей активности как субъекта регулятивной деятельности.

Роль педагога состоит не только в том, чтобы передать студентам знания, умения и навыки по предмету, но и обеспечить педагогическое сопровождение для продолжения процесса развития регулятивных универсальных учебных действий. На начальном этапе изучения китайского языка нам видится важным моментом организация «направляемой рефлексии, за счёт которой и выделяются сами схемы деятельности — способы решения задач или рассуждения. Усвоение выступает как прямой продукт такого рефлексивного процесса». Рефлек-

сивное сопровождение позволяет учащемуся «увидеть» схемы организации деятельности. Поэтому учебный процесс должен быть направлен на «формирование сознательной способности выделять схемы и способы мышления и деятельности, создание на основе узнанного способа мыслительной деятельности новых способов и форм» [Щедровицкий, 1993, 52].

Педагог, формулируя задания к упражнениям, даёт учащимся установку на осуществление перспективной и ситуативной рефлексии:

- 1. Проанализируйте слова к тексту урока № 6¹:
- 1) какие морфемы вы уже встречали в предыдущих уроках (выявление системных связей с ранее изученной лексикой/иероглификой)?
- 2) почему вы легко сможете запомнить такие новые слова как «мобильный телефон» (手机), «самолет» (飞机), «аэропорт» (机场), «лететь» (飞行), «путешествовать» (旅行), «взлетать» (起飞)?
- 3) сколько слов к данному тексту содержат морфему chang, dao? Обратите внимание на иероглифы и тон, которым они произносятся («чрезвычайный» (非常), «Великая китайская стена» (万里长城); «прибывать» (到), «знать» (知道));
- 4) какие названия достопримечательностей вы узнали? Что означают иероглифы, с помощью которых записываются данные названия («парк Бэйхай» (北海), «Гугун» (故宫))?
- 5) проанализируйте структуру иероглифов²: какие графемы в их составе помогут вам запомнить их значение и/или чтение?
- 6) какие приемы вы можете предложить, чтобы лучше запомнить иероглифы урока (классификация, аналогия, обобщение: использование приёма объединения иероглифов по корневому элементу, приём на основе анализа структурных элементов и ассоциативный приём (на основе мнемотехник) [Масловец, 2017].
 - 7) Выучите слова к тексту № 6.
 - 2. Пропишите иероглифы урока № 6:
- 1) на какие иероглифы необходимо обратить более пристальное внимание при написании?
- 2) предупредите возможные ошибки: 夏 (количество горизонтальный черт внутри); 远, 道 (порядок написания); 问题, 时间, 世界闻名 (какие графемы находятся внутри графемы «ворота»)?
- 3) почему нужно обратить особое внимание на такие слова, как «каждый год» (每年) и «парк Бэйхай» (北海)?
- 4) какие иероглифы вам труднее всего запомнить? Пропишите их несколько раз по памяти.

-

¹ Учебник Задоенко Т.П. Начальный курс китайского языка [Текст]: учеб.: в 3 ч. / Т.П. Задоенко, Хуан Шуин. – 2-е изд., стер. – М.: Муравей, 2004. Ч. 2. – 2004. – 336 с.

² На начальном этапе изучения китайской иероглифики учащимся рекомендуется вести структурные словари (по графическим, тематическим или фонетическим сходствам).

- 3. Прочитайте и переведите текст урока № 6. Проанализируйте, по каким правилам грамматики построены предложения (составьте схемы предложений, построенных с использованием данных правил):
- 1) вставьте в нижеследующее предложение вопрос «куда?». Объясните правило: 你每年都去旅行;
- 2) вставьте в нижеследующее предложение словосочетание 坐飞机, объясните правило: 我们去北京。Вспомните примеры на данное правило из урока № 3. Выпишите из текста предложения на данное правило;
- 3) сделайте синтаксический анализ предложения 秋天去北京旅行最好。 Выпишите из текста предложения на данное правило;
- 4) почему в нижеследующем предложении качественные прилагательные оформлены по-разному? 天气不热,天是蓝的,高高的,很好看;
- 5) проанализируйте предложение, в котором используются два вида запятых: 顿号(、) и 逗号(,);
 - 6) выпишите предложения с количественным сказуемым.
 - 4. Познакомьтесь с разделом грамматики «обстоятельство времени»:
- 1) выпишите из текста и запомните предложения, содержащие обстоятельство времени;
 - 2) составьте алгоритм работы ³ с такими предложениями.
- 5. Подготовьтесь устно пересказать текст урока № 6. Составьте планалгоритм выполнения данного задания:
 - 1) составьте на русском языке план пересказа;
- 2) какие лексические единицы и грамматические конструкции необходимо использовать?
- 3) перескажите текст, осуществляя самоконтроль деятельности; внесите необходимые коррективы.

Упражнения необходимо составлять таким образом, чтобы повторять ранее изученный материал в контексте нового. Формулировка задания должна стимулировать самостоятельный поиск путей решения с опорой на определённый алгоритм выполнения основных этапов деятельности.

Ретроспективная рефлексия поможет учащимся под руководством преподавателя проанализировать и оценить выполненную деятельность, осознать и структурировать полученный опыт [Щедровицкий, 1993]:

1. Выпишите из текста урока и раздела «грамматика» предложения, которые вызвали у вас затруднения при изучении данного материала:

-

³ В процессе изучения нового грамматического материала, учащиеся под руководством преподавателя учатся составлять алгоритмы перевода предложений, а затем составляют алгоритмы самостоятельно, выполняя домашнее задание:

¹⁾ выделите главные члены, чем выражено сказуемое?

²⁾ расставьте второстепенные члены;

³⁾ есть ли в предложении обстоятельство времени, места (позиция в предложении?), имеются ли предлоги, отрицание и служебные слова (позиция в предложении?) и т.п.

- 1) составьте алгоритм работы с такими предложениями: укажите порядок построения основных и второстепенных членов предложения, задайте специальные вопросы к каждому из членов предложения;
- 2) используя слова урока № 5 и № 6, составьте подобные предложения, предложите на уроке данные предложения на перевод своим одногруппникам, сверьте свои результаты с их ответами. Сделайте необходимые выводы.
- 2. Зафиксируйте в тетради для самоконтроля лексические и грамматические ошибки, допущенные вами при выполнении заданий и упражнений по уроку № 6 (записывайте не ошибочную версию, а верный вариант (слово на русском и китайском языке, правильно построенное предложение, название грамматики, страницу в учебнике)). В дальнейшем, выполняя задание «составьте предложения», используйте данную информацию, чтобы закрепить материал (данное задание будет способствовать формированию у учащихся установки на улучшение результатов деятельности).

Важно организовывать учебное сотрудничество учащихся, регулярно использовать упражнения на взаимоконтроль.

Кроме осуществления рефлексии содержания учебного материала и рефлексии деятельности, необходимо осуществлять рефлексию эмоционального состояния. Осуществление учащимися рефлексивных процессов не должно навредить эмоционально-ценностному отношению к себе, а повысить уровень позитивного настроя на успешность.

Список использованных источников:

- 1. Задоенко Т.П. Начальный курс китайского языка [Текст] : учеб.: в 3 ч. / Т.П. Задоенко, Хуан Шуин. 2-е изд., стер. М. : Муравей, 2004. Ч. 2. 2004. 336 с.
- 2. Масловец О.А. Основы обучения китайскому языку: теория и практика / О.А. Масловец. М.: Издательский дом ВКН, 2017. 264 с.
- 3. Щедровицкий П.Г. Очерки по философии образования (статьи и лекции) / П.Г. Щедровицкий. М., 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексахин Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва). *E-mail: asnls@yandex.ru*

Алжеева Марина Михайловна, Ph.D. гуманитарных наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (г. Элиста, Калмыкия). *E-mail: almami@yandex.ru*

Вихрова Анастасия Юрьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальной фонетики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Войцехович Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва). *E-mail: xiaolong1976@mail.ru*

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН (г. Mockba). *E-mail: voropaev@vokitai.ru, tianyu@mail.ru*

Геращенко Александр Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар). *E-mail: alexander_gerashchenko@mail.ru*

Глушкова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань).

Григорян Альфред, студент психологического факультета, Российско-Армянский университет (г. Ереван, Армения). *E-mail: gnana@yandex.ru*

Григорян Ани Ваагновна, Помощник заместителя министра иностранных дел Армении, преподаватель Американского Университета Армении (г. Ереван, Армения). *E-mail: an.grigoryan13@gmail.com*

Григорян Наира Лерниковна, преподаватель кафедры всемирной истории, Директор Центра китайского языка и культуры Российско-Армянского университета (г. Ереван, Армения). *E-mail: gnana@yandex.ru*

Гуревич Татьяна Михайловна, доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (г. Москва).

Гурулёва Татьяна Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ; ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук (г. Москва). E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Даванова Наталья Владимировна, аспирант Пекинского университета иностранных языков (г. Пекин, КНР). *E-mail: nataliadavanova@163.com*

Демина Мария Александровна, преподаватель-исследователь, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (г. Москва). *E-mail: jiemina@yandex.ru*

Дондокова Максара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва). *E-mail:* maksara508@mail.ru

Дудченко Герман Борисович, кандидат исторических наук, доцент, ЧОУ ВО «Невский институт языка и культуры» (г. Санкт-Петербург). *E-mail:* dudchenkog@gmail.com

Жигулина Маргарита Юрьевна, аспирант, ФГБНУ Институт управления образования РАО (г. Москва). *E-mail: margoleni@yandex.ru*

Ивченко Тарас Викторович, руководитель Отделения восточных языков и культур Института лингвистики РГГУ (г. Москва). *E-mail:* tarasivchenko@yandex.ru

Игнатенко Алексанор Владимирович, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (г. Москва). *E-mail:* ocean.alex@mail.ru

Калита Анна Викторовна, учитель, Школа 1948, магистрант 1 курса МГПУ (г. Москва). *E-mail: annapilnikova94@mail.ru*

Кирюхина Любовь Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Колпачкова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии, Санкт-Петербургский Государственный университет (г. Санкт-Петербург). *E-mail: ekolpachkova@gmail.com*

Кособуцкая Юлия Борисовна, старший преподаватель, кафедра восточных языков Институт лингвистики, РГГУ (г. Москва). *E-mail: Julie_msu@mail.ru*

Пемешко Юлия Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Российский новый университет (АНО ВО «РосНОУ») (г. Москва). *E-mail: ulemeshko@mail.ru*

Ленинцева Валентина Алексеевна, кандидат культурологии, доцент МГПУ (г. Москва). *E-mail: vallenin@mail.ru*

Макеева Яна Романовна, магистратура, направление: Лингвистика, магистрант 2 курса Российского университета дружбы народов (г. Москва). *E-mail:* yana.abramova.2011@mail.ru

Манджиева Саглара Аршевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» (г. Элиста, Калмыкия). *E-mail: Mandzhieva_sa@mail.ru*

Масловец Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва). *E-mail: maslovets10@mail.ru*

Мачулко Мария Алексеевна, преподаватель, Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза (г. Москва). *E-mail: m.machulko@yandex.ru*

Мирзоев Князь Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой восточной филологии и перевода, Казахский Национальный педагогический университет имени Абая (г. Алматы, Казахстан).

Митькина Евгения Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург). *E-mail: e.mitkina@spbu.ru*

Могжанова София Андреевна, преподаватель китайского языка, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва). *E-mail: mo-soffka@narod.ru*

Олейник Андрей Юрьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Москва). *E-mail: and.oleinick2012@yandex.ru*

Олихова Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры китайского языка, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва). *E-mail: kotova-e@yandex.ru*

Рукодельникова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой восточных языков Отделения восточных языков и культур Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). *E-mail: mashru@yandex.ru*

Семёнов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, профессор Дипломатической Академии МИД РФ (г. Mockba). *E-mail: legatus@bk.ru*

Сенина Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва). E-mail: katya-senina@mail.ru

Смолова Мария Анатольевна, старший преподаватель кафедры китайского языка, Институт иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва). *E-mail: maria.smolova@mail.ru*

Стародубцева Наталья Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедры китаеведения, Амурский государственный университет (г. Благовещенск). *E-mail: nstarodubceva@yandex.ru*

Тан Мэн Вэй, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета (г. Москва). *E-mail: vasily.tang@gmail.com*

Тарасова Екатерина Игоревна, преподаватель китайского языка кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, ФГБОУ ВО МГЛУ (г. Москва). *E-mail: Tanchang93@mail.ru*

Тохметов Асылбек Тимербекович, кандидат исторических наук, профессор, Казахский Национальный педагогический университет имени Абая (г. Алматы, Казахстан). *E-mail: Tokhmetov@mail.ru*

Тохта-Ходжаева Маргарита Викторовна, старший преподаватель, Российский новый университет (АНО ВО «РосНОУ») (г. Москва).

Тхомпира Читра, бакалавр, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань). *E-mail: chitracool@mail.ru*

Хамаева Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва). *E-mail:hamaeva2003@mail.ru*

Холкина Лилия Сергеевна, кандидат филологических наук (PhD), старший научный сотрудник, УНЦ Фундаментальных и прикладных исследований во-

сточных языков и культур Отделения восточных языков и культур Института лингвистики РГГУ (г. Москва).

Цзи Цзинцзин (季晶静), аспирант Пекинского университета иностранных языков (г. Пекин, КНР). *E-mail: Jijingjing@bfsu.edu.cn*

Шатравка Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Российский новый университет (АНО ВО «РосНОУ») (г. Москва). *E-mail: ashatravka@mail.ru*

Шахаева Александра Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва). *E-mail: shakhaevaal@gmail.com*

Шишмарёва Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения ATP Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Dr. Gabriel TEROL ROJO, Assistant Professor, Head of East Asian Studies Teaching Unit, University of Valencia, Member of the board of directors of the Spanish Association of East Asian Studies (AEEAO) (Valencia, Spain). *E-mail:* gabriel.terol@uv.es

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово
Актуальные вопросы китайского языкознания
Алексахин А.Н. Звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа 9 Gabriel TEROL ROJO. Present & future relations between spain and sinology in the framework of east asian studies: demystification vs. Traditionalism in teaching chinese language
китайского языка на русский язык
результаты работы над проектом этимологии базовых знаков китайской письменности
китайской языковедческой традиции
$Konnaчкова\ E.H.\ O\ coвременных подходах к описанию частей речи в китайском языке$
стилистики русского и китайского языков
Межскультурная коммуникация
Семенов А.В. К вопросу о лингвоэкономике в Китае 103 Мирзоев К.И., Тохметов А.Т. Китайский язык в современной межкультурной коммуникации 110

Воропаев Н.Н. Об эффективном изучении китайскоязычного культурного
пространства
коммуникации
Олейник А.Ю. Основания для построения межпарадигматического
подхода в условиях противоборства исследовательских направлений
переводоведения
Тхомпира Читра, Глушкова С.Ю. Исследование синтаксических и
грамматических особенностей публицистического текста в китайском и
тайском языках
<i>Тарасова Е.И.</i> Особенности межкультурной коммуникации на примере русской
диаспоры в Шанхае (исторический аспект)
<i>Григорян А.В.</i> Переход лидерства Китая от коллективного к преобладающему 149
Григорян А. Этнопсихологические особенности китайцев влияние
конфуцианства
Актуальные направления исследований китайской литератры
Сенина Е.В. Представление о «голодном крае» в китайской литературе (на
примере очерка Цюй Цюбо «путевые заметки о новой России или записки о
голодном крае»)
Тан Мэн Вэй «Остров Крым» в тихом океане: образ тайваня глазами писателей
третьей волны русской эмиграции
Игнатенко А.В. Особенности становления и перспективы развития сетевой
литературы в Китае
Дондокова М.Ю. Перспективы сравнительно-сопоставительного исследования в
русско-китайском литературоведении
Алжеева М.М. Трагедия человека и его взаимоотношения с собой в
произведениях Чжан Айлин
Жигулина М.Ю. Актуальные направления развития китайской литературы (на
примере детской и юношеской литературы)
Олихова Е.О. Концепт «мать» в современной китайской литературе (на примере произведений Мо Яня)
произведении Мо Иня)
Вопросы восточной лингводидактики: научный традиционализм и
инновационность в обучении китайскому языку
Е ТП Об
<i>Гурулёва Т.Л.</i> Объекты исследований синологической лингводидактики 193
Ивченко Т.В., Холкина Л.С. «Международная программа по обучению китойскому дагиску»: продрежения по одентации к российским россии дости
китайскому языку»: предложения по адаптации к российским реалиям 200 <i>Митькина Е.И.</i> Миллениалы: актуальные вопросы преподавания китайского
языка поколению next205
AGENTA ITOROVICINIO ITOROVI

Рукодельникова М.Б. Учебник китайского языка нового поколения в условиях
проведения ЕГЭ и всероссийской олимпиады школьников211
Смолова М.А. Принципы обучения письменному иноязычному реферированию
на китайском языке студентов языкового ВУЗа217
Масловец О.А. Управление смыслообразованием как важный компонент интен-
ционального обучения иностранному языку
thomasibilot o ooy terrini miloe ipaninomy nobiky
Калита А.В. К постановке проблемы обучения монологической речи на
китайском языке с использованием технологии развития критического
мышления
Могжанова С.А. Применение виртуальной реальности в обучении китайскому
языку в ВУЗах
Кособуцкая Ю.Б. Объединенные занятия российских студентов изучающих
китайский язык, и китайских студентов, изучающих русский язык, как средство
погружения в культурно-языковую среду241
Демина М.А. Концептуально-методические аспекты формирования у
обучающихся иероглифической компетенции средствами информатизации 245
<i>Davanona N.</i> 俄罗斯初级汉语课堂教学中的汉字教学游戏
Jingjing Ji 俄罗斯学生 HSK 五级写作部分词汇偏误分析259
Вихрова А.Ю. Игровые методики преподавания китайского языка детям
возрастной категории (3-6 лет)
Стародубцева Н.С. Организация рефлексивных процессов у студентов первого
года обучения на занятиях в рамках курса «Китайский язык»
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
ДЛЯ ЗАМЕТОК

для заметок

Электронное научное издание

Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики

Сборник статей научной конференции

Выпуск 1

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-Ф3 данная продукция не подлежит маркировке

Издательство «МГИМО-Университет» 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

